

2022
KAZAN

TATARICA

Research Journal. Founded in 2013.

Founder and publisher – Kazan (Volga Region) Federal University.

Published semi – annually in English, Tatar and Russian.

Editor-in-Chief

Zamaletdinov Radif Rifkatovich, Doctor of Philology, Professor, Director, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University (Russia)

Editorial Board

Alkaya Erzhan	Professor, Head of the Department of Modern Turkic Languages and Literatures, Firat University (Turkey)	Sagdeev Roald Zinnurovich	Professor, University of Maryland (USA)
Huseynova Mahira Nagi Kyzy	Professor, Dean of the Faculty of Philology, Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan)	Schamiloglu Uli	Professor, University of Nazarbayev (Kazakhstan)
Khayrullin Grif Timurzagitovich	Professor, Kazakh National Pedagogical University Abai (Kazakhstan)	Sunyaev Rashid Alievich	Director, Max Planck Institute for Astronomy (Germany)
Khazipov Rustem Narimanovich	Professor, Mediterranean Institute of Neurobiology (France)	Sunyaev Shamil Rashidovich	Professor of Medicine, Harvard University (USA)
Mustafa Oner	Professor, University of the Aegean (Turkey)	Yakaci Ali	Professor, Head, Department of Turkish Languages, Gazi University (Turkey)
Rajabov Dilshod Zaripovich	Professor, Dean of the Philological University of Bukhara University (Uzbekistan)		

Advisory Board

Akchurin R.S. , Head, Department of Cardiovascular Surgery, A.L.Myasnikov Institute of Clinical Cardiology, Russian Cardiology Research and Production Centre, Russian Academy of Sciences (Russia)	Minnullin K.M. , Director, G.Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan (Russia)
Akhmetshin R.K. , Deputy Prime Minister, Republic of Tatarstan – Plenipotentiary, Republic of Tatarstan, Russian Federation (Russia)	Nigmatullin R.I. , Scientific Supervisor at the P. Shirshov Institute of Oceanography, Russian Academy of Sciences (Russia)
Gilmutdinov I.I. , Chairperson, Federal Tatar National-Cultural Autonomy (Russia)	Nizamov R.K. , Rector, Kazan State University of Architecture and Engineering (Russia)
Khakimov R.S. , Scientific Supervisor, S.Mardjani Institute of History, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan (Russia)	Sagdeev R.Z. , Director, International Tomography Center, Siberian Branch, Academy of Sciences (Russia)
Khayrullin R.Z. , Leading Researcher, Institute of Content and Methods, Russian Academy of Education (Russia)	Suleymanov D.Sh. , Vice-President, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan (Russia)
Khotinets V.Yu. , Head, Department of General Psychology, Udmurt State University (Russia)	Valeev R.I. , Chairman, State Council Committee, State Council for Culture, Science, Education and National Issues, Republic of Tatarstan (Russia)
	Volodarskaya E.F. , President, Academy of Linguistic Sciences (Russia)
	Zakirov R.Z. , Counselor, Executive Committee, World Congress of Tatars (Russia)

Executive Editors

Khabutdinova M.M., PhD (Philology)

Editors:

Section “Language”

Akimova O.V., PhD (Philology), **Alishina H.Ch.**, Doctor of Philology, **Zakiev M.Z.**, Doctor of Philology, **Galiullina G.R.**, Doctor of Philology, **Nuriyeva F.Sh.**, Doctor of Philology, **Nurmukhametova R.S.**, PhD (Philology), **Svirina L.O.**, PhD (Pedagogics), **Timerkhanov A.A.**, Doctor of Philology

Section “Literature”

Bakirov M.Kh., Doctor of Philology, **Galimullin F.G.**, Doctor of Philology, **Gilazov T.Sh.**, PhD (Philology), **Zagidullina D.F.**, Doctor of Philology, **Zakirzyanov A.M.**, Doctor of Philology, **Zinnatullina Z.R.**, PhD (Philology), **Solnyshkina M.I.**, Doctor of Philology, **Yashina M.E.**, PhD (Philology)

Section “History and Society”

Almazova L.I., PhD (Philosophy), **Gilyazov I.A.**, Doctor of History, **Iskhakov D.M.**, Doctor of History, **Subich V.G.**, PhD (Philology), **Tagirov I.R.**, Doctor of History, **Khabutdinov A.Yu.**, Doctor of History, **Khayrutdinov R.R.**, PhD (History), **Khuzin F.Sh.**, Doctor of History

Section “Culture, Personality and Education”

Bayanova L.F., Doctor of Psychology, **Valeeva-Suleymanova G.F.**, Doctor of Arts, **Gibatdinov M.M.**, PhD (History), **Dulat-Aleev V.R.**, Doctor of Arts, **Kalimullin A.M.**, Doctor of History, **Salehova L.L.**, Doctor of Pedagogics, **Sultanova R.R.**, PhD (Art Criticism), **Shelestova O.V.**, PhD (Philology), **Yavgildina Z.M.**, Doctor of Pedagogics, **Yarmakeev I.E.**, Doctor of Pedagogics

Section “Personalia”, “Reviews”, “Scientific Chronicles of the Turkic World”

Ashrapova A.Kh., PhD (Philology), **Grolman M.B.**, Lecturer, **Nabiullina G.A.**, PhD (Philology), **Kirillova Z.N.**, PhD (Philology), **Mirzagitov R.H.**, PhD (Pedagogics), **Shaydullin R.V.**, Doctor of History, **Shakirzyanov R.A.**, PhD (Engineering), **Yusupova A.Sh.**, Doctor of Philology, **Zamaletdinova G.F.**, PhD (Philology)

Design, DTP

Gerasimova N.V., **Gimadeev A.M.**, **Najip Nakkash**, **Salakhov R.F.**

Address of the publisher:

18 Kremlyovskaya Street, Kazan, 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Editorial Office address:

2 Tatarstan Street, Kazan, 420021, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Phone: 7-843-292-9206

E-mail: tatarica.kpfu@gmail.com

Journal website: <http://tatarica.kpfu.ru/>

Subscription index: 66079

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration certificate

PI №FS77-55800 dated 28 October 2013.

The materials of the journal are posted on the website of the Scientific Electronic Library and are included in the national information-analytical system RSCI (Russian Science Citation Index).

The journal is included in EBSCO publishing database.

TATARICA

Фәнни журнал. 2013 елдан чыга.

Гамәлгә куючы һәм нәшир – «Казан (Идел буе) федераль университеты» югары белем бирү федераль дәүләт автоном мәгариф учреждениесе.

Журнал елга 2 тапкыр инглиз, татар һәм рус телләрендә нәшер ителә.

Баш мөхәррир

Жамалетдинов Рәдиф Рифкатъ улы, филол. фән. д-ры, Казан (Идел буе) федераль университетының Филология һәм мәдәниятара багланышлар институты директоры (Россия)

Халыкара редакция советы

Алкая Эржан	Фират университетының хәзерге төрки телләр һәм әдәбиятлар департаменты мөдире, профессор (Төркия)	Сүнәев Рәшид Гали улы	Макс Планк исемендәге жәмгыятьнең Астрофизика институты директоры (Германия)
Гусейнова Маһирә Наги Кызы	Азәрбәйжан дәүләт педагогика университетының филология факультеты деканы, профессор	Сүнәев Шамиль Рәшид улы	Гарвард университеты профессоры (АКШ)
Мостафа Өнәр	Эгей университеты профессоры (Төркия)	Хәҗипов Рөстәм Нариман улы	Урта диңгез нейробиология институты профессоры (Франция)
Рәжәбов Дильшод Зарип улы	Бохара университетының филология факультеты деканы, профессор (Үзбәкстан)	Хәйруллин Гриф Тимерзаһит улы	Абай исемендәге Казах милли педагогика университеты профессоры (Казахстан)
Сәгъдиев Роальд Зиннур улы	Мерилэнд университеты профессоры (АКШ)	Юлай Шамиль угли	Назарбаев университеты профессоры (Казахстан)
		Якачы Али	Гази университетының төрек теле кафедрасы мөдире (Төркия)

Консультатив совет

Акчурин Р.С., Россия Фәннәр академиясе Россия кардиологик фәнни-житештерү үзәгенә А.Л.Мясников исемендәге Клиник кардиология институты йөрәк-кан тамырлары хирургиясе бүлегенә (Россия)
Әхмәтшин Р.К., Татарстан Республикасының Премьер-министр урынбасары – Татарстан Республикасының Россия Федерациясендәге тулы вәкаләтле вәкиле (Россия)
Вәлиев Р.И., Татарстан Республикасы Дәүләт Советының мәдәният, фән, мәгариф һәм милли мәсьәләләр буенча комитет рәисе (Россия)
Володарская Э.Ф., Россия лингвистик фәннәр академиясе президенты (Россия)
Гыйльметдинов И.И., Татар федераль милли-мәдәни мохтарияте рәисе (Россия)
Закиров Р.З., Бөтендөнья татар конгрессы Башкарма комитетының киңәшчесе (Россия)
Миңнуллин К.М., Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә Тел, әдәбият һәм сәнгать институты директоры (Россия)

Нигъмәтуллин Р.И., Россия Фәннәр академиясенә П.П.Ширшов исемендәге Океанология институты фәнни житежчесе (Россия)
Низамов Р.К., Казан дәүләт архитектура-төзелеш университеты ректоры (Россия)
Сәгъдиев Р.З., Россия Фәннәр академиясенә Себер бүлегенә Халыкара томография үзәгенә директоры (Россия)
Сөләйманов Ж.Ш., Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә вице-президенты (Россия)
Хәйруллин Р.З., Россия мәгариф академиясенә Белем бирү эчтәлегенә һәм методлары институтының әйдәп баручы фәнни хезмәткәре (Россия)
Хәкимов Р.С., Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенә Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты фәнни житежчесе (Россия).
Хотинцев В.Ю., Удмурт дәүләт университетының гомуми психология кафедрасы мөдире (Россия)

Башкаручы мөхәррир:

Хәбетдинова М.М., филол. фән. канд.

«Тел» бүлгә редакциясе

Акимова О.В., филол. фән. канд., **Алишина Х.Ч.,** филол. фән. д-ры, **Зәкиев М.З.,** филол. фән. д-ры,
Галиуллина Г.Р., филол. фән. д-ры **Нуриева Ф.Ш.,** филол. фән. д-ры,
Нурмөхәммәтова Р.С., филол. фән. канд., **Свирина Л.О.,** филол. фән. канд.,
Тимерханов А.Ә., филол. фән. д-ры

«Әдәбият» бүлгә редакциясе

Бакиров М.Х., филол. фән. д-ры, **Галимуллин Ф.Г.,** филол. фән. д-ры, **Гыйлажев Т.Ш.,** филол. фән. канд.,
Закиржанов Ә.М., филол. фән. д-ры, **Заһидуллина Д.Ф.,** филол. фән. д-ры,
Зиннәтуллина З.Р., филол. фән. канд., **Солнышкина М.И.,** филол. фән. д-ры, **Яшина М.Е.,** филол. фән. канд.

«Тарих һәм жәмгыять» бүлгә редакциясе

Алмазова Л.И., философ. фән. канд., **Гыйләжев И.А.,** тарих фән. д-ры, **Исхаков Д.М.,** тарих фән. д-ры,
Субич В.Г., филол. фән. канд., **Таһиров И.Р.,** тарих фән. д-ры, **Хәбетдинов А.Ю.,** тарих фән. д-ры,
Хәйретдинов Р.Р., тарих фән. канд., **Хужин Ф.Ш.,** тарих фән. д-ры

«Мәдәният, шәхес һәм мәгариф» бүлгә редакциясе

Баянова Л.Ф., психол. фән. д-ры, **Вәлиева-Сөләйманова Г.Ф.,** сәнгать фән. д-ры,
Гыйбатдинов М.М., тарих фән. канд., **Дулат-Алиев В.Р.,** сәнгать фән. д-ры,
Кәлимуллин А.М., тарих фән. д-ры, **Салехова Л.Л.,** пед. фән. д-ры, **Солтанова Р.Р.,** сәнгать фән. канд.,
Шелестова О.В., филол. фән. канд., **Яугилдина З.М.,** пед. фән. д-ры, **Ярмәкәев И.Э.,** пед. фән. д-ры

«Personalia», «Рецензия һәм күзәтүләр», «Төрки дөнъя фәнни хроникасы» бүлектәре редакциясе

Әшрәпова А.Х., филол. фән. канд., **Грольман М.Б.,** **Жамалетдинова Г.Ф.,** филол. фән. канд.,
Набиуллина Г.Ә., филол. фән. канд., **Кириллова З.Н.,** филол. фән. канд.,
Мирзәһитов Р.Х., пед. фән. канд., **Шәйдуллин Р.В.,** тарих фән. д-ры,
Шакиржанов Р.Ә., техн. фән. канд., **Юсупова Ә.Ш.,** филол. фән. д-ры

Дизайн, компьютерда битләргә салу

Герасимова Н.В., **Гыймадиев А.М.,** **Нәжип Нәккаш,** **Сәләхов Р.Ф.**

Нәшрият адресы:

420008, Россия Федерациясе, Татарстан Республикасы, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт

Редакциянең адресы:

420021, Россия Федерациясе, Татарстан Республикасы, Казан ш., Татарстан ур., 2 нче йорт

Телефон: (843)292-92-06

E-mail: tatarica.kpfu@gmail.com

Журналның сайты: <http://tatarica.kpfu.ru/>

Индекс: 66079

Журнал элементә, мәгълүмати технологияләр һәм массакүләм коммуникацияләр даирәсендәге күзәтчелек буенча Федераль хезмәт идарәсендә теркәлгән.

Теркәлү таныклыгы

ПИ №ФС77-55800 2013 елның 28 октябреннән

Журнал материаллары Фәнни электрон китапханә сайтына урнаштырыла, РИНЦның (Фәнни сылтама ясауның Россия индексы) милли информацион-аналитик системасына кертелә.

Журнал EBSCO Publishing Database мәгълүматлар базасына кертелә.

TATARICA

Научный журнал. Основан в 2013 году.

Учредитель и издатель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Выходит 2 раза в год на английском, татарском и русском языках.

Главный редактор

Замалетдинов Радиф Рифкатович, д-р филол. наук, директор Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия)

Международный редакционный совет

Алкая Эржан	профессор, заведующий департаментом современных тюркских языков и литератур Университета Фират (Турция)	Сюняев Рашид Алиевич	директор Института Астрофизики Общества имени Макса Планка (Германия)
Гусейнова Махира Наги Кызы	профессор, декан филологического факультета Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан)	Сюняев Шамиль Рашидович	профессор Гарвардского университета (США)
Мустафа Онер	профессор Эгейского университета (Турция)	Хазипов Рустем Нариманович	профессор Средиземноморского института нейробиологии (Франция)
Раджабов Дильшод Зарипович	профессор, декан филологического университета Бухарского университета (Узбекистан)	Хайруллин Гриф Тимурзагитович	профессор Казахского Национального педагогического университета имени Абая (Казахстан)
Сагдеев Роальд Зиннурович	профессор Мерилендского университета (США)	Юлай Шамильоглу Якачы Али	профессор Назарбаев университета (Казахстан) Заведующий кафедрой турецкого языка университета Гази (Турция)

Консультативный совет

Акчурин Р.С., руководитель отдела сердечно-сосудистой хирургии Института клинической кардиологии имени А.Л.Мясникова Российского кардиологического научно-производственного центра Российской академии наук (Россия)
Ахметшин Р.К., Заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – Полномочный представитель Республики Татарстан в Российской Федерации (Россия)
Валеев Р.И., председатель Комитета Государственного Совета Республики Татарстан по культуре, науке, образованию и национальным вопросам (Россия)
Володарская Э.Ф., ректор Московского института иностранных языков, Президент Академии лингвистических наук (Россия)
Гильмутдинов И.И., председатель Федеральной национально-культурной автономии татар (Россия)
Закиров Р.З., советник исполкома Всемирного Конгресса татар (Россия)

Миннуллин К.М., директор Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан (Россия)
Нигматуллин Р.И., научный руководитель Института океанологии имени П.П.Ширшова Российской Академии наук (Россия)
Низамов Р.К., ректор Казанского государственного архитектурно-строительного университета (Россия)
Сагдеев Р.З., директор Международного томографического центра Сибирского отделения Российской Академии наук (Россия)
Сулейманов Д.Ш., вице-президент Академии наук Республики Татарстан (Россия)
Хайруллин Р.З., ведущий научный сотрудник Института содержания и методов обучения Российской академии образования (Россия)
Хакимов Р.С., научный руководитель Института истории имени Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (Россия)
Хотинец В.Ю., зав. кафедрой общей психологии Удмуртского государственного университета (Россия)

Исполнительный редактор:

Хабутдинова М.М., канд. филол. наук

Редакция раздела «Язык»

Акимова О.В., канд. филол. наук, **Алишина Х.Ч.,** д-р филол. наук, **Галиуллина Г.Р.,** д-р филол. наук,
Закиев М.З., д-р филол. наук, **Нуриева Ф.Ш.,** д-р филол. наук, **Нурмухаметова Р.С.,** канд. филол. наук,
Свирина Л.О., канд. филол. наук, **Тимерханов А.А.,** д-р филол. наук

Редакция раздела «Литература»

Бакиров М.Х., д-р филол. наук, **Галимуллин Ф.Г.,** д-р филол. наук, **Гилязов Т.Ш.,** канд. филол. наук,
Загидуллина Д.Ф., д-р филол. наук, **Закирзянов А.М.,** д-р филол. наук,
Зиннатуллина З.Р., канд. филол. наук, **Солнышкина М.И.,** д-р филол. наук, **Яшина М.Е.,** канд. филол. наук

Редакция раздела «История и общество»

Алмазова Л.И., канд. филос. наук, **Гилязов И.А.,** д-р ист. наук, **Исхаков Д.М.,** д-р ист. наук,
Субич В.Г., канд. филол. наук, **Тагиров И.Р.,** д-р ист. наук, **Хабутдинов А.Ю.,** д-р ист. наук,
Хайрутдинов Р.Р., канд. ист. наук, **Хузин Ф.Ш.,** д-р ист. наук

Редакция раздела «Культура, личность и образование»

Баянова Л.Ф., д-р психол. наук, **Валеева-Сулейманова Г.Ф.,** д-р искусствоведения,
Гибатдинов М.М., канд. ист. наук, **Дулат-Алеев В.Р.,** д-р искусствоведения,
Калимуллин А.М., д-р ист. наук, **Салехова Л.Л.,** д-р пед. наук, **Султанова Р.Р.,** канд. искусствоведения,
Шелестова О.В., канд. филол. наук, **Явгильдина З.М.,** д-р пед. наук, **Ярмакеев И.Э.,** д-р пед. наук

Редакция разделов «Personalia», «Рецензии и обзоры», «Научная хроника тюркского мира»

Ашрапова А.Х., канд. филол. наук, **Грольман М.Б.,** **Замалетдинова Г.Ф.,** канд. филол. наук,
Набиуллина Г.А., канд. филол. наук, **Кириллова З.Н.,** канд. филол. наук,
Мирзагитов Р.Х., канд. пед. наук, **Шайдуллин Р.В.,** д-р ист. наук,
Шакирзянов Р.А., канд. техн. наук, **Юсупова А.Ш.,** д-р филол. наук

Дизайн, компьютерная верстка

Герасимова Н.В., **Гимадеев А.М.,** **Наджип Наккаш,** **Салахов Р.Ф.**

Адрес издателя:

420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции:

420021, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Телефон: (843)292-92-06

E-mail: tatarica.kpfu@gmail.com

Сайт журнала: <http://tatarica.kpfu.ru/>

Подписной индекс: 66079

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации

ПИ №ФС77-55800 от 28 октября 2013 г.

Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Журнал включен в базу данных EBSCO Publishing Database.

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-7-23

ASPECTS OF STUDYING ROOT BASES IN THE TURKIC LANGUAGES

Nuriya Usmanovna Khaliullina,

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
3 a October Revolution Str., Ufa, 450000, Russian Federation,
nurkha@yandex.ru.

Ilshat Sakhiyatullovich Nasipov,

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
3 a October Revolution Str., Ufa, 450000, Russian Federation,
nasipov2021@yandex.ru.

This article provides an overview of various trends in Turkic linguistics related to the study of root bases.

The paper examines the views of well-known Turkologists on the structure of root bases, morphological features and semantic features. Primary roots, as the simplest, smallest and at the same time important units, constitute a very ancient layer, like the linguistic phenomenon itself. Today, their collection and systematization is one of the urgent tasks of studying the history of the language.

The theoretical and practical significance of this research is determined by the possibility of using its main results in comparative-historical and etymological studies, in developing the theory of the root in the Turkic and Altaic languages.

Key words: Turkic languages, comparative-historical linguistics, root, base, reconstruction, etymology, diachrony, syncretism, system

Introduction

The concept of the root was used in linguistics in ancient Indian grammars. In scientific literature, this term is used to name the smallest semantic unit, *the nominal root of the word, root morpheme, root word, primary word, etymological root, main morpheme, root base, formative form of the word, formative stem, primary stem, etc.*

The problem of the “root base” occupies a special place in the Turkic languages, since in Indo-

European linguistics a “historical taboo” was set regarding the relationship between the root and the word, the possibilities of the root and the stem coinciding [1, p. 99]. This stereotype in comparative studies persists today. A. Potebnya especially supports the opinion that “roots existed before words and were formed by means of word formation after the appearance of the inflectional system. Scholars, working in the field of the Turkic languages, do not adopt this scientific standpoint for two reasons:

firstly, synchronously Turkic words can be freely distinguished into an independent root and other morphemes; secondly, monosyllabic roots were clearly recorded in the Orkhon-Yenisei inscriptions of the 7th century. "In the Turkic languages, the 'adding' of morphological elements to the root occurred in accordance with the laws of agglutination," notes the Kyrgyz scientist B. M. Yunusaliev. In his opinion, "in the Turkic languages, only a monosyllabic word can act as a root. Even inseparable polysyllabic words are formed either by adding grammatical indicators to the root, or as a result of the semantic mixing of two independent roots, or as a result of phonetic 'deformation'" [2].

Numerous works published on the issue of root bases and the abovementioned views testify to its current significance. Opinions on the structure of the Turkic root in different years were expressed by O. Betlingk (1851), G. Vamberi (1878), V.V. Radlov (1893-1911), V. Bang (1916), N. 1954), D. G. Kiekbayev (1955), A. Zayonchkovsky (1961), V. Kotvich (1962), N. A. Baskakov (1962, 1979, 1988), N. K. Dmitriev (1962), G. Derfer (1964), B. A. Serebrennikov (1965), V. Aslanov (1965, 1971), A. M. Shcherbak (1970), A. N. Kononov (1971, 1980), N. Ganiev (1974), I. V. Kormushin (1971, 1991), E. V. Sevortyan (1973), E. R. Tenishev (1976), V. I. Tsintsius (1979), T. M. Garipov (1979), K. M. Musaev (1984), A. T. Kaidarov (1986), E. Z. Kazhibekov (1986), Zh. Mankeeva (1991), N. I. Egorova (1992), B. O. Oruzbayeva (1994), A. G. Shaikhulova (2000) and others. In particular, scholars debate whether monosyllabic verbal roots are the [C+V] type ending in a vowel. A number of Turkologists (for example, V. Kotvich), using a comparative analysis of the Turkic, Mongolian, and Tungus-Manchu languages, conclude that in the Turkic and, more broadly, Altaic languages, the root can be of different types - from simple V, CV, VC to complex CVC, CVCC. Other scientists (G. Vamberi, V. V. Radlov, N. A. Baskakov, A. M. Shcherbak), on the contrary, believe that the monosyllabic root of the classical type C + V + C is the type of the most ancient root structure. Proponents of this point of view believe that the only primary root in the Turkic languages can be the type CVC (for example, the verbs *Sal* -, *Bar* -, *Kel* -). In their opinion, the presence of an etymological root of the V + C type is impossible. N. A. Baskakov notes that the theory suggesting the primacy of two-vowel roots has not been proven [3, p. 100]. In later works, the author says that the roots in the CV structure are numerically smaller than in the ancient written monu-

ments and the modern Turkic languages, which is an argument against their primacy. As one of the proofs, he cites the fact that the Turkic languages are characterized by a root type with a closed syllable, consisting of initial (anlaut) and final (auslaut) consonants, their frequency being 75% [3].

N. Baskakov's ideas can serve either as a starting point for researchers in their search, or as their last frontier, which they are to reach on the basis of observations.

Materials and methods of research

Our study is based on the theory of the root in Turkology and Altaistics, research works and dictionaries.

We use the methods of historical and comparative linguistics and the descriptive method.

Discussion

V. Radlov was the first scientist to demonstrate the possibility of restoring (reconstructing) many Turkic roots into a CV prototype. In his work "Vvodnye mysli k opisaniyu morfologii tyurkskikh yazykov" ("Introductory Thoughts on the Description of Morphology of the Turkic Languages") (1906), he proposed a doctrine of the morphological elements' origin in Turkic words. According to the data on modern languages that have passed a long way of development, one can trace Turkic words "expansion" in the history of their development. According to Radlov, "...when studying monosyllabic Turkic stems, we can further observe that some widespread monosyllabic bases cannot be considered proper roots at all; they were formed by a fusion of a lost stem with some other base affixes" [4]. For example, *bak* ~ *pak* are formed from the verb *pa-* ~ *ba-* "to bind" plus the affix - *k*, they were recorded in the Orkhon-Yenisei inscriptions, in "Kutadgu bilig"; the verbs *syk* - "to squeeze", *syn* - "to break, destroy", *syt* - "to crush" are formed from the more ancient root **sy* [5]. Later, E. Sevortyan and A. Kononov agreed with these views of Radlov. Moreover, in many cases, the second consonant sound of the VC type also falls into a similar scheme. For example, according to E. Sevortyan, the final consonants *y*, *z* in the Turkish words *iy-* "to agree, approach, correspond, be to the face" and *uz* - "suitable, befitting" are derivational indicators [4].

Proceeding from the disintegration of the roots, Mr. Vambery singles out the concepts of "root" and "base". In his opinion, the use of the term "base" makes it possible to single out "the root and

adjoining appendages" in its composition. He was one of the first in Turkology to identify 47 bases confirming this point of view.

The status of the Turkic root in diachrony as an "inseparable lexeme" is only a hypothesis. Many experts note that in the modern Turkic languages not only two- and three-syllable roots, but also monosyllabic roots constitute once independent morphological elements of the language as a result of the agglutinative development. In accordance with phonetic, morphological and semantic patterns, they have merged into a single whole to such an extent that today it is impossible to separate them [4, p. 19].

According to the terminology of Zh. Mankeev, the theory of the root should be analyzed in dynamics. The root is a unit of the ontological level, so it constantly changes.

The presence of etymological roots like V, CV, VC does not cause controversy in many studies. In his well-known article, A. Zaionchkovsky finds specific examples to illustrate the thesis about the occurrence of verbal stems of the primary C + V type in the Turkic languages [6, p. 29]. The researcher found the material showing that in the Turkic languages, especially in written monuments, there is a large number of examples of monosyllabic verbal roots belonging to the CV type. In support of his point of view, he cites 11 root bases: *ba* – "binding"; *yu* – "wash", *yi*-, *ye* – "eat", *ku* – "protect"; *ka* – "fold", *ko* – "deliver"; *sa* – "count"; *sy* – "destroy"; *su* – "pull"; *ti* / *te* – "to speak"; *tu* – "load" [6]. As K. Musaev notes, A. Zaionchkovsky developed a method for restoring the etymological root using the comparative method [4]. At the same time, the author says that not all root verbs can be attributed to the CV type.

According to A. Kononov, the shortest form of the Turkic root is determined by 2 types: V, CV and VC. As for the widespread type of CVC, "in many cases, morphological analysis shows that the third element (the final consonant) is the direction indicator in verbs and the derivational affix in nouns". Indeed, in many Turkic languages, including Tatar and Bashkir, there are many verbs among root words of the CVC type with affixes denoting the etymological root and direction. In such examples as *kil* < **kel*, *kit* < **ket*, we can distinguish the root **ke* and the direction affix [4, p. 20].

In the most ancient dialect of the Turkic language, B. Yunusaliev identifies four types of monosyllabic roots: 1) V: *u* "dream", *o*- "think", 2) CV: *sa*- "count", *ju*- "load", *sy*- "break", *be+n* "I", *bi+z* "we"; 3) VC: *at*- "horse"; *al*- "take", *as*-

"hang", *an*- "beast"; 4) CVC: *kel*- "come", *ke+t* "leave", *sug*- "water", *tag*- "mountain". The author notes the conventionality of the CVC type, since the words, related to modern languages, such as *zhak* -, *zhan* -, *zhal* -, "may further disintegrate as our cognitive boundaries, expand in historical grammar" [2].

The modern Turkic languages have preserved their ancient root structure. The structure of the roots in ancient Turkic written monuments and in modern Turkic languages is basically reduced to the same types. This testifies to the thousand-year conservation of the root structure in the Turkic languages and, consequently, to the preservation of the structure of the Proto-Turkic root in modern languages [4]. Another opinion of K. Musaev about the root is innovative. He emphasizes that historical roots do not have indicators that allow them to be attributed to one or another group of words.

The concept of "root" has not yet found a complete, objective and strict definition in relation to the modern Turkic languages. According to many researchers, its distinctive feature is historical variability and the preservation or loss of individual formants. These features are reflected in the following definition, given by A. Kononov: "the root of a word is a historical concept meaning that the structure of the root changes depending on a number of circumstances, and, first of all, on the preservation or extinction of the individual formants' word-formation ability" [4]. For example, in the modern Turkic languages, the basis for the formation of the verb *bajla*- "to bind" is the noun *baj* "bundle, knot", which, in turn, consists of an affix forming the verb *ba*- "to bind" + *-j/γ* -; *edgäp*- "to teach" < *ög* "mind" < *ö* "to think"; *sa-na*- "count" < *san* "account" < *sa* "count" (*san*- "be considered").

According to A. Kaidarov, "the Turkic root is the oldest and a historically real unit of the language, which has retained its essence, despite the phono-morpho-semantic changes, as a result of the agglutinative development. It structurally coincides with the original word if it does not exceed one syllable. In other cases, the root is an artificial unit of language, in which it expresses statics and the word - dynamics" [7, p. 24].

G. Alparov, for example, considers that: "practically, we have no three-syllable root words, there are few of them. Upon careful consideration, we have come to the conclusion that they are either abbreviated forms of two words, or are coined by some addition" [8, p. 58]. In his work "Grammar

of the Tatar Language” V. Khangildin writes: “the root is the most important part of the word – the part that cannot be divided into more significant parts. The root base is historically more ancient: from the point of view of the phonetic structure, it has relatively smaller dimensions. Most of the root consists of one or two syllables” [9, p. 28].

Consequently, in the Turkic languages, numerous secondary roots are found, formed on the basis of primary (etymological, historical) roots.

Most scholars, while studying the structure of the roots, belonging to different Turkic languages, establish the monosyllabic nature of the root. A. Kaidarov highlights such aspects of Turkic monosyllabs as their structure and structural types, primary and secondary roots, internal changes / phonomorphological factors, monosyllabicity / polysyllabicity, decay / non-disintegration, independence / freedom, stability / instability, semantic variability / immutability. He claims that “monosyllabic roots in the Turkic languages are not a fiction, but a real fact”, and draws the following conclusions:

1. *root* → *stem* → *word* as a result of the sequential agglutinative development in the phonomorpho-semantic structure of lexical units are adjacent links that are differentiated internally;

2. historical roots are monosyllabic in their structure in most cases: the most ancient and primary types of monosyllabic roots found today are V (vowels), CV (consonants + vowels), and the types VC, CVC, VCC, CVCC are the result of the further agglutinative development ;

3. Turkic monosyllabic roots can break up not only within artificial language units, but also in general into smaller morphemes that once existed in the language;

4. Turkic monosyllabic roots in modern languages can be distinguished from artificial bases as independent and “conservative, etymologically dark, dead” forms;

5. Turkic monosyllabic root bases are characterized by structural variability and variability in accordance with phono-morphological patterns among representatives of the common Turkic and individual languages;

6. Turkic monosyllabic roots are characterized by a constant change in their development, they are semantically dependent on internal and external factors. Separate groups of roots do not have an independent lexical meaning, only their primary, common etymological meaning can be determined, and this meaning has always been subjected to internal differentiation and concretization

suitable for the development of word formation [7, p. 35].

A. Kaidarov notes that the creation of a complete corpus of monosyllabs in individual Turkic languages and its in-depth scientific research has served as the basis for the development of the Turkic roots general theory. The author, relying on the principles of his theory, compiled a dictionary of monosyllabic root bases in the Kazakh language. At the beginning of the dictionary entry are monosyllabic roots, which are given in the Kazakh alphabet; translations into Russian are given in a simplified and generalized way. All derivatives of a homogeneous root are presented in one layer with the signs >, <. Homonyms-roots are combined into one semantic nest [7, p. 35]. Here is an example of an excerpt from the dictionary of monosyllabic root bases in the Kazakh language:

* *kai* [qaj] I (questions: when, where, etc.): *кайда* (*kai-da*) < *кай+да* where, *кайсы* (*kai-sy*) < *кай+сы* which...

**kai-* [qaj-] II (syncretic: turn, turn back, lean back, arch back // reverse, opposite; rear, rear, rear, western): *кайкы* (*kai-ky*) < *кай+кы* concave, reclined; *кайыр-* (*kai-yr*) < *кай+ыр-* turn away, turn; return back; *кайт-* (*kai-t*) < *кай+т-* return, leave, come back; depart. Compare: ancient uighur: go back, return, come back; chuvash: *кай* (*kai*) back, west.

**kai-*[qaj] III (something frozen, hardened, trust): *каймак* (*kai-mak*) < *кай+мак* sour cream.

**kai-* [qaj-] IV: *кайна* (*kai-na*) < *кай+на* boil; figuratively: to rage;

**kai-* [qaj-] V (syncretic: mate, mated female animals: *кайы* (*kai-y*) < *кай+ы* to mate with the male. Mated (camel);

**kai* [qaj] VI (something slippery, sliding, floating on the surface of the water, through the air): *кайык* (*kai-yk*) < *кай+ык* a boat. Compare in kyrgys *кайы* (*kaiy*) glide through the air; on the surface of the water (about a flat object), etc.;

**kai* [qaj] VII: *кайрак* (*kai-rak*) < *кай+рак* whetstone;

**kai* [qaj] VIII (kinship in the female line): *кайын* (*kai-yn*) < *кай+ын* wife's relatives; compare: *кат* (*kat*) < *кат+ын* (*kat-yn*); ancient Turkic *qad* close, blood relative.

**kai* [qaj] IX (something related to cutting, chopping, shredding): *кайшы* (*kai-shy*) < *кай+шы* scissors... Compare: *кый* (*kyi*) > *кыйкала-* (*kyikala*), *кыр-* (*kyr*) > *кыршы* (*kyrshy*)...

**kait-* [qajt-] return, return back. Compare: **кай* (*kai*) II > *кай+ыр* (*kai-yr*) > *кай+тап-* (*kai-tar*) [6, pp. 235-236].

The dictionary is the basis for systematizing the lexical richness of all Turkic languages and etymological research.

In the article “The Lexico-Semantic Development of the Root **qa* in the Altaic Languages”, I. Kormushin provides additional materials on the root **qa* in a comparative aspect study based on the Turkic languages and the Mongolian, Tungus-Manchu languages. This work substantiates the author’s reasoning that the root bases in Turkic words, which do not fall apart according to the current point of view, have historically developed as a result of their formal and semantic development.

Mahmud Kashgari recorded the verb **qa* in the dialect of the Yagma tribe, the form *qala* is used in the same meaning in the local dialect of the Chigians [10, p. 13]. The oldest meaning of this verb has been preserved in the Yakut and Nogai languages: Yakut *xala* (*kala*) “put”, Nogai *кала* (*kala*) 1) “lay, put”, 2) “restore, build”. The *-la* element can be considered as an affix in the *qala* verb; in Indo-European language studies, the term “determinative” is used in relation to such elements.

If we compare the root *qa* with the verb *qat*, widely used in ancient monuments and the modern Turkic languages, we will find that the element *-t* has acquired the meaning of an expansion form. The semantics of the verb *qat* has developed further; it has acquired not only the meaning “to connect, bring two things together”, but also, as in Turkish, the meaning “to add (take something as a basis, add to it)”, “mix” (mix different things, usually about a solution). In the Bashkir, Yakut and Kazakh languages, the verb *kamy* (*katu*) has its own meaning: “twist, weave (thread)”, that is, connect the threads together, etc. The concretization of semantics in the Bashkir and Nogai languages has led to the following meaning: “seasonal food”: *Ашка корот камыу* (*ashka short katyu*). Also, in Turkish, *katik* means “spice for bread”, in Tatar – “food spice”.

The *qar* verb should be included in the group of the words in question. Mahmud Kashgari defines synonymy – the semantic identity of the verbs *qar* and *qat*. In different Turkic languages, the abovementioned differences in the meanings of the verbs *qat*, *qar* can only be explained by the specialization of their original, primary meaning. This feature manifests itself in the new shades of meaning added to the lexical content of the verb: some additional indications of the features of the action functions and the action objects [10, p. 16].

I. Kormushin notes that the verbs *Qa-*, *qala-*, *qat-* and *qar* have one root, and the elements *-la*, *-t* and *-r*, can be considered formatives merged with the root as a result of semantic differentiation.

Despite the fact that Turkic words, united by the bases *Qal*, *qat*, *qar*, *qap*, have a clearly expressed external expressive features and independent categorical lexical content, their semantics is common. The fact that these units indicate plurality and totality is associated with the common presence of the root element *qa* in these words. Consequently, minor consonants are fundamentally affixes or formatives. As for the root **qa*, the uniqueness of its modifications is obvious. It is revealed in the repetition of the certain “semantic ingredient” – the meaning of addition-mixing, the direction towards something, the connection in motion, the unification and definition of a single set of these objects [10, p. 29].

E. Kazhibekov, developing the theory of monosyllabic roots, showed that the main source of homogeneity of roots in the Turkic languages was the syncretic, causative nature of their meanings, the complexity of ancient words’ semantics. After the centuries-old evolution of the language, ancient words concretized their lexical and grammatical meanings and took shape as morphologically independent groups of words. But “at first, their boundaries were not very clearly defined” [11, p. 44].

The morphological development of the word in the Turkic languages reinforces the meanings of the lexemes present in the language. Solving the problem of word groups’ syncretism allows us to trace the evolution of their forms and meanings.

Not all variants of root bases arose simultaneously, they represent the patterns of the general Turkic central vocabulary development, harmoniously fitting into the phonological structure and the historically established articulation base of each Turkic language. Their, at first glance, confusing device is actually an alternation of sounds, vibrations and reflex reflections [7, p. 69].

Variants of the root, formed by the alternation of the consonant [й] ([j]), are common in the Turkic languages. Such lexical units, having a common origin since ancient times, but not having a similar phonetic structure, may have different semantic content. This opinion is confirmed in the works of R. Akhmetyanov, the author of the etymological dictionary of the Tatar language, and the Bashkir scientist E. Ishberdin. The genetically common roots of the verbs *yat-* ~ *yad-* ~ *yaz-* ~ *yaz-* ~ *yar-* ~ *yas-* ~ *yal-* ~ *yai* in the modern Tur-

tic languages have a wide semantic field: “to lie” – “to spread” – “to expand” – “straighten” – “spread” – “spread out” – “expand” – “set” – “build” – “create” – “dissect” – “split”. The antiquity of the root sounds is reflected even in ancient Turkic written monuments: *yat-* “to lie down, lay down, spread out” – *yad-* “to spread, distribute, lay out, spill” – *yaz-* “to spread, lay out, spread out”, *yaz-* “to untie, dissolve, unravel, spread” – *yar-* “to dissect, split” – *yas-* “to dissolve, scatter, establish, lower” – *yal-* “to flare up, ignite” – *yai-* “to disperse, shake, shake, rinse”. In the Tatar language, this phonetic alternation is expressed in a peculiar way: *yat-* “lie down” – *yaz-* “straighten, straighten” – *yar-* “split, split” – *yai-* (жәй-) “spread, spread, spread”. The root *yal-* is found on artificial bases: *yal-kyn* “flame”, *yal-pak* “flat, flattened”, *yal-kau* “lazy” < *yat-kak* “loving to lie down”; *yas-a* “to construct, make, arrange” [12]. Consequently, the change in the phonetic structure of a word is closely related to its semantic content, so the study of the most important historical processes in the phonetics of the Tatar language is directly related to the subject of historical lexicology.

The meanings of a homogeneous word define different aspects of the same phenomenon (name of the work, place, result, tool and other attributes of the work / process). Let’s look at some examples that support this point of view.

In the Tatar language, the word *añ* (*an* – consciousness) has several meanings: 1. The ability to think, to perceive reality as something inherent in a person. 2. The process of reflecting reality, all human mental activities in the human brain. 3. Sober look, mind; knowledge, awareness. *Añ* (*an*) expresses the following semantics in the presence of a verbal root: 1. Understanding something, revealing its content, meaning. 2. Evaluation, recognition. 3. Thinking, imagination [13].

**añ* – “to think”; “to ponder”; “remember”, “remember”, “understand” ↔ **añ* – “mind”, “consciousness”, “susceptibility”, “understanding”, “thought”, etc. a homogeneous root is found in the ancient Turkic and modern languages [5, p. 46].

Khakass **oñna-*, North Altaic **oñno-*, as well as **onga-* “know”, “understand” along with the Turkic **añla-* make it possible to reveal a direct connection between “*a:ñ* (*a:ñ*) ~ *añ* (*añ*) ~ *añ* (*añ*)” and *oñ* (*oi*) “thought”, “mind”. This idea can be substantiated by the form parallel between *oñan-* (*oñan-*) and *oñdan-* (*oñdon*) “wake up”, “wake up”, “wake up”, “come to your senses.” This connection is also found in other languages: Kyrgyz **ojyor-* “assume, conclude”, Khakass **oñar-* “un-

derstand, reason”, Kazakh, Karakalpak **añyar-* “understand, guess.” As in the case of the homogeneous roots **es*, **uq*, the derivative meanings “understand” and “listen” can be singled out among the meanings of **añla* [11, p. 48].

If we consider examples, related to the type CVC, we can see the syncretism of the roots **küj* ↔ **kün*. In the ancient Turkic languages, the verb forms **köj-* ~ **kōn-* ~ **küj-* “to burn” are found [p. 5, 312, 314, 325, 646]. Old Türkic **kōn-* e.g. Turk. **kōn-ük-* are formed from the verb “get tanned” [6, p. 60]. The similarity of **kuj-* “burn”, “bake” with **kün-* “burn” can be explained with the help of secondary stems containing the same identifications: for example, Nogai **qujas* ~ **qijās* “sun”, “a place lit by the sun”; compare: **qujas*; Bashk., Tat. *кояш* (*koyash*), Uzbek. *күёш* (*kuesh*), Uyg. *күяш* (*kuyash*) and **künāš* “sun” [5, p. 327]; Turkish **qüneş* “sun”, Chuv. **хәвел* “sun”, Turkic **kunal* “sun”, etc. In Tatar dialects, along with **kujās* “sun”, **kōn* “sun” is also found. It is used as a part of compound words: *konchygysh* (East), *konbatysh* (West).

The Ufa School occupies a special place in the development of the Turkic languages root theory. Related languages are studied on a broader plane, based on the Ural-Altaic language family.

D. Kiebaev, on the basis of the certainty-uncertainty principle, proved that word forms developed from unknown to known as a result of the successive attachment of indicators to the root. At each of the language levels– in phonetics, morphology, vocabulary and syntax – there are special means of expressing certainty and uncertainty. From the point of view of the root theory, of interest is the researcher’s reasoning about the presence of certain grammatical and semantic possibilities of sounds at the phonetic level. In other words, words have gone along the path of development corresponding to the principles of agglutination from simple to complex, from unknown to known. For example, the plural suffix *лар-* (*lar-*) has gone through several stages of its historical development: *-л* > *-ла-* > *-лар* (*-л* > *-ла-* > *-лар*). At each stage, the meaning of plurality is expressed more clearly, due to the possibilities of sounds (phonetic units). Here, for example, the possibility of expressing plurality, width, and uncertainty of the exponent *-a* is explained by the fact that it is acoustically the widest vowel. The same principle allows us to distinguish consonants as grammatical formants that are parts of the roots, especially in the roots like VC, CVC.

The works of T. Garipov provide a synchronic and diachronic description of the Kypchak languages of the Volga and Ural Regions.

Working on compiling a synopsis and taxonomy of language units, the Ufa School relies on the principles of systematicity in the study of root bases.

The well-known Turkologist Prof. A. Shaikhulov explores the material of the languages of the Volga-Kama-Ural ethno-linguistic region in ideographic paradigmatics. In his works, he refers to the general Turkic and areal vocabulary, and to the lexical units of the Altaic languages. More than a million appellative units of current dialects and modern languages, collected by a scientist in the "Research (Educational) Interuniversity Laboratory of the Spiritual Culture of the Turkic, Mongolian, Finno-Ugric and Indo-European (Slavic) Peoples of the Volga-Kama-Ural Ethnolinguistic Region", have become the basis for theoretical observations. From a systemic point of view, A. Shaikhulov explores monosyllabic roots in the Kypchak languages within the framework of the cognitive spheres "nature (inanimate, animate)", "man" (man as a physical and biological being), "man as an emotional, mental, emotional, conscious being", "society", "cognition". On the one hand, according to the author, "the presentation of the root bases of related languages in the form of a synopsis allows us to reveal their specific features concerning a person's knowledge of the world around him and its reflection in the word" [4, p. 179]. In other words, the systematization of root bases should form the basis of etymology. On the other hand, A. Shaikhulov, continuing the ideas of well-known Turkologists on monosyllabic roots, managed to describe the phonological combinatorics, the semantics of monosyllabic roots of the Tatar and Bashkir languages within the framework of the systematic approach.

In his works, I. Nasipov systematizes borrowings from the Fin-Ugor languages found in the Tatar language [14].

Consequently, language, as an objective reflection of the reality around us, exists in the form of certain combinatorial patterns, schemes, models, matrices and paradigms. Today, as many scholars point out, the "synergetic definition of the world" prevails in linguistics. In new trends, research is also being carried out on the lexical-semantic system of the language. Synergetics is based on the idea of the unity and coherence of the world, the interconnection of everything: "each small unit of the Universe is a special world, defined (animated) by it-

self and universal being, the universe as the unity of all its parts" [15, p. 146].

Such integrity and unity of the world is described in the language through a number of etymological nests, genetic paradigms determined by the primary root base. Our works investigate some etymological nests of common roots found in the Turkic, Mongolian, Tungus-Manchzhur languages of the Altaic language family. For example, the etymological root **toγ-*, recorded in the Old Turkic dictionary, consists of the following semantic "meanings": *toγ-* I. 1. be born, reborn, appear. 2. "ascension (about the luminaries)" (compare: in the Turkic, Mongolian, Tungus-Manchzhur groups: *tuγ-* "something fluttering; rising"); *toγ-* II. "to rise, heave (about dust)"; *tuγ-* II. "a barrier, obstruction, dam; damper, latch" → *tuγ+la-* "to close, push" [5, p. 584]. The etymological root *toγ-* < *to* (its phonetic variants *tī ~ tu ~ tū ~ tō ~ tā*) in some languages has the following reflexes: 1) Tatar, Bashkir: *my-* (tu-), *мы-* (tyu-) "be born, appear", Chuvash: *myx-* (tukh-) "appear, show, elevate"; Mongol *məpə-x* (toro-kh) "give birth" < *my-pux* (tu-rikh) "throw out, throw away", compare *my-пс* (tu-rs – "caviar"), Tatar, Bashkir: *myz-an* (tug-an) "relative; native", *мок-ым* (to-kym) "generation; breed"; Kalmyk: *мохм* (tokhm) "genus, origin", *myz-улах* (tug-ulakh) "to give birth (about animals)", Evenk: *myγ* (tuu) "calve; breed chicks", *my-уэн* (tu-uen) "cousin", Sol.: *my-ну* (tu-ni) "cousins", Neg: *myв-эн* (tuv-en) "children of women from the mother's clan; of the same kind", *my-рул* (tu-rul) "relatives", Sol.: "rebirth"; Mongol: *tu-run* (tu-run) "grandson", *морон* (to-ron) "relationship; relatives"; Tatar dialects: *my-мача* (tu-macha), *мо-мачей* (tu-machey) "relatives"; 2) mongol *моос* (*toos*), bur. *моо-хон* (Too-khon) "dust (dusty fog, raised dust)", compare: *моо-ро-г* (*too-ro-g*) "dust" < *мог-оруху* (*tog-orikhu*) "encircle, encircle from all sides"; manchzhur: *дубэ* (*duve*) "end", *дуб-э* (*dub-e*) "end, peak, point, top"; 3) Turkic: *мок-та* (*tok-ta*) ~ *мыкма* (*tuk-ta*) "stop"; *тыгыл* (*tygyl*) "blocked; covered; opposite, contradiction; pristine, perfection, absolute; closed", *myz-арэк* (*tu-gerek*) "isolation, circle"; tatar, bashkir *myz-ар-* (*tug-ar-*) "discord"; Bashkir: *мок-ан* (*tok-an*), Chuvash: *мав-а* (*tav-a*) "knot, loop"; Mongol: *мох-ох-* (*toh-oh-*) "saddles, throws on", *my-кү-* (*tu-ku-*) "saddles", manchzhur: *мох(о)-* (*toh(o)-*) "harness; sheathe with seine"; Old Turkic: *myz-ун* (*tug-un*) "knot", Mongol: *myнэ* (*tung*) "sew-on loop on a dress, breakdown, staple", *my-на* (*tu-na*) "string"; udmurt: *myh-u-* (*tuh-i-*) "satisfy" [16]. Lexical units within the etymo-

logical nest are inherent in the integrity of the meaning, since the common root is associated with the development of the stem. However, this semantic integrity also includes the diversity of the surrounding world (nature, man, society) in accordance with systemic relationships.

Conclusions

The root of the word as the simplest, shortest and at the same time important unit, like the linguistic phenomenon itself, constitutes a very ancient layer. Without it, it is impossible to establish the genetic relationship of modern languages, the "homogeneity" of the lexical fund. Centuries-old verbal creativity is also based on the root.

In Turkic linguistics, opinions on the nature of historical roots are contradictory. Research on the structure and structural types of root bases was carried out in two directions. If the integrity of the historical root, especially of the CVC type, is determined, then, it indicates that it has passed the stages of the development corresponding to the processes of agglutination. One of the important aspects is the semantic features of root bases. The subject of this research is the change in the meaning, the direction of the root base development, the ratio of the lexical units' meaning in the modern language to the meaning of the primary, etymological root. In modern linguistics, the status of root bases is studied according to the principles of consistency and synergetics, corresponding to the new paradigms. Consequently, the issues of the root word, etymological root and the historical root need further research.

References

1. Timirkhanov, V. R. (2007). *Imyaslavie i lingvistika kornya* [Imyaslavie and Root Linguistics]. 248 p. Moscow, MAKSPress. (In Russian)
2. Yunusaliev, B. M. (1953). *Razvitie kornevykh slov v kirgizskom yazyke: diss. dokt. filol. nauk* [Development of Root Words in the Kyrgyz Language: Doctoral Thesis Abstract]. 38 p. Moscow. (In Russian)
3. Baskakov, N. A. (1988). *Istoriko-tipologicheskaya fonologiya tyurkskikh yazykov* [Historical and Typological Phonology of Turkic Languages]. 207 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Shaikhulov, A. G. (2000). *Struktura i ideograficheskaya paradigmatica odnoslozhnykh kornevykh osnov v kypchakskikh yazykakh Uralo-Povolzh'ya v kontinuum areal'noy, mezhtyurkskoy i obshchetyurkskoy leksiki* [The Structure and Ideographic Paradigmatics of Monosyllabic Root Stems in the Kypchak Languages of the Ural-Volga Region in the Continuum of Areal, Inter-Turkic and Common Turkic Vocabulary]. 490 p. Ufa, RiO BashGU. (In Russian)
5. *Drevnetyurkskii slovar'* (1969) [Ancient Turkic Dictionary]. 677 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)
6. Zaionchkovskii, A. K. (1961). *K voprosu o strukture kornya v tyurkskikh yazykakh: Glagol'nyye osnovy monosillabicheskogo (odnoslozhnogo) tipa S+G (soglasnyy+glasnyy)* [On the Issue of the Root Structure in the Turkic Languages: Verbal Stems of the Monosyllabic (Monosyllabic) Type C+V (consonant+vowel)]. VYA. No. 2. P. 28-35 (In Russian)
7. Kaidarov, A. T. (1986). *Struktura odnoslozhnykh korney i osnov v kazakhskom yazyke* [The Structure of Monosyllabic Roots and Stems in the Kazakh Language]. 328 p. Alma-Ata, Nauka. (In Russian)
8. Alparov, G. Kh. (1945). *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. 145 p. Kazan'. (In Russian)
9. Khangildin, V. N. (1954). *Grammatika tatarskogo yazyka: ocherki o morfologii* [Grammar of the Tatar Language: Essays on Morphology]. 335 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Russian)
10. Kormushin, I. V. (1971). *Leksiko-semanticheskoye razvitiye kornya *qa v altayskikh yazykakh* [Lexico-Semantic Development of the Root *qa in the Altaic Languages]. Tyurkskaya leksikologiya i leksikografiya. p. 11-13. Moscow, Nauka. (In Russian)
11. Kazhibekov, Ye. Z. (1985). *Glagol'no-imennaya korrelyatsiya gomogenykh korney v tyurkskikh yazykakh (yavleniye sinkretizma)* [Verb-Nominal Correlation of Homogeneous Roots in Turkic Languages (phenomenon of syncretism)]. 272 p. Alma-Ata, Nauka. (In Russian)
12. Akhmat'yanov, R. G. (2003). *Istoricheskiye istochniki tatarskikh terinologii* [Historical Sources of Tatar Terminologies]. 174 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
13. Khaliullina, N. U., Shaykhulov, A. G. (2004). *Tyurkskiye yazyki Uralo-Povolzh'ya v kontekste altayskogo yazykovogo soobshchestva (opyt leksiko-semanticheskogo i ideograficheskogo slovary): slovar'* [Turkic Languages of the Ural-Itil Region in the Context of the Altaic Language Community (Experience of Lexico-Semantic and Ideographic Dictionary): A Dictionary]. Ch. I, 226 p. Ch. II, 272 p. Ufa, Vostochnyi un-t. (In Russian)
14. Nasipov, I. S. (2009). *Opyt sistematizatsii finno-ugorskikh zaimstvovaniy v tatarskom yazyke* [Experience of Systematization of Finno-Ugric Borrowings in the Tatar Language]. 233 p. Kazan', IYALI. (In Russian)
15. Pyataeva, N. V. (2006). *Antropotsentricheskii i sistemotsentricheskii printsipy lingvistiki v dinamicheskom issledovanii leksicheskikh gnezd* [Anthropocentric and System-Centric Principles of Linguistics in the Dynamic Study of Lexical Nests]. 280 p. Ufa, Gilem. (In Russian)
16. Khaliullina, N. U. (2016). *Semanticheskaya rekonstruktsiya kornevykh osnov v etimologicheskoy gnezde (na materiale yazykov altaiskoi sem'i)* [Semantic Reconstruction of the Root Bases in the Etymological Nest (based on the languages of the Altai family)].

ТӨРКИ ТЕЛЛӨРДӘ ТАМЫР НИГЕЗЛӘРНЕ ТИКШЕРҮ АСПЕКТЛАРЫ

Нурия Усман кызы Хәлиуллина,

М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университеты,
Россия, 450000, Уфа ш., Октябрь революциясе ур, 3 а йорт,
nurkha@yandex.ru.

Илшат Сәхиятулла улы Насипов,

М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университеты,
Россия, 450000, Уфа ш., Октябрь революциясе ур, 3 а йорт,
nasipov2021@yandex.ru.

Өлеге мәкаләдә төрки тел белемдә тамыр нигезләрне тикшерү белән бәйле төрле юнәлешләргә күзәтү ясала.

Хезмәттә танылган тюркологларның тамыр нигезләрнең төзелешенә, морфологик үзенчәлекләренә, семантик билгеләренә бәйле карашлары барлана. Беренчел тамырлар иң гади, кыска һәм шул ук вакытта мөһим берәмлекләр буларак, тел феноменының үзе кебек үк бик борынгы катламны тәшкил итәләр. Аларны туплау, системалаштыру бүгенге көндә тел тарихын тикшерүнең көнүзәк мәсьәләләренә берсе булып тора.

Фәнни-тикшеренү эшенең нәзари һәм гамәли әһәмияте хезмәтнең төп нәтижеләрен тарихи-чагыштырма, этимологик эзләнүләрдә төрки һәм алтай телләрендә тамыр теориясен эшкәртүдә файдалану мөмкинлегенә белән билгеләнә.

Төп төшенчәләр: төрки телләр, тарихи-чагыштырма тел белеме, тамыр, нигез, реконструкция, этимология, диахрония, синкретизм, система

Кереш

Тамыр төшенчәсе лингвистикада борынгы һинд грамматикаларында ук кулланылышта булган. Фәнни әдәбиятта иң кечкенә мәгънәви берәмлекне атау өчен *сүз тамыры, тамыр морфема, тамыр сүз, беренчел сүз, этимологик тамыр, төп морфема, тамыр нигез, сүзнең ясагыч формасы, ясагыч нигез, беренчел нигез* һ.б атамалар кулланыла.

«Тамыр нигез» проблемасы төрки телләрдә аеруча үзенчәлекле урын алып тора, чөнки һинд-европа тел гыйлемендә тамыр һәм сүзнең мөнәсәбәте, тамыр белән нигезнең тәңгәл килү мөмкинлегенә карата «тарихи табу» куелган булган [1, 99 б.]. Компаративистикадагы бу стереотип бүген дә саклана. «Тамырлар сүзләргә кадәр булганнар һәм флексив төзелеш барлыкка килгәч, сүз булып оешып киткәннәр», дигән фикерне аеруча А. А. Потебня хуплый. Төрки телләр өлкәсендә эшләрчә галимнәр исә, ике сәбәп аркасында мондый табудан азат булалар: беренчедән, синхрон ясалыкта төрки сүзләр мөстәкыйль тамырга һәм башка морфемаларга ирекле аерыла ала; икенчедән, бер ижеккә тамырлар VII гасырга караган

Орхон-Енисей язмаларында ук ачык теркәлгән була. «Төрки телләрдә тамырга морфологик элементларның «ябышуы» агглютинация законнарына яраклы рәвештә барган», – дип билгели кыргыз галиме Б. М. Юнусалиев. Аның фикеренчә, «төрки телләрдә тамыр нигез ролендә бер ижеккә сүз генә була ала. Күп ижеккә сүзләрнең хәтта таркалмый торганнары да тамыр нигезгә грамматик күрсәткечләр ялгану аша, яисә ике мөстәкыйль тамырның семантик яктан укмашуы, яисә фонетик «деформациясе» нәтижәсендә барлыкка килгәннәр» [2].

Тамыр нигезләр мәсьәләсе буенча басылып чыккан күпсанлы хезмәтләр һәм китерелгән карашлар аның актуальлегенә турында сөйли. Төрки тамыр төзелеше турындагы фикерләр төрле елларда О. Бетлингк (1851), Г. Вамбери (1878), В. В. Радлов (1893–1911), В. Банг (1916), Н. Ф. Катанов (1903), Г. Алпаров (1945), Г. Рамстедт (1952), Л. Н. Харитонов (1954), В. Н. Хангильдин (1954), Ж. Г. Киекбаев (1955), А. Зайончковский (1961), В. Котвич (1962), Н. А. Баскаков (1962, 1979, 1988), Н. К. Дмитриев (1962), Г. Дерфер (1964),

Б. А. Серебренников (1965), В. Асланов (1965, 1971), А. М. Щербак (1970), А. Н. Кононов (1971, 1980), Ф. А. Ганиев (1974), И. В. Кормушин (1971, 1991), Э. В. Севортян (1973), Э. Р. Тенишев (1976), В. И. Цинциус (1979), Т. М. Гарипов (1979), К. М. Мусаев (1984), А. Т. Кайдаров (1986), Е. З. Кажобеков (1986), Ж. Манкеева (1991), Н. И. Егоров (1992), Б. О. Орузбаева (1994), А. Г. Шайхулов (2000) һ.б. авторларның хезмәтләрендә чагылыш таба. Аерым алганда, галимнәр бер ижеккә фиғыль тамырларның сузыкка тәмамланган [Т+С] тибы булу-булмавы турында бәхәсләшәләр. Бер төркем тюркологлар (мәсәлән, Вл. Котвич) төрки, монгол, тунгус-маньчжур телләре материалын чагыштырма анализлау нигезендә төрки һәм, кирәк – алтай, телләрендә тамыр төрлө типларда – гадидән С, ТС, СТ һәм катлаулы ТСТ, ТСТТ булырга мөмкин, ди. Калган галимнәр (Г. Вамбери, В. В. Радлов, Н. А. Баскаков, А. М. Щербак) фикеренчә, киресенчә, классик типтагы бер ижеккә Т+С+Т тамыры иң борынгы тамыр структурасы тибын тәшкил итә. Бу карашның тарафдарлары уйлавынча, бары тик ТСТ тибы гына (мәсәлән, *sal-*, *bar-*, *kel-* фиғыльләре) төрки телләрдә бердәнбер беренчел тамыр була ала. Алар фикеренчә, С+Т тибындагы этимологик тамырның булуы мөмкин түгел. Н.А. Баскаков ике аваздан гына торган тамыр нигезләрнең беренчеллегә мәсьәләсе турындагы теория исбатланмаган, дип билгели [3, 100 б.]. Соңрак чыккан хезмәтләрендә автор, ТС структурасындагы тамырларның борынгы язма истәлекләрдә һәм хәзерге төрки телләрдә сан ягыннан да аз булуы аларның беренчеллегенә каршы дәлил булып тора, ди. Ул төрки телләр өчен ябык ижеккә, башлангыч (анлаут) һәм ахырдагы (ауслаут) тартык аваздан торган тамыр тибы хас булуын аларның кулланылыш ешлыгы буенча 75 % тәшкил итүен дә бер факт буларак китерә [3].

Н. А. Баскаковның фикерләре төрки телләрдә тамыр теориясе турындагы өйрәтмәгә этәргеч булып тора ала. Ул галимнәр өчен эзләнүләрдә я таяну ноктасы, я күзәтүләр нигезендә барып чыгарга тиешле соңгы чик ролен үтәргә хокуклы.

Тикшеренү материаллары һәм методлары

Фәнни тикшеренү материалы булып тюркологиядә һәм алтаистикада тамыр теориясе буенча алып барылган эзләнүләр, фәнни хезмәтләр, сүзлекләр хезмәт итте.

Мәкаләдә тарихи-чагыштырма тел белеменең метод-алымнары, тасвирлама метод кулланылды.

Фикер алышу

Күп кенә төрки тамырларны ТС прототибына торгызу (реконструкцияләү) мөмкинлеген күрсәткән беренче галим В. В. Радлов була. Ул үзенң «Вводные мысли к описанию морфологии тюркских языков» (1906) хезмәтендә төрки сүзләрнең морфологик элементларының керешеп китүе турында өйрәтмә тәкъдим итә. Озын үсеш юлы үткән хәзерге телләрнең күрсәткечләре буенча, төрки сүзләрнең үсеш тарихында аларның «киңәюен» күзәтергә була. Радлов сүзләре белән әйткәндә, «...мы можем далее наблюдать при рассмотрении односложных тюркских основ, что некоторые односложные всеобщие распространенные основы вовсе не следует считать корнями; напротив, они возникли из сплавления исчезнувшей основы с каким-либо основообразовательным аффиксом» [4]. Мисал буларак, *баг* ~ *пак* «завязка», «связка» исемнәрен -к аффиксы ярдәмендә Орхон-Енисей язмаларында, «Кутадгу билиг»та теркәлгән *па-* ~ *ба-* «завязывать» фиғылленән ясалган; *сык-* «сжимать», *сын-* «ломать, разрушать», *сыт-* «давить» фиғыльләрен борынгырак **сы* тамыр нигезеннән ясалган дип күрсәтергә була [5]. Соңрак Радловның бу фикерләренә Э. В. Севортян, А. Н. Кононов кушылалар. Ул гына да түгел, күп кенә очракларда СТ тибындагы икенче тартык аваз да шундый ук схемага элгә. Мәсәлән, Э. В. Севортянда төрек телендәге *iy-* «согласоваться, подходить, соответствовать, быть к лицу» һәм *iz* «подходящий, приличествующий» сүзләрендәге ахырдагы *y*, *z* тартыклары сүз ясагыч күрсәткечләр булып торалар [4].

Тамырларның таркалу-таркалмавыннан чыгып, Г. Вамбери «тамыр» һәм «нигез» төшенчәләрен аерып карый. Аныңча, «нигез» атамасын куллану аның составындагы «тамыр һәм аңа ялганган ясагычларны аерып карарга мөмкинлек бирә». Тюркологиядә беренчеләрдән булып, ул шушы карашны дәлилли торган 47 нигез китерә.

Төрки тамырның диахрониядәге статусын «таркалмый торган лексема» буларак карау гипотеза гына булып тора. Күп кенә белгечләр билгеләвенчә, хәзерге төрки телләрдә ике, өч ижеккә тамыр нигезләр генә түгел, хәтта бер ижеккә тамыр нигезләр дә агглютинатив үсеш

нәтижәсе буларак, кайчандыр мөстәкыйль яшәгән морфологик тел элементлары тәшкит ителәр. Фонетик, морфологик, семантик закончалыклар нигезендә алар шулкадәр бербөтен булып бергеп киткәннәр, бүгенге көндә аларны таркатып булмый [4, 19 б.].

Ж. А. Манкеева терминологиясе буенча тамыр теориясенә динамикада якын килергә кирәк. Тамыр онтологик дәрәжәдәге берәмлек, шуңа күрә ул даими рәвештә үзгәрешләр кичерергә тиеш.

С, ТС, СТ тибындагы этимологик тамырларның булуы күп кенә эзләнүләрдә бәхәс тудырмый. А. Зайончковский үзенң танылган мәкаләсендә төрки телләрдә беренчел Т+С тибындагы фигыл нигезләрнең яшәеше турындагы тезиска конкрет иллюстрацияләр таба [6, 29 б.]. Автор тарафыннан тупланган материал төрки телләрдә, аеруча язма истәлекләрдә, бер ижеккә фигыл тамыр нигезләрнең ТС тибына караган мисаллары күпсанлы булуын күрсәтә. Үзенң карашын куәтләп, ул 11 тамыр нигез китерә: *ба-* «связывающий»; *йу-* «мыть», *йи-, йе-* «есть», *ку* «охранять»; *ка-* «складывать», *ко-* «поставить»; *са-* «считать»; *сы-* «разрушать»; *сү-* «тянуть»; *ти/ те-* «говорить»; *ту-* «загружать» [6]. К. М. Мусаев билгеләп үткәнчә, А.Зайончковский этимологик тамырны чагыштырма метод ярдәмендә тергезү методикасын эшкәртә [4]. Шуңа ук вакытта автор барлык фигыл-нигезләрне дә ТС тибына кайтарып бетереп булмый, ди.

А. Н. Кононов фикеренчә, төрки тамырның иң кыска формасы 2 тип белән билгеләнә: С, ТС һәм СТ. Киң таралыш тапкан ТСТ төренә килгәндә, «күп очракларда морфологик анализ өченче элемент (соңгы тартык) фигылләрде юнәлеш күрсәткече һәм исемнәрдә сүзьясагыч аффикс була», дип яза. Чынлап та, күп кенә төрки телләрдә, шуңа исәптән татар, башкорт телләрендә дә, ТСТ тибындагы тамыр сүзләрдә этимологик тамыр һәм юнәлеш мәгънәсен белдергән аффикс аерылган фигылләр аз түгел. Мисал өчен *кил* < **kel* (*кел*), *кит* < **ket* (*кет*) кебек мисалларда **ke* тамыры һәм юнәлеш аффиксы аерыла [4, 20 б.].

Төрки телнең иң борыңгы диалекты өчен Б. М. Юнусалиев бер ижеккә тамырларның түбәндәге 4 тибын билгели: 1) С: *у* «сон», *о-* «думать», 2) ТС: *са-* «считать», *жү* «грузить», *сы-* «ломать», *бе+н* «я», *би+з* «мы»; 3) СТ: *ат* «конь»; *ал-* «братъ», *ас-* «повесить», *аң* «зверь»; 4) ТСТ: *кел-* «приходить», *ке+т* «уходить», *сүз*

«вода», *таг* «гора». Автор ТСТ тибының шартлы булуын билгели, чөнки *жак-*, *жан-*, *жал-* кебек хәзерге телләргә караган сүзләр «безнең тарихи грамматика буенча танып белү чикләребез киңәйгән саен» алга таба тагын да таркала алалар» [2].

Хәзерге төрки телләр борыңгы тамыр структурасын бүгенге көндә саклап калганнар. Борыңгы төрки язма истәлекләрдәге һәм хәзерге төрки телләрдәге тамыр структурасы, нигездә, бер үк типларга кайтып кала. Бу төрки телләрдә тамыр төзелешенең мең елларга сузылган консервациясе, димәк, пратөрки тамырның хәзерге телләрдә структурасы саклануы хакында сөйли [4]. К. М. Мусаевның тамыр турындагы тагын бер фикере яңалык булып тора. Ул тарихи тамырларның теге яки бу сүз төркеменә кертергә мөмкинлек бирә торган күрсәткечләр булмавын ассызыклай.

«Тамыр» төшенчәсе хәзерге төрки телләргә карата тулы, объектив, катгый билгеләмәсен тапмаган әле. Күп кенә тикшеренүчеләр фикеренчә, аның аеруча үзгәлеккә мөһим ягы – тарихи үзгәрүчәнлеккә һәм аерым формантларының саклануы яки югалуы. Бу билгеләр А. Н. Кононовның түбәндәге билгеләмәсендә чагылыш таба: «Корень слова – понятие историческое в том смысле, что структура корня изменяется в зависимости от ряда обстоятельств и, в первую очередь, от сохранения или утраты словотворческой способности отдельных формантов» [4]. Мәсәлән, хәзерге төрки телләрдә *bajla-* «связывать» фигыленең ясалышы өчен *baj* «связка, узел» исеме нигез булса, ул үз чиратында, *ба-* «связывать» + *-j /γ-* фигыл ясаучы аффикстан тора; *ögrän-* «учиться» < *ög* «разум» < *ö* «думать»; *sana-* «считать» < *san* «счет» < *sa* «считать» (*san-* «считаться»).

А. Т. Кайдаров фикеренчә, «Төрки тамыр – телнең агглютинатив үсеш нәтижәсендәге фоно-морфо-семантик үзгәрешләрнең карамастан, үзенң асылын саклап калган иң борыңгы, тарихи реаль берәмлек. Ул структур яктан бер ижектән артмаса, беренчел сүз белән тәңгәл килә. Калган очракларда тамыр телнең ясалма берәмлеге була, анда тамыр статиканы, ә сүз динамиканы күрсәтә» [7, 24 б.].

Г. Х. Алпаров, мәсәлән, «Өч ижеккә тамыр сүзләр бездә юк диярлек, аз. Булганнары да, ныклап тикшереп караганда, я ике сүздән кыскартылган, я ниндидер бер кушымча ялгап ясалган булып чыгалар» дигән фикерен белдерә [8, 58 б.]. В. Н. Хангильдин да «Татар теле

грамматикасы» хезмәтендә түбәндәгечә яза: «Тамыр сүзнәң иң төп өлешен – тагын да мәгънәле кисәкләргә бүленә алмый торган кисәген тәшкил итә. Тамыр нигез тарихи яктан тагын да борынгырак, фонетик төзелеш ягыннан чагыштырмача кечерәк күләмдә була. Тамыр нигезнәң күпчелегә бер яки ике ижеккән тора» [9, 28 б.].

Димәк, төрки телләрдә беренчел (этимологик, тарихи) тамырларга нигезләнәп ясалган күпсанлы икенчел тамырлар табыла.

Күпчелек галимнәр төрле төрки телләргә караган тамырларның төзелешен тикшергәндә, тамыр лексикасының бер ижеккә булуын билгеләләр. А. Т. Кайдаров төрки моносиллабларның структурасы һәм структур типлары, беренчел һәм икенчел тамырлар, эчке үзгәрешләр / фономорфологик факторлар, бер ижеккә / күп ижеккә, таркалу / таркалмау, мөстәкыйльлек/ иреклелек, тотрыклылык/ тотрыксызлык, семантик үзгәрүчәнлек/ үзгәрмәүчәнлек кебек аспектларын аерып карый. Ул «төрки телләрдә бер ижеккә тамыр нигезләр фикция түгел, ә реаль факт», – дигән фикерне куәтләнә һәм түбәндәгә нәтижеләрне ясай:

1. Тамыр → нигез → сүз лексик берәмлекләрнең фоно-морфо-семантик структурасында эзлекләр рәвештә барган агглютинатив үсеш нәтижәсе буларак, эчке яктан дифференциацияләнә торган чиктәш буыннар (сылтамалар) тәшкил итәләр;

2. Тарихи тамырлар үзләрнең төзелеше буенча күпчелек очракта бер ижеккә булалар: бүтәнгә көндә очраган бер ижеккә тамырлар арасында иң борынгы һәм беренчел типлар С (сузык), ТС (тартык + сузык) булган, ә СТ, ТСТ, СТТ, ТСТТ типлары – алга таба барган агглютинатив үсеш нәтижәсе;

3. Төрки бер ижеккә тамыр нигезләр ясалма тел берәмлекләре эчендә генә түгел, ә гомумән, кайчандыр телдә яшәгән ваграк морфемаларга таркала алалар;

4. Төрки бер ижеккә тамырлар хәзерге телләрдә үзәллы һәм «консервацияләнгән, этимологик караңгы, үл» формалар буларак ясалма нигезләр эченнән аерып алынырга мөмкин;

5. Төрки бер ижеккә тамыр нигезләргә гомумтөрки һәм аерым тел вәкилләрендә фономорфологик закончалыкларга яраклы рәвештә структур үзгәрүчәнлек һәм вариативлык хас;

6. Төрки бер ижеккә тамыр нигезләргә семантик яктан эчке һәм тышкы факторларга

бәйлә булган даими үзгәреш, үсеш хас. Бер төркем тамырларның үзәллы лексик мәгънәсе юк, аларның беренчел, гомум этимологик мәгънәсе генә билгеләнә, һәм ул мәгънә сүз төзелешенә үсешенә яраклы һәрвакыт эчке дифференциация, конкретлаштыруга дучар ителәп торган [7, 35 б.].

А. Т. Кайдаров аерым төрки телләрдәгә моносиллабларның тулы корпусын булдыру һәм аны фәнни яктан тирәнтен тикшерү гомум төрки тамыр теориясен эшкәртү өчен нигез булып торуын билгеләй. Автор, үзә эшкәрткән теориянең принципларына таянып, казах телендәгә бер ижеккә тамыр нигезләрнең сүзлеген төзи. Сүзлек мәкаләсенә башында бер ижеккә тамыр нигезләр тора, алар казах алфавиты буенча китереләләр; рус теленә тәржемәләр гадиләштереп, гомумиләштереп бирелгән. Гомоген тамырның барлык ясалмалары бер ояда, >, < тамгалары аша күрсәтелә. Бер семантик ояга омоним-тамырлар берләштерелә [7, 35 б.]. Мисал өчен, казах теленә бер ижеккә тамыр нигезләр сүзлегеннән өзек китерик:

*кай [qaj] I (вопрос: какой?, когда и др.): кайда < кай+да где, кайсы < кай+сы который который, какой...

*кай- [qaj-] II (синкретик: поворачивать, повернуть назад, откинуться назад, выгнуть // обратный, противоположный; зад, задняя часть, задний, западный): кайкы < кай+кы вогнутый, откинутый назад; кайыр- < кай+ыр- отворачивать, поворачивать; возвращать обратно; кайт- < кай+т- возвращаться уходить, приходить обратно; отходить. Чаг.: борынгы уйг.: обратиться назад, идти обратно, возвращаться; чув.: кай зад, задний, запад.

*кай [qaj] III (нечто застывшее, затвердевшее, затянувшееся пленкой, коркой): каймак < кай+мак сметана.

*кай- [qaj-] IV: кайна < кай+на кипеть; күчерелмә м. бурлить, бушевать;

*кай- [qaj-] V (синкретик покрывать, обгукать, покрывая/ окулявая самка животных: кайы < кай+ы быть покрывтой самцом. Обгукаться (о верблюдице);

*кай [qaj] VI (нечто скользкое, скользкое, плавающее по поверхности воды, по воздуху): кайык < кай+ык лодка. Чаг. кырг. телендә кайы скользнуть по воздуху; по поверхности воды (о плоском предмете) һ.б.

*кай [qaj] VII: кайрак < кай+рак точильный брусок, точило;

*кай [qaj] VIII (родственное отношение по женской линии): *кайын* < *кай*+*ын* родня жены; чаг.: *кат* < *кат*+*ын*; борынгы төрки *qad* близкий, кровный родственник (МК).

*кай [qaj] IX (нечто связанное с резанием, обрубанием, кромсанием, разрезанием): *кайшы* < *кай*+*шы* ножницы... Чаг. *кый* > *кыйкала*-, *кыр*- > *кыршы*...

*кайт- [qajt-] возвращаться, вернуться обратно. Чаг.: *кай II > кай+ыр > кай+тар- [6, 235-236 б.].

Сүзлек барлык төрки телләрнең лексик байлыгын системалаштыру өчен һәм этимологик эзләнүләр өчен база булып тора.

И. В. Кормушин «**Qa* тамырының алтай телләрендә лексик-семантик үсеше» дип аталган мәкаләсәндә **qa* тамыры буенча төрки телләрдән һәм монгол, тунгус-маньчжур телләреннән чагыштырма яссылыкта тикшергән өстәмә материаллар китерә. Авторның бу хезмәтендә бүгенге көн күзлегеннән караганда таркалмый торган төрки сүзләрдәге тамыр нигезнең тарихи яктан формаль һәм семантик үсеше нәтижәсендә үсеше турындагы фикерләре дәлилленә.

Мәхмүд Кашгарый тарафыннан **qa* фигыле ягма кабиләсә сөйләшәндә теркәлгән, чигиләрнең жирле сөйләшәндә шул ук мәгънәдә *qala* формасы кулланылуы билгеләнә [10, 13 б.]. Бу фигыльнең иң борынгы мәгънәсә якут һәм ногай телләрдә сакланган: якут *xala* «салу, нәрсәгәдер берәр нәрсәне кертәп кую, йөкләү», ногай *кала* 1) «кушу, салу», 2) «тергезү, төзү». *-la-* элементы *qala* фигылендә аффикс дип санарга була; һинд-Европа телләрен тикшерүче фәндә мондый элементларга карата «детерминатив» дигән термин кулланыла.

Qa тамырының борынгы истәлекләрдә һәм хәзерге төрки телләрдә киң чагылган *qat* фигыле белән чагыштырсак, *-t* элементның киңәю рәвешә мәгънәсен алганын ачыкыйбыз. *Qat* фигыленең семантикасы алга таба үсеш ала; ул «ике нәрсәне бергә кушу, жыю» мәгънәсен генә түгел, ә төрек телендәге кебек «кушу, өстәү» (нәрсәнедер нигез итеп алып, аңа өстәү, кушу), «бутау» (төрлө әйберләрне кушу, гадәттә, измә турында) мәгънәләрен ала. Башкорт, якут, казах телләрендә *кату* фигыле үзенең мәгънәсен түбәндәгеләрдә махсуслаштырган: «бөтөрү, әйләндерү, эрләү (жеппе)», ягъни жеппәләрне бергә кушу һәм башкаларны билгелә бер рәвештә бербөтенгә китерү. Күрсәтелгән мәгънәдән башка башкорт

һәм ногай телләрендә семантиканың конкретлашуы түбәндәге мәгънәне китереп чыгарган: «заправлять, делать приправу пище»: *Ашка корот камыу* (ашка корт салу). Шулай ук төрек телендә *katik* «ипигә тәмләткеч», татар телендә аш тәмләткечен аңлата.

Каралган сүзләр оясына *qar* фигыле кертелергә тиеш. Мәхмүт Кашгарый *qar* һәм *qat* фигыльләренең синонимлыгын – мәгънәви тиндәшлеген билгели. Югарыда китерелгән *qat*, *qar* фигыльләренең мәгънәләрендәге аерма төрлө төрки телләрдә бары тик башлангыч, беренчел мәгънәнең махсуслашуы белән аңлатыла ала. Ул фигыльнең лексик эчтәлегенә яңа төсмерләр кушылу – хәрәкәт эшләрү үзенчәлекләренә һәм хәрәкәтнең объектлары үзенчәлекләренә ниндидер өстәмә күрсәтмәләрдә күренә [10, 16 б.].

Qa-, *qala-*, *qat-* һәм *qar* фигыльләренең бер тамырга килүен, ә *-la*, *-t* һәм *-r* элементларын семантик аерымлану нәтижәсендә тамыр белән кушылган формативлар дип исәпләргә була, дип билгели И. В. Кормушин.

Qal, *qat*, *qar*, *qar* базалары белән берләшкән төрки сүзләр ачык рәвештә тышкы белдерүче ягы һәм категорияль, лексик эчтәлекләренен мөстәкыйль булуларына карамастан, аларның семантикасы уртақ булуларын ачыкыйбыз. Күрсәтелгән берәмлекләрнең күплекне, жыюны күрсәтүе бу сүзләрдәге *qa* тамыр элементның уртақ булуы белән бәйле. Димәк, тамырдагы икенче тартык авазлар аффикслар яки формативлар булалар. **Qa* тамырына килгәндә, модификацияләрнең бертөрлөлөгә анык. Ул билгелә бер «семантик ингредиентның» кабатлануында – кушу-өстәү-бутау мәгънәсә, нәрсәгә дә булса юнәлү, хәрәкәттәге кушылу, берләшү һәм бу предметларның бердәм күплеген билгеләүдә ачыла [10, 29 б.].

Э. З. Кажобеков, бер ижеккә тамырлар турындагы теорияне алга таба үстереп, төрки телләрдәге тамыр нигезләр гомогенлыгының төп чыганагы булып, мәгънәләрнең синкретик, каузатив характеры, борынгы сүзләр семантикасының комплекслы булуын күрсәтә. Борынгы сүзләр телнең күпгасырлык эволюциясеннән соң гына үзләренең лексик-грамматик мәгънәләрен конкретлаштыралар һәм морфологик яктан мөстәкыйль сүз төркемнәре булып формалашалар. Ләкин «иң элек аларның чикләре бик ачык итеп билгеләнми» [11, 44 б.].

Төрки телләрдә сүзнең морфологик үсеше телдә булган лексемаларның мәгънәләрен

беркетә. Сүз төркемнәре синкретизмы мәсьәләсен чишү формалар һәм мәгънәләр эволюциясе барышын күзәтергә мөмкинлек бирә.

Тамыр нигезләрнең барлык вариантлары да кинәт килеп чыкмаган, алар гомумтөрки үзек лексикасы үсешенә закончалыклы, һәрбер төрки телнең фонологик структурасына һәм тарихи формалашкан артикуляцион базаның йөртүчеләренә ярашкан күренеш булып тора. Аларның, беренче карашка, буталчык булып күренгән ясалышы чынында авазларның бер-бер артлы күчешен, тирбәлешен һәм рефлектор чагылышларын тәшкил итәләр [7, 69 б.].

Төрки телләрдә [й] тартык авазы чиратлашуы нәтижәсендә ясалган тамыр нигез вариантлары киң таралган. Борынгы заманнан алып гомум чыганаклы, ләкин охшаш булмаган фонетик структуралы мондый лексик берәмлекләр төрле семантик эчтәлеккә ия булырга мөмкиннәр. Әлеге фикир татар теленә этимологик сүзлегә авторы Р.Г. Әхмәтьянов һәм башкорт галиме Э.Ф. Ишбердин хезмәтләрендә дә билгеләнә. Генетик яктан урта булган *йат-* ~ *йад-* ~ *йаз-* ~ *йаз-* ~ *йар-* ~ *йас-* ~ *йал-* ~ *йай-* фигыль тамырлары хәзерге төрки телләрдә киң семантик кырга ия: «лежать» – «распространять(ся)» – «расширять(ся)» – «расправлять» – «растекаться» – «расстилять» – «расширять(ся)» – «устанавливать» – «строить» – «создавать» – «рассекать» – «расколоть»... Тамырдагы авазларның борынгылыгын аның борынгы төрки язма истәлекләрендә үк чагылышы күрсәтә: *йат-* «лежать, класть, расстилять» – *йад-* «разносить, распространять, раскладывать, разливать» – *йаз-* «распространять, раскладывать, расстилять», *йаз-* «развязывать, распускать, распускаться, растекаться» – *йар-* «рассекать, расщеплять» – *йас-* «распускать, рассеивать, устанавливать, спускать» – *йал-* «вспыхивать, воспламеняться» – *йай-* «рассеивать, колебать, трясти, полоскать». Татар телендә бу фонетик чиратлашу үзенчәлекле чагылыш тапкан: *йат-* «лежать» – *йаз-* «расправлять, выпрямлять» – *йар-* «расколоть, расщеплять» – *йәй-* (*жәй-*) «раскинуть, расстилять, растекаться». *Йал-* тамыры ясалма нигезләрдә очрый: *йал-кын* «пламя, *йал-пак* «плоский, сплюснутый», *йал-кау* «ленивый» < *йат-как* «любящий лежать»; *йас-а* «сооружать, делать, устраивать» [12]. Димәк, сүзнең фонетик структурасының үзгәреше аның семантик эчтәлегә белән тыгыз

бәйләнгән, шуңа күрә татар теленә фонетикасындагы мөһим тарихи процессларны тикшерү тарихи лексикология предметна туры мөнәсәбәттә тора.

Гомоген сүзнең мәгънәләре бер үк күренешнең төрле яктарын (эшнәң исемнә, урынын, нәтижәсен, коралын, предметын һәм эш / процессның башка атрибутларын) билгелиләр. Шушы фикергә яраклы кайбер мисалларга тукталыйк.

Татар телендә *аң* сүзе берничә мәгънәгә ия:

1. Кешегә хас буларак, чынбарлыкны фикирләп кабул итү, уйлый белү сәләте. 2. Кеше миендә чынбарлыкның, кешенә барлык психик эшчәнлегенә чагылыш процессы. 3. Аек караш, акыл; белем, аң-белем. *Аң-* сүзе фигыль тамыры булганда түбәндәге семантиканы белдерә: 1. Нәрсәне дә булса төшенү, эчтәлеген, мәгънәсен ачыклау. 2. Бәяләү, тану. 3. Уйлау, күз алдына китерү, күзаллау [13].

**аң-* «думать», «размышлять»; «помнить», «припоминать», «понимать» ↔ **аң* «ум», «сознание», «разум»; «восприимчивость», «понятливость», «мысль» һ.б. гомоген тамыр борынгы һәм хәзерге төрки телләрдә очрый [5, 46 б.].

Хакас **оһпа-*, төньяк-алтай **оһпо-*, һәм шулай ук **оһга-* «знать», «понимать» төрки **аһла-* белән беррәттән *«а.ң ~ аң ~ аһ»* һәм *ой* «мысль», «ум» арасында туры бәйләнешне ачыкларга ярдәм итә. Шуның турында ук *ойан-*га параллель булган *оңдан-* «очнуться», «проснуться», «пробудиться», «опомниться» формасы сөйлә. Шулай ук бу бәйләнеш башка телләрдә дә күренә: кыргыз **оһор-* «предполагать, умозаключать», хакас **оһар-* «понимать, разуметь», казах, каракалпак **аһуар-* «понимать, догадываться». **es*, **uq* гомоген тамырларындагы кебек үк, **аһла-* дериватының мәгънәләре арасында «понимать» һәм «слушать» мәгънәләрен дә аерып чыгарырга мөмкин [11, 48 б.].

ТСТ тибына караган мисалларга күзәтү ясасак, **kij* ↔ **kün* II тамырларының синкретизмын күрергә була. Борынгы төрки телләрдә **kōj-* ~ **kōn-* ~ **kij-* «гореть», «сжечь» фигыль формалары мәгълүм [5, 312, 314, 325, 646 б.]. Борынгы **kōn-*, мәсәлән, төрк. **kōn-ük-* «становиться загоревшим» фигылендә барлыкка килгән [11, 60 б.]. **kij-* «жечь», «припекать», «гореть» белән **kün-* охшашлыгы шул ук тәңгәллекләргә үз эченә алган, икенчел нигезләр ярдәмендә дә аңлатыла. Мәсәлән, ног. **qujas* ~ **qijas* «солнце», «место, освещенное

солнцем»; чаг. **qujas*; башк., тат. *кояш*, узб. *қуёш*, уйг. *қуяш* һәм **künäš* «солнце» [5, 327 б.]; төрек **qüneş* «солнце», чув. **xəvel* «солнце», төрк. **kunal* «солнце» һ.б. Татар диалектларында **kujas* «солнце» белән беррәтгән шулай ук **kōn* «солнце» дә мәгълүм. Шулай ук ул кушма сүзләр составында да кулланыла: *көнчыгыш*, *көнбатыш*.

Төрки телләрдә тамыр теориясен эшкәртүдә Уфа мәктәбе аерым бер урын алып тора. Кардәш телләр кинрәк ясылыкта – урал-алтай телләре гаиләсенә караган материалда тикшерелә.

Ж. Г. Киекбаев билгелелек-билгесезлек теориясе нигезендә сүз формаларының күрсәткечләренен тамырга бер-бер артлы ялгануы нәтижәсендә билгесездән билгелегә таба үсешен исбатлый. Тел баскычларының һәрберсендә – фонетикада, морфологиядә, лексикада, синтаксиста билгелелекне һәм билгесезлекне белдерүче махсус чаралар бар. Тамыр теориясе ягыннан караганда, галимнең фонетик дәрәжәдә, ягъни авазларның билгеле бер грамматик, семантик мөмкинлекләре булуы турындагы фикерләре кызыклы. Башкача әйтсәк, сүзләр гадидән катлаулыга, билгесездән билгелегә таба агглютинация принципларына яраклы үсеш юлы үткәннәр. Мәсәлән, *лар*-күплек кушымчасы тарихи үсештә берничә этап кичергән: *-л* > *-ла* > *-лар*. Һәр этапта күплек мәгънәсе авазларның (фонетик берәмлекләренен) мөмкинлекләре исәбенә тагын да ачыграк, аныграк белдерелә. Монда, мәсәлән, *-а* күрсәткеченең күплек, кинлек, билгесезлек белдерү мөмкинлеген аның акустик яктан иң кин сузык булуы белән аңлатыла. Шушы ук принцип тамырлар составында булган тартыкларны да, бигрәк тә СТ, ТСТ тибындагы тамырларда, грамматик формант буларак аерып карарга мөмкинлек бирә.

Т.М. Гарипов хезмәтләрендә Идел-Урал буе кыпчак телләренең синхрон һәм диахрон сурәтләмәсе китерелә.

Уфа мәктәбе тамыр нигезләрен тикшерүдә системалылык принципларына таяна, тел берәмлекләренен синонимиясын һәм таксономиясен төзү буенча эш алып бара.

Танылган тюрколог, профессор А. Г. Шайхулов Идел-Кама-Урал этнолингвистик регионндагы телләр материалын идеографик парадигматикада тикшерә. Ул үзенә хезмәтләрендә гомумтөрки, ареаль лексикага һәм кинрәк алтай телләренен лексик берәмлекләренә дә мөрәжәгать итә.

Галим тарафыннан «Идел-Кама-Урал этнолингвистик регионның төрки, монгол, фин-угор һәм индоевропа (славян) халыкларының рухи культурасын фәнниктикшеренү (уку) вузара лабораториясе»ндә тупланган диалекталь, хәзерге телләргә караган миллионнан артык апеллатив берәмлек теоретик күзәтүләр өчен нигез булып тора. Системалы караштан чыгып, А. Г. Шайхулов кыпчак телләренен бер ижекле тамырларын «Табигать (жансыз, жанлы)», «Кеше» (кеше физик-биологик зат буларак), «Кеше эмоциональ, психик, хисси, аңлы зат буларак»), «Жәмгыять», «Танып белү» когнитив сфералары кысаларында тикшерә. Бер яклап, автор фикеренчә, «кардәш телләргә караган тамыр нигезләренен синонимия рәвешендә бирелүе аларда кеше тарафыннан әйләндерелә танып белү, сүздә чагылдыруның үзенчәлекле якларын ачарга мөмкинлек бирә» [4, 179 б.]. Икенче төрле әйткәндә, этимологиянең нигезендә, беренче чиратта, тамыр нигезләрен системалаштыру ятарга тиеш. Икенче яклап, А. Г. Шайхулов, бер ижекле тамырлар турындагы танылган тюркологларның фикерләрен давам итеп, татар, башкорт телләрендә бер ижекле тамырларның фонологик комбинаторикасын, семантикасын системалы караш чикләрендә тасвирлауга ирешә.

И. С. Насипов хезмәтләрендә татар телендә фин-угор телләреннән келгән алынма сүзләр системалаштырыла [14].

Димәк, тел, безне уратып алган чынбарлыкның объектив чагылышы буларак, билгеле бер комбинатор закончалыклар, схема, модель, матрица, парадигмалар рәвешендә яши. Бүгенге көндә, күп кенә галимнәр билгеләвенчә, лингвистикада «дөньяны синергетик билгеләү» өстенлек ала. Телнең лексик-семантик системасын тикшерү дә яңа аспектларда алып барыла. Синергетика нигезендә дөньяның бердәмлеге һәм килешүчәнлеге, бөтен нәрсәнең бәйләнеше идеясе ята: «Галәмнең һәр кечкенә берәмлеге – үзенә һәм гомум яшәеш белән билгеләнгән (жанландырылган), универсумдагы барлык нәрсәләр белән бердәм яралган үзенә күрә бер дөнья» [15, 146 б.].

Дөньяның мондый бөтенлеге һәм бердәмлеге телдә беренчел тамыр нигез белән билгеләнгән этимологик оялар рәте, генетик парадигмалар аша тасвирлана. Безнең хезмәтләрдә алтай телләре гаиләсенә караган төрки, монгол,

тунгус-маньчжур телләрәндә табылган уртақ тамыр нигезләрнең кайбер этимологик оялары тикшерелә. Мәсәлән, борынғы төрки сүзлегендә теркәлгән этимологик **toγ-* тамыры түбәндәге семантик «буыннардан» тора: *toγ-* I. 1. рождаться, возникать, появляться. 2. «восходить (о светилах) (чаг.: төрки, монгол, тунгус-маньчжур төркемнәрәндә: *tuγ* знамя «нечто развевающееся; поднимающееся»); *toγ-* II. «преграда, завал, запруда; заслонка, задвижка» → *tuγ+la-* «закрывать, заделывать» [5, 584 б.]. Этимологик *toγ-* < *to* тамыры (фонетик вариантлары *tī ~ tu ~ tū ~ tō ~ tā*) аерым телләрдә түбәндәге рефлекслары күзәтелә: 1) тат., башк.: *ту-, тыу-* «рождаться, возникать, появляться», чув.: *тух-* «явиться, показаться, возникнуть»; монг. *төрө-х* «рожать» < *тү-рих* «выкидывать, выбрасывать», чаг.: *тү-рс* «икра», тат., башк.: *туг-ан* «родственник; родной», *ток-ым* «поколение; порода»; калм.: *тохм* «род, происхождение», *туг-улах-* «рождать (о животных)», эвенк.: *түү-* «телиться; выводить птенцов», *ту-уэн* «двоюродный», сол.: *ту-ни* «двоюродные братья», нег.: *тув-эн* «дети женщин из рода матери; одного рода», *ту-рул* «родственник», сол.: «перерождение»; монг.: *tu-rin* «внук», *торон* «родство; родня»; т. диал.: *ту-мача, то-мачей* «родные»; 2) монг. *тоос*, бур. *тоо-һон* «пыль (пыльный туман, пыль поднятая)», чаг.: *тоо-ро-г* «пыль» < *тог-ориху* «окружать, обступать со всех сторон»; ма.: *дүвэ* «конец», *дүб-э* «конец, вершина, острие, верх, устье»; 3) төрки: *ток-та ~ тукта; тыгыл* «преграждаемое; накрываемое, покрываемое; противоположность, противоречие; нетронутость, совершенство, абсолют; закрытый, замкнутый, *түг-әрәк* «замкнутость, круг»; тат., башк.: *туг-ар-* «распрячь»; башк.: *ток-ан*, чув.: *тав-а* «узел, петля»; монг.: *тох-ох-* «седлать, накидывать потник», *ту-ку-* «седлать», ма.: *тох(о)-* «запрягать; обшивать невод»; борынғы төрки.: *туг-ун* «узел», монг.: *тунг* «пришивная петля на платье, пробой, скоба», *ту-на* «завязка»; уд.: *туһ-и-* «удовлетворить» [16]. Этимологик оя эчендәге лексик берәмлекләргә, уртақ тамыр нигезнең үсешә белән бәйлә булганга күрә, мәгънә бөтенлегә хас. Ләкин бу мәгънә бөтенлегә системалы бәйләнешләргә яраклы рәвештә әйләнә-тирә дөньяның (табигать, кеше, жәмгыятьнең) төрлеләген дә үз эченә ала.

Нәтижәләр

Сүзнең тамыры иң гади, кыска һәм шул ук вакытта мөһим берәмлек буларак, тел феноменының үзе кебек үк бик борынғы катламны тәшкил итә. Аннан башка хәзерге телләрнең генетик кардәшлеген, лексик фондның «гомоген»лығын ачыклау мөмкин түгел. Күп гасырлар буена сузылган сүз иңат итү дә тамырга нигезләнә.

Төрки тел белемдә тарихи тамырларның табигате турында фикерләр каршылыклы. Тамыр нигезләрнең төзелешә, структур типлары турындагы эзләнүләр ике юнәлештә алып барылган. Бер яклап караганда, тарихи тамырның, аеруча ТСТ тибының бөтенлегә билгеләнсә, икенче яклап, аның агглютинация процессларына яраклы үсеш этаплары үтүе күрсәтелә. Тамыр нигезләрнең семантик билгеләре дә мөһим аспектларның берсе булып тора. Монда тамыр нигезләрнең мәгънәсә үзгәрешә, үсешә юнәлешләре, беренчел, этимологик тамыр мәгънәсенә хәзерге телдәге лексик берәмлекләренң мәгънәсә мөнәсәбәте тикшерү предметы булып тора. Хәзерге тел белемдә тамыр нигезләрнең статусы яңа парадигмаларга яраклы системалылык, синергетика принципларына таянып тикшерелә. Димәк, тамыр сүз, этимологик тамыр, тарихи тамыр мәсәләләре бүгенгә көндә дә әле ачык булып кала бирә.

Әдәбият

1. Тимирханов В. Р. Имяславие и лингвистика корня. М.: МАКС Пресс, 2007. 248 с.
2. Юнусалиев Б. М. Развитие корневых слов в киргизском языке: дис. ... докт. филол. наук. М., 1953. 38 с.
3. Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М.: Наука, 1988. 207 с.
4. Шайхулов А. Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. Уфа, РиО БашГУ, 2000. 490 с.
5. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 677 с.
6. Зайончковский А. К. К вопросу о структуре корня в тюркских языках: Глагольные основы моносиллабического (односложного) типа С+Г (согласный+гласный) // Вопросы языкознания. 1961. № 2. С. 28–35.
7. Кайдаров А. Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1986. 328 с.
8. Алпаров Г. Х. Сайланма хезмәтләр. Казан, 1945. 145 б.

9. Хангильдин В. Н. Татар теле грамматикасы: Морфология буенча очерклар. Казан: Таткнигоиздат, 1954. 335 б.
10. Кормушин И. В. Лексико-семантическое развитие корня *qa в алтайских языках // Тюркская лексикология и лексикография. М.: Наука, 1971. С.11–13.
11. Кажибекоев Е. З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках (явление синкретизма). Алма-Ата: Наука, 1985. 272 с.
12. Әхмәтъянов Р. Г. Татар терминологиясенң тарихи чыганаclarы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. 174 б.
13. Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (опыт лексико-семантического и идеографического словаря): словарь. Уфа: Восточный ун-т, 2004. Ч. I. 226 с. Ч. II. 272 с.
14. Насипов И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань: ИЯЛИ, 2009. 233 с.
15. Пятаева Н. В. Антропоцентрический и системноцентрический принципы лингвистики в динамическом исследовании лексических гнезд. Уфа: Гилем, 2006. 280 с.
16. Халиуллина Н. У. Семантическая реконструкция корневых основ в этимологическом гнезде (на материале языков алтайской семьи) // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 2 (26). С. 130–135.

Шартлы кыскартылмалар:

ДТС – Древнетюркский словарь
 МК – Мәхмүт Кашгарыйның «Диване лөгат-эт төрк» сүзлеге
 Чаг.: – чагыштыр
 Тат. – татар теле
 Башк. – башкорт теле
 Чув. – чуваш теле
 Монг. – монгол теле
 Ма. – маньчжур теле

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОРНЕВЫХ ОСНОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Нурия Усмановна Халиуллина,

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
 Россия, 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а,
 nurkha@yandex.ru.

Ильшат Сахиятуллович Насипов,

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы,
 Россия, 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а,
 nasipov2021@yandex.ru.

В данной статье дается обзор различных направлений в тюркском языкознании, связанных с исследованием корневых основ.

В работе исследуются взгляды известных тюркологов о структуре корневых основ, морфологических особенностях, семантических признаках. Первичные корни, как наиболее простые, наименьшие и в то же время важные единицы, составляют очень древний слой, как и сам языковой феномен. Их сбор, систематизация сегодня является одной из актуальных задач исследования истории языка.

Теоретическая и практическая значимость научно-исследовательской работы определяется возможностью использования основных результатов в сравнительно-исторических, этимологических исследованиях, при разработке теории корня тюркских и алтайских языков.

Ключевые слова: тюркские языки, сравнительно-историческое языкознание, корень, основа, реконструкция, этимология, диахрония, синкретизм, система

ACOUSTIC CHARACTERISTICS OF THE SOUND [A] AFTER TONGUE-TEETH AND UVULAR CONSONANTS IN THE TATAR AND KAZAKH LANGUAGES

Madina Rashitovna Sattarova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
m-sattarova@mail.ru.

Railya Musavirovna Gaifetdinova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
railya.gaifetdinova@yandex.ru.

This article compares and studies the acoustic features of the vowel sound [a] coming after tongue-teeth and uvular consonants in the Tatar and Kazakh languages. As during the speech production sounds undergo various changes, to identify them, an experimental study was conducted using the Speech Analyzer software. As a result of the comparative analysis, we have come to the conclusion that the acoustic features of the sound [a] in the Tatar and Kazakh languages depend on its position and on whether it is used in stressed or unstressed syllables.

Key words: vowels, phonetics, Tatar language, Kazakh language, acoustic signs, comparative analysis

Introduction

Linguists study world languages from different perspectives to gather information. The Turkic languages, studied in different ways, have always been the focus of researchers' attention both in Russia and abroad. It is well known that language acquisition always begins with familiarization with sounds. Memorizing phonetic features of sounds opens up great opportunities for further language learning. Vowel sounds are of great importance in describing the phonetic features of the Turkic language.

In many theoretical and practical works, the phoneme [a] is defined as the most common sound in the Turkic languages. For example, as a result of her quantitative study, A. Galiyeva described the frequency of using vowels in the Tatar language [1]. The purpose of our article is to give a comparative acoustic characteristic of the vowel [a] in the Tatar and Kazakh languages, belonging to the Kypchak group of the Turkic languages, based on the material of live speech. To achieve this goal, the following tasks were set:

- to define appropriate texts for the comparative analysis of the Tatar and Kazakh languages;
- to select from the indicated texts the words containing the vowel sound [a], located in the last position of the tongue-teeth and uvular consonants;

- to check the audio versions of the selected words through the Speech Analyzer program [2] and identify the features of the studied sound in the specified position.

Such properties of sounds as duration, intensity, frequency of vibration, that is acoustic signs, undergo certain changes during speech production. The frequency of vibration determines the duration of the sound and depends on the number of vibrations of the vocal cords measured in hertz; the more hertz, the louder the sound is. The power or intensity of the sound depends on the vibration amplitude of the vocal cords, which is measured in decibels. The duration of a vowel depends on the time taken to pronounce the vowel. The sound duration is measured in milliseconds [3]. These phenomena arise due to the influence of phonemes on phonetic contexts. The phonetic context is determined by the influence of neighboring sounds next to the vowel, whether the vowel is at the beginning or at the end of the word, whether it is in a stressed or unstressed position, as well as individual characteristics of a person. These changes were compared and analyzed using the Speech Analyzer program exemplified by the vowel sound [a] in the Tatar and Kazakh languages.

The implementation of this process was based on the audio versions of fairy tales read by a male

voice, as fairy tales are rich in emotionally expressive vocabulary, close to the literary language, at the same time, they have vivid speech features. The work consisted of several stages: the first stage was the familiarization with the text version of the work and the selection of words that included the vowel sound [a]. In order to study a vowel, it is necessary to pay attention to its positional sign, that is, whether it is at the beginning of a word, which consonant it is located after, whether it is stressed or unstressed [4]. It should be noted, that A. Junesbekov believes that there is no word stress in the Turkic languages and many other scholars agree with his opinion [5]. However, this work analyzes both stressed and unstressed variants of the language material. Within the framework of this study, we investigated the cases when the phoneme [a] is located after the tongue-teeth (d-t, z-s) and uvular (q, ʁ, kh, n,) segments. The vowel in these positions was considered in stressed and unstressed variants.

Further, the vowel [a] in these words was examined using the Speech Analyzer program and analyzed in terms of comparison.

Materials and methods of research

The chosen audio recordings in the Tatar and Kazakh languages were taken as factual materials for our research work. The main requirements for the selection of data were the presence of audio recordings in an open electronic resource, the absence of background music and the reading done by a male voice. Two audio recordings were analyzed because the tested lexical units were used more than in one audio recording. In our scientific work, we used the methods of description, comparison and experimental methods, which allowed us to comprehensively and fully reveal the topic under study.

The vowel [a] in the Tatar language was analyzed using audio recordings of the Tatar folk tales “Diyu Mulla” [6] and “Kamyr Batyr” [7]. To achieve our goal, we selected words corresponding to each aspect of the Tatar language. They are listed in Table 1:

Table 1

position of consonants' formation	stressed	unstressed
tongue-teeth	<i>chaʒyndá</i>	<i>sa</i>
uvular	<i>ʒ á</i>	<i>kha</i>

The sound of the vowel [a] in the Kazakh language was analyzed based on an audio recording of the Kazakh folk tales “Onege” [8] and “King Solomon and the Owl” [9], read by a male voice. To achieve this goal, we selected Kazakh words corresponding to each aspect of the language. They are shown in Table 2:

Table 2

position of consonants' formation	stressed	unstressed
tongue-teeth	<i>qylsa</i>	<i>shah ráz</i>
uvular	<i>aʒásh</i>	<i>sha h r</i>

Discussion

Acoustic features of the vowel [a] in the Tatar language

1. Using the vowel [A] after the tongue-teeth consonants:

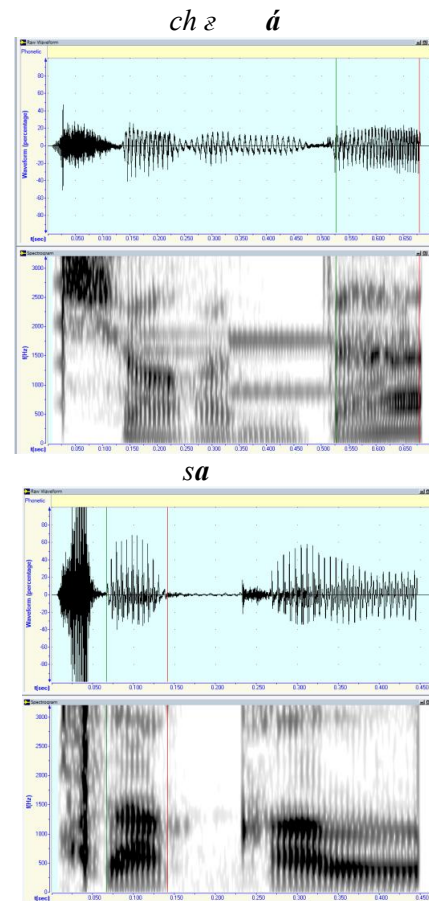

Figure 1

In Figure 1, there is no significant difference in the share of vowels in stressed and unstressed positions. The spectrogram shows that the sound ratio is 10-15% higher when the phoneme is in a weak position. The duration of the stressed vowel is longer than the unstressed one: in the first case it is 0.1530 s, in the second - 0.0740 s.

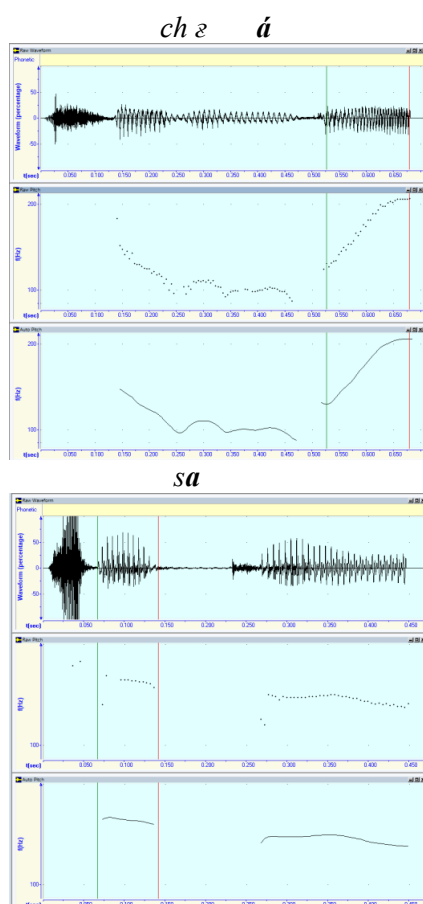
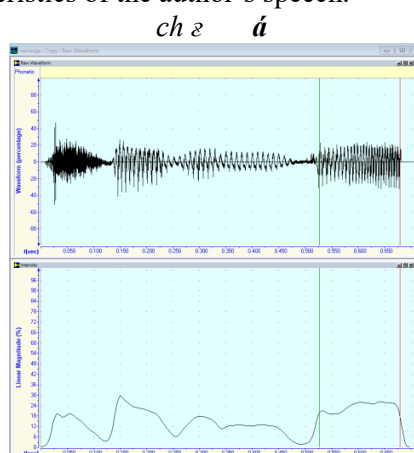

Figure 2

In Figure 2, we observe the frequency characteristics of the vowels: in the word *chə* the vowel [a] starts at 123 Hz and ends at 208 Hz, in the word *sa* - 157 Hz and 152 Hz. Hz. In the stressed variant, the frequency of the vowel tends to increase, and in the unstressed variant it tends to decrease, but no significant changes are observed. This feature depends on the characteristics of the author's speech.

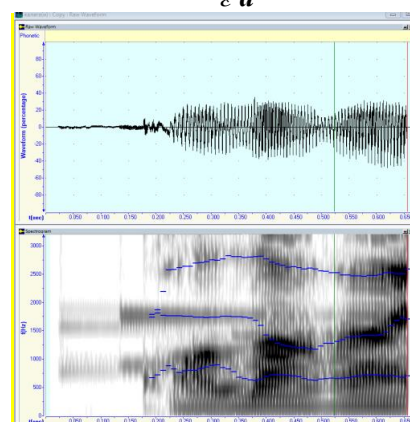
sa

Figure 3

In Figure 3, the sound power is as follows: in a loud position, it starts at 14.9 dB (24%), peaks at 11.7 dB (26%), and ends at 13.3 dB (21%).); in the unstressed version, the starting point is - 14.7 dB (19%), 7.9 dB (40%) – the peak time, 21 dB (9%) – the end.

2. The use of the vowel [a] after uvular consonants:

ə á

kha

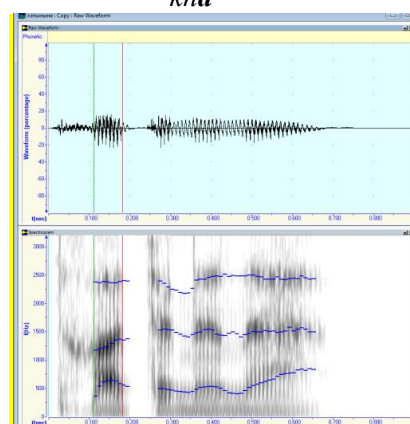

Figure 4

This spectrogram shows that the voice is more involved when the vowel [a] is pronounced in a

strong position. As for length, this option has a longer pronunciation - 0.1321 s, and in unstressed positions it lasts for 0.0706 s.

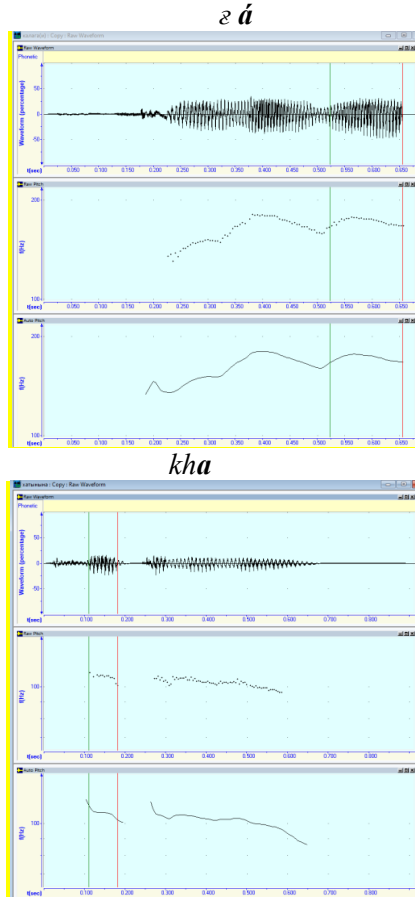

Figure 5

As it can be seen from the graph in Figure 5, the vowel [a] in these words does not undergo significant frequency changes. The pronunciation of the word *ε á* starts at 166 Hz and ends at 167 Hz, with the peak at 177 Hz. corresponding to the first part. In the word *kha*, the frequency at the beginning of the sound is 115.3 Hz, and at the end - 102.4 Hz.

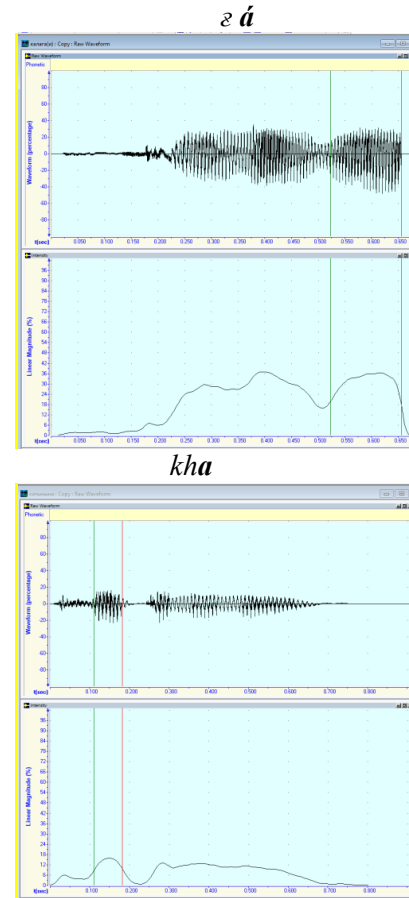

Figure 6

When comparing the intensity graphs in Figure 6 we can observe that both variants of noise give the same line motions, but with different indices. The pressure option starts at 14.5 dB (19%), peaks at 8.8 dB (37%) and drops to 14.4 dB (19%) at the end. Without pressure, it starts at 22.5 dB (8%), peaks at 16 dB (16%), and ends at 19.6 dB (11%).

Table 3 shows a summary of the results after being checked with the software.

Table 3

		Length (s)	Frequency (Hz)	Intensity (dB)	Word stress
Tongue-teeth	<i>ch ε á</i>	0.1530 c.	123 – at the start 208 – at the end	-14.9 (24%) – at the start -11.7 (26%) – at the peak -13.3 (21%) – at the end	+
	<i>sa</i>	0.0740 c.	157 – at the start 152 – at the end	-14.7 (19%) – at the start -7.9 (40%) – at the peak -21 (9%) - at the end	
uvular	<i>ε á</i>	0.1321 c.	166 –at the start 177 – at the peak 167 – at the end	-14.5 (19%) – at the start -8.8 (37%) – at the peak -14.4 (19%) – at the end	+
	<i>kha</i>	0.0706 c.	115.3 –at the start 102.4 – at the end	-22.5 (8%) – at the start -16 (16%) – at the peak -19.6 (11%) – at the end	

As we can see in the table, the acoustic indicators of the vowel [a] with the stressed variant are generally higher than in the unstressed variant in both positions. When comparing the length, the difference between the variants of the phonemes is 2 units after tongue-teeth consonants and 1.8 times longer after uvular consonants. Since the frequency and intensity of pronounced sounds can change several times without taking into account a single indicator, the table shows the highest and lowest options. In the first case, the height difference is 0.9 times, in the second - 1.5. When pronouncing the stressed variant, the frequency of the voice in the first position begins with a low tone and ends with a high tone, in the second – it rises from low to high and drops back to the starting point, in the case of decompression, both start from a high frequency and end with a low frequency. Stressed and unstressed variants are generally pronounced with the same intensity, the difference between them is not great – 1.05; the difference is twice greater when it comes after uvular consonants. Thus, the acoustic properties of the vowel [a] in Tatar undergo a change relative to a drop/non-drop stress and to the type of a consonant that comes before it.

Acoustic features of the vowel [a] in Kazakh

1. The use of the vowel [a] after tongue-teeth consonants:

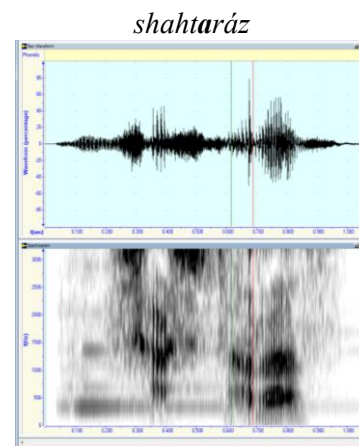
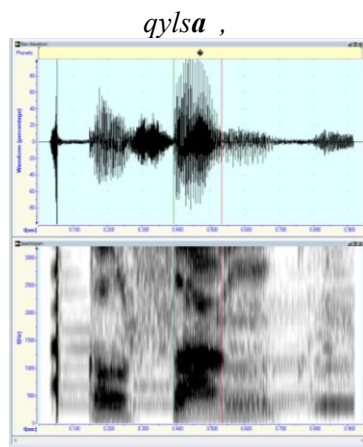

Figure 7

Looking at the spectrogram in Figure 7, we can see that the voice is more pronounced when producing the stressed [a] sound in the word *qylsa* ,. As for the length of the vowels, the length of the [a] vowel in the word *qylsa* , is 0.1403 s, and the length of the vowel [a] in the second syllable in the word *shahtaráz* is 0.0731 s. Thus, the vowel phoneme has a 1.9 times longer pronunciation when it is in the stressed position.

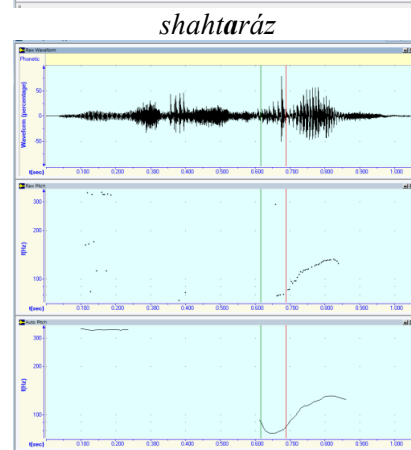
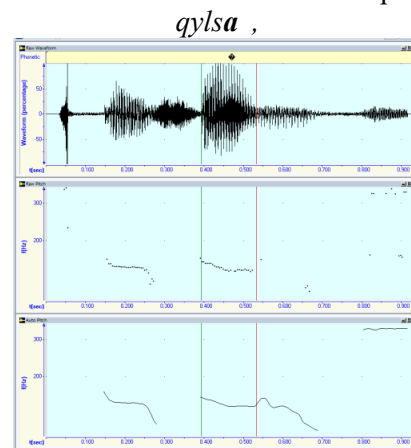

Figure 8

Figure 8 shows the frequency of the sound [a] in the given words. In the word *qylsa*, it starts from the high point – 159 Hz, at the end it is – 144.8 Hz, the lowest point is – 143.7 Hz, and in the word *sh sh ráz*, the frequency is 91.1 Hz at the beginning; then, at the lowest point, it is – 77.4 Hz; at the end, it is 150 Hz. In this variant, the high position of the sound corresponds to its final part.

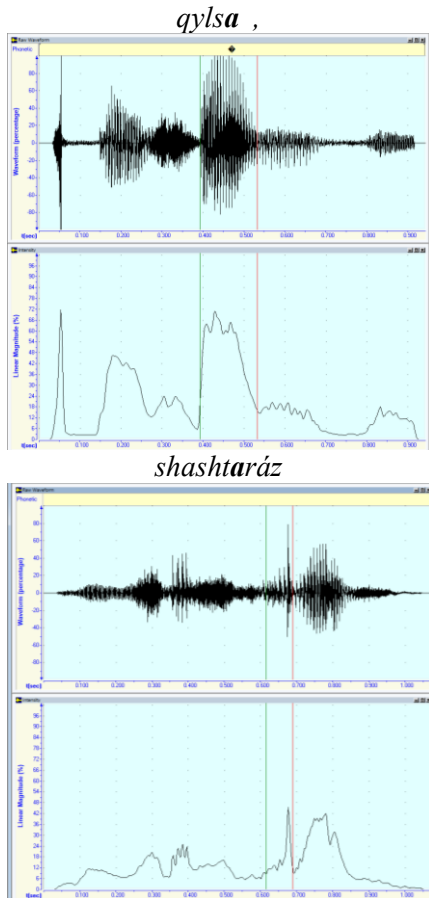

Figure 9

Based on the Figure 9, we can determine the strength of the vowel [a]: in the word *qylsa*, it starts with 15.7 dB (16%) and ends with 15.7 dB (21%) and in the first part of the vowel it has the highest strength – 3 dB (71%). The word *shashtaráz* starts from the lowest intensity – 21.5 db (9%), rises to the highest point – 6.8 db (46%) and ends with - 17.4 db (14%). As we can see in the graph, the intensity of the [a] sound is higher in the case of its strong position.

2. The use of the vowel [A] after uvular consonants:

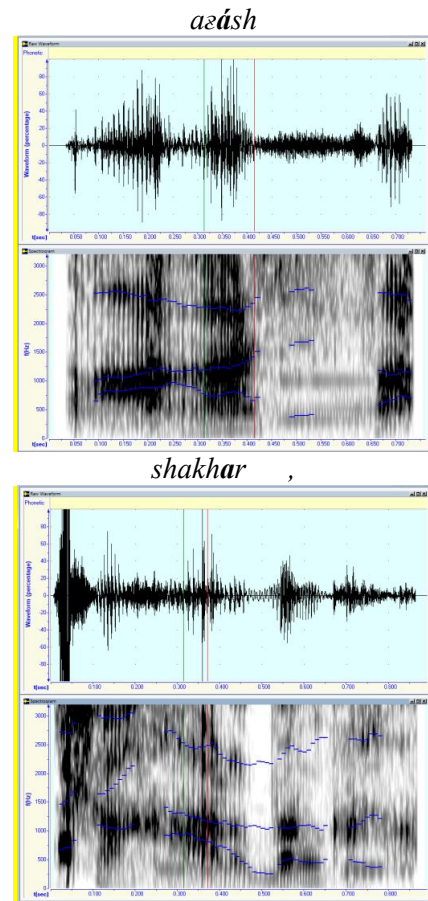
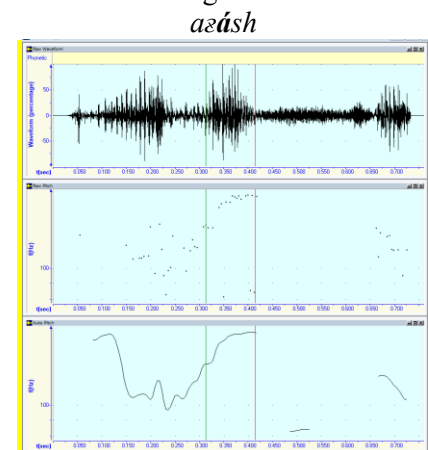

Figure 10

From this spectrogram, it is clear that the vowel [a] is more involved when it is pronounced in a strong position. Even when it comes to its length, that variant has a longer pronunciation – 0.1015 s, and 0.0570 s – in the case of an unstressed variant. Based on the figures, we can determine that the option that comes in a strong position is 1.7 times longer.

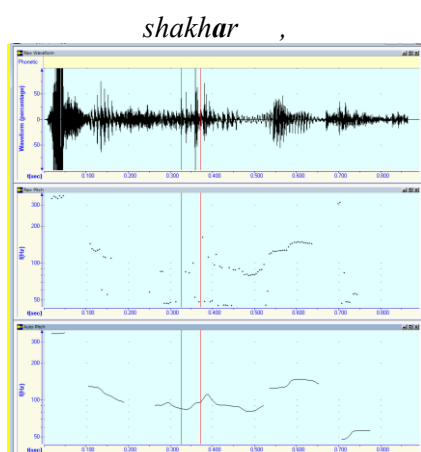

Figure 11

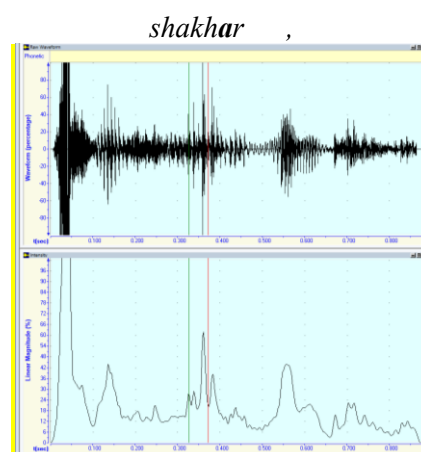

Figure 12

As we can see in the graph in Figure 11, the [a] sound in the given words does not undergo significant changes depending on the height. In the word *azúsh*, the sound begins at a low point of 137 Hz and ends at a high point of 169 Hz. In the word *shakhar*, the frequency at the beginning of the voice is 87.4 Hz, at the end it is 95.4 Hz, and the lowest point of vibration is 84 Hz. The high point of the sound corresponds to its end, and the low point – to the first part.

If we compare the intensity graphs in Figure 12, both variants of the sound produce a similar linear movement, that is, they rise suddenly and fall suddenly, the difference is observed in waves of different amplitudes. However, changes of different amplitudes are observed. The stressed variant starts at 16.2 db (16%), peaks at 9.2 db (35%), and drops to 15 db (18%). In an unstressed position it starts at 9.2 db (35%), peaks at 6.7 db (46%) and ends at 12.6 db (23%).

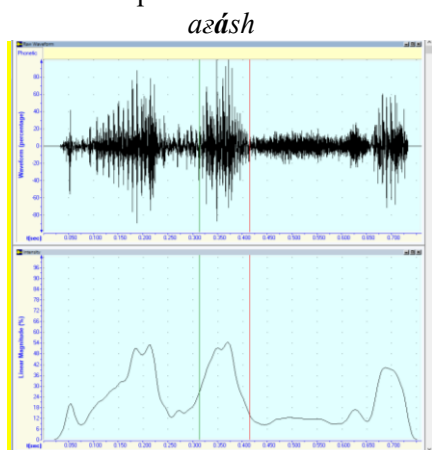

Table 4

		Length (s)	Frequency (Hz)	Intensity (Db)	Word stress
tongue-teeth	<i>qyls n,</i>	0.1403	159 – at the start 143.7 – the lowest point 144.8 – at the end	-15.7 (16%) – at the start -3 (71%) – the highest point -15.7 (16%) – at the end	+
	<i>shashtaráz</i>	0.0731	91.1 – at the start 77.4 – the lowest point 85 – at the end	-21.1 (9%) – at the start -6,8 (46%) – the highest point -17.4 (14%) – at the end	
uvular	<i>azúsh</i>	0.1015	137 – at the start 169 – at the end	-11.8 (26%) – at the start -5.3 (55%) – the highest point -16.8 (15%) – at the end	+
	<i>shakhar ,</i>	0.0570	87.4 – at the start 84 – the lowest point 95.4 – at the end	-16.6 (15%) – at the start -4.2 (62%) – the highest point -12.7 (23%) – at the end	

Based on the indicators given in the table, we can determine the acoustic characteristics of the vowel [a] in both positions: in the case of a stressed position they are higher than in an unstressed position. When comparing the length, the difference between the phoneme variants is 1.9 times longer after the tongue-teeth consonants, and 1.7 times longer after the uvular consonants. Since the frequency and intensity of the pronounced sounds tend to change several times without taking a single indicator, the table shows the highest and lowest options. The height difference is 1.7 times in both cases. In stressed and unstressed positions, the voice is basically pronounced with the same intensity, the difference between them is not great: 1.5 after tongue-teeth consonants, 1 – after uvular consonants.

Thus, the acoustic parameters of the vowel [a] in the Kazakh language are subjected to a relative change depending on the stressed/unstressed position and on which consonant comes before the vowel.

Results

The results of this study help to determine that the acoustic signs of the vowel [a] in the Tatar and Kazakh languages depend on its position and whether it is stressed or unstressed during speech production. When a stress is applied, all signs of a stressed sound are higher than an unstressed one's. The consonants, coming before the studied vowel, also change their acoustic characteristics in different ways, depending on the organs involved in the formation of the sound. The Tatar version is longer than the Kazakh version in all positions. The frequency index of the vowel [a] is higher in the Tatar language when it comes after tongue-teeth and uvular consonants. We can see that the vowel [a] in the Kazakh language has a higher intensity indicator, which means that it has a stronger pronunciation than its variant in the Tatar language.

Conclusion

Thus, we have studied and compared the acoustic characteristics of the vowel [a] in the Tatar and Kazakh languages, which belong to the Kipchak group of the Turkic languages. In the course of the study, we have determined the characteristics of each language and identified the similarities and differences between the two languages. It should be noted that our research is

based on the audio recordings, which made it possible to investigate the acoustic features that appear in the course of live speech. The obtained results cannot be defined as absolute indicators of the vowel, but provide reasonable information for the perception of the phoneme. Further research into the characteristics of other vowels, their comparison and analysis of phonetic indicators in terms of the Turkic languages development will emphasize their value in learning the language and exploring the changes in the course of speech production.

The study and its results could be a reference material for phonetics researchers, an additional source for teachers and students of colleges and universities, and for those who are interested in science in general in order to develop their knowledge in this field.

References

1. Galieva, A. M. (2022). *Raspredeleniye fonem v tatarskom tekste: opyt kvantitativnogo issledovaniya* [The Distribution of Phonemes in the Tatar Text: The Experience of a Quantitative Study]. Ural-Altai studies. No. 3, pp. 30-42. (In Russian)
2. *Speech Analyzer*. URL: <https://speech-analyzer.software.informer.com/3.0/> (accessed: 25.09.2021). (In Russian)
3. Baychura, U. Sh. (1963). *Tatar telemen kayber fonetika uzenchaleklare (experimental-phonetic maglumatlar buyencha)* [Some Phonetic Features of the Tatar Language (according to experimental phonetic data)]. Tatar tele ham adabiyaty masalalare. Pp. 127-140. Kazan. (In Tatar)
4. Artemov, V. A. (1956). *Experimentalnaya fonetika* [Experimental Phonetics]. Pp. 141-142. Moscow, izdatelstvo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russian)
5. Yunisbekov, A. (1988). *Problemy tyurkskoi slovesnoi prosodii: aftoreferat diss.doktora nauk* [Problems of Turkic Verbal Prosody: Doctoral Thesis Abstract]. Alma-Ata, 58 p. (In Russian)
6. *Diyu mulla* [Monster Mullah]. URL: <https://web.ligaudio.ru/mp3/> (accessed: 16.07.2022). (In Tatar)
7. *Kamyr batyr* [A Hero Made from Dough]. URL: <https://web.ligaudio.ru/mp3/> (accessed: 16.07.2022). (In Tatar)
8. *Onege* [Onege]. URL: <https://bala.soyle.kz/audioandfilm?type=1> (accessed: 29.07.2022). (In Kazakh)
9. *Suleymen patsha men baygyz* [Suleyman King and a Rich Man]. URL: <https://bala.soyle.kz/audioandfilm?type=1> (accessed: 29.07.2022). (In Kazakh)

ТАТАР ҺӘМ КАЗАХ ТЕЛЛӘРЕНДӘ [А] АВАЗЫНЫҢ ТЕЛ-ТЕШ ҺӘМ КЕЧЕ ТЕЛ ТАРТЫКЛАРЫННАН СОҢГЫ ПОЗИЦИЯДӘГЕ АКУСТИК БИЛГЕЛӘР

Мәдинә Рәшит кызы Саттарова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
m-sattarova@mail.ru.

Раилә Мөсәвир кызы Гайфетдинова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
railya.gaifetdinowa@yandex.ru.

Мәкаләдә татар һәм казах телләрендә [а] сузык авазының тел-теш һәм кече тел тартыкларынан соңгы позициядә акустик үзенчәлекләре чагыштырып өйрәнелде. Жанлы сөйләм барышында авазларның төрле үзгәрешләргә дучар булуын истә тотып, аларны билгеләр өчен Speech Analyzer программасы ярдәмендә эксперименталь тикшерү үткәрелде. Чагыштырма анализ ясау нәтижәсендә татар һәм казах телләрендә [а] сузыгының акустик билгеләре аның позициясенә һәм басымлы яки басымсыз ижеккә кулланылуына бәйле булуы ачыкланды.

Төп төшенчәләр: сузык авазлар, фонетика, татар теле, казах теле, акустик билгеләр, чагыштырма анализ

Кереш

Телче галимнәр дөньядагы телләр турында мәгълүмат туплар өчен аларны төрле яклап өйрәнәләр. Төрки телләр дә игътибардан читтә калмыйча, төрле яклап туган илебез һәм чит ил галимнәре тарафыннан тикшерелә. Билгеле булганча, телләргә үзләштерү һәрвакыт авазлар белән танышудан башлана. Авазларның яңгыраш үзенчәлекләрен истә калдыру алга таба телне өйрәнүгә зур мөмкинлекләр ача. Төрки телләрнең дә яңгыраш үзенчәлекләрен тасвирлауда сузык авазлар зур әһәмияткә ия.

Күп кенә фәнни-гамәли хезмәтләрдә [а] фонемасы төрки телләрдә иң киң таралган сузык аваз дип билгеләнә. Мәсәлән, А. М. Галиева квантитатив эзләнүләр барышында компьютер ярдәмендә татар телендә авазлар кулланылу ешлыгын тасвирлаган хезмәтендә бу турыда искәртә [1]. Мәкаләбезнең максаты итеп төрки телләрнең кыпчак төркеменә кергән татар һәм казах телләренең [а] сузык авазына жанлы сөйләм материалы нигезендә чагыштырма акустик характеристика бирүне билгеләдек. Әлегә максатка ирешер өчен түбәндәге бурычлар куелды:

- татар һәм казах телләрендә чагыштырма анализ ясау өчен текстлар билгеләү;
- билгеләнгән текстлардан [а] сузык авазы кергән һәм әлегә сузык тел-теш, кече тел

тартыкларынан соңгы позициядә килгән сүзләргә аерып алу;

– сайланган сүзләрнең аудио вариантларын Speech Analyzer [2] программасы аша тикшерү һәм өйрәнелә торган авазның билгеләнгән позициядәге үзенчәлекләрен ачыклау.

Жанлы сөйләм барышында авазларның озынлык, интенсивлык, тирбәнәш ешлыгы кебек үзенчәлекләре, ягъни акустик билгеләре үзгәрешкә дучар була. Тирбәнәш ешлыгы авазның озынлыгын билгели, тавыш ярыларының тирбәнәшләр санына бәйле була һәм герцлар белән үлчәнә; герцлар күбрәк булган саен тавыш югарырак дигән сүз. Авазның көче яки интенсивлыгы тавыш ярылары тирбәнәшләренең амплитудасына бәйле, ул децибел дигән берәмлек белән үлчәнә. Авазның озынлыгы авазны әйтү өчен сарыф ителгән вакытка бәйләнгән. Аваз озынлыгы миллисекундлар белән үлчәнә [3]. Бу күренешләр фонемаларның фонетик контекстлар тәэсиреннән барлыкка килә. Фонетик контекст сузык янында килгән күрше авазлар тәэсире, сузыкның сүз башында яки ахырында килүе, басымлы яки басымсыз позициядә булуы һәм кешенең индивидуаль үзенчәлекләре белән аңлатыла. Әлегә үзгәрешләр татар һәм казах телендәге [а] сузык авазы мисалында Speech Analyzer программасы ярдәмендә чагыштырылды һәм анализланды.

Әлеге процессны башкарыр өчен өйрәнелә торган телләрдә эмоциональ-экспрессив лексикага бай, әдәби телгә якин һәм шул ук вакытта жанлы сөйләм үзенчәлекләренә ия булган әкият текстларының ир-ат тарафыннан укылган аудио вариантлары нигез булды. Эш берничә этаптан торды: беренче этап әсәрнең текст варианты белән танышу һәм [а] сузык авазы кергән сүзләргә сайлап алудан гыйбарәт. Сузык авазны тикшерер өчен аның позициян үзенчәлегенә игътибар итәргә кирәк, ягъни сүз башында килү-килмәве, кайсы тартык аваздан соң кулланылуы һәм басымлы яки басымсыз булуы әһәмияткә ия [4]. Шунан әйтәп китәргә кирәк, А. Джунесбеков төрки телләрдә сүз басымы юк дип санып һәм күп кенә башка галимнәр да аның фикере белән килешә [5]. Шулай да, әлеге хезмәттә тел материалының басымлы һәм басымсыз вариантлары да тикшерелде. Әлеге тикшеренү эше кысаларында [а] фонемасы тел-теш (д-т, з-с) һәм кече тел (к, җ, х, н) тартыкларынан соң килгән очракларда өйрәнелде. Сузык аваз әлеге позицияләрдә басымлы һәм басымсыз вариантларда каралды.

Алга таба әлеге сүзләрдәге [а] сузыгы Speech Analyzer программасы ярдәмендә тикшерелде һәм чагыштыру аспекты алынган анализланды.

Тикшеренү материаллары һәм методлары

Тикшеренү эше өчен фактик материаллар буларак, татар һәм казах телләрендәге аудиоязмалар алынды. Аудиоязмаларның ачык электрон ресурста булуы, фәнни тикшеренү эшендә карала торган сүзләр әйтелгән вакытта язмаларда музыкаль фон булмавы һәм ир-ат тарафыннан укылуы материалларны сайлауда төп таләпләр буларак билгеләнде. Тикшерелә торган лексик берәмлекләр бер генә әкиятнең аудиоязмасында кулланылмау сәбәпле, ике аудиоязма анализланды. Өйрәнелә торган теманы һәрәкәтләп һәм тулы ачар өчен фәнни эшбездә тасвирлау, чагыштыру һәм эксперимент методлары кулланылды.

Татар телендәге [а] сузык авазы «Дию мулла» [6] һәм «Камыр батыр» [7] татар халык әкиятләренәң аудиоязмалары ярдәмендә анализланды. Куелган максатка ирешү өчен татар телендә һәрбер аспектта туры килә торган сүзләр сайланып алынды. Алар 1 нче таблицада күрсәтелгән:

1 нче таблица

тартыкларның ясалу урыны	басымлы	басымсыз
тел-теш	чагында	с каллы
кече тел	кала	х тыны

Казах телендәге [а] сузык авазы ир-ат тарафыннан укылган «Өнеге» [8], «Сүлеймен патша мен байғыз» [9] казах халык әкиятләренәң аудиоязмасы нигезендә анализланды. Куелган максатка ирешү өчен казах телендә һәрбер аспектта туры килә торган сүзләр сайлап алынды. Алар 2 нче таблицада күрсәтелгән:

2 нче таблица

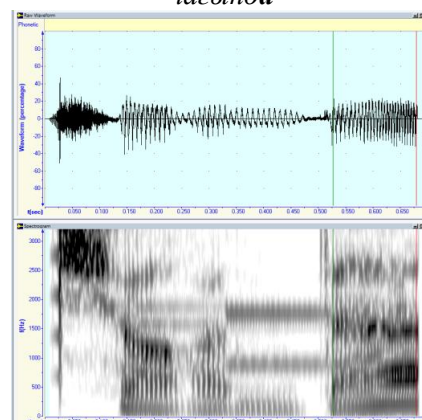
тартыкларның ясалу урыны	басымлы	басымсыз
тел-теш	кылс ң (кылсаң)	шаит рәз (чәчтараи)
кече тел	агъи (агач)	шах рдың (шәһәрнең)

Фикер алышу

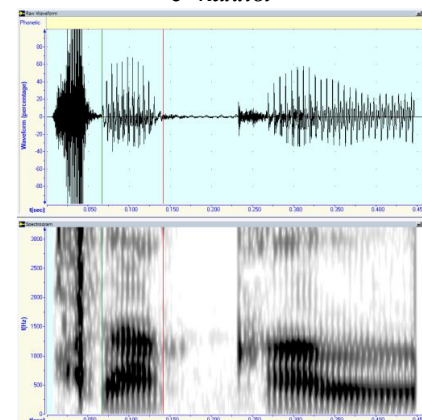
Т т р телендә [] в зыны ң кустик үзенчәлекләре

1. [а] сузык авазының тел-теш тартыкларынан соң кулланылуы:

чагында

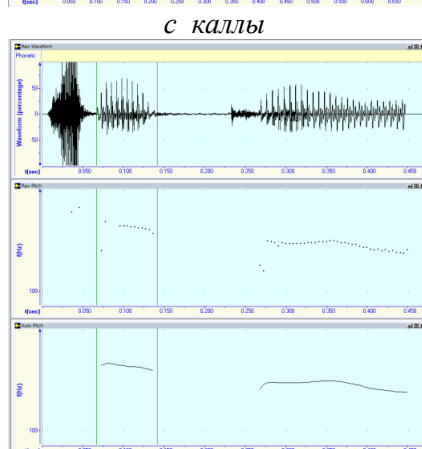
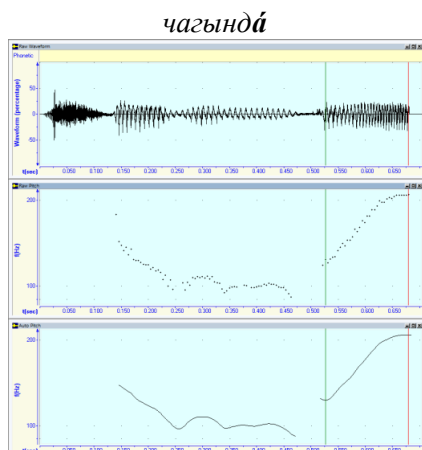

с каллы

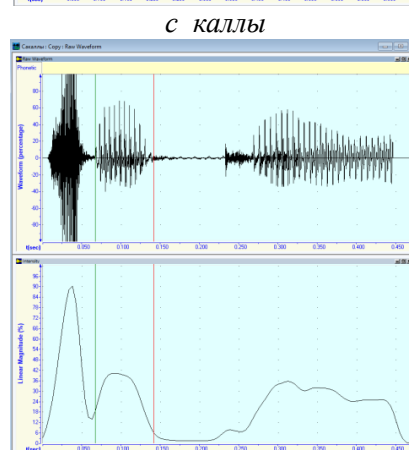
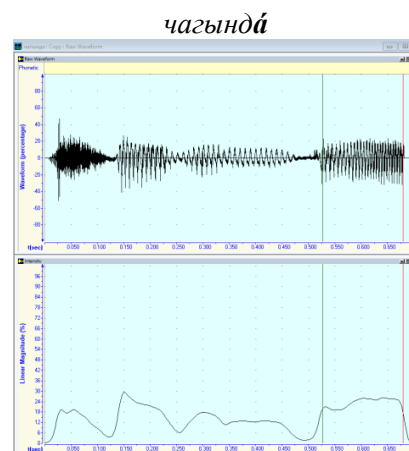
1 нче рәсем

1 нче рәсемдә басымлы һәм басымсыз позициядә килгән вакытта авазның әйтелешендә тавышның катнашында зур аерма юк. Спектрограмма ярдәмендә, фонема көчсез позициядә килгәндә, тавышның катнашы 10-15 % күбрәк икәнен күрергә мөмкин. Басымлы сузык аваз озынлыгы буенча басымсыздан озынрак: беренче очракта – 0.1530 с., икенчесендә 0.0740 с. тәшкил итә.

2 нче рәсем

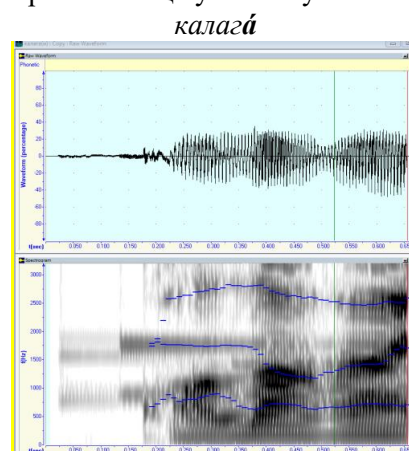
2 нче рәсемдә авазларның ешлык үзенчәлекләрен күзәтәбез: *чагында* сүзендә [а] авазы 123 Гц белән башлана һәм 208 Гц белән тәмамлана, *с каллы* сүзендә – 157 Гц һәм 152 Гц тәшкил итә. Басымлы вариантта авазның ешлыгы үсүгә таба бара, басымсыз фонемада кимү булса да, зур үзгәреш күзәтелми. Бу үзенчәлек авторның сөйләм үзенчәлекләренә бәйле.

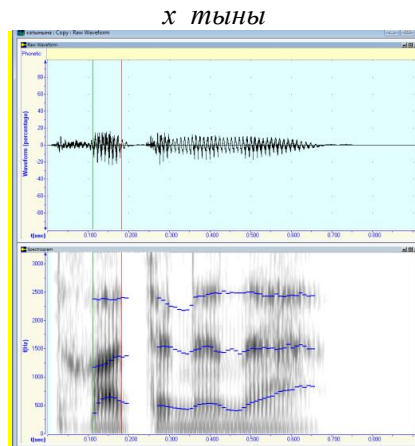

3 нче рәсем

3 нче рәсемдә авазның көче түбәндәгечә: көчле позициядә ул 14.9 дБ белән (24%) башлана, 11.7 дБ да (26%) иң югары ноктага житеп, 13.3 дБ (21%) белән тәмамлана; басымсыз вариантта башлангыч ноктасы – 14.7 дБ (19%), 7.9 дБ (40%) – югары вакыты, 21 дБ (9%) белән тәмамлана.

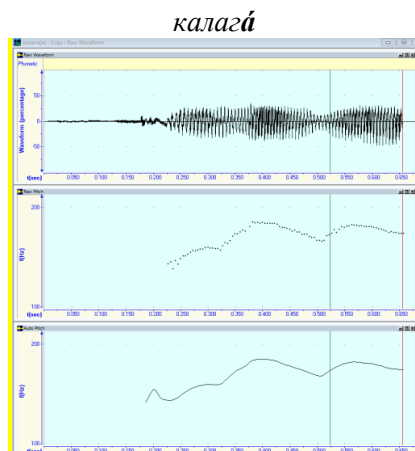
2. [а] сузык авазының көче тел тартыкларынан соң кулланылуы:

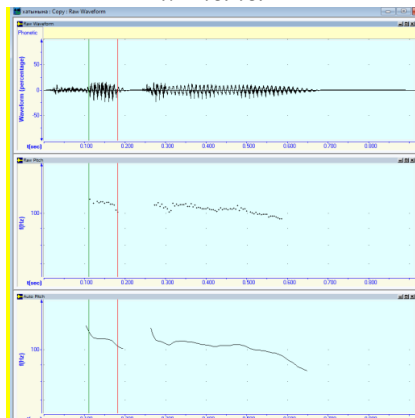

4 нче рәсем

Әлеге спектрограммадан [а] авазын көчле позициядә әйткән вакытта тавышның күбрәк катнашуы ачык күренә. Озынлыкка килгән вакытта, ул вариант озынрак әйтелешкә ия – 0.1321 с., ә басымсыз очракта 0.0706 с. тәшкил итә.

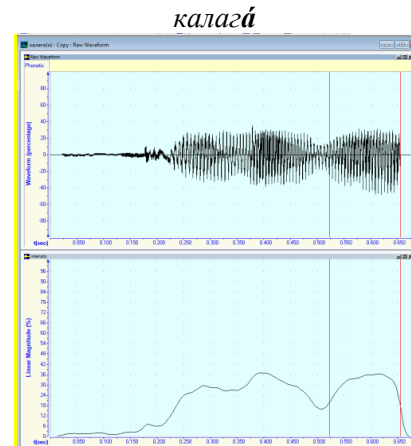

Х тыны

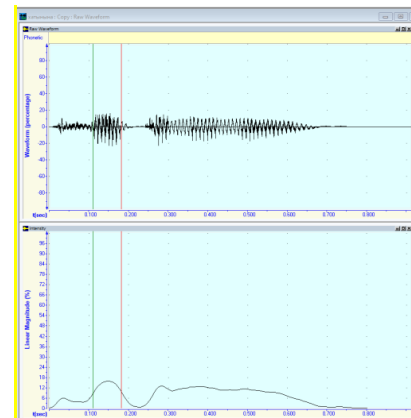

5 нче рәсем

5 нче рәсемдәге графиктан күренгәнчә, әлеге сүзләр эчендә карала торган [а] авазы зур ешлык үзгәрешләренә дучар түгел. *Калагá* сүзен 166 Гц башлана һәм 167 Гц белән тәмамлана, югары ноктасы 177 Гц беренче өлешкә туры килә. *Х тыны* сүзендә ешлык аваз башында – 115.3 Гц, ахырында – 102.4 Гц тәшкил итә.

Х тыны

6 нчы рәсем

6 нчы рәсемдәге интенсивлык графикларын чагыштырганда, авазның ике варианты да охшаш сызык йөрешен тудыра, ләкин төрле күрсәткечләргә ия. Басымлы вариант 14.5 дБ белән (19%) башлана, иң югары ноктасы 8.8 дБ га (37%) җитә, ахырдан 14.4 дБ га кадәр (19%) төшә. Басымсыз очракта 22.5 дБ дан (8%) башланып, 16 дБ да (16%) югары ноктасына җитә һәм 19.6 дБ (11%) белән тәмамлана.

Программа ярдәмендә тикшергәннән соң чыккан күрсәткечләрнең жыйнак вариантын 3 нче таблицада күрсәттек.

3 нче таблица

		Озынлык (с)	Ешлык (Гц)	Интенсивлык (дБ)	Фраза басымы
тел-теш	<i>чагында</i>	0.1530 с.	123 – башында 208 – азагында	-14.9 (24%) – башында -11.7 (26%) – иң биеге -13.3 (21%) – азагында	+
	<i>с каллы</i>	0.0740 с.	157 – башында 152 – азагында	-14.7 (19%) – башында -7.9 (40%) – иң биеге -21 (9%) – азагында	
кече тел	<i>кала</i>	0.1321 с.	166 – башында 177 – иң биеге 167 – азагында	-14.5 (19%) – башында -8.8 (37%) – иң биеге -14.4 (19%) – азагында	+
	<i>х тыны</i>	0.0706 с.	115.3 – башында 102.4 – азагында	-22.5 (8%) – башында -16 (16%) – иң биеге -19.6 (11%) – азагында	

Таблицада күренгәнчә, басым төшкән очракта ике позициядә дә [а] сузыгының акустик күрсәткечләре басымсыз вариант белән чагыштырганда, нигездә, югарырак. Озынлыкны чагыштырганда, тел-теш тартыгыннан соң килгәндә, фонема вариантлары арасындагы аерма 2 берәмлекне тәшкил итә, ә кече тел тартыгынан соң – 1,8 тапкыр артыграк. Авазларны әйткән вакытта ешлык һәм интенсивлык бер генә күрсәткеч алмыйча, берничә тапкыр үзгәрешкә дучар булу сәбәпле, таблицада иң югары һәм иң түбән вариантлар күрсәтелде. Югарылык аермасы беренче очракта 0.9 тапкыр, икенчесендә – 1.5. Басымлы вариантны әйткән вакытта беренче позициядә дә аваз ешлыгы кечкенә күрсәткечтән башлана һәм югары күрсәткеч белән тәмамлана, икенчесендә – түбәннән югарыга күтәрелеп, яңадан башлангыч күрсәткечкә төшә, ә басымсыз очракта икенсендә дә югары ешлыктан башланып, түбән ешлык белән тәмамлана. Тел-теш тартыгыннан соң килгән очракта басымлы һәм басымсыз вариантлар, нигездә, бер төрле интенсивлык белән әйтелә, алар арасындагы аерма зур түгел – 1.05; кече тел тартыкларыннан соң килгәндә, аерма 2 тапкыр.

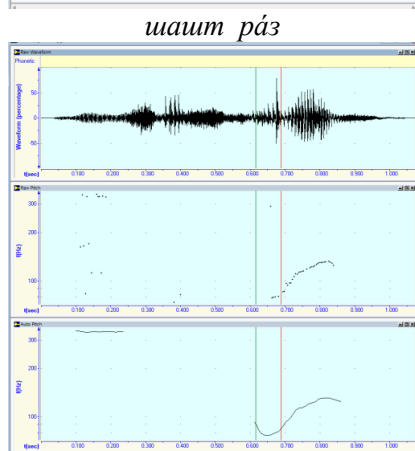
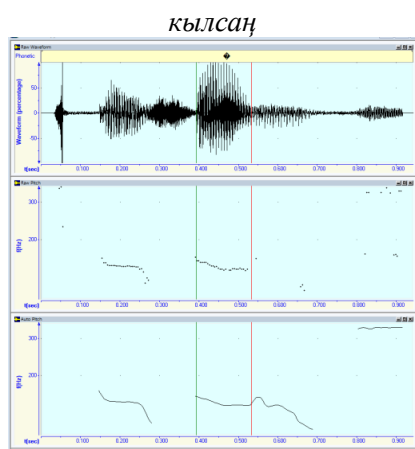
Шулай итеп, татар телендә [а] сузык авазының акустик күрсәткечләре басым төшү / төшмәү һәм кайсы тартык аваздан соң килүгә нисбәтле үзгәрешкә дучар була.

Казах телендә [а] авазының акустик үзенчәлекләре

1. [а] сузык авазының тел-теш катнашы ярдәмендә ясалган тартыклардан соң кулланылуы:

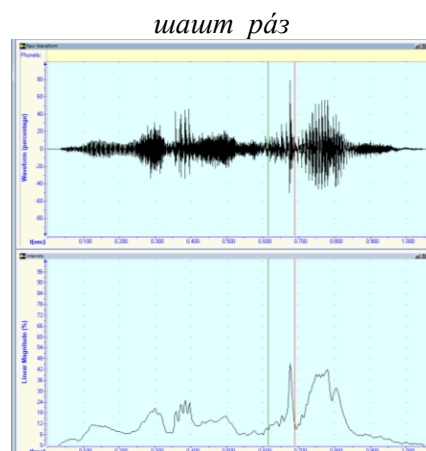
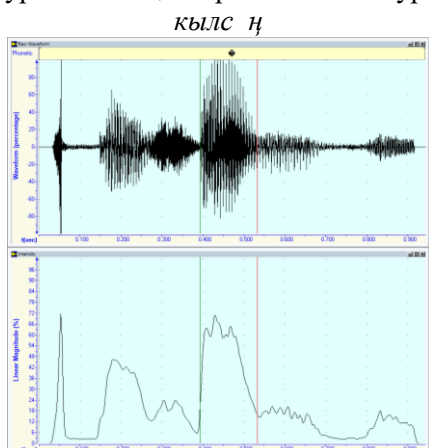

7 нче рәсемдәге спектограмманы караганда, *кылс ң* сүзендәге басымлы [а] авазын әйткәндә, тавыш күбрәк кулланылганы билгеләнә. Авазларның озынлыгына килгәндә, *кылс ң* сүзен әйткәндә, [а] авазының озынлыгы – 0,1403 с., *шаит р* сүзендәге икенче ижеккә [а] авазының озынлыгы 0,0731 с. тәшкил итә. Әлегә очракта басымлы позициядә килгән вакытта сузык фонема 1.9 тапкырга озынрак әйтелешкә ия.

8 нче рәсем

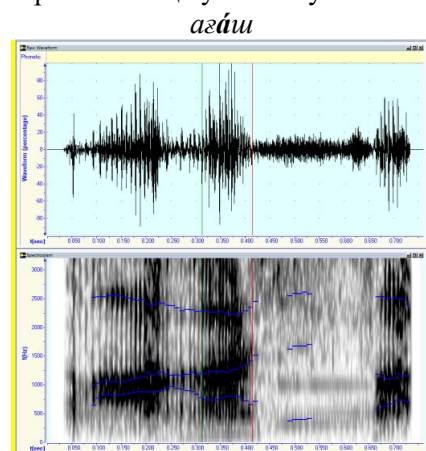
8 нче рәсәмдә бирелгән сүзләрдә [a] авазының ешлыгы күрсәтелгән. Ул *кылс ң* сүзендә – югары ноктадан башлана – 159 Гц, ахырында 144.8 Гц, иң түбәнә 143.7 Гц, ә *шаиит рáз* сүзендә – башында 91.1 Гц, аннары иң түбән урынында 77.4 Гц күзәтелә, ахырында 150 Гц тәшкил итә. Әлегә вариантта авазның югары урыны аның ахыргы өлешенә туры килә.

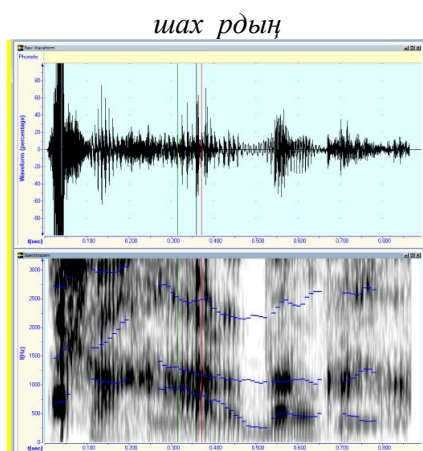

9 нчы рәсем

Әлегә 9 нчы рәсәмнән чыгып, [a] авазының алдагы көчләрән билгели алабыз: *кылс ң* сүзендә 15.7 дБ дан (16%) башланып, 15.7 дБ (21%) белән тәмамлана һәм аның эчендә аваз беренче өлешендә иң югары – 3 дБ (71%) көчкә ия; *шаиит рáз* сүзе иң түбән интенсивлыктан – 21.5 дБ (9%) башланып, иң югары ноктасына менә – 6.8 дБ (46%) һәм 17.4 дБ (14%) белән тәмамлана. Графиктан күренгәнчә, көчле позициядә килгән очракта [a] авазының интенсивлыгы югарырак.

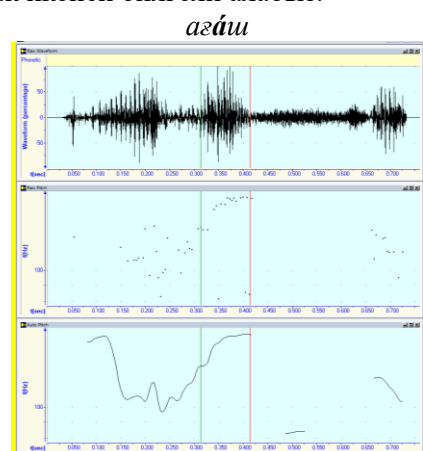
2. [a] сузык авазының кече тел тартыкларынан соң кулланылуы:

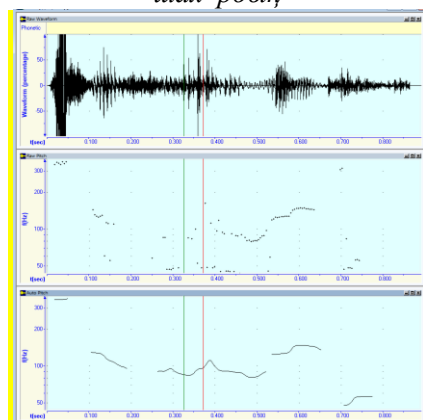

10 нчы рәсем

Әлеге спектограммдан [а] авазының көчле позицияда әйтелген вакытта тавышның күбрәк катнашуы ачык күренә. Озынлыкка килгән вакытта да ул вариант озаграк әйтелешкә ия – 0.1015 с., ә басымсыз очракта 0.0570 с. тәшкил итә. Әле күрсәткечләрдән чыгып, көчле позицияда килгән вариант 1,7 тапкырга озынрак икәнән билгели алабыз.

шах рдың

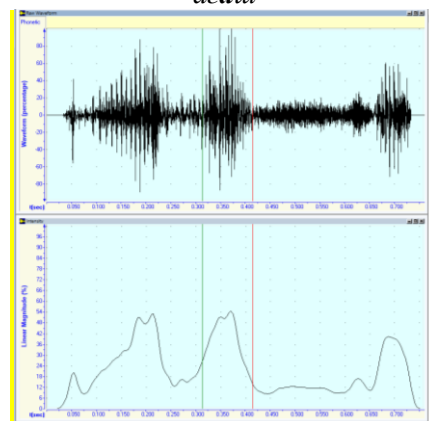

11 нче рәсем

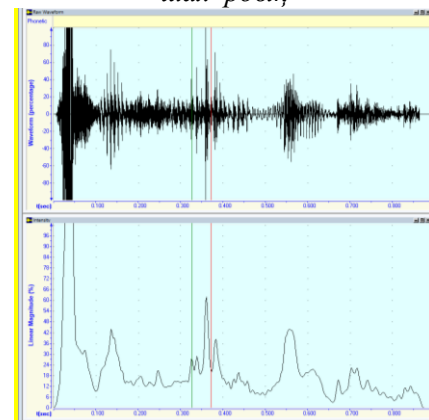
11 нче рәсемдәге графиктан күренгәнчә, әлеге сүзләрдә карала торган [а] авазы

югарылыкка бәйле зур үзгәрешләргә дучар түгел. *Агыйш* сүзендә авазның югарылыгы иң түбән – 137 Гц белән башлана һәм югары ноктасы – 169 Гц белән тәмамлана. *Шах рдың* сүзендә ешлык аваз башында – 87.4 Гц, ахрында 95.4 Гц тәшкил итә, иң түбән тирбәнәш ешлыгы ноктасы – 84 Гц. Авазның югары ноктасы аның ахрына, ә түбән өлеше беренче өлешенә туры килә.

агыйш

шах рдың

12 нче рәсем

12 нче рәсемдәге интенсивлык графикларын чагыштырсак, авазның ике варианты да охшаш сызык йөрешен тудыра, ягъни кинәт кенә күтәрелеп, кинәт кенә төшәләр, аерма төрле амплитудагы дулкыннарда күзәтелә. Шулай булса да, төрле амплитудалы үзгәрешләр күзәтелә. Басымлы вариант 16.2 дБ дан(16%) башлана, иң югары ноктасы 9.2 дБ га (35%) житә, ахрдан 15 дБ га (18%) төшә. Басымсыз очракта 9.2 дБ (35%) белән башланып, 6.7 дБ да (46%) югары ноктасына житә һәм 12.6 дБ (23%) белән тәмамлана.

4 нче таблица

		Озынлык (с)	Ешлык (Гц)	Интенсивлык (дБ)	Фраза басымы
тел-теш	<i>кылс ң</i>	0.1403	159 – башында 143.7 – иң түбәне 144.8 – ахырында	-15.7 (16%) – башында -3 (71%) – иң биеге -15.7 (16%) – азагында	+
	<i>шаит рáz</i>	0.0731	91.1 – башында 77.4 – иң түбәне 85 – азагында	-21.1 (9%) – башында -6,8 (46%) – иң биеге -17.4 (14%) – азагында	
кече тел	<i>аgáш</i>	0.1015	137 – башында 169 – азагында	-11.8 (26%) – башында -5.3 (55%) – иң биеге -16.8 (15%) – азагында	+
	<i>шах рдың</i>	0.0570	87.4 – башында 84 – иң түбәне 95.4 – азагында	-16.6 (15%) – башында -4.2 (62%) – иң биеге -12.7 (23%) – азагында	

Таблицада бирелгән күрсәткечләрдән чыгып, шуны билгели алабыз: басым төшкән очракта ике позициядә дә [а] сузыгының акустик характеристикалары басымсыз вариант белән чагыштырганда югарырак. Озынлыкны чагыштырганда, тел-теш тартыгынан соң килгәндә, фонема вариантлары арасындагы аерма 1.9 тәшкил итә, ә кече тел тартыкларынан соң – 1.7 тапкыр. Авазларны әйткән вакытта ешлык һәм интенсивлык бер генә күрсәткеч алмыйча, берничә тапкыр үзгәрешкә дучар булу сәбәпле, таблицада иң югары һәм иң түбән вариантлар күрсәтелде. Югарылык аермасы – ике очракта да 1.7 тапкыр. Басымлы һәм басымсыз очракта аваз, нигездә, бер төрле интенсивлык белән әйтелә, алар арасындагы аерма зур түгел: тел-теш тартыгынан соң – 1.5, кече тел авазынан соң – 1.

Шулай итеп, казах телендә [а] сузык авазының акустик күрсәткечләре басым төшү / төшмәү һәм кайсы тартык аваздан килү нисбәтле үзгәрешкә дучар була.

Нәтижәләр

Әлеге тикшеренү эше нәтижәләре жанлы сөйләм барышында татар һәм казах телләрендә [а] сузыгының акустик билгеләре аның позициясенә һәм басымлы яки басымсыз булуына бәйле икәннән ачыкларга ярдәм итә. Басымга килгән вакытта, басым төшкәндә, авазның барлык билгеләре дә басым төшмәгән вариантка караганда югарырак була. Өйрәнелә торган сузыкның кайсы тартык аваздан соң килүе дә аның акустик характеристикасын төрлечә үзгәртә, бу инде тартыкның ясалышында кайсы органнарның катнашу-катнашмавына бәйле. Татар телендәге вариант барлык позицияләрдә дә казах телендәге

вариантка караганда озынрак булып тора. Тел-теш һәм кече тел тартыкларынан соң килгән очракта [а] фонемасының ешлык күрсәткечләре татар телендә югарырак. Казах телендәге [а] сузык авазының интенсивлык күрсәткече зуррак икәннән күрәбез, димәк, ул татар телендәге вариантка караганда көчлерәк әйтелешкә ия.

Йомгак

Шул рәвешле, төрки телләрнең кыпчак төркеменә кергән татар һәм казах телләренең [а] сузык авазына акустик характеристика ясалды һәм аларның үзенчәлекләре чагыштырылды. Эш барышында һәр ике телнең үзенчәлекләре билгеләнде, ике тел арасындагы охшаш һәм аермалы билгеләр ачыкланды. Шуны искәртеп китәргә кирәк, тикшеренү эшендә гамәли чыганак буларак алынган аудиоязмаларга нигезләнеп, жанлы сөйләм барышында барлыкка килә торган акустик үзенчәлекләр тикшерелде. Ясалган нәтижәләр сузык авазның абсолют күрсәткечләре дип билгеләнә алмый, ләкин фонема турында күзаллау өчен нигезле мәгълүмат бирә. Әлеге тикшеренү эшен дәвам итеп, башка сузык авазларның да үзенчәлекләрен өйрәнү төрки телләр үсешендә булган фонетик күрсәткечләрен чагыштырып анализлау, аларның телне өйрәнү, сөйләм барышындагы үзгәрешләрен барлауда кыйммәтен асызыкларга ярдәм итәчәк.

Хезмәттә башкарылган тикшерү һәм аның нәтижәләре фонетика өлкәсендә эзләнүләр алып баручыларга таяна алырлык материал, көллият һәм югары уку йортлары укытучы-укучылары өчен өстәмә чыганак һәм, гомумән, фән белән кызыксынучылар өчен әлеге юнәлештә белемнәрен үстерергә ярдәм итәрлек хезмәт булып тора.

Әдәбият

1. Галиева А. М. Распределение фонем в татарском тексте: опыт квантитативного исследования // Урал-алтайские исследования. 2022. №3. С. 30–42.

2. Speech Analyzer. URL: <https://speech-analyzer.software.informer.com/3.0/> (дата обращения: 25.09.2021).

3. Байчура У. Ш. Татар теленең кайбер фонетик үзенчәлекләре (Эксперименталь-фонетик мәгълүматлар буенча) // Татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре. Казан, 1963. 127–140 б.

4. Артемов В. А. Экспериментальная фонетика. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 141–142 б.

5. Джунисбеков А. Проблемы тюркской словесной просодии: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 58 с.

6. Дию мулла. URL: <https://web.ligaudio.ru/mp3/> (дата обращения: 16.07.2022).

7. Камыр батыр. URL: <https://web.ligaudio.ru/mp3/> (дата обращения: 16.07.2022).

8. Өнеге. URL: <https://bala.soyle.kz/audioandfilm?type=1> (дата обращения: 29.07.2022).

9. Сүлеймен патша мен байғыз. URL: <https://bala.soyle.kz/audioandfilm?type=1> (дата обращения: 29.07.2022).

АКУСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ГЛАСНЫХ [А] В ТАТАРСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ В ПОЗИЦИИ ПОСЛЕ ЗУБНЫХ И УВУЛЯРНЫХ СОГЛАСНЫХ

Мадина Рашидовна Саттарова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
m-sattarova@mail.ru.

Раиля Мусавировна Гайфетдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
railya.gaifetdinowa@yandex.ru.

Статья посвящена сравнительному исследованию акустических особенностей гласных [а] в татарском и казахском языках в позиции зубных и увулярных согласных. Учитывая то, что в речевом потоке звуки подвергаются разным изменениям, проведено экспериментальное исследование данного гласного с использованием программы Speech Analyzer. В результате сравнительного анализа выяснилось, что акустические особенности звука [а] в татарском и казахском языках зависят от позиции и ударности/безударности звука.

Ключевые слова: гласные, фонетика, татарский язык, казахский язык, акустические знаки, сравнительный анализ

Literature

Әдәбият

Литература

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-41-54

AN EXAMPLE OF COURAGE: RAKHIM SATTAR'S WORK

Nurfiya Marsovna Yusupova,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,

faikovich@mail.ru.

The article highlights the life and creative path of Rakhim Sattar, a little-known poet, determines his place in Tatar poetry and reveals the traditions of literary criticism that he laid down. Based on the hermeneutic approach, the article analyzes, for the first time, the poet's poems written by him in captivity, determines their main motifs and reveals the content of his poetic works in the context of the literature in that period. This determines the novelty and relevance of the article. The main goal of our research is to study Rakhim Sattar's life and work, to include his works in a wide scientific circulation. The article is based on materials, memories and interviews, related to the biography of the poet and his life in captivity and preserved in the family archive, and the archive of the National Museum of the Republic of Tatarstan. In the course of our study, we have come to the conclusion that Rakhim Sattar both relied on the traditions of wartime literature and conducted poetic experiments. In addition, we have identified the genre diversity of the poet's works and their main motifs, determined by the loyalty to his motherland, his longing for the native land when he lived in captivity. His innovations went hand in hand with the conception of the lyrical hero. The study evaluates the images and details, the techniques, used in conveying the main motifs, and the poetic goals of R. Sattar's works. The proof of loyalty to the native country is the main motif of R. Sattar's works, written during the period of imprisonment. This motif is closely connected with the images of an oath and faith, the concepts of death and immortality, it is the main means of conveying the relationship between the poet and his native country. The theme of fidelity, the image of an oath is widely embodied in his poems, which represent the chain: native country – nature – native land – mother. In the poems, devoted to the theme of the native land, the opposition of one's own / alien is in the center, the native land is opposed to a foreign country, and this concept is reproduced through various images. The poems devoted to his life in captivity possess a tragic motif.

Key words: Rakhim Sattar, biography, Tatar poetry of the war period, lyrical hero, image, genre, motif, literary device

Introduction

Tatar literature is incredibly rich in poems, but only some poets have been deeply and

comprehensively studied and appreciated, many are still waiting for their researcher. One of the important goals of modern literary studies is the

scientific study of the heritage of many writers, whose work is covered with a layer of historical dust, returning it to the general public and determining their place in Tatar literature. Among them is Rakhim Sattar's work (1912–1943).

The creative biography of Rakhim Sattar emerged and developed in the context of Tatar literature of pre-war and wartime. In the poetry of that era, the main theme was the theme of war, and it was described in various thematic contexts. Consonant with the era was the attitude to life and death in Tatar poetry. At that time, the binary oppositions life/death, we/enemy, native land/foreign land, war/peace, were active in Tatar poetry, conveying the philosophy of life and death. The lyrical hero was concretized as a brave soldier who went out to fight for the freedom of his country, ready to defend it to the last drop of his blood. The archetypal hero – the most dynamic and changeable image of the Soviet myth – in Tatar poetry was presented as a hero-warrior, a soldier who had gone through fire and water. The poetry of that period was dominated by the motifs of the Motherland calling to fight, our faith in victory, hatred toward the enemy and an oath sworn to protect the native country [1, p. 212]. The soldier, depicted in romantic colors, was described with the help of images from fairy tales and dastans, conventional techniques and linguistic means of oral folk art.

Rakhim Sattar's literary career also grew and developed in that context, however, the poet used other techniques in his works, created common characters in new ways and conducted experiments.

In the literary development, poets are divided into two parts: some writers introduce novelty, tread new paths in the development of verbal art, another group of authors develop these innovations, contribute to the formation of new traditions and use them in national creative work. R. Sattar belongs to the second group. The main archive of the poet – a notebook with poems, his notes, written during his life in captivity – is stored in the archives of the National Museum of the Republic of Tatarstan [2]. Only five books of the poet were published in the Tatar language [3], [4], [5], [6], [7]. Such scholars, critics-publicists and writers as Z. Ismagileva [8], N. Dauli [9], B. Kamalov [10], R. Mostafin [11], [12], Sh. Mostafin [13], [14], [15], I. Sattarov [16], [17], [18], [19], [20], [21] and M. Sharipov [22] published their articles and memoirs about his work and activity. However, Rakhim Sattar's work has not been the

focus of individual scientific monographic studies. This fact suggests that the writer's oeuvre has not been studied properly, and research in this vein is relevant.

Methodological basis of the research

We based our study on the hermeneutic approach and used the “motivating poetics” of B. L. Borukhov as the methodological basis [23]. B. L. Borukhov considers explanation to be the ultimate goal of a scientific activity and singles out explanation, based on the law, as the main method for analyzing a literary text, calling it text motivation [24]. B. L. Borukhov identifies the following types of motivation: cultural, conventional and mental [24, p. 13]. To study Rakhim Sattar's work, we chose the conventional view as the basis. The text as a literary phenomenon is published, obeying the laws and conventions of each era. Conventional motivation makes it possible to determine the main trends in the development of the poet's work, to reveal the continuation of literary traditions in the poems of the poet's period of captivity, helps to explain their transformation, novelty, basis and characteristic features.

Discussion

Rakhim Sattar was born on August 15, 1912 in the village of Tuban Khazhat (Ignatovka) in the Chishminsky District of the present Republic of Bashkortostan. His father Suleiman and his mother Khadicha were quite educated for their time, they were religious people who could read and write, his father was a mullah in the village. The wise head of the family, who cared about the future of his family, wanted all seven of his children to receive a secular education and he became their teacher.

Rakhim Sattar was in love with literature from his childhood, and in the 4th grade he began to write his first poems [25, p. 325]. After leaving the village school, in order to continue his education, he went to the city of Ufa, and there, while studying at Secondary School No. 2, he met his teacher Naki Isanbet. This acquaintance was significant for Rakhim Sattar, whose future would be inextricably linked with literature. The talented Isanbet, who was in love with literature, quickly saw the talent in the child and made efforts to promote his development; in the future, he constantly supported Rakhim spiritually.

After completing his studies, Rakhim Sattar worked in the mines of Donbass and did various

jobs in his native region. In 1932 he married, in 1933 he was drafted into the Army and until 1937 he served in the frontier troops near Lake Baikal, but he never gave up his creative work. In those years, his first lyrical works, imbued with youthful feelings, were published in the daily editions of Bashkortstan and Tatarstan. In 1937, he moved to Kazan and performed various roles: he was a commandant in a hostel, after that he worked (from February 1938) as a specialist in the personnel department in the Secondary Schools Department of the People's Commissariat of Education, and three years after, he became a chief inspector for pedagogical personnel (from May 1 1938 to May 15, 1939), at this time he entered the Tatar Pedagogical Institute. On May 17, 1939, he moved to the editorial office of the newspaper "Kyzyl Yashlar" ("Red Youth") (now "Tatarstan Yashlare" ("Youth of Tatarstan") as a literary worker. His cooperation with newspapers and magazines and close communication with such writers as Sh. Mannur, S. Hakim, A. Fayzi, Sh. Kamal, G. Khuzhi, G. Kutui, H. Tufan, G. Kashshaf, G. Khalit, N. Dauli, Sh. Mudarris had a positive impact on his work, and contributed to its qualitative development. At the first stage of his work, within a short period of time, he published more than 60 works in the genre of essay, article, literary translation, story and poem, among them there were 12 poems. This testifies to the creative activity of Rakhim Sattar. The works of the poet during this period were consonant with the works of other young writers in terms of their desire to create new art: in his native country, the writer, who sincerely believed in revival of the fights for freedom and praised a new way of life, promoted the philosophy of destroying the old.

In the literature of the Soviet period, work, class and the idea of creating an equal life for all were considered to be the main values, promoting the cult of courage. The theme of struggle, as a way of existence and the theme of creating a new life, ran like a red thread through literary works; thus, the art of the word was supposed to prove that happiness was creating a new life. Like other Tatar writers, Rakhim Sattar, at the beginning of his literary career, was closely connected with public life, focusing on the images that served the new system.

Unfortunately, the writer was not destined to fully reveal his creative talent. In 1939, with the announcement of the Finnish War, he volunteered to go to the front, in a skiing squad he rose to the rank of commander. On April 1, 1940, he returned

to Kazan to lead a quiet life: on July 15, 1941, he was appointed executive editor of the "Kyzyl Yashlar" newspaper.

When the Great Patriotic War broke out that same summer, at his own request, he was sent to the Kuibyshev military school and began to study the German language. On October 15, 1941, despite the fact that he was a professional paratrooper and had received an officer rank, he was sent to do a paratrooper course. As a paratrooper, he took part in many military operations in the rear of the Nazis. But in May 1942, communication with him interrupted, his family, living in the village of Novoye Kadi of the Republic of Tatarstan, received a letter that in the same year, on June 27, Rakhim Sattar had gone missing in the Smolensk Region.

In fact, during one of the military operations, R. Sattar was surrounded and captured by the Nazis. After he had suffered for several months in prisoner-of-war camps in the cities of Smolensk and Borisov, he was sent to the Wustrau camp near Berlin on September 16, 1942. Musa Jalil would be brought there later. In the same year, on December 13, they were joined by Abdulla Alish, Fuat Bulatov, Garif Shabaev, and so, by the will of fate, the talented Tatar men – the young people who had devoted all their efforts to the development of Tatar culture and literature – were united together in a foreign land. There, he became close to the writer Abdullah Alish; while in the Wustrau camp, he joined a secret organization, became a reliable member of this anti-fascist association, organized by Musa Jalil and his comrades, Fuat Bulatov and Garif Shabaev. The participation of Rakhim Sattar in the preparation, publication and distribution of leaflets against the Nazis in the prisoner of war camp and the activities of the famous legion "Idel-Ural" are well-known.

In January 1943, R. Sattar, A. Alish, F. Bulatov and G. Shabaev were transferred to Berlin to work in the editorial office of the "Idel-Ural" newspaper. This opened up new opportunities for the writer, in his works, stories and poems, using the Aesopian language, he wrote about the successes of the Soviet Army, sharing his joy over his native country's military success. So, Rakhim Sattar, who was deprived of his gun in the struggle for the freedom of his native country, continued his struggle with the help of his pen. This movement, which took place behind enemy lines, once again proves the courage of the writer. The legionnaires who returned alive told how he walked around the barracks, disseminating the ideas of their secret

organization among the prisoners. According to the existing documents, R. Sattar played a decisive role in organizing the connection of the secret organization called "Patriot" with the Polish partisans, in strengthening ties with the secret organization "Iskra". Shafi Almas's denunciation against Rakhim Sattar, which was found later, proves these facts [26], [27, p. 43]. In his denunciation, Sh. Almas cites the following facts: in a secret letter of the Bolsheviks, written in March with an appeal to the Tatar prisoners not to surrender, G. Tukay's poems were used, R. Sattar also used these lines in his article contributed to the "Idel-Ural" newspaper; 2) R. Sattar published an article together with the editorial staff on the development of Kazan, the role of Lenin in its development; 3) R. Sattar refused to distribute leaflets calling on the Tatars to surrender to the Germans [20, p. 39].

When the activities of the secret organization were revealed in August 1943, and the Jalilovites were arrested, R. Sattar was among them. Therefore, there is complete truth in the fact that Sh. Mostafin called Rakhim Sattar the twelfth Jalilovite [28]. However, R. Sattar managed to escape from the camp in June 1943 and disappeared without a trace. More precisely, the group, led by Rakhim Sattar, set a goal: on the basis of the proposal made by M. Jalil, they were to cross the front line and go to our high command [22]; according to other sources, they had to inform the Soviet troops about the creation of the "Idel-Ural" legion, the secret organization, and the preparation of an armed uprising by legionnaires. One of the organizers of this escape, Amir Utyashev, spoke about the escape of a group of five people, led by Rakhim Sattar, from the Yedlino camp in August 1943. In addition to Rakhim Sattar, this group included Akram Mamliev (Bashkortstan), Gumerov (Kazakhstan, radio operator), Kuryshov (the Barnaul Region), Akhmet Sharipov [29]. The subsequent fate of Rakhim Sattar is unknown, only a few scraps of information exist. While writing the novel "Musa", Shaikhi Mannur visited Yedlino and learned about the fate of Rakhim Sattar. He was told that a Polish forester helped this group escape, leading them along secret paths through the forest to Warsaw. Later, this Pole was caught by enemies and killed by torture, and Rakhim Sattar's group was ambushed and burned alive by the Nazis while they were hiding under a haystack [20, p. 34].

The literary activity of Rakhim Sattar during the period of captivity should be assessed as the

work of the second period. His 24 poems, written in the prison camps of Borisov, Wustrau, Radom and Berlin, repeat the fate of M. Jalil's "Moabit Notebooks". The poet, before leaving with a special task, i.e. to escape from the camp, gave his poems to Abdullah Alish. After the end of the war, in 1945, Ravil Ageev, who had been a prisoner himself, brought this find to Donbass and handed it over to the CPSU committee of the Donetsk Region, after which for 19 years the fate of these works remained unknown, it was only 21 years later – in 1964, that these notes reached the Tatar reader. The following information is written on the cover of these notes: "Rakhim Sattarov, poems written in captivity. Smolensk – Borisovo – Wustrau – Radom – Berlin. 1942 – 1943" [30].

Only five poems from the collection belong to spiritual lyrical poetry, the rest are written within the framework of civil lyricism. Their main motifs are: loyalty to their native country, longing for their native land and life in captivity.

The preservation of fidelity to the native country is the main motif of R. Sattar's works during the period of captivity. In the notebook, brought from his place of captivity, he wrote to his son, wife and mother: "I remain loyal to my country! I am not a traitor. You, too, be faithful! There is only one way. There is no other way" [30]. Apparently, for the poet, loyalty was one of the main values. In his poems, this theme comes in close connection with the images of an oath and faith, the concepts of death and immortality, they are the main means of conveying the relationship between the poet and his native country. As we know, in Tatar poetry of the war period, these ideas are mainly conveyed through a special type of a lyrical hero: death for the freedom of the Motherland is perceived as a deed leading to immortality, life after death (here is the notion that the Motherland will never forget those who died for its freedom, they will live in the memory of the people forever), it is on this plane that death is equated with life [1, p. 211]. However, Rakhim Sattar offers another version of this type of a lyrical hero, in his poems the closeness of the notions *life – death – immortality* is interpreted in a new sense. In general, these ideas were not typical of Tatar poetry during the war period. This proves that R. Sattar was looking for his own path as a poet. His lyrical hero exclaims, "*Ut kaby nmy yashen yashennami / Korban birmi – halyk yashami*", "*har sulyshym, / Barlyk kochem / Sinen ochen, Tugan ilem, / Sinen ochen!*" ("*Until the flame flares up, lightning flashes / Without making*

a sacrifice, the people do not live", "My every breath, / All my strength / For you, my Native country, / For you!") [30], like many other Tatar poets, he perceives death not only as a means leading to immortality, making their image immortal in the memory of the people, but also as a sacrifice made for the happiness of the people, for their future. In this respect, he revives the motif of sacrifice, which lives in Tatar folklore. The lyrical hero of R. Sattar is presented as a lyrical hero with a strong character, who retains inner courage. In his description, the poet skillfully uses the opposition of slavery / courage (M. Jalil, for example, actively contrasts freedom / slavery):

Kulda bogau, kapka yozakta, (Hands are tied, the gate is locked)

Lakin ruhyr irken, khor kala (But my soul is free, brave) [30].

In poems with the motif of fidelity, the image of an oath gets a strong embodiment. In the poems "Ata ham bala" ("Father and Child"), "Ant" ("Oath"), "Ankam" ("Mommy"), the poet, proving loyalty to his native country, swears an oath of allegiance to his native country, people, mother and father. An oath, taken in the name of the most important people strengthens a person's loyalty, raises the value of the oath. On this path, like in the work of M. Jalil, an image of a brave guy with a sword on his belt appears. For example, in the poem "Ankam" ("Mommy"), the guy who, like in a fairy tale, appears carrying a sword on his belt, ready to fight his enemy; he helps to reinforce the idea that loyalty is a sacred struggle, he serves to fulfil the oath sworn to his country. Such details and national-mythological images - a stream, a meadow, the wind, a bird, a sword and a horse, help to create the image of a warrior, reinforce the traditions of folklore in the description of the lyrical hero. On this path, in tune with the cycle "Moabit Notebooks" by M. Jalil, we find the mythologization of Mother in the chain: native country - nature - native land - mother.

The use of images from folklore and folk songs does not lose its relevance in poems with the motif of longing for their native country. In such poems, there are three striking features: 1) an image of another world is formed; 2) a special poetic style, based on many traditions of national poetry, on different forms in classical literature and folk art (for example, "Parchalar" ("Parchy"), comes to the fore; 3) the longing of the lyrical hero for his motherland is intensified by the memory of his closest people - his mother and his beloved one (for example, "Ber suzen" ("One Word of

Yours"))). In the poems of Rakhim Sattar, dedicated to the longing for his native land, the opposition of ours/ alien is strongly manifested, the native country is opposed to a foreign country, the native land is presented through various images. For example, in the poem "Uy kisaklare" ("Parts of Thoughts"), romantic images and details like a goose, green grass, birch, sounds of nature are revived as signs of the native country, through them the native land is described as a sacred land, a source of happiness. The images of something gray, foggy are used to reveal the ugliness of the foreign land:

Sory uram. Sory binalar. (Grey street. Grey buildings.)

Sory hava. Sory bolytlar. (Grey air. Grey clouds.)

Bar da sory, tossez, kunelsez, (Everything is gray, colorless, joyless)

Yaktyrtalmyi any zur utlar (The big fires cannot illuminate it) [30].

To show the fate of the lyrical hero who is far away from his native land, the author uses the image of a caterpillar, which lost its mother; here, the poet revives the mythological chain: the native country - Mother, and concludes that the native country is as important for a person and as dear as his own Mother is, and missing her is as bitter:

<i>Kirak tugel mina manarasy (I don't need a minaret),</i>	<i>Tokmach bulsyn, tary oyrasy (Let there be noodles, millet),</i>
<i>Kirak tugel matur saraylar (Beautiful palaces are not needed).</i>	<i>Kalyapushle bulsyn babasy (Let grandfather have kalyapush).</i>
<i>Kirak tugel yashel yul arasy (A green road is not needed),</i>	<i>Tezdan batkak bulsyn yulynda (Let there be knee-deep dirt on the way),</i>
<i>Kirak tugel mina kuk-aylar (I don't need the stars and the moon).</i>	<i>Soyal yarylyp yatsyn kulynda (Let the wart be on the arm),</i>
<i>Salam bulsyn oynen tubase (Let the roof of the house be made of straw),</i>	<i>Tik Tugan il bulsyn, Tugan il (Only let there be my native country, my native land),</i>
<i>Yalanayak yorsen balasy (Let the child walk barefoot),</i>	<i>Min ilema uskan batyr ir (I am a brave husband who grew up for my native country) [30].</i>

Some poems of this type modernize the style and the size of folk songs, for example, this feature is observed in the poem "Parchalar" ("Parchy").

The motif of captivity comes to the fore in the poems “Asirlar” (“Captured”), “Chullar” (“Deserts”), in such works the dramatic element is strong. For example, in the poem “Chullar” (“Deserts”), the image of the desert describes not only the fate of the prisoners, but also the German land that fell under the slavery of fascism. The view of a desert without water, where there is nothing but sand, shows emptiness, a joyless and hopeless existence; on the one hand, there are prisoners who are far away from their native land, and on the other hand, the German people who are suffering from the slavery of fascism:

<i>Bushlyk. Ulem. Nurlar – kainar.</i>	
<i>Tynlyk ham sulyshsyz Sary komnar. (The rays</i>	
<i>(Emptiness. Death. are hot. Yellow sands.)</i>	
<i>Silence)</i>	<i>Zhir arkasy pesha, ut</i>
<i>Inrap yata zhirda kin bulyp. (The back of the</i>	
<i>chullar. (Wide deserts earth burns like fire)</i>	
<i>cover the ground)</i>	<i>Ber tamchy dym</i>
<i>Urman da yuk, synar birmi, kuzen salmy, (Not</i>	
<i>yafrak ta yuk, (And there even a drop of moisture</i>	
<i>is no forest, not even a to be seen,</i>	
<i>single leaf)</i>	<i>Chittan gena uta kyk</i>
<i>Yelgalar da anda bolyt (Only a heavenly</i>	
<i>yuk, kullar. (And there cloud floats by) [30].</i>	
<i>are no rivers, and no lakes there)</i>	

The use of this image, not a very popular one, in various meanings in the war poetry indicates that the poet continued his creative searches even in captivity, experimenting with poetic devices.

Results

1. Rakhim Sattar had a unique life path. His life in captivity repeated the feat of M. Jalil.

2. R. Sattar's searches, reflected in the works of his captivity period, renewed the wartime poetry not so much in terms of content, but rather in terms of poetic imagery and the interpretation of the personality concept.

3. Among the poems, written by R. Sattar in captivity, only five are related to spiritual lyrical poetry, the rest are written within the civil lyrical context. The main motifs in them are loyalty to the native country, longing for the native land and life in captivity.

4. The lyrical hero of the poet evaluates death not so much as a path leading to immortality, making it possible to live in the souls of the people forever, but more as a sacrifice for the happiness and future of his people. In this way, the poet renewed the motif of sacrifice in Tatar folklore.

5. In poems, dedicated to the motif of fidelity, the image of an oath is strong. In order to prove his loyalty to the native country, the poet takes an oath in the name of his native land, people, mother and father. This oath, sworn to the closest and most important people, strengthens loyalty to the native country, making it a feature of paramount importance. Thus, in R. Sattar's poetry we find mythologization of the image of Mother and a repetition of the chain: native country – nature – native land – mother.

6. R. Sattar's poems, related to the motif of longing for the native land, focus on three features: the image of another world, the special poetic style and the longing of the lyrical hero for his native people – his mother and his beloved one.

Conclusions

Thus, Rakhim Sattar, with his 24 poems, introduced innovations in Tatar poetry of the war period. The poet, who entered the world of literature at the time when one big myth about a new life was being created, looked for the ways to renovate Tatar poetry by referring to classical poetic traditions. On this path, R. Sattar was greatly influenced by M. Jalil, who conducted his research in this direction, appealing to folk art in the second half of the 20th century, and initiated the process of returning to national roots. However, the untimely death made it impossible for the poet to fully reveal this talent. At this point, we should cite the poet's own poetic lines:

Ozelep kaldy ul zhyr, bulenep kaldy (That song broke off, interrupted)

Tavyshy kutarelgan chagynda (Just when the voice rose) [30].

References

1. Yusupova, N. M. (2017). *Poeziya. Tatar adabiyaty tarikhy* [Poetry. The History of Tatar Literature]. V 8 tomakh. T. 5: 1917–1956. Pp. 190–219. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
2. *Rakhim Sattar kollektsiyase* [Rakhim Sattar's Collection]. Case 1, TR MM KP – 24898(1–41), KP – 38497 (1–3), V – 24888 (1– 2); Case 2 TR MM KP – 39308 (1–12), V – 25068 (1–2). (In Tatar)
3. Sattar, R. (1966). *Zhyr davam ita* [The Song Goes On]. Poemy. 64 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
4. Sattar, R. (2004). *Bulengan zhyr* [An Interrupted Song]. 153 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
5. Sattar, R. (2006). *Beznen buyn* [Our Generation]. 102 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
6. Sattar, R. (2007). *Rukhym gali* [My Soul Is Great]. 95 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

7. Sattar, R. (2008). *Totkynlykta* [In Captivity]. 133 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
8. Ismagyileva, Z. (2004). *Bulengan zhyr yalganyrmy?* (*Zhalilche R. Sattar turynda*) [Will the Interrupted Song Continue (about Jalilov's R. Sattar)]. Tatarstan yashlare. October 12. (In Tatar)
9. Dauli, N. (1974). *Musalar diviziyasennan soldat kaity* [The Returned Soldier from Musa's Division]. N. Dauli. Ak yanynda kara. Pp. 84 – 87. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
10. Kamalov, B. (1969). *Zhalilche batyr* (*Zhalilche R. Sattar turynda*) [Jalilov's Brave Man (about R. Sattar)]. Sotsialistik Tatarstan. January 7. (In Tatar)
11. Mostafin, R. (1969). *President donosy* (*R. Sattar turynda*) [Denunciation of the President (about R. Sattar)]. Tatarstan yashlare. January 9. (In Tatar)
12. Mustafin, R. (1979). *Poeziya v soldatskoy shineli* [Poetry in a Soldier's Overcoat]. Sovetskaya Tatariya. May 13. (In Russian)
13. Mostafin, Sh. (2012). *Unikenche kaharman* (*Zhalilche R. Sattarmyn tuuyna 100 el*) [The 12th Hero (the 100th Anniversary of R. Sattar)]. Madani zhomga. August 24. (In Tatar)
14. Mostafin, Sh. (2017). *Unikenche batyr* [The 12th Hero]. Maidan Chally. No. 10, pp.127–144. (In Tatar)
15. Mostafin, Sh. (2017). *Mangelek ut chatkysy* (*R. Sattar turynda*) [An Eternal Spark (about R. Sattar)]. Alar – Jalil-Kormash Yoldyzlygynnan!.. Pp. 147–158. Kazan, “Suz” kit. nashr. (In Tatar)
16. Sattarov, I. (1992). *Toshta gena kurgan kebek...* [Like I Saw in a Dream]. Vatanyym Tatarstan. August 21. (In Tatar)
17. Sattarov I. (1992). *Dolgoe vozvrashchenie: Versiya syna o sudbe ottsa* [The Long Return: The Son's Version of His Father's Fate]. Sovetskaya Tatariya. August 22. (In Russian)
18. Sattarov, I. (1996). *Atiem asare...* [My Father's Work]. Kazan utlary. No. 2, pp. 155–157. (In Tatar)
19. Sattarov, I. (1997). *Atiemnan min da kharlar aldy...* [I've Also Got the Letters from My Father]. Madani zhomga. September 19. (In Tatar)
20. Sattarov, I. (1998). *Zaveschaniye. Ob ottse* [The Will. About My Father]. Kazan. No. 5–6, pp. 34–43. (In Russian)
21. Sattarov, I. (2000). *Razgovor s ottsom* [A Conversation with My Father]. Kazan. No. 5, pp. 30–34. (In Russian)
22. Sharipov, M. (2012). *Prervannaya pesnya: Neizvestnye stranitsy zhizni poehta-geroya Rakhima Sattara, chlena podpolnoi antifashistskoi organizatsii voennoplennyykh* [An Interrupted Song: Unknown Pages of the Life of the Poet-Hero Rakhim Sattar, a Member of the Underground Anti-Fascist Organization of Prisoners of War]. Kultura. October 2. (In Russian)
23. *Terminologiya sovremennogo zarubezhnogo literaturovedeniya* (Strany Zapadnoi Evropy i SSHA) (1992) [Terminology of Modern Foreign Literary Criticism. (Countries of Western Europe and USA)]. Red. I. P. Ilin, E. A. Tsurganova. 218 p. Moscow, INION. (In Russian)
24. Borukhov, B. (1992). *Vvedenie v motiviruyushchuyu poehtiku* [Introduction to Motivating Poetics]. Filologicheskaya germeneytika i obshchaya stilistika. Pp. 5–28. Tver, izd-vo Tverskogo un-ta. (In Russian)
25. *Adiplarebez: biobibliografik beleshmalek* (2009) [Writers: A Bio-Bibliographic Guide]. In 2 vol. Vol. 2. Pp. 325– 326. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)
26. Mostafin, R. (1969). *President donosy* [Denunciation of the President]. Sotsialistik Tatarstan. December 9. (In Tatar)
27. Sattar, R. (2004). *Zaveschaniye* [The Will]. 112 p. Kazan. (In Russian)
28. *Dopolnennaya biografiya Rakhima Sattara* [Rakhim Sattar's Supplemented Biography]. Lichnyi arkhiv semyi Sattarovykh. (In Russian)
29. Sattar, R. *Totkynlykta* (1942–1943) [In Captivity: A Notebook]. TR MM arkhiv: KP – 24898. (In Tatar)

БАТЫРЛЫК ҮРНӘГЕ: РӘХИМ САТТАР ИЖАТЫ

Нурфия Марс кызы Юсупова,

Казан федераль университеты,

Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
faikovich@mail.ru.

Мәкалә киң танылу алмаган шагыйрь Рәхим Саттарның тормыш һәм ижат юлын ачырта, татар шигъриятендәге урынын билгеләп, әдәби барышта ул үстәрәп алып киткән традицияләргә ачыклай. Герменевтик якин килеп, шагыйрьнең тоткынлыкта язылган 24 шигъриә беренчә тапкыр фәнни нигездә анализлана, төп мотивлары билгеләнә, шигъри әсәрләргә үзгәртелгән шул чор әдәби барышы контекстында ачыклана. Бу мәкаләнең яңалыгын һәм актуальлеген билгели. Тикшеренүнең төп максаты – Рәхим Саттарның тормыш һәм ижат биографиясен өйрәнү, шигъри әсәрләргә киң фәнни әйләнешкә кергү. Мәкаләдә

шагыйрьнең биографиясенә, тоткынлыктагы язмышына караган гаиләсе архивында, ТР Милли музей архивында сакланган материаллар, истәлекләр, интервью материаллары файдаланыла. Эзләнүләр нәтижәсендә, Рәхим Саттарның сугыш чоры әдәбияты традицияләренә генә таянып калмыйча, поэтик яссылыкта экспериментлар алып баруы ачыклана. Тикшеренүләр барышында шагыйрь әсәрләренә жанр төрлелеге билгеләнә, аның әсәрләрендә төп мотивлар буларак илгә тугрылыкны раслау, илне сагыну һәм тоткынлык аерып чыгарыла, бу яңарышның лирик герой концепциясе белән янәшәдә баруы төгәлләштерелә. Төп мотивларны житкерүдә кулланылган образ-детальләр, алымнар бәяләнә, шуның аша Р. Саттар әсәрләренә поэтик хасиятләре дә тәгаенләнә. Туган илгә тугрылыкны раслау темасы Р. Саттарның тоткынлык чоры ижатында үзәк мотивны тәшкит итә. Бу мотив ант һәм ышаныч образлары, үлем-үлемсезлек төшенчәләре белән тыгыз бәйләнештә булып, шагыйрь шөхесе белән Туган ил арасындагы мөнәсәбәтне ачуда төп чарага әверелә. Тугрылык мотивына мөнәсәбәтле шигырьләрдә ант образы көчле чагылыш таба, туган ил – табигать – туган җир – ана чылбыры кабатлана. Илне сагыну темасы белән сугарылган шигырьләрдә үз / чит каршылыгы үзәктә тора, Туган ил чит җиргә каршы куелып, бу төшенчә төрле образ-сурәтләр ярдәмендә гәүдәләнә. Тоткынлык мотивы алга чыккан шигырьләр фажигалелекнең көчле булуы белән характерлана.

Төп төшенчәләр: Рәхим Саттар, биография, сугыш чоры татар шигърияте, лирик герой, образ, жанр, мотив, әдәби алым

Кереш

Татар әдәбияты шагыйрьләргә искиткеч бай, ләкин аерым әдипләр генә тирән һәм төрле яклап өйрәнелгән, бәяләнгән, күбесе әлегә кадәр үз тикшеренүчесен көтә. Ижатлары тарих тузанына капланган бик күп әдипләрнең мирасын киң катлам халыкка кайтару, таныту, фәнни яссылыкта өйрәнә, татар әдәбиятындагы урынын билгеләү бүгенге әдәбият белемдәгә әһәмиятле бурычларның берсе булып кала. Мондый әдипләр арасында Рәхим Саттар (1912–1943) ижаты да бар.

Рәхим Саттарның ижат биографиясе сугыш алды һәм сугыш чоры татар әдәбияты контекстында үсә-үзгәрә. Чор шигъриятендә төп тема буларак сугыш темасы калкып чыга һәм төрле тематик яссылыкларда сурәтләнә. Чорга аваздаш төстә татар шигъриятендә яшәү һәм үлемгә мөнәсәбәт калкулана. Бу вакытта татар поэзиясендә актив булган яшәү / үлем, без / дошман, туган җир / чит җир, сугыш / тынычлык бинар оппозицияләре яшәү һәм үлем фәлсәфәсен житкерүгә йөз тотта. Лирик герой ил азатлыгы өчен көрәшкә чыккан, соңгы тамчы каны тамганчыга кадәр илен сакларга эзәр кыю солдат булып конкретлаша. Совет мифының иң динамик, үзгәрүчән образы – герой архетипик образы агымдагы чор татар поэзиясендә герой-сугышчы, утлар-сулар кичеп чыккан Ватан солдаты кебек тәкъдим ителә. Бу чор шигъриятендә илне көрәшкә өндәү, жинүгә ышаныч, дошманга нәфрәт һәм илне саклау хакында ант бирү мотивлары әйдәп бара [1, 212 б.]. Романтик буяуларда сурәтләнгән солдат халык авыз ижатының әкият-дастаннарындагы

сурәтләр, шартлы алымнар һәм тел чаралары ярдәмендә сурәтләнә.

Рәхим Саттар ижаты да шушы контекстта үсә-үзгәрә, әмма шагыйрь үз әсәрләрендә башка алымнарны кулланып, үзгә образларны яңа мәгънә бөтенлекләрендә тәкъдим итеп, экспериментлар да ясап карый.

Әдәби барышта шагыйрьләр ике якка аерыла: аерым әдипләр яңарыш алып килеп, сүз сәнгате үсешендә яңа сукмаклар сала, икенче төркем авторлар шушы яңалыкларны дәвам итеп, үстәрәк алып китә, аларның традиция булып формалашуын, милли җирлектә үзләштерелүен тәъмин итә. Р. Саттар икенчесенә карый. Шагыйрьнең төп архивы – тоткынлык чорында язып калдырылган шигырьләр блокноты, язмалары – ТР Милли музей архивында саклана [2]. Шагыйрьнең татар телендә нибары биш төп басма китабы басылып чыккан [3], [4], [5], [6], [7]. Ижаты һәм эшчәнлегә турында З. Исмагыйлева [8], Н. Дәүли [9], Б. Камалов [10], Р. Мостафин [11], [12], Ш. Мостафин [13], [14], [15], И. Саттаров [16], [17], [18], [19], [20], [21], М. Шәрипов [22] кебек галим, тәнкыйтьче-публицистларның, әдипләрнең аерым мәкаләләре, истәлек-язмалары дөнья күрә. Әмма Рәхим Саттарның ижаты моңа кадәр аерым монографик фәнни тикшеренүләрнең үзгәренә куелмаган. Бу факт әдип мирасының тиешенчә өйрәнелмәве, бу юнәлештәгә эзләнүләрнең актуаль булуы турында сөйли.

Хезмәтнең методологик нигезе

Хезмәтнең методологик нигезе итеп герменевтик эзләнүләр алынды [23]. Методик яктан Б. Л. Борухов тәкъдим иткән «мотивлаштырылган поэтика» файдаланылды. Ул аңлатуны фәнни эшчәнлекнең ахыргы максаты буларак карый һәм әдәби текстны анализлау өчен төп метод итеп канун (закон) нигезендә аңлатуны аерып чыгара, аны текстны мотивацияләү дип атый [24]. Б. Л. Борухов мотивацияләүнең мәдәни, конвенциаль, менталь төрләрән аерып чыгара [24, 13 б.]. Рәхим Саттар ижатын өйрәнү өчен, аның конвенциаль төре нигез итеп алынды. Галим әдәби күренеш булган текст һәр чорда үз закон һәм конвенцияләренә буйсынып дөньяга чыга дип билгели. Конвенциаль мотивацияләү шагыйрь ижатының төп үсеш тенденцияләрен аерып чыгарырга, тоткынлык чоры шигырьләрендә әдәби традицияләренң дәвам ителешен ачыкларга яки аларның трансформациясен, яңарыш юлларын, аларның нигезен, үзенчәлеген аңлатырга мөмкинлек бирә.

Фикер алышу

Рәхим Саттар 1912 елның 15 августында хәзерге Башкортстан Республикасы Чишмә районы Түбән Хажәт авылында туа. Әтисе Сөләйман белән әнисе Хәдичә үз чоры өчен шактый укымышлы, укый-яза белгән дини кешеләр була, әтисе авылда мулла вазифасын үти. Киләчәккә карап эш итә белгән, зирәк акыллы гаилә башлыгы 7 баласының да дөньяви белем алуларын тели һәм укуга.

Рәхим Саттар кечкенәдән үк әдәбиятка гашыйк булып үсә, дүртенче сыйныфта укыганда ук, тәүге шигырьләрен яза башлый [25, 325 б.]. Авылдагы мәктәпне тәмамлагач, укуын дәвам итү өчен, ул Уфа шәһәренә юнәлә, нәкъ менә биредә, 2 нче урта мәктәптә белем алганда, укытучы Нәкый Исәнбәт белән таныша. Бу очрашу киләчәге әдәбият дөньясы белән тыгыз бәйләнчәк Рәхим Саттар өчен хәлиткеч була. Үзе дә әдәбиятка гашыйк, талантлы Исәнбәт балада булган сәләтне тиз күреп ала, аны ачуга, үстөрөп жибәрүгә зур көч куя, алга таба да Рәхимгә даими рухи көч биреп тора.

Укуын тәмамлаганнан соң, Рәхим Саттар Донбасс шахталарында, туган төбәгендә төрле эшләрдә дә хезмәт куя. 1932 елда өйләнә, 1933 елда Армиягә алына һәм 1937 елга кадәр Байкал чик бусе гаскәрләрендә хезмәт итә, эмма ижатны бервакытта да ташламый. Шул елларда Башкортстан һәм Татарстан көндәлек матбуга-

тында аның яшьлек хисләре белән өрәтелгән беренче лирик парчалары басылып чыга. 1937 елда ул Казанга күчеп килә һәм төрле вазифалар башкара: тулай торакта комендант та була, аннан Мәгариф халык Комиссариатының урта мәктәпләр бүлегендә кадрлар буенча белгеч (1938 елның февраленнән) булып эшли, э өч айдан педагогик кадрлар буенча баш инспектор итеп куела (1938 елның 1 маеннан 1939 елның 15 маена кадәр), шушы вакытта Татар педагогия институтына укырга керә. 1939 елның 17 маеннан «Кызыл яшьләр» (хәзерге «Татарстан яшьләре») газетасы редакциясенә әдәби хезмәткәр булып күчә. Газета-журналлар белән тыгыз элемтәдә торы, Ш. Маннур, С. Хәким, Ә. Фәйзи, Ш. Камал, Г. Хужа, Г. Кутуй, Х. Туфан, Г. Кашшаф, Г. Халит, Н. Дәүли, Ш. Мөдәррис кебек әдипләр белән тыгыз аралашу аның ижатына уңай йогынты ясый, сан һәм сыйфат ягынан үстәрә. Ижатының беренче чоры буларак бәяләнүгә лаек булган кыска гына вакыт аралыгында очерк, мәкалә, әдәби тәржемә, хикәя, шигырь жанрларында 60тан артык язмасы дөнья күрә, шулар арасынан 12се шигырьгә карый. Бу Рәхим Саттарның ижат активлыгы хақында сөйли. Шагыйрьнең әлегә чор эсәрләре шул дәвер яшь әдипләренең яңа сәнгать тудыру юлында ясаган тәҗрибәләренә аваздаш: илдәге яңарышка ихластан ышанган каләм иясе азатлык өчен көрәшкә, яңа тормышка дан жырлый, искене жимерү фәлсәфәсен уздыра.

Совет чоры әдәбиятында хезмәт, сыйнфыйлык һәм тигез тормыш төзү идеясе төп кыйммәтләрдән санала, батырлык культы алга сөрелә. Илнең төп яшәү рәвеше булып көрәш, яңа тормыш төзү темасы кызыл жеп булып сузыла, шуңа бәйле төстә сүз сәнгате дә бәхет яңа тормыш төзүдән гыйбарәт дип исбатларга тиеш була. Башка татар әдипләре кебек үк, Рәхим Саттарның яңа системага хезмәт итүче образларын үзәккә куйган, иҗтимагый тормыш белән нык бәйләнгән башлангыч чор ижаты шундый фикерләр белән сугарыла.

Әдипкә, кызганычка каршы, ижади сәләтен ахыргача ачып житкерергә насыйп булмый. 1939 елда Фин сугышы игълан ителүгә, ул үз теләге белән фронтка китә, чаңгычылар отрядында командир дәрәжәсенә күтәрелә. 1940 елның 1 апрелендә кабат Казанга кайтып, тыныч тормыш шартларында эшләүгә күчә: 1941 елның 15 июлендә «Кызыл яшьләр» газетасының жаваплы мөхәррире итеп билгеләнә.

Бөек Ватан сугышы башлану белән, ул шул жәйдә үзе теләп Куйбышев хәрби училищесына китә, алман телен өйрәнүгә керешә. 1941 елның 15 октябрдә сугышка алына, профессиональ десантчы һәм шушы юнәлештә офицер дәрәжәсен алган хәрби булуына карамастан, парашютистлар курсына жиберелә. Десантчы сыйфатында, фашистлар тылында үткәрелгән күп кенә сугышчан операцияләрдә катнаша. Әмма 1942 елның маенда аның белән элементләр өзәлә, Татарстанның Яңа Кади авылындагы гаиләсенә Рәхим Саттарның шушы елның 27 июнендә Смоленск тирәсендә хәбәрсез югалуы хакында хәбәр генә килеп ирешә.

Чынлыкта хәрби операцияләренң берсендә чолганышта калып, Р. Саттар фашистлар кулына эләгә һәм, берничә ай Смоленск, Борисов шәһәрләрендәгә хәрби әсирләр лагерларында газап чиккәннән соң, 1942 елның 16 сентябрдә Берлин янындагы Вустрау лагерена озатыла, соңрак бирегә Муса Жәлилне китерәләр. Шул ук елның 13 декабрдә аларга Абдулла Алиш, Фуат Булатов, Гариф Шабаев килеп кушыла, әнә шулай, язмыш тәкъдире аркасында, татарның талантлы уллары – бар көч-күәтен татар мәдәниятенң, әдәбиятының алгарышына сарыф итәргә тиешле яшьләр – чит жириләрдә бергә туплана. Шунда әдип Абдулла Алиш белән якыная, Вустрау лагеренда вакытта яшерен оешмага кереп, Муса Жәлил һәм аның иптәшләре тарафыннан оештырылган әлегә яшерен антифашистик оешманың ышанычлы членнарыннан берсе булып китә, үз артыннан Фуат Булатов, Гариф Шабаевларны да ияртә. Рәхим Саттарның әсирләр лагеренда һәм мәгълүм «Идел-Урал» легионында гитлерчыларга каршы листовкалар язуда һәм аларны бастырып таратуда актив катнашуы билгеле.

1943 елның гыйнварында Р. Саттарны, А. Алиш, Ф. Булатов, Г. Шабаев белән бергә, «Идел-Урал» газетасы редакциясендә эшләү максатыннан, Берлинга күчәрәләр. Бу әдип өчен яңа мөмкинлекләр ача, ул үзенң язмаларында, хикәя-шигырьләрендә, эзоп теле аша, Совет Армиясенң уңышлары хакында сөйли, Туган иленң уңышлары өчен шатлыклары белән уртаклаша, әнә шулай ил азатлыгы өчен көрәштә мылтыгы тартып алынган Рәхим Саттар үзенң көрәшен каләмә белән дәвам итә. Дошман тылында барган әлегә хәрәкәт әдипнң батырлыгын тагын бер кат дәлилли. Исән кайткан легионерлар аның баракларга килеп йөрүе, әсирләр арасында

яшерен оешма идеяләрен таратуы хакында сөйли. Документларга нигезләнсәк, «Патриот» дип аталган яшерен оешманың поляк партизаннары белән элементә оештыруында, «Искра» яшерен оешмасы белән бәйләнешләрне ныгытуында да Р. Саттарның роле хәлиткеч була. Соңрак табылган Шәфи Алмасның Рәхим Саттар өстеннән язган доносы да бу фактларның хак булуын раслый [26], [27, 43 б.]. Ш. Алмас үзенң доносында түбәндәгә фактларны китерә: большевикларның татар әсирләренә бирешмәскә, көрәшergә өндәп, март аенда язган яшерен хатында Г. Тукай шигырьләре файдаланыла, Р. Саттар да «Идел-Урал» газетасында Г. Тукайның нәкъ шул юлларына таянып мәкалә язды; 2) редакция хезмәткәре белән берлектә Казанның үсеше, анда Ленинның роле турында мәкалә бастырды; 3) татарларны немецларга пленга бирелergә чакырып язган листовкаларны таратудан баш тартты [20, 39 б.].

1943 елның август аенда яшерен оешма фаш ителеп, жәлилчеләрне кулга алганда, алар исемлегендә Р. Саттар да була. Шуңа да Ш. Мостафинның Рәхим Саттарны уникаль жәлилче дип атавында тулы хаклык бар [28]. Ләкин Р. Саттар 1943 елның июнь аенда лагердан качып өлгерә һәм билгесез югала. Дөресрәгә, Рәхим Саттар житәкләгән төркем алдына бурыч куела: М. Жәлил тәкъдире нигезендә, алар фронт линиясен үтеп, үзбездәгә ягына чыгарга [22], аерым мәгълүматларга караганда, «Идел-Урал» легионында яшерен оешма төзелүе һәм легионерларның кораллы восстаниее эзәрләве турында совет гаскәрләренә хәбәр итәргә тиеш була. Әлегә качуны оештыручыларның берсе, әсир Әмир Үтәшев 1943 елның августында Рәхим Саттар житәкләгән биш кешелек төркемнң Едлино лагереннан качуы турында сөйли. Әлегә төркемгә, Рәхим Саттардан тыш, Әкрәм Мәмлиев (Башкортстан), Гомәров (Казахстан, радист), Курышов (Барнаул өлкәсе), Әхмәт Шәрипов керә [29]. Рәхим Саттарның шуннан соңгы язмышы билгесез, бары тик аерым мәгълүматлар гына яши. «Муса» романын язучыларында Шәйхи Маннур Едлинога барып чыга һәм Рәхим Саттар язмышы турында сораша. Аңа урманчы полякның әлегә төркемгә качарга ярдәм итүе, урман эчендәгә яшерен сукмаклар аша әсирләргә Варшавага кадәр озата баруы турында сөйли. Соңыннан ул полякны дошманнар кулга ала һәм жәзалап үтерә, ә

Рәхим Саттар төркеме засадага элэгә һәм печән кибәне астында яшеренеп торган вакытта фашистлар тарафыннан тереләй яндырып үтерелә [20, 34 б.].

Тоткынлык чоры әдәби эшчәнлегә Рәхим Саттарның икенче чор ижаты буларак бәяләнергә лаек. Аның Борисов, Вуэтрау, Радом һәм Берлиндагы хәрби әсирләр лагерьларында ижат иткән 24 шигыре М. Жәлилнең «Моабит дәфтәрләре» язмышын кабатлый. Шагыйрь махсус задание белән китәр алдыннан, ягъни лагерьдан качар алдыннан, үзен шигырьләрен Абдулла Алишка тапшырып калдыра. Сугыш тәмамлангач, 1945 елда, элэгә табылдыкны үзә дә әсир булган Равилә Агеева Донбасска алып кайта һәм КПССның Донецк өлкә комитетына тапшыра, бу әсәрләрен шуннан соңгы 19 еллык язмышы элэгә билгесез булып кала, алар бары 21 елдан соң – 1964 елда гына татар укучысына килеп ирешә. Элэгә жыентыкның тышына түбәндәге мәгълүматлар язылган: «Рәхим Саттаров, әсирлектә язылган шигырьләр. Смоленск – Борисово – Вуэтрау – Радом – Берлин. 1942–1943» [30].

Жыентыктагы шигырьләрен 5се генә күңел лирикасына мөнәсәбәтле булып, калганнары гражданлык лирикасы жанрында ижат ителгән. Аларда төп мотивлар буларак илгә тугрылыкны раслау, илне сагыну һәм тоткынлык аерылып чыга.

Туган илгә тугрылыкны раслау мотивы Р. Саттарның тоткынлык чоры ижатында үзәк мотивны тәшкил итә. Тоткынлыктан кайткан блокнотында сакланып калган улына, хатынына һәм әнисенә атап язган язмасында да: «Илгә тугрылыкны булып калам! Мин хыянәтсез. Син дә шулай ук тугрылыкны бул! Юл бер генә. Башка юл юк» [30], дип раслаган шагыйрь өчен, күрәсен, тугрылык иң төп кыйммәтләрен берсе булып саналган. Шигырьләрендә бу тема ант һәм ышаныч образлары, үлем-үлемсезлек төшенчәләре белән тыгыз бәйләнештә бирелә, алар шагыйрь шәхесе белән Туган ил арасындагы мөнәсәбәтне ачуда төп чарага әверелә. Билгеле булганча, сугыш чоры татар поэзиясендә элэгә фикерләр, нигездә, үзәнчәлекле лирик герой аша житкерелә: Ватан азатлыгы өчен үлем үлемсезлеккә, үлгәннән соң яшәүгә (азатлыгы өчен үлгәннәрне Туган ил бервакытта да онытмас, халык йөрәгендә мәңгә яшәр гыйбарәсе шуңа тоташа) юл алу буларак кабул ителә, нәкъ менә шул яссылыкта үлем яшәү белән тигезләнә [1, 211 б.]. Әмма Рәхим Саттар

бу тип лирик геройның үзгә вариантын тәкъдим итә, аның шигырьләрендә яшәү – үлем – үлемсезлек янәшәлегә яңа мәгънә бөтенлегендә урын таба. Гомумән, мондый вариант сугыш чоры татар поэзиясендә актив түгел. Бу Р. Саттарның шагыйрь буларак үз юлын эзләвен, үз сукмагын салырга омтылуын күрсәтә. Шагыйрьнең «*Ут кабынмый яшен яшеннәми / Корбан бирми - халык яшәми*», «*Һәр сулышым, / Барлык көчем / Синең өчен, Туган илем, / Синең өчен!*» [30] дип раслаган лирик герое, башка күп татар шагыйрьләре кебек, үлемне үлемсезлеккә илтүче, халык күңелендә яшәтүче чара буларак кабул итүдән бигрәк, аны халык бәхете, аның киләчәгә хакына корбан бирү буларак раслый. Бу яктан ул татар фольклорында яшәп килүче корбан бирү мотивын тергезеп жибәрә. Р. Саттарның лирик герое эчке хөрлеген саклаган, көчле холыклы лирик герой булып күтәрелә. Аны сурәтләү юлында шагыйрь тарафыннан коллык / хөрлек каршылыгы оста файдаланыла (М. Жәлилдә, мәсәлән, ирек / коллык каршылыгы актив):

Кулда богау, капка йозакта,

Ләкин рухым иркен, хәр кала [30].

Тугрылык мотивына мөнәсәбәтле шигырьләрдә ант образы көчле чагылыш таба. «Ата һәм бала», «Ант», «Әнкәм» кебек шигырьләрендә туган илгә тугрылыгын раслау юлында шагыйрь туган иленә, халкына, әнисенә, әтисенә ант бирү хакында сөйли башлый. Кеше өчен иң кадерле, газиз кешеләргә ант бирү тугрылыкны көчәйтү чарасына әверелә, аны иң югары кыйммәт дәрәжәсенә күтәрә. Шушы юлда, М. Жәлил ижатындагы кебек үк, биленә кылыч таккан батыр егетә схемасы пәйда була. Мәсәлән, «Әнкәм» шигырендә әкияттәгечә биленә кылыч тагып, дошман каршына чыгып баскан егет илгә тугрылыкның изге көрәш булуын көчәйтүгә юнәлтелә, ил өчен бирелгән антны данлауга хезмәт итә. Чишмә, болын, жыл, кош, көрәшчә-егет образын тудыручы детальләр төсендә кылыч, ат кебек таныла торган берәмлекләр, милли-мифологик образлар лирик геройны сурәтләүдә фольклор традицияләрен көчәйтә. Шушы юлда, М. Жәлилнең «Моабит дәфтәрләре» циклына аваздаш төстә, Ананы мифлаштыру күренеше, туган ил – табигать – туган җир – ана чылбыры пәйда була.

Фольклордан, халык җырларыннан үстерелә килгән образларны куллану туган илне сагыну мотивына мөнәсәбәтле шигырьләрдә дә

актуальлеген югалтмый. Мондый шигырьләрдә өч үзенчәлек күзгә ташлана: 1) үзгә дөнья сурәте формалаша; 2) үзенчәлекле поэтик стиль алга чыга, әдип милли поэзиянең күптөрле традицияләренә – классик әдәбият һәм халык ижатында чарланган формаларга таяна (мәсәлән, «Парчалар»); 3) лирик геройның сагынуы иң газиз кешеләренә – әнисенә, сөйгән ярына – мөрәҗҗәгә аша көчәйтә (мисал өчен, «Бер сүзгә»). Рәхим Саттарның илне сагыну темасы белән сугарылган шигырьләрендә үз / чит каршылыгы көчле чагылыш таба, Туган ил чит жиргә каршы куелып, туган ил төрле образ-сурәтләр аша гәүдәләнә. Мисал өчен, «Уй кисәкләре» шигырендә каз бәбкәсә, яшел чирәм, каен, табигать тавышлары кебек романтик образ-детальләр туган илнең билгеләре булып күтәрелә, алар аша туган ил изге жир, бәхет чыганагы кебек сурәтләнә. Соры төс, томан кебек образлар исә чит жирнең ямьсезлеген ачуга юнәлтә:

Соры урам. Соры биналар.

Соры һава. Соры болытлар.

Бар да соры, төссез, күңелсез,

Яктырталмый аны зур утлар [30].

Туган иленнән читтә булган лирик геройның язмышын ачу юлында әнкәсен югалткан бәбкә образы ярдәмгә килә, шушы юлда шагыйрь кабат туган ил – Ана мифологик чылбырын тергезә һәм, туган илнең кеше өчен Ана кебек изге һәм кадерле булуын, аны сагынуның да шундый ачы икәнлеген төгәлләштереп куя:

<i>Кирәк түгел миңа манарасы,</i>	<i>Токмач булсын, тары өйрәсе,</i>
<i>Кирәк түгел матур сарайлар.</i>	<i>Кәләүшле булсын бабасы.</i>
<i>Кирәк түгел яшел юл арасы,</i>	<i>Тездән баткак булсын юлында,</i>
<i>Кирәк түгел миңа күк-айлар.</i>	<i>Сөял ярылып ятсын кулында,</i>
<i>Салам булсын өйнең түбәсе,</i>	<i>Тик Туган ил булсын, Туган ил,</i>
<i>Яланаяк йөрсен баласы,</i>	<i>Мин илемә үскән батыр ир [30].</i>

Бу юнәлештәге аерым шигырьләр халык жырылар стилин, халык жыры үлчәмен яңарта, мисал өчен, «Парчалар» шигырендә шундый үзенчәлек күзгә ташлана.

Тоткынлык мотивы «Әсирләр», «Чүлләр» кебек шигырьләрдә алга чыга, мондый әсәрләрдә фаҗигалелек көчле. Мисал өчен, «Чүлләр» шигырендә чүл сурәте тоткынлык

язмышына гына түгел, фашизм коллыгына төшкән алман иленә дә бәя бирә башлый. Сусыз, комнан башка берни калмаган чүл күренеше, бер яктан, илсез калган тоткыннарның, икенче яктан, фашизм коллыгына төшкән алман халкының эчке бушлыгын, хыял-омтылышларсыз чынбарлыгын ачып җибәрә:

<i>Бушлык. Үлем. Тынлык һәм сулышсыз Иңрәп ята җирдә киң чүлләр.</i>	<i>Нурлар - кайнар. Сары комнар. Җир аркасы пешә, ут булып.</i>
<i>Урман да юк, сыңар яфрак та юк, Елгалар да анда юк, күлләр.</i>	<i>Бер тамчы дым бирми, күзен салмый, Читтән генә үтә күк болыт [30].</i>

Сугыш чоры шигъриятендә актив булмаган бу образны үзенчәлекле мәгънә яссылыкларында сурәтләве шагыйрьнең тоткынлык шартларында да эзләнүләр алып баруы, поэтик экспериментлар ясауы хакында сөйли.

Төп нәтиҗәләр

1. Рәхим Саттар, үзенчәлекле тормыш юлы үтеп, токынлык язмышы белән Җәлил батырлыгын кабатлаган шәхесләрнең берсе буларак баяләнүгә лаек.

2. Р. Саттарның тоткынлык чоры ижатында барган эзләнүләр, эчтәлек ягыннан бигрәк, поэтик образлылык һәм шәхес концепциясе бирелешендә көчле булып, сугыш чоры шигъриятен яңарта.

3. Р. Саттарның тоткынлыкта язылган шигырьләренең 5се генә күнел лирикасына мөнәсәбәтле булып, калганнары гражданлык лирикасы жанрында ижат ителгән. Аларда төп мотивлар буларак илгә тугрылыкны раслау, илне сагыну һәм тоткынлык аерылып чыга.

4. Шагыйрьнең лирик герое үлемне үлемсезлеккә илтүче, халык күнелендә яшәтүче чара булудан бигрәк, халык бәхете, аның киләчәге хакына корбан бирү буларак бәяли. Бу яктан ул татар фольклорында яшәп килүче корбан бирү мотивын яңарта.

5. Тугрылык мотивына мөнәсәбәтле шигырьләрдә ант образы көчле булып, туган илгә тугрылыгын раслау юлында шагыйрь туган иленә, халкына, әнисенә, әтисенә ант бирү хакында сөйли. Кеше өчен иң кадерле, газиз кешеләргә ант бирү тугрылыкны көчәйтү чарасына әверелә, аны иң югары кыйммәт дәрәҗәсенә күтәрә. Шушы юлда Ананы мифлаштыру күренеше, туган ил – табигать – туган жир – ана чылбыры кабатлана.

6. Туган илне сагыну мотивына мөнәсәбәтле шигырьләр өч үзенчәлек тирәсенә туплана: үзгә дөнья сурәте, үзенчәлекле поэтик стиль, лирик герой сагынуының иң газиз кешеләренә – әнисенә, сөйгән ярына – мөрәжәгатә аша көчәйтелүе.

Йомгак

Шул рәвешле, Рәхим Саттар 24 шигыре белән дә сугыш чоры татар шигъриятенә яңалык алып килә. Әдәбиятка яңа тормыш төзү хакындагы олы бер миф тудырылган вакытта килгән шагыйрь халык авыз ижатына, классик шигъри традицияләргә мөрәжәгатә аша татар шигъриятен яңарту юлларын эзли. Бу юлда Р. Саттарга үзе дә шушы юнәлештә актив эзләнүләр алып барган, халык авыз ижатына мөрәжәгатә белән хәтта XX гасырның икенче яртысы татар шигъриятендәге милли нигезләргә әйләнеп кайту процессына нигез салган М. Жәлилнең йогынтысы көчле була. Әмма вакытсыз өзелгән гомер бу талантның тулысынча ачыла алмый калуына китерә. Бу урында шагыйрьнең үз шигъри юлларын кабатлыйсы килә:

*Өзелеп калды ул жыр, бүленеп калды
Тавышы күтәрелгән чагында [30].*

Әдәбият

1. *Йосыпова Н.М.* Поэзия // Татар әдәбияты тарихы: 8 томда. Т. 5: 1917–1956 еллар. Казан: Татар. кит. нәшр., 2017. Б. 190–219.
2. Рәхим Саттар коллекциясе: Папка 1, ТР ММ КП – 24898(1–41), КП – 38497 (1–3), В – 24888 (1–2); Папка 2 ТР ММ КП – 39308 (1 – 12), В – 25068 (1–2).
3. *Саттар Р.* Жыр дәвам итә. Шигырьләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1966. 64 б.
4. *Саттар Р.* Бүленгән жыр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. 153 б.
5. *Саттар Р.* Безнең буын. Казан, 2006. 102 б.
6. *Саттар Р.* Рухым гали. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 95 б.
7. *Саттар Р.* Тоткынлыкта. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 133 б.
8. *Исмәгыйлева З.* Бүленгән жыр ялганырмы? (Жәлилче Р. Саттар турында) // Татарстан яшьләре. 2004. 12 октябрь.
9. *Дәүли Н.* Мусалар дивизиясеннән солдат кайтты // Н. Дәүли. Ак янында кара: Әдәби тәнкыйть, публицистик мәкаләләр, очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1974. Б. 84–87.
10. *Камалов Б.* Жәлилче батыр (Р. Саттар турында) // Социалистик Татарстан. 1969. 7 январь.
11. *Мостафин Р.* Президент доносы (Р. Саттар турында) // Татарстан яшьләре. 1969. 9 январь.
12. *Мустафин Р.* Поэзия в солдатской шинели // Советская Татария. 1979. 13 май.
13. *Мостафин Ш.* Уникенче каһарман (жәлилче Р. Саттарның тууына 100 ел) // Мәдәни жомга. 2012. 24 август.
14. *Мостафин Ш.* Уникенче батыр // Майдан Чаллы. 2017. № 10. Б. 127–144.
15. *Мостафин Ш.* Мәңгелек ут чаткысы (Р. Саттар турында) // Алар – Жәлил-Кормаш йолдызлыгыннан!.. Казан: «Сүз» нәшр., 2017. Б. 147–158.
16. *Саттаров И.* Төштә генә күргән кебек... // Ватаным Татарстан. 1992. 21 август.
17. *Саттаров И.* Долгое возвращение: Версия сына о судьбе отца // Советская Татария. 1992. 22 август.
18. *Саттаров И.* Әтием әсәре... // Казан утлары. 1996. № 2. Б. 155–157.
19. *Саттаров И.* Әтиемнән мин дә хатлар алдым... // Мәдәни жомга. 1997. 19 сентябрь.
20. *Саттаров И.* Завещание. Об отце // Казань. 1998. № 5–6. С. 34 – 43.
21. *Саттаров И.* Разговор с отцом // Казань. 2000. № 5. С. 30–34.
22. *Шарипов М.* Прерванная песня: Известные страницы жизни поэта-героя Рахима Саттара, члена подпольной антифашистской организации военнопленных // Культура. 2012. 2 октября.
23. Терминология современного зарубежного литературоведения. (Страны Западной Европы и США) / отв. ред.: Ильин И.П., Цурганова Е.А. М.: ИНИОН, 1992. 218 с.
24. *Борухов Б.* Введение в мотивирующую поэтику // Филологическая герменевтика и общая стилистика. Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1992. С. 5–28.
25. Әдипләребез: биобиблиографик белешмәлек: 2 томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. Б. 325–326.
26. *Мостафин Р.* Президент доносы // Социалистик Татарстан. 1969. 7 декабрь.
27. *Саттар Р.* Завещание. Казань, 2004. 112 с.
28. *Мостафин Ш.* Уникенче каһарман (жәлилче Р. Саттарның тууына 100 ел) // Мәдәни жомга. 2012. 24 август.
29. Дополненная биография Рахима Саттара / Личный архив семьи Саттаровых.
30. *Саттар Р.* Тоткынлыкта (1942–1943): блокнот / ТР ММ архивы: КП – 24898.

ПРИМЕР ГЕРОИЧЕСКОГО ПОДВИГА: ТВОРЧЕСТВО РАХИМА САТТАРА

Нурфия Марсовна Юсупова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
faikovich@mail.ru.

В статье систематизированы сведения о жизненном и творческом пути поэта Рахима Саттара, чье творчество незаслуженно забыто; предпринята попытка определить его место в татарской поэзии, традиции, которые он развил в литературном процессе. Материалом для анализа послужили 24 стихотворения, написанные в плену. Данные произведения проанализированы с помощью герменевтического метода в контексте литературного процесса того времени. В ходе исследования определены основные мотивы. Это определяет новизну и актуальность статьи. Цель исследования – изучение жизненного и творческого пути Рахима Саттара, введение в широкий научный оборот его поэтических произведений. В статье использованы материалы, воспоминания, интервью поэта, относящиеся к его биографии, судьбе в заключении, хранящиеся в архиве его семьи, Национальном музее РТ. В ходе исследования удалось доказать, что Рахим Саттаров творил в русле традиций литературы военного времени, а также не боялся поэтических экспериментов. Произведения поэта отличаются жанровым богатством. Основным мотивом лирики становится идея преданности Родине, тоска по ней в плену. Мы становимся свидетелями обновления концепции героя. Эстетические ориентиры поэта определяются на основе анализа образов-деталей, поэтических приемов. В творчестве поэта периода плена ключевым становится стремление доказать свою преданность Родине. Эта идея находит воплощение в образе поэта и Родины, а также через категории смерть-бессмертие, клятва-вера. В стихотворениях о преданности большое место отводится мотиву клятвы, о Родине – образам природы, родной земли, матери.

В стихотворениях о тоске по Родине важно место занимают антитезы родное – чужое, Родина – чужбина. Стихи периода плена полны драматизма.

Ключевые слова: Рахим Саттар, биография, татарская поэзия военной поры, лирический герой, образ, жанр, мотив, поэтические приемы

MUHAMMED IDRISOV'S STORIES: IDEOLOGICAL-AESTHETIC AND GENRE FEATURES

Nuria Midkhatovna Miftahutdinova,

National Museum of the Republic of Tatarstan,
2 Kremlevskaya Str., Kazan, 420011, Russian Federation.
nurija08@yandex.ru

The article examines the literary activity of M. Idrisov, an outstanding printer, font master and the author of textbooks. The study is based on the stories of this multi-talented cultural figure. "No Wings to Fly" and "A Lucky Ticket" were published in 1916 in the journal "Аң" ("Consciousness") and became the object of our scientific evaluation. The subject of the study is their ideological and aesthetic originality.

The stories reveal the features of artistic thinking, characteristic of the literature in the early 20th century, intercultural ties, the role of musical images, the parallelism of natural phenomena and the human world in conveying the emotions of the characters. M. Idrisov's story "A Lucky Ticket" is an attempt to write a work in the field of humor and satire.

Key words: Tatar literature, Muhammed Idrisov, story, genre, literary relations, social thought, culture

Introduction

The samples of Tatar literature of the early 20th century have survived to this day owing to the pages of periodicals. Most of the authors of these works remain unknown to the modern reader, since among them there were those who chose professions that were not related to literary and creative activities. Those works mark the period of searching for oneself in different fields. Despite of their amateurish character, those stories were distinguished by their ideological and problematic relevance and, generally, they reflected ideological and aesthetic features of the early 20th century literature.

A number of works that appeared on the pages of the periodical press were published under secret pseudonyms, as it was customary in those days. In his work devoted to establishing the authorship of literary texts, the literary critic and textologist Z. Ramiev identifies literary pseudonyms and indicates the presence of about seventy known and unknown G. Tukay's and twenty F. Amirkhan's pen names [1, p.18]. It is also known that Zakir Ramiev, the owner of gold mines, a sponsor and a talented poet, also used a pseudonym.

Materials and methods

This scientific research is based on the stories "No Wings to Fly" and "A Lucky Ticket", published in 1916 in the journal "Аң" under the pseudonym I. Muhammad [2], [3]. The purpose and the object of our study determined the methods and

principles of the analysis. We used the cultural-historical, comparative-historical and biographical methods for analyzing the literary works.

Discussion

The identity of the author of these stories, published under the pseudonym I. Mukhammed in Issues 22 and 23 of the journal "Аң" ("Consciousness") in 1916, was established as a result of chance and was corroborated in the course of serious research.

To mark the 85th anniversary of M. Idrisov, a famous printer, cartographer, graphic artist and a type master, his wife Rabiga Idrisova, his sister M. Idrisova Galia and her husband Mikhail Pichakhchi, an engineer-scientist, did a lot to return the valuable scientific works of the inventor to the people. The source of information about M. Idrisov's biography and scientific activities are the memoirs, research and M. Pichakhchi's correspondence with various organizations [4]. At present, his handwritten work is stored in the National Museum Fund, while the copies and originals of some materials, related to M. Idrisov, are in the scientific library of Kazan Federal University named after N. I. Lobachevsky. M. Pichakhchi called his work "History with Geography Relating to the History of the Kazan Self-Made Printer Muhammad Ibragimovich Idrisov". In the process of reading, you can understand the reason why the concept of geography appeared in the title of the work. M. Pichakhchi negotiated the transfer of the

archive in Moscow, Kazan, Ufa, and even in a sanatorium, where he was recovering from a heart attack.

The result of this activity was the article “Our Outstanding Printer” by S. Z. Latypov, the Chief Engineer of the Printing Department at the Council of Ministers of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, published in the journal “Agidel” [5] and a program on Ufa television, dedicated to the activities of M. Idrisov.

It should be noted that after the death of her husband in 1948, R. Idrisova handed over part of his archive, his handwritten works, to F. Tagirov, who had worked under M. Idrisov’s direction in the same institute. In the 1960s, she donated some of the materials that were in her keeping to M. Pichakhchi, as well as to research institutes, archives and libraries. Trying to promote his legacy, she repeatedly turned to the editors of newspapers and magazines raising the issue of publishing an article about M. Idrisov. Based on her materials, in 1966, the articles were published in the newspapers “The Socialisticheskiy Tatarstan” in Kazan [6] and “The Sovetskaya Bashkiria” in Ufa [7].

To popularize the legacy of the outstanding personality and introduce it into active scientific circulation, M. Pichakhchi met with people who knew Muhammad Idrisov personally. Among them were F. Tagirov, who had worked at Niipoligraphmash under M. Idrisov’s direction, A. G. Shaikhgali (1885—1968), who had retired from the post of director of the first typewriter plant in Kazan, Zainab Khasani (1885—1967), the wife of the “An” magazine editor Akhmet Garey Hasani (1883—1933) with whom M. Idrisov and other famous people collaborated. Unfortunately, due to M. Pichakhchi’s illness and his unsuccessful attempts to meet some of these people, many memories remained unrecorded. During these years, M. Idrisov’s friend Shigab Akhmerov (1882—1966) passed away.

In the course of their meeting, Zaynab Khasani told M. Pichakhchi that in the issue of the magazine “An” (1916), stored in the family archive, there were M. Idrisov’s stories “No Wings to Fly” and “A Lucky Ticket”, published under the pseudonym I. Muhammed [4, p. 6]. She retold their content to M. Pichakhchi in Russian.

The talented journalist Zainab Hasani got an excellent education, together with her husband, Ahmetgarey Hasani, they published the magazine “An” (1912—1918). M. Idrisov collaborated with such magazines as “An” (“Consciousness”), “Yashen” (“Lightning”), “Karchyga” (“A Hawk”),

“Fiker” (“A Thought”). G. Tukay, G. Ibragimov, F. Amirkhan and other writers were his circle of contacts. The magazine “An” was published in Kazan in Kharitonov’s printing house and the “Millat” (“Nation”) [8, p. 50]. It was a “literary, scientific, political and public illustrated magazine”, which differed from the publications of that time not only in its technical characteristics, but also in the philosophical and semantic depth of the published material content, the relevance of the issues raised, the richness of descriptions and the novelty of its pictorial design, it united the circle of the most talented writers.

M. Idrisov is also known to be an author. Before the revolution, he annually published new textbooks on mathematics and geography, which had explanations of Arabic-Persian terms in the Tatar language understandable to Tatar children. We can get acquainted with the bibliography of his works in the archival list written by the author himself [9], as well as in the bibliography compiled by R. Mardanov and I. Khadiev [10].

As is known, in the 1910s, the works of K. Tinchurin, Sh. Akhmadiev, G. Gaziz, G. Rakhim, S. Jalil, G. Rafiki, M. Gali, N. Gasriy, Hanafi, S. Rakhmankoly and others enriched Tatar prose. The work of young writers, with different degrees of knowledge and talent, was distinguished by ideological and thematic diversity, genre richness, artistic techniques and methods. [11, p. 162]. M. Idrisov also made his contribution to the formation of the New Age prose. The stories, mentioned above, were written by him during the years of his work as the head of the printing house “Millat” (“Nation”) (1915—1917). Along with experiments in the printing, he tries himself in the field of literary work.

In the story “No Wings to Fly”, distinguished by its psychological insight, the events take place during the First World War. The disaster, brought by the war, is described based on the fate one young family. A number of research works on the reception of war in the early twentieth century prose are written by literary critics and historians [12], [13], [14], [15]. However, until now, this story of the famous printer has not drawn attention of literary critics. We dare to remind you that in Tatar literature there are not many works, in which the whole burden of the First World War and the degree of grief felt by the common people is revealed through the tragic fate of a woman.

In the literature of the early 20th century, one of the most important topics was the depiction of people’s behavior in harsh circumstances, in ex-

ceptionally tense moments. Tatar writers relied on the experience of Russian writers, on their discoveries in the field of in-depth psychological analysis and their mastery of cultural relationships. In M. Idrisov's story "No Wings to Fly", the inner feelings of the main character are revealed by using the method of hidden psychologism, characteristic of I. S. Turgenev's work. The Russian writer created the theory of "secret psychology", according to which "the psychologist must disappear in the artist, as a skeleton disappears from our eyes under a living and warm body to which it serves as a strong but invisible support". "The poet must be a psychologist, but a secret one: he must know and feel the roots of the phenomena, but represent only the phenomena themselves - in their heyday or withering".

It is with great skill that M. Idrisov managed to reveal the inner intimate feelings of his literary heroine, using various techniques, on the verge of the imaginary and the real. Reflecting on the fate of the woman, the writer associates the cause of Nasima's misfortune with the war. The newlyweds, Gabdrakhman and Nasima, managed to live happily for a few months only. Soon the husband went to war, and the wife received the news of his death. The woman's suffering, which escalated after Gabdrakhman's departure to the front, was exacerbated by her difficult relationships with her mother-in-law, Makhubzhamal Abystai. In the story, Nasima's psychological drama is presented in a close relationship with social conditions. Thematically, the work echoes M. Gafuri's story "Hamida, a Soldier's Wife", which realistically and authentically describes the complicated psychological experiences of Hamida, whose husband went missing in the war [16, pp. 294–295].

In "No Wings to Fly" the events take place in the city of Ufa. It begins with a description of a widowed woman who walks in the garden all alone, feeling weak and sad, and looks at the Belaya River. This is the moment when the writer tries to convey to the reader Nasima's suffering from being lonely, her wave of emotions caused by her helplessness. In the scenes where the author depicts Nasima's painful experiences, we can feel the influence of the philosophy of existentialism. The state of loneliness is conveyed through the description of her emotions, at the same time, the events associated with these emotions show the development of Nasima's level of self-consciousness.

The Tatar writer chooses a "speaking name" for his main character in order to precisely charac-

terize her dreamy nature. G. Sattar-Mulille explains the semantics of this female name in this way: "yomshak kynelle, molai" ("pretty, sensitive") [17, p. 402]. The name of her beloved one means "mörkhəmmattlenenñ, rakhimlenenñ (Allahynñ) cola" ("the slave of all-merciful Allah") [17, p. 79]. If M. Idrisov portrays the image of a girl through the element of love, the image of a man is given through the motif of submission to fate.

To reveal the inner world of a woman, the writer skillfully uses the potential of portrait characteristics based on the principle of contrast. M. Idrisov compares the portrait of the widow with Nasima's portrait in her girlhood: "Her tall and round body of a girl has lost weight, melted; once ruddy cheeks have turned pale and fell off like flowers. Her eyes, playful and charming in her youth, have grown dim and are filled with fatigue, blue bags have appeared under her eyes, her gaze is turned inward.

Following the traditions of romantic prose, M. Idrisov, depicts the feelings of his main character in close connection with descriptions of nature. Nasimi's sufferings are compared with spring floods on the Volga River, and the surrounding reality is compared with a stream. "It seemed to her that the Volga was overflowing with tears of women as unfortunate as she was. The waters of the river were mixed with the burning tears of many daughters-in-law, living in families along the banks of the river and beyond the mountains, women separated from their husbands, girls forcibly married ..." [2]. Immersed in deep emotional experiences, the woman remembers the times when she walked in this garden a year ago with her husband Gabdrakhman. Those moments are the happiest in Nasima's heart.

The suffering of the widow becomes unbearable because of the jealousy that the mother-in-law has always felt for her daughter-in-law. Nasima cannot forget the angry words of Gabdrakhman's mother who said as a goodbye to her: "You have bewitched my son, subjugated him". She does not feel guilty towards her mother-in-law, because all her fault was her sincere love and devotion to her husband: "She fell in love with Gabdrakhman at first sight, when she was a young girl, and he was in love with her. Even after their first acquaintance, it was pleasant for Nasima with her passionate heart, to remember Gabdrakhman, who was distinguished by his heroic appearance, who was a handsome man with a finely defined black mustache" [2].

The insults that her mother-in-law was peppering on her and their quarrels made Nasima leave her husband's house. The writer points out all the injustice of these reproaches, as well as the depth of the young woman's suffering because of them: "These words plunged into the wounded heart of Nasima Khanum with a poisonous arrow" < > "Did I bewitch him, did I plot against his parents? I just loved him! And he had the same feelings... He loved me".

The Tatar folk song "Lemonade", which a group of soldiers is singing in the garden, increases the degree of emotions in Nasima's heart. For a moment it seems to her that her Gabrakhman is among them, her beloved husband is about to appear before her. Due to the experiences that have flooded over her, the girl falls into a state of ecstasy, finding herself on the verge of visions and reality.

"Here, she seems to be flying ...

Nasima khanum is greeted by the soldiers:

- You have wings to fly! they exclaim. Here, she seems to be rising higher and higher ..." [2].

Following the canons of romantic aesthetics and I. Turgenev, M. Idrisov considered music and images of nature to be the best way to reveal the inner world of his characters. Therefore, both the sounds of nature and the folk song perform an important ideological and aesthetic function in the story. This wedding song reflects the feelings of lovers and the pain of separation. At the same time, the song contains a philosophical idea that happiness awaits young people in the future.

The clash of dreams and reality is given in the story through the antithesis "I have no wings to fly", a line from the song, and the same line paraphrased by the soldiers: "You have wings to fly". Nasima dreams she were flying. It is clear that her husband was her wings. The arrival of Garif, a relative, who has come to take Nasima away with him, actually means the onset of a new stage in her life. Happy, joyful days, spent with Gabdurakhman, are left far behind, only the wings of a dream can bring them back again.

Not a word about Nasima's new life is said in the story, but the friendly embrace of her relative, who thus demonstrates his spiritual support, gives her confidence in a happy future. Nasima, through the memories of the happy moments with Gabdrakhman, says goodbye to her husband forever.

In the 1910s, the genre of the story became more activate in Tatar prose in its various manifestations: psychological, journalistic, historical, satir-

ical, humorous stories, short stories, etc. M. Idrisov's story "A Lucky Ticket" was created at the intersection of humor and satire. The story about Faskhetdin Gainetdinovich, who lives in the city, and about the events that happened to him, congenially resembles the satirical and humorous works of F. Amirkhan, Sh. Kamal and G. Gubaidullin.

The plot is based on the story of the lottery draw in the famous Kazan Swiss Park. The rumor about the lottery has spread throughout the city. Among the things in the lottery were a bicycle, a silver watch, a gramophone, a live cow, first-class flour from Okoloshnikov, refined sugar and firewood.

The "artisan" Fashhetdin of the lame-footed Ahmadi, or the bay's master named Ahmadi, wins a live cow with a lottery ticket bought in the park. M. Idrisov describes this event with deep irony: "If it isn't happiness! A happy ticket!"

He quarrels with his mistress Sharifa, who does not want to walk around the city with a cow on a leash; therefore, with great difficulty, he arrives at the house where he lodges, all alone. When he returns, he does not know where to put the cow up for the night? Fashhetdin does not have his own house. He rents a room from a rich man. His neighbor, Minibay Abzy, began to shower him with advice, which contained mockery. On hearing the cow low, the owner comes out of the house and, getting angry, drives Faskhutdin with the cow out of the house. After walking for a long time, the poor fellow falls asleep on the ground, "near the oil tanks located between two villages". At night the cow has been stolen.

He tries to find the loss by contacting the police station, but he is denied help, because he does not remember the details of the stolen animal. Yesterday, he was rich, because he had a cow, a mistress, and a place where he could rest after work. Today he is left with nothing. The lucky ticket has led to serious consequences in his life [3].

The writer endows his hero with an expressive appearance: "The origins of the tragedy are in his head, he is dimwitted, like a cow. Among his comrades, he is known be stupid and dumb. Itelligence is not his strong point. The people around him always make fun, scoffle and mock at him". [3]

Of interest is M. Idrisov's literary style. The writer uses the potential of artistic means borrowed from folklore. Distinctive features of his style are the use of proverbs and sayings, winged words, nicknames, etc. To hook the reader, the writer, at the beginning of the story, resorts to sincere into-

nation asking the question “can I buy a ticket to happiness or not?” In this way the writer creates intrigue, adding mystery and stimulates the reader’s interest, prepares him for reading.

Results

The works “No Wings to Fly” and “A Lucky Ticket” by M. Idrisov are written in the style of realism. They describe the sufferings, born in the soul of the main character affected by the harsh reality of the era. However, the two stories differ from each other in their style. In the first one, the author depicts the inner world of Nasimi according to the canons of romantic aesthetics, in this way protesting against the war, in the second story, human nature is criticized through the creation of a comical character and a number of comic situations. Subtle humor, reaching open sarcasm, conciseness - all this is the individual features of M. Idrisov’s satirical work. In general, the literary critic D. Zagidullina defines the features of the story, written at the beginning of the 20th century, in the following way: “the beginning of the 20th century is rightly regarded as the period of the Tatar story formation, the search for new ways of transforming literature, as the period when the genre reaches the highest point in its development” [18, p. 3].

Conclusions

Tatar literature of the early 20th century has gone down in history as the era of the Renaissance. The works of G. Tukay, F. Amirkhan, N. Dumavi, S. Sunchaley, S. Ramiev, Derdemend and other writers constitute the golden fund of Tatar literature. If M. Idrisov had connected his fate with writing, he would have taken his rightful place in literature next to these outstanding writers.

References

1. Rəmiyev, Z. Z. (2000). *XXiəz bashy tatar ədəbiyaty: avtorlyk, təp tekst həm khronologiya məs'ələləre* [Tatar Literature of the Beginning of the 20th Century: Issues of Authorship, Main Text and Chronology]. 180p. Kazan, RITS “Shkola”. (In Tatar)
2. Məkhəmmət, M. (1916). *Yuk kanatym ocharga* [No Wings to Fly]. АН. No. 21, pp. 326–328. (In Tatar)
3. Məkhəmmət, M. (1916). *Bəkhət bilety* [A Lucky Ticket]. АН. No. 22, pp. 343–346; No. 23, pp. 362–365. (In Tatar)
4. NM RT KPPi 124639. Pichakhchi, M. (1967). *Istoriya s geografiei, otnosyashchiesya k istorii Kazanskogo poligrafista-samorodka Mukhammeda Ibragimovicha Idrisova* [History with Geography Relating to the History of the Kazan Self-Made Printer Muhammad Ibragimovich Idrisov]. Kazan'. (In Russian)
5. Latipov, S. (1967). *Kyrenekle poligrafisebez* [Our Outstanding Printer]. Agizel. No. 5, pp. 93–95. (In Tatar)
6. Təkhfatullin, Z., Kushaev, G. (1966). *Ul bezneñ safta* [He Is in Our Ranks]. Sots. Tatarstan. 5 mai. (In Tatar)
7. Latypov, S. (1966). *Poligrafist-uchenyi* [The Printer-Scholar]. Sov. Bashkiriya. 28 avgusta. (In Russian)
8. Rəmiyev, I. (1926). *Vakytly tatar matbugaty. 1905–1925* [Temporary Tatar Press]. 232 p. Kazan, Gazhur. (In Tatar)
9. NMRT KPPi 124639 *Trudy Idrisova M. I.* [M. Idrisov’s Works]. (In Russian)
10. Mərdanov, R., İdiev, I. B. (2022). “*Millət matbagasy həm Məkhəmməd İdrisi ehshchənlege*” [“The National Press and the Activities of Mohammad Idrisi”]. Mukhammed Idrisov – master shrifta. L. I. Galiev. S. V. Morozova, N. M. Miftakhutdinova, M. L. Akhmadullina, I. G. Khadiey, R. F. Mardamanova. Ufa, Vostochnaya pechat', pp. 91–93. (In Tatar)
11. Gyləjev, T. (2005). *Shəhit Əkhmədiev: tormyshy həm ıxəaty* [Shakhit Akhmadiev: His Life and Work]. T. Sh. Gyləjev. Ədəbi miras: tarikh həm zaman. Pp. 161–171. Kazan, Tatar.kit nəshr. (In Tatar)
12. Gali, B. T. (2008). *Tatarskaya khudozhestvennaya literatura 1914–1917 godov kak istoricheskii istochnik* [Tatar Fiction of 1914–1917 as a Historical Source]. Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. No. 8, pp. 183–188. (In Russian)
13. Gabdrəfikova, L. R., Salikhov R. R. (2012). *Voennaya povsednevnost' v tatarskikh baitakh* [Everyday Life During the War in Tatar Bayts]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 4 (30), pp. 305 – 308. (In Russian)
14. Gilazov, T. Sh. (2015). *Liricheskii geroi poezii M.Gafuri, posvyashchennoi teme voyny* [The Lyrical Hero of M. Gafuri’s Poetry Dedicated to the Topic of War]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 3 (41), pp. 208 – 213. (In Tatar)
15. Khabutdinov, A. Yu. (2015). *Tema Pervoi Mirovoi voyny v tatarskoi maloi proze nachala XX veka* [The Theme of the First World War in the Small Tatar Prose of the Early Twentieth Century]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 4 (42), pp. 255–259. (In Russian)
16. Gafuri, M. (1983). *Soldat khatyny Khəmidə* [Hamida, a Soldier's Wife]. Gafuri M. Əsərlər: dyrt tomda: 3 t.: Proza həm publitsistika (1902–1917). Pp. 267–295. Kazan, Tatar. kit.nəshr. (In Tatar)
17. Sattar-Mulille, G. (1998). *Tatar isəmnəre ni soili?* [What Do Tatar Public Figures Say?]. 486 p. Kazan, Rannur. (In Tatar)
18. Zahidullina, D. (2001). *Tatar khikəyaləre: XX gasyr bashy* [Tatar Stories: The Beginning of the 20th Century]. 399 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)

МӨХӘММӘТ ИДРИСОВ ХИКӘЯЛӘРЕНЕҢ ИДЕЯ – ЭСТЕТИК ҺӘМ ЖАНР ҮЗЕНЧӘЛЕГЕ

Нурия Мидхат кызы Мифтахетдинова,
Татарстан Республикасы Милли музеи,
Россия, 420011, Казан ш., Кремль ур., 2 нче йорт,
nurija08@yandex.ru

Мәкаләдә күренекле полиграфист, шрифтар остасы, дәрәсләкләр авторы М. Идрисовның әдәби эшчәнлегенә тикшерелә. Күпкырлы талант иясенә «Юк очарга канатым», «Бәхет билеты» хикәяләре 1916 елда «Аң» журналында басылып чыга һәм алар фәнни хезмәтнең бәяләү объекты булып тора. Әдәби әсәрләрнең идея-эстетик үзенчәлекләре аның тикшерү предметын билгели.

Хикәяләрдә XX гасыр башы әдәбиятына хас сәнгатьчә фикерләү ысулы, мәдәниягә бәйләнешләр, геройларның хис-кичерешләре бирелешендә кеше белән музыка аһәңе, табигать күренешләрен кешелек дөньясы белән тәңгәлләштерү кебек үзенчәлекләр күренә. М. Идрисовның «Бәхет билеты» хикәясенә XX гасыр башы әдәбиятындагы сатира жанрын тулыландыручы әсәрләрнең берсе булуы ассызыклана.

Төп төшенчәләр: татар әдәбияты, Мөхәммәт Идрисов, хикәя, жанр, әдәби бәйләнешләр, ижтимагый фикер, мәдәният

Кереш

XX йөз башы татар әдәбияты үрнәкләре вакытлы матбугат битләре аша безнең көннәргә килеп житте. Хәзерге укучыга мондый әсәрләрнең күпчелегенә авторлары билгесез булып кала бирә, чөнки алар арасында киләчәккә язучылык, иҗат эшенә бәйләнеш булмаган һөнәрләр сайлаган шәхесләр дә бар. Бу хикәяләр автор өчен каләм тибрәтү тәҗрибәсе, яшьлектә үзгәртү төрле өлкәдә сынап карау кебек бер мизгелне дә хәтерләтә. Шулай булуга да карамастан хикәяләр идея, проблемалары ягыннан актуаль, тулаем XX йөз башы әдәбиятының идея-эстетик үзенчәлекләрен гәүдәләндерә. Вакытлы матбугат битләрендә нәшер ителгән әсәрләрнең бер шәлкеме, ул чорларга хас булганча, яшерен тәхәллүсләр белән басылган. Әдәбият галиме, текстолог З. Рәмиев әдәби текстларның авторлыгын билгеләү, әдәби псевдонимнарны ачыклауга багышланган хезмәтендә Г. Тукайның житмешләр, Ф. Әмирханнның исә егермеләп ачык һәм яшерен имзалары булуын дәлилли [1, 18 б.]. Шулай ук алтын приискалар хужасы, иганәче, талантлы шагыйрь Закир Рәмиевнең тәхәллүсе Дәрдемәнд булуы билгеле.

Тикшеренү материаллары һәм методлары

Фәнни тикшеренү материалы итеп 1916 елны «Аң» журналының 22 һәм 23 санның И. Мөхәммәт псевдонимы белән басылган «Юк

канатым очарга», «Бәхет билеты» хикәяләре алынды [2], [3]. Тикшерү методлары һәм принциплары гыйльми эзләнү хезмәтенә максатына һәм өйрәнү объектына нигезләнеп сайланылды. Әдәби иҗатны, әсәрне шәрехләү һәм анализлауның культура-тарих, чагыштырма-тарихи, биографик методлары файдаланылды.

Фикер алышу

И. Мөхәммәт псевдонимы белән 1916 елда «Аң» журналының 22 һәм 23 санның нәшер ителгән хикәяләр авторының кем булуы очраклы һәм шул ук вакытта тирән эзләнүләр нәтижәсендә билгеләнелде.

Танылган полиграфист, картограф, рәссам-график, шрифтар остасы М. Идрисовның 85 еллык юбилее уңаеннан, хатыны Рабига Идрисова һәм М. Идрисовның сөзләсе Галия белән ире Михаил Пичахчи инженер - галим, уйлап табучының фәнни хезмәтләренә кыйммәт халыкка кайтару юлында күп эш башкаралар. М. Пичахчинның истәлекләре, эзләнүләре, төрле оешмаларга язган хатлары М. Идрисовның фәнни эшчәнлеген, биографиясен ачыклауда төп чыганак булып торалар [4]. Хәзерге вакытта әлеге хезмәт Милли музей фондында, күчмәләр һәм М. Идрисовка кагылышлы кайбер материалларның оригинал нөсхәләре Казан федераль университетының Н. И. Лобачевский исемендәге фәнни китапханәсендә саклана. М. Пичахчи үз

хезмәтен «История с географией, относящиеся к истории Казанского полиграфиста-самородка Мухаммеда Ибрагимовича Идрисова» дип атаган. География төшенчәсенә исемгә чыгарылу сәбәбен уку барышында аңлыйсың. Ул архивны тапшыру хакындагы сөйләшүләрне Мәскәү, Казан, Уфа шәһәрләрендә алып бара, хәтта инфаркттан соң үзе булган санаторияләрдә дәваланучыларга М. Идрисовның эшчәнлегенә турында сөйли.

Башкорт Автономияле Совет Социалистик Республикасы Министрлар Советы каршындагы матбугат идарәсенә баш инженер С. З. Латиповның «Агыйдел» журналында басылган «Күренекле полиграфиячеләр» мәкаләне [5] һәм Уфа телевидениясендә М. Идрисов эшчәнлегенә багышланган тапшыру элгә эшчәнлекнең нәтижәсе булып тора.

Әйтергә кирәк, М. Идрисов вафатыннан соң (1948), Р. Идрисова аның беркадәр архивын, кулъязма хезмәтләрен ире белән бер институтта һәм турыдан-туры аның кул астында эшләгән Ф. Таһировка тапшыра. 1960 елларда Р. Идрисова үзгә сакланган материалларның бер өлешен М. Пичахчига бирә һәм шулай ук фәнни институтларга, архивларга, китапханәләргә дә тәкъдим итә. Бу юнәлештә актив хәрәкәт итеп, газета-журнал редакцияләре белән М. Идрисов турында мәкалә бастыру мәсьаләсен күтәрә. Аның материаллары нигезендә 1966 елда Казанда «Социалистик Татарстан» [6], Уфада «Советская Башкирия» [7] газеталарында мәкаләләр дөнья күрә.

М. Пичахчи тарафыннан күренекле шәхеснең исемен халыкка кайтару һәм аны таныту юнәлешендә башкарылган эшләр арасында Мөхәммәт Идрисовны күрәп белгән шәхесләр белән очрашуы мөһим урын алып тора. Алар арасында М. Идрисов житектеләнгән НИИПолиграфмашта эшләгән Ф. Таһиров, Казанда беренче язучу машиналары заводы директоры вазифасын башкарып лаеклы ялга чыккан Ә.Г. Шәйхгали (1885–1968), М. Идрисов хезмәттәшлек иткән «Аң» журналы редакторы Әхмәтгәрәй Хәсәнин (1883–1933) хатыны Зәйнәп Хәсәни (1885–1967) һәм башка күренекле шәхесләр бар. Кызганыч ки, М. Пичахчинин авыруы һәм кайбер шәхесләрнең өйләрендә булмаулары сәбәпле, кайбер истәлекләр язылмый кала. Бу елларда М. Идрисовның дуслары Шиһаб Әхмәров та (1882–1966) үлгән була.

Зәйнәп Хәсәни очрашу вакытында М. Пичахчига гайлә архивында сакланган «Аң» журналының 1916 елгы саннарында М. Идрисовның И. Мөхәммәт псевдонимы белән басылган «Юк канатым очарга», «Бәхет билеты» хикәяләре барлыгын әйтә [4, 6 б.]. Аларны укып, эчтәлеген М. Пичахчига рус телендә сөйли.

Зәйнәп Хәсәни үзе дә белемле һәм сәләтле журналист була, ире Әхмәтгәрәй Хәсәни чыгарган «Аң» (1912–1918) журналында эшли. М. Идрисов «Аң», «Яшен», «Карчыга» кебек журналлар белән хезмәттәшлек итә. Г. Тукай, Г. Ибраһимов, Ф. Әмирхан һ.б. язучылар белән аралаша. «Аң» журналы Казанда «Милләт» һәм Харитонов типографияләрендә басыла [8, 50 б.]. Үзенең техник характеристикалары белән генә түгел, ә басылган материаллар эчтәлегенә фәлсәфи һәм мәгънәви тирәнлегә, күтәрелгән проблемаларның актуальлегә, тасвирий алымнарның, сурәтләрнең байлыгы һәм яңалыгы белән ул вакытта нәшер ителгән журналлардан аерылып торган «әдәби, фәнни, сәяси вә иҗтимагый рәсемле журнал» «Аң» тирәсендә иң сәләтле язучылар туплана.

М. Идрисов китаплар авторы буларак та билгеле. Аның татар балаларына аңлаешлы, гарәп-фарсы терминнары татарча шәрехләп язылган математика, рәсемле география дәрәжәләренә яңа басмалары 1917 елгы Октябрь революциясенә кадәр ел саен дөнья күрә. М. Идрисов хезмәтләренә библиографиясе хакында авторның үз кулъязмаларыннан [9], ә китаплары турында Р. Мәрданов һәм И. һадиев хезмәтләреннән мәгълүмат алырга мөмкин [10].

Билгеле булганча, 1910 елларда татар прозасына иҗат мөмкинлекләре, сәләтләре һәм белем дәрәжәләре төрле булган К. Тинчурин, Ш. Әхмәдиев, Г. Газиз, Г. Рәхим, С. Жәләл, Г. Рәфикый, М. Гали, Н. Гасрый, Хәнәфи, С. Рахманколы һәм башка язучылар килә һәм алар иҗаты «жанр байлыгы белән генә түгел, идея-тематик киңлегә, иҗат принциплары, сурәтләр алымнарының төрлелегә белән дә аерылып тора» [11, 162 б.]. Әлбәттә, бу процесска М. Идрисов та мәгълүм өлеш кертә. «Юк канатым очарга», «Бәхет кошы» әсәрләренә язылу еллары М. Идрисовның «Милләт» типографиясендә мөдир булып эшләү вакытларына (1915–1917) туры килә. Димәк, типография эше белән бергә әле ул үзен язучы буларак та сынап карый.

«Юк канатым очарга» психологик хикәясендә вакыйгалар Беренче Бөтендөнья сугышы елларында бара. Сугыш алып килгән афәт бер яшь гаилә мисалында күрсәтелә. Бу тема гасыр башында дөнья күргән татар хикәяләре мисалында әдәбият белгечләре һәм тарихчылар тарафыннан шактый өйрәнелгән [12], [13], [14], [15]. Ләкин әлегә кадәр танылган полиграфистның бу хикәясә әдәбият галимнәре игътибарыннан читтә калган. Бу урында шуны да искәртеп китү урынлы булыр: татар әдәбиятында Беренче бөтендөнья сугышының гади халыкка алып килгән авырлыгын хатын-кыз фажигасе аша сурәтлэгән әсәрләр күп түгел.

Әдәби әсәрдә гәүдәләндерелгән кырыс чынбарлыкта, киеренке, кискен мизгелләрдә кешеләрнең үз-үзләрен тотышларын сурәтләү - XX гасыр башы әдәбиятында моһим бер темаларның берсе. Мәдәниягара бәйләнешләр, бигрәк тә көчле психологизм белән сугарылган рус язучыларының әсәрләре татар әдипләре өчен тәҗрибә мәктәбе була. М. Идрисовның «Юк канатым очарга» хикәясендә әдәби геройның тирән кичерешләре И. С. Тургенев ижатында актив файдаланылган яшерен психологизм алымы ярдәмендә сурәтләнә. Мәгълүм булганча, күренекле рус язучысы әдәбият белемендә «яшерен психология» теориясе авторы буларак дан казана. И. С. Тургенев фикеренчә, язучы яшерен психолог булырга тиеш. Тән белән сокланганда, бер кеше дә скелетның эһәмияте турында уйламый. И. С. Тургенев язучы да күренешләренә тасвирлаганда, эчке процессларны дөрес аңлап, аларның ничек тууын, үсүен, юкка чыгуын яшерен, ачыктан-ачык күрсәтмичә ачарга тиеш дигән карашта тора.

М. Идрисов әдәби геройның эчке интим хис-кичерешләрен төрле тасвирлар, хыял һәм чынбарлык цикләре сурәтләнешендә ижади осталык белән ачып бирә. Хатын-кыз язмышы турында уйланганда, язучы Нәсимә бәхетсезлегенң сәбәбен сугыш белән бәйли. Габдрахман белән Нәсимә, яңа гына гаилә корып, берничә ай гына бәхетле тормыш кичереп калалар. Ә аннары сугышка китү һәм иренң тетрәндергеч үлем хәбәрен алу сөйләнелә. Нәсимә белән кайнанаһы Мәхүбжамал абыстай арасындагы мөнәсәбәтләренң киеренкелегә дә шушы вакыйгаларда тагын да кискенләшә һәм төп герой Габдрахман белән яшәгән йортны ташлап

китәргә мәҗбүр була. Хикәядә Нәсимәнен психологик драмасы социаль шартлар белән бәйләнештә дә ачыла. Әсәренң бу үзенчәлегә ире сугышка китеп хәбәрсез югалган Хәмидәнен авыр психологик кичерешләрен реалистик деталләрдә сурәтлэгән М. Гафуриның «Солдат хатыны Хәмидә» хикәясә белән аваздаш [16, 294–295 б.],

«Юк канатым очарга» әсәрендә вакыйгалар Уфа шәһәрендә бара. Хикәя тол калган хатынның Агыйделгә карап торган бер бакчада ялгызы, хәлсезлек халәтендә йөрүен сурәтләү белән башланып китә. Язучы шушы мизгелләрдә Нәсимәнен ялгызлыктан интегүләрен, аның чарасызлык баскычындагы хис-кичерешләр дулкынын укучыга житкерергә омтыла. Нәсимәнен сызланулы кичерешләре тасвирланган күренешләрдә экзистенциализм фәлсәфәсенң алымнары да сиземләнә. Ялгызлык халәте хис-кичерешләр сурәтләнешендә ачыла, шул ук вакытта бу кичерешләр белән бәйле вакыйгаларда Нәсимәнен үз-үзен аңлау дәрәҗәсенң үсешә дә күрсәтелә.

Әсәрдәге төп геройның исемендә үк аның эчке халәте, асыл сыйфатлары гәүдәләнә. Г. Саттар-Муллилә Нәсимә исеменң гарәп телендә «йомшак күңелле, мөлаем» мәгънәсендә кулланылуын билгели [17, 402 б.]. Аның яраткан кешесенә язучы Габдрахман исемен сайлаган, ә ул гарәпчәдән «мәрхәмәтленң, рәхимленң (Аллаһының) колы» дип тәрҗемә ителә [17, 79 б.]. М. Идрисов кыз образын мәхәббәт стихиясә аша, ә егет образын язмышка буйсыну мотивына нисбәтле шәрехли.

Хатын-кызның эчке дөньясын ачу өчен, язучы контрастлык принцибына нигезләнгән портрет алымнарын оста куллана. М. Идрисов Нәсимәнен кыз чагы белән хәзергә кыяфәтен чагыштырып тасвирлай: «Аның кыз вакытындагы озын вә тулы гәүдәсә хәзер инде нечкәргән вә юкарган; кызарып торган тулы яңаклары, шингән чәчәктәй, эчкә таба баткан вә агарган иде. Аның яшь вакытындагы уйнак вә сөйкемле күзләре хәзер инде сүнгән вә ялыккан, ә күз төпләре күгәргән вә эчкә таба тартылган иде» [2].

М. Идрисов героиня кичерешләрен романтикларча табигать күренешләре белән белән үреп тасвирлай. Идел елгасының язгы ташу вакытлары Нәсимә кичерешләре, ул кабул иткән чынбарлык агышы буларак күзаллана. «Аңа бу Идел, гүя үзе шикелле бәхетсезләренң

күз яше белән ташыган төсле булып тоелды. Өнә теге тау артларында, тагы әллә кайларда – Иделнең югары тарафларында торучы әллә нинди гаиләләр эчендә санап бетермәслек киленнәр, ирдән аерылып калган хатыннар, ниһаять, көчләп кияүгә бирелгән кызларның кайнар күз яшьләре, шушы Иделдән агып баргандай булды...» [2]. Тирән хисләргә бай хатирәләр аны бер ел элек шушы бакчада ире Габдрахман белән йөргән вакытларына алып китә. Алар Нәсимәнең йөрәгендә рәхәт мизгелләр булып уелып калган.

Тол хатынның газаплары кайнана һәм килең арасында булган көнләшү хисе белән тирәнә. Нәсимә, Габдрахман әнисенең кызган чакта әйткән «угылымны сихерләп, үзең каратып бетергән идең» дигән авыр сүзләрен күтәрә алырлык көч тапмый. Кайнаңасы алдында аның бернинди дә гаебе булмый, чөнки аларның гаилә учагы тирән мәхәббәт хисләре нигезендә туа: «Габдрахманның ул кыз вакытында әүвәл күрүдә үк яраткан вә аңа мәхәббәт багланган иде. Габдрахманның баһадирларча киң күкрәклә таза гәүдәсе белән яңа гына сызылып чыккан кара мыге, әүвәл танышкан дөкыйкада ук Нәсимәнең дәртле йөрәгенә кереп, рәхәт-рәхәт урнашкан иде» [2].

Кайнана тарафыннан әйтелгән нахак сүзләр, алар арасындагы низаглар Нәсимәне йорттан чыгып китәргә мәжбүр итә. Үзәнәлиз алымы аша, бер яктан, Мәхүпҗамалның игелексез гәмәлләренә, хаксызлыгына, икенче яктан, геройның үз халәтенә бәя бирелә: «Нәсимә ханымның жәрәхәтләнгән йөрәгенә агулы уктан булып кадалганнар иде» < > «Ник аны мин сихерлим дә, ник аны мин ата-анасыннан аерым? Мин аны сөйдем генә бит! Ул да мине шулай... Сөйде».

Бакчада солдатлар төркеме жырлап барган «Лимонад» татар халык жыры Нәсимә йөрәгендә тирән хисләр ташкыны тудыра. Араларында Габдрахман да бар сыман, менә-менә аның яраткан ире янына килеп чыгар күк. Экстаз хәлендә Нәсимә чынбарлык белән төштәге сыман халәт чолганышында кала.

«Менә, имеш, ул оча... Аны теге солдатлар котлылар. Нәсимә ханымны беравыздан:

– Бар канатың очарга! – дип олуглылар. Менә ул, имеш, югарыга таба күтәрелгәннән күтәрелә бара» [2].

Романтик эстетика кануннарыннан чыгып, Тургеневка иярәп, М. Идрисов музыканы кеше кичерешләре белән тәңгәлләктә һәм бер дулкында геройның табигатен ачу ысулы дип

саный. Шуңа күрә дә хикәядә табигать тавышлары да, халык жыры да әһәмиятле идея-эстетик вазифа башкара. Бу туй жырында гашыйкларның хисләре, аерылышу газаплары чагыла. Шуңа ук вакытта жырда киләчәктә яшьләренә бәхет көтә дигән фәлсәфи фикер дә салынган.

«Юк канатым очарга» һәм «бар канатың очарга» антитезасы белән язучы чынбарлык белән хыял дөньясының кисешү ноктасын бирә. Нәсимә хыялда үзенә канатлы булуын, очуын күрә. Ире аның канаты булуы да аңлашыла. Туганы Гарифнең Нәсимәне үзе белән алып китәргә килүе чынбарлыкның дәвамы булып, геройның яңа тормышка аяк басуына ишарә ясай. Габдрахман белән булган бәхетле, ләззәтле көннәр еракта калган, аңа бары хыялда гына ирешү мөмкинлегенә әсәрдә канатлар символы ярдәмендә белдерелә.

Нәсимәнең яңа тормышы хакында хикәядә сөйләнгән, әмма төп геройның рухи таяныч булган туганы янында калуы аның яхшы киләчәгенә ышаныч тудыра. Автор Габдрахман белән бәйлә бәхетле вакытларны тергезү алымы ярдәмендә Нәсимәнең ире белән мәңгелеккә сабуулашу мизгелләрен бәян итә.

1910 еллар татар прозасында хикәя жанры аеруча активлаша һәм аның төрле формалары иҗат ителә: психологик хикәя, публицистик хикәя, тарихи хикәя, сатирик хикәя, юмористик хикәя, хикәя-нәсер, новелла һәм башкалар. М. Идрисовның «Бәхет билеты» әсәре юмористик хикәя калыбында иҗат ителгән. Ф. Әмирьян, Ш. Камал, Г. Гобәйдуллиннарның сатирик һәм юмористик әсәрләре йогынтысында иҗат ителгән хикәядә шәһәрдә яшәүче Гайнетдин угылы Фәсхетдин һәм аның белән булган вакыйгалар сурәтләнә.

Әсәрнең сюжеты буенча Казанның элекке данлыклы Швейцария бакчасында лотерея уйнатылуы турында хәбәр тарала. Лотереяга уйнатылучы әйберләр арасында «лисапид, көмеш сәгатъ, граммофон, тере сыер, Околошниковның первый сорт оны, шакмаклы шикәр, утын» вәгъдә ителә.

Чатан Әхмәдинең «мачтеровое» Фәсхетдин, ягъни Әхмәди исемле байның мастеры, очрашып йөргән кызы Шәрифә белән Швейцария бакчасында лотерея билеты сатып ала һәм ул аңа тере сыер ота. Бу отышка М. Идрисов тарафыннан ироник мөнәсәбәт белдерелә: «Менә бәхет! Бәхет билеты!»

Шәһәр урамнары аша сыерны житәкләп алып кайтканда, ул Шәрифәсе белән сүзгә керә,

Фәсхетдин төрле авырлыклар белән, ниһаять, үзе яшәгән йортка кайтып житә. Монда исә икенче зур проблема килеп туа: сыерны кая куярга? Фәсхетдиннең исә үз йорты юк. Ул байның бер бүлмәсендә тора. Күршесе Миңлебай абыйның көлеп әйткән кинәсләре хәлне тагын да кискенләштерә. Сыер мөгрәве тавышына хужа чыгып, Фәсхетдинне сыеры белән йорттан куып чыгара. Күп жәяүләп йөргәч, ул «ике бистә арасындагы нефть баклары янында» жиргә утырган хәлдә йоклап китә. Шул вакыт аның сыерын урлыйлар.

Фәсхетдин бу хәл турында хәбәр итәргә полиция участогына бара, әмма сыерның аерымы билгеләрен әйтә алмагач, аның мөрәжәгатен кире кагалар. Ул әле кичә генә бай, сыерлы иде. Бүген янында Шәрифәсә дә юк, сыеры-байлыгы да, ятарга урыны да юк. Шул рәвешле бәхет билеты алдым дип уйлаган Фәсхетдин, киресенчә, бәхетсезлек билетын отып, күңелсез һәм көлкеле хәлдә кала [3].

Әсәрдә автор Фәсхетдин образын түбәндәгечә тасвирлый: «Чынлап та, Фәсхетдин башы, төп асылда, шул сыер башы хәтле генә уйлый ала иде. Ул иптәш мастерлары арасында да шул томанаклыгы, дорфалыгы белән «шөһрәт казанган» иде. Аның гапылы да шул потка тулмаенча, утыз тугыз кадак кына калган иде. Тирә-як күршеләре дә аны һәрвакыт шаярталар, мыскыллыйлар, аннан һаман көләләр иде» [3].

М. Идрисовның язучы стили дә кызыклы. Язучы халык авыз ижаты үрнәкләрен дә куллана. Мәсәлән, «потка тулмаенча, утыз тугыз кадак» кебек әйтемнәр, канатлы сүзләр, кушаматлар белән эндәшүләр һ.б. аның стилинең үзенчәлекләре булып торалар. Әсәрнең башлам өлешендә хикәяләүче укучы белән әсәрнең исеме турында сөйләшү алып бара: «Бәхеткә билет алырга мөмкинме, әллә юкмы?» Шул рәвешле язучы серлелек өстәп, укучыда әсәргә карата кызыксыну уята, аны эстетик кабул итүгә әзерли.

Төп нәтижәләр

М. Идрисовның «Юк канатым очарга», «Бәхет билеты» әсәрләре реализм ысулында язылганнар. Аларда чорның кырыс чынбарлыгы тәэсирендә герой күңелендә туган кичерешләр гәүдәләнә. Әмма ике хикәянең стили бер-берсеннән аерыла. Беренчесендә – романтик эстетика кануннары аша сурәтләнгән Нәсимәнең эчке дөньясы, хис-кичерешләре чынбарлыкка каршылык, протест белдерүгә

хезмәт итә, икенчесендә комик образлар, комик хәлләр һәм ситуация ярдәмендә чынбарлык тәнкыйтләнә. Нечкә юмор, ачы сарказм һәм кыскалык М. Идрисов сатирик әсәрнен индивидуаль хосусиятләре булып тора.

Гомумән, XX гасыр башы хикәяләренен үзенчәлекләрен әдәбият галиме Д. Заһидуллина түбәндәгечә билгели: «XX гасыр башы татар хикәясенен формалашу, әдәбиятны үзгәртү юлларын эзләү һәм жанрның үз үсешендә югары бер ноктага житү чоры буларак бәяләнәргә лаеклы» [18, 3 б.]

Йомгак

XX гасыр башы татар әдәбияты тарихка Яңарыш чоры буларак кереп калды. Г. Тукай, Ф. Әмирьян, Н. Думави, С. Сүнчәләй, С. Рәмиев, Дәрдемәнд һәм башка язучыларның ижатлары татар әдәбиятының алтын фондын тәшкил итә. Каләм тибрәтүче М. Идрисов та үз язмышын язучылык белән бәйләгән булса, әдәбиятта әлегә күренекле язучылар янында үзенә лаеклы урынын алган булып иде.

Әдәбият

1. Рәмиев З. З. XX йөз башы татар әдәбияты: авторлык, төп текст һәм хронология мәсьәләләре. Казан, РИЦ «Школа», 2000. 180 б.
2. Мөхәммәт М. Юк канатым очарга // Аң. 1916. № 21. Б. 326–328
3. Мөхәммәт М. Бәхет билеты // Аң. 1916. № 22. Б. 343–346; № 23. Б. 362–365.
4. НМ РТ КППи 124639. Пичахчи М. История с географией, относящиеся к истории Казанского полиграфиста-самородка Мухаммеда Ибрагимовича Идрисова, Казань. 1967.
5. Латыпов С. Күренекле полиграфистебез // Агизел. 1967. № 5. 93–95 б.
6. Төхфәтуллин З., Кушаев Г. Ул безнең сафта // Соц. Татарстан. 1966. 5 май.
7. Латыпов С. Полиграфист-ученый // Сов. Башкирия. 1966. 28 августа.
8. Рәмиев И. Вакытлы татар матбугаты. 1905–1925. Казан: Гажур, 1926. 232 б.
9. НМРТ КППи 124639 Труды Идрисова М.И.
10. Мәрданов Р., Гадиев И. Б «Милләт матбагасы һәм Мөхәммәд Идриси эшчәнлегә» // Мухаммед Идрисов – мастер шрифта / Л. И. Галиев, С. В. Морозова, Н. М. Мифтахутдинова, М. Л. Ахмадуллина, И. Г. Хадиев, Р. Ф. Мардаманова. Уфа: Восточная печать, 2022. 91–93 б.
11. Гыйлажәев Т. Шәһит Әхмәдиев: торышы һәм ижаты // Гыйлажәев Т.Ш. Әдәби мирас: тарих һәм заман. Казан: Татар.кит. нәшр., 2005. Б. 161 – 171.
12. Гали Б. Т. Татарская художественная литература 1914–1917 годов как исторический источник

// Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008. №8. С. 183 – 188;

13. Габдрафикова Л. Р., Салихов Р. Р. Военная повседневность в татарских баитах // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (30). С. 305–308.

14. Гилязов Т.Ш. Лирический герой поэзии М. Гафури, посвященной теме войны // Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 3 (41). С. 208–213.

15. Хабутдинов А.Ю. Тема Первой Мировой войны в татарской малой прозе начала XX века //

Филология и культура. Philology and Culture. 2015. № 4 (42). С. 255–259.

16. Гафури М. Солдат хатыны Хәмидә // Гафури М. Әсәрләр: дүрт томда: 3 т.: Проза һәм публицистика (1902–1917). Казан: Татар. кит. нәшр., 1983. Б. 267 - 295

17. Саттар-Муллиле Г. Татар исәмнәре ни сөйли? Казан: Раннур, 1998. 486 б.

18. Заһидуллина Д. Татар хикәяләре: XX гасыр башы. Казан: Мәгариф, 2001. 399 б.

ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РАССКАЗОВ МУХАММЕДА ИДРИСОВА

Нурия Мидхатовна Мифтахутдинова,
Национальный музей Республики Татарстан,
Россия, 420011, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 2,
nurija08@yandex.ru.

В статье исследуется литературная деятельность выдающегося полиграфиста, мастера шрифтов, автора учебников М. Идрисова. Материалом для изучения послужили рассказы обладающего разносторонними талантами деятеля культуры: «Нет крыльев полететь», «Счастливый билет» были опубликованы в 1916 году в журнале «Аң» («Сознание») и стали объектом оценки научного труда. Предметом исследования является их идейно-эстетическое своеобразие.

В рассказах выявлены характерные для литературы начала XX века особенности художественного мышления, межкультурные связи, роль музыкальных образов, параллелизма явлений природы с человеческим миром в передаче эмоций героев. В рассказе «Счастливый билет» М. Идрисов пробует перо на ниве юмора и сатиры.

Ключевые слова: татарская литература, Мухаммед Идрисов, рассказ, жанр, литературные взаимосвязи, общественная мысль, культура

History and society

Тарих һәм җәмгыять

История и общество

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-66-100

CONCERTS OF ORIENTAL MUSIC IN PARIS

Yulduz Nakieva Isanbet¹,
mileuscha@mail.ru.

This work is a continuation of the article “Symphonic Concert of Oriental Music in Kazan in 1923” (Tatarica. 2022. No. 1). The study is based on an interview with A. Eichenwald, reviews and opinions about the concert of oriental music in Paris published in foreign press. The author reconstructs the geography of the composer’s tours using archival sources. The article proves that A. Eichenwald carried out consistent work to promote Tatar songs in the world cultural space. Having become acquainted with the content of reviews and opinions, the author comes to the conclusion that the composer introduced the musical circles and correspondents to the reviews already found in Russian and Tatar publications.

Key words: Tatar music, A. Eichenwald, oriental music concert, Paris, Kazan

Introduction

The Employee’s Labor List (1892–1936), compiled by Eichenwald in the early 1930s, contains information about his two post-revolutionary trips abroad – a concert tour of Europe “with folk songs of the USSR (Paris and other cities)” in 1924 and his tour in Nice as an opera and symphony conductor – in 1925 (GTSMMK). However, according to the “Musical Encyclopedia”, the time of Eichenwald’s stay abroad and the list of countries he visited are somewhat different. B. Steinpress, the author of the article about Eichenwald, reports

that the composer toured as an opera and symphonic conductor in France and Belgium in 1924–26, while in 1927–28 he was in Switzerland [2, col. 495].

If Steinpress’s information is true, then, apparently, Eichenwald could not omit facts about his tour to France (Paris, Nice) in 1924–1926 in the labor list; at the same time, he did not report on his visit to other countries (Belgium, Switzerland) and about one more trip in 1927–1928. In those days, it was not safe to remind once again about one’s tours abroad, even though those trips were carried out with the official permission of the relevant Soviet authorities. Moreover, in contrast to 1924–1926, in 1927–1929, A. Eichenwald had quite long theater contracts in his homeland and, if necessary, could document his stay in the USSR and satisfy a possible interest in his whereabouts.

¹ Due to the death of the author, the structure of the article was built in accordance with the requirements of the journal by its editor M. M. Khabutdinova. The material is based on the manuscript “Anton Eichenwald’s Activities in Kazan and His Environment” (Essays) stored in the personal archive of the musicologist [1, pp. 198–235].

In M. Nigmedzyanov's book "The Tatar Folk Song in Composers' Arrangement", the geography of A. Eichenwald's tours looks somewhat different. In one of the notes to his work, the author informs: "In the period from 1926–1927, 1927–1928, A. Eichenwald toured in many cities of Europe (Milan, Paris, Rome) with programs based on Tatar folk songs. See posters in the archive of the M. Glinka Museum at the Moscow State Conservatory" [3, p. 31].

Materials and methods of research

The analysis is based on foreign publications about A. Eichenwald's concerts in France.

The work uses traditional methods: the descriptive, comparative and classification methods of research, the study of scientific sources, the method of analysis and generalization.

Discussion

While working on the book, we managed to get acquainted with the materials confirming A. Eichenwald's stay in France in 1926. Specific documents, related to his stay there in 1924, have not yet been found, but in the interview, published in 1926 in the Parisian Russian-language newspaper "Dni", A. Eichenwald claimed that he had left the Soviet Union in 1924, and there is no reason to doubt his words [4]. What his trip was connected with remains to be clarified. S. Makhnei, an Ufa musicologist, calls it emigration, but, it is unlikely that Eichenwald would not have spoken about this fact directly when giving an interview to the emigrant newspaper [5].

Evidently, A. Eichenwald undertook a trip abroad not only for the sake of special authorial concerts. Rather, he took advantage of the opera or symphony tours to organize his authorial concerts (if they really were performed in 1924). But the fact that in his Labour List A. Eichenwald diplomatically called his concert repertoire "folk songs of the USSR" just means an attempt to please his contemporary Soviet authorities and to demonstrate the ideological relevance of his activities. In fact, in those years, A. Eichenwald, as an ethnographer and composer, was interested in the Eastern (mainly Turkic) peoples' songs, not only the Soviet ones. Even later, having already accumulated a wider "oriental" concert repertoire, A. Eichenwald continued to include arrangements of Turkish and Persian, that is, foreign songs, in his concert programs even in his homeland. According to the Soviet terminology of the later post-war years, his Paris concert programs should have been called

"Songs of the Peoples of the World". In the late 1920s, having returned to the USSR, A. Eichenwald used approximately the same terminology ("Songs of the Peoples"), but not in relation to his own works.

In addition to Steinpress's publication, A. Eichenwald's music conductor job in Nice is confirmed by a number of documents, but it happened in 1926, not in 1925, as he indicated in the List. In particular, the holdings of the State Central Museum of Musical Culture contain posters, announcing the September productions of the operas "Prince Igor" by A. Borodin and "Kitezh" ("The Legend of the Invisible City of Kitezh and Maiden Fevronia") by N. Rimsky-Korsakov, and a symphony concert, held on October 10, 1926, with the participation of singer A. Tikhonova and pianist Sapelnikov (the program included the works of Wagner, Liszt and Eichenwald).

Eichenwald, with a troupe consisting primarily of Russian opera singers ("premiers of the imperial theaters of St. Petersburg and Moscow," as the theatrical booklet says), was invited to Nice by the directorate of the Milean Summer Theater in the castle of Count Milean-Vigières. A look at the elegant and beautifully designed booklet "Théâtre d'Été de Miléant", timed to coincide with the production of "Kitezh" (GCTP Foundation), gives some idea of this tour. The booklet contains a cast of actors and performers of "Kitezh" (K. Zaporozhets, G. Raisov, A. Yakovleva, G. Pozemkovsky, M./B² Popov, E. Sadovina, M. D'Ariat, M. Barminov, S. / K * Kaidanovsky, G. Dubrovsky, L. Korotnev and excellent photographs of the Maitre (Le Maitre) Eichenwald and a number of soloists. One of the articles is devoted to the Summer Theater itself and mentions forthcoming performances of the Russian opera group (it is curious that it has a photo of the count with the caption "Comte de Miléant" and a photo of a Leo Tolstoy marble bust with the caption "Comte Léon de Miléant-Tolstoi").

Eichenwald's touring operatic repertoire was serious. Along with "Prince Igor", performed at the opening of the season (as reported, with the participation of 200 performers), and "Kitezh", from the works of Russian composers the touring plan included Rimsky-Korsakov's "The Golden Cockerel" and "Scheherazade", Tchaikovsky's "Eugene Onegin", as well as the works new for Russian performers or, at best, less known to them and requiring a careful study: "Phaedra" by J. Racine "with

² In the list of performers and in the captions under the photo, the initials of some artists differ.

music by J. Massenet", "Corinthian Wedding" (on the Russian stage: "Corinthian Nights") by A. France "with the musical score of A. Busset³", the operas "Mephistopheles" by A. Boito and "Orpheus and Eurydice" by K. V. Gluck.

Eichenwald received an invitation to Nice, already having a fame of a performer and composer in French musical circles. Whether owing to his personal presence in Paris or not, but in 1925, his pantomime ballet "The Firebird" was performed on the stage of the Alhambra Theater in Paris. However, since I. Stravinsky's ballet, premiered in 1910 as part of the Parisian "Russian Seasons" by S. Diaghilev, was known under this name, the ballet by A. Eichenwald was called "Ivan Tsarevich". The composer's invitation to Nice could also be facilitated by the fame acquired due to his recent April and June concerts of "oriental folk music" given by him in Paris.

Before the beginning of the second concert, his Parisian interlocutor V. Zenz wrote, introducing the publication of the conversation with the composer in the newspaper "Dni":

"Two months ago, in the small hall of "Gaveau", the composer-ethnographer A. Eichenwald, who had arrived from Russia, gave a concert dedicated to the folk songs of the Tatars, Kazakhs (according to the author: Kyrgyz)⁴, Bashkirs, Uzbeks and Turks, the event unusual for Paris. The concert gathered a full house and caused a genuine delight of the audience, who felt not only something new in these songs and musical plays, but also something fresh, bright and young – as fresh and young as everything that comes from the origins of genuine folk art"[4].

Telling V. Zenz about the history of these concerts' organization, A. Eichenwald wrote:

"In 1924, I went abroad. Here in Paris, I gave the first concert of oriental folk music in the editorial office of the "Revue Musical", at the so-called "meeting con-

certs" practiced in Paris. These concerts were a success in the musical environment. I got an offer to arrange a concert for the public - but to do this I had to pay a lot of money to the bureau. I refused. Then the concert was arranged free of charge in the small hall of "Gaveau". The concert was a great success. The French media reacted in a very sympathetic way, noting the new and unexpected things about the concert. The owner of the Gaveau Hall became very interested and he himself proposed to arrange a concert in a large concert hall. Other musical organizations also took part in these arrangements ("Mus / Zika"), now we are organizing a real concert on June 30, already at our own risk ..." [4].

A. Eichenwald did not make it entirely clear when the concert took place in the editorial office of the magazine: either in 1924 (shortly after the composer's arrival in Paris) or in 1926 (shortly before the first, April, concert in the Gaveau Hall). But, one way or another, the *Revue Musical* was at the origins of this undertaking. The very fact that the magazine paid careful attention to A. Eichenwald's creative experiments in the field of oriental and, above all, Tatar music already testifies to the recognition of their artistic relevance and value.

The magazine was actively involved in organizing various kinds of contemporary authors concerts. A review of the musical life in France, published in 1924 in the Soviet monthly journal "Musical Culture", begins with the information about his activities:

"*Revue musicale*" concerts. In the past season, the French magazine "Music Review" organized regular chamber concerts in Paris, in two series - winter and spring - introducing the Parisian public to new or little-known compositions by French and foreign authors; thanks to excellent performers - also of different nationalities - these evenings have gained honorable fame. Of the new compositions, they performed Szymanowski's Quartet, "Archaic Melodies" and "Metopes", Florent Schmitt's Quartet, Béla Bartók's 2nd Violin Sonata, Korngold's and Shansman's Quartets, Caplet's Improvisations for Cello and Piano, Kodály's Solo Cello Sonata, a number of vocal pieces (Pizzetti, Caplet, et al.) and Sem Dresden's Sonata for Flute and Harp⁵. An entire concert was devoted to Honegger, not counting the performance of his Cello Sonata in winter and "Easter in New York" (three poems) in the spring series. Out of the Russian composers, Scriabin and Stravinsky were performed" [7, p. 253] (hereinafter, italicized by the author.- Yu. I.).

³ It is with the emphasis on the names of the authors of literary sources, the libretto of Racine and France, and not on the authors of the music of Massenet and Busset, that the information in the booklet is given.

⁴ Further, in the author's text, in relation to the names of similar adaptations by Eichenwald, instead of the terms "Kyrgyz" (n) and "Kyrgyz" (adj), we use "Kazakh" (n) and "Kazakh" (adj), respectively. In the cited documents, including the concert programs, the terms "Kyrgyz" (n) and "Kyrgyz" (adj) are retained (usually with a note). The wrong name of the people is due to the fact that in Russia and the USSR they were called Kyrgyz until 1925, when the Kazakhs were allowed to return their historical name. See, for example: [6].

⁵ In the magazine, we read: Schmitt; Caplet; Kodali; Sem Dresden; Bela Bartok's Sonata.

Of the contemporary Russian composers, only Scriabin and Stravinsky are mentioned in the concerts, organized by the magazine that season, but it would be wrong to assume that the magazine's interest in Eichenwald's work was due to the fact that there was a shortage of new works by Russian composers in France. This was not the case even in the narrow field of chamber music, not to mention theater music. In another section of the same review of the musical life in France, we read:

"Russian music. Russian music is very popular in Paris. Last year, among the most performed Russian composers were Stravinsky ("The Story of a Soldier" at Viener's concerts; the piano concerto by Koussevitzky; the piano transcriptions from "Petrushka" in "The Revue musicale" chamber concertos, etc.); S. Prokofiev (romances from op. 36; 5th sonata and 2nd concerto for pianoforte); Myaskovsky ("Whims" - performed by S. Prokofiev); Glazunov (suite "The Kremlin") conducted by Coppola; Kastalsky's choir "Rus" in Colonne's concertos; A. Tcherepnin's Sonata, First and Second Piano Concertos; "Hashish" by Lyapunov, "Petrushka" by Stravinsky, Grechaninov, Saminsky, Rimsky-Korsakov, Taneyev and others" [7, p. 254].

Of interest is the following fact: on the same days as the first concert of Eichenwald, a concert of the works by S. Rachmaninov was held in the Concert (apparently large) Hall of "Gaveau" (on the program were: Elegiac Trio - Lyubimova, Grossemey, Whitmore; romances - Raisa Azrova and pianist A. Labinsky; Sonata for Piano and Cello - Marion Roberts, Whitmore; The First Movement of Piano Concerto No.2 - A. Plotnikov, Frenkel-Liénard (?) and Suite for Two Pianos - Frenkel-Liénard and Plotnikov); moreover, the responses to both concertos were published in the same issue of "Le Monde Musical".

Even against the backdrop of such an intense musical life of Paris, rich in novelties including the works of Russian composers, Eichenwald's concerts did not go unnoticed. As evidenced by the reception of the audience and the friendly responses of the French press, the works, performed by Eichenwald on the concert stage, aroused the public's genuine interest and recognition.

The first Parisian public authorial "Concert de musique populaire orientale" ("Concert of Oriental Folk Music") by Eichenwald took place in the Chamber (quartet) Hall "Gaveau" on April 28, 1926. The participants of the concert were: the author (piano), opera soloists Raisa Azrova (lyric soprano), Consuela Eastwick (mass media called her the "American" coloratura soprano), Antonina Tikhonova (mezzo-soprano), Victor Andoga (bari-

tone), Grigory Raisov (tenor) and pianist Alexander Labinsky. Flyers and programs for the concert were issued under the stamp of the "Musica Society" (its honorary president was Jeanne-L. Rosenthal and artistic director - Jacques Spinadel). Finding that Eichenwald's arrangements of oriental tunes were of great musical and ethnographic interest, the "Musica's" directorate felt obliged to provide information about the concert to all those interested. In addition to the actual information about the place and the time of the concert, the list of performed works and performers, the details about the author and the performed works was included despite the small formats of leaflets and programs.

The program of the concert in two parts (four performers in the first part, three in the second) included 22 pieces:

[Première partie]

I. *Airs Populaires Orientaux pour deux pianos (suite).*

a) *La Source froide "Salkan Tchichma", vieille chanson tartare de Volga - Kazan.*

b) *Danse des femmes, danse populaire tartare de Volga.*

c) *La Mort du Heros, ballade populaire bachkire d'Oufa.*

d) *La plume d'Oie "Kaas-kanati", chanson et danse tartares de Volga.*

ALEXANDRE LABINSKY et L'AUTEUR.

II. *Ballade "Sakmar-Sou", chanson tartare de Volga.*

Poésie "Otmé Bul-bul", chanson persane.

La Musulmane "Bibikei-Kiss", chanson tartare d'Orenbourg.

Consuelo EASTWICK.

III. *Mon Jardin "Ouz Behtcha Haramzi", chanson ouzbek de Tachkent.*

Chansonnette, chanson kirghiz/kirghizie (See note on p. 4) d'Orenbourg.

Le Minaret "Ioksé-Minaré"⁶, chanson tartare de Crimée.

Victor ANDOGA.

IV. *Le mal du pays "Akoup-Kouié", chanson tartare d'Oural.*

Berceuse "Ouju ia vroom", chanson tartare de Volga.

Reminiscence "Tiaskiria", chanson tartare de Volga.

Raissa ASROFF.

[Deuxième partie]

⁶ The program reads: "Ioské". - Yu. I.

V. *Airs Populaires Orientaux pour deux pianos* (suite)

- e) *Turkulery*, danse turque.
- f) *La nuit "Bouranbay"*⁷, nocturne bachkire.
- g) *Tak-Mak*, danses tartares.

ALEXANDRE LABINSKY et L'AUTEUR.

VI. *Le vague à l'âme "Esiulia iouziak"*, vieille chanson tartare de Kazan.

Berceuse plaintive "Ay-da-sinda", chanson des turquemans/turcmen

Vieille complainte "*Tiaftelaou*", chanson tartare de Volga.

Antoinette TIKHONOVA.

VII. *Mon pays "Touhan III"*, chanson tartare d'Oural.

La Lune "Tvorian", chanson bachscire d'Oufa.

Le Vaurien "Araz-Usta", chansonnette turque.

Grégoire RAÏSSOFF. [SCTF]

The second concert of Oriental music, held in the large Gaveau Concert Hall on June 30, 1926, was not the copy of the first one. It had a different organizer - the Gaveau firm (Maison Gaveau), other performers and even a different, more specific name - *Concert de musique populaire Tartare, Kirghiz / Kirghise*⁸, *Turque et du Caucase* (the *Concert of Folk Music of the Tatars, Kirghiz, Turks and the Caucasus / Caucasian*), although it did not quite correspond to reality: the music of the "Kyr-gyz", that is, the Kazakhs, was not included in the concert, there was only one Georgian tune from the music of the "Caucasus", while the concert title said nothing about the Bashkir music, presented in the program with three tunes.

The program of the second concert was changed not so much due to the inclusion of new pieces, but more due to the reduction of two parts of the piano suites and five vocal pieces from the previous program. If the first change was made rather in accordance with artistic considerations (French critics perceived two suites for two pianos to be too common for Paris), the second cut-out in the composition of the performers and their number was caused by the circumstances. Out of the vocalists of the previous cast, only A. Tikhonova participated in the concert, supplementing her previous program with the Georgian song "*Tvorian Chames*" and the Tatar duet "*Жизнакay*" ("*Zyatyushka*") together with Y. Tinaire. Coloratura soprano Zoya Efimovskaya and French tenor Yves Tinaier, who replaced R. Azrova, K. Eastwick, V. Andoga and G. Raisov, performed

only seven of their twelve pieces in their repertoire. Somewhat compensating for this loss, Tinaier sang the Turkish song "*Bei Oglou*" (the Crimean Tatars have a folk song "*Bei oglunyn saraylary*" based on this story. Was it possibly arranged by Eichenwald? Or was the tune common to the two peoples?). Thus, on the whole, the program included 18 pieces.

Première partie

1. a) *La Source froide "Salkan Tchichma"*⁹

b) *La mort du Héros*, ballade bachkire.

c) *L'aile d'oie "Kaas-Kanat"*, chanson et danse tartare.

Alexandre LABINSKY et L'AUTEUR.

2. a) *Ballade "Sakmar Sou"*, chanson tartare.

b) *Réminiscences "Tiaskiria"*, chanson tartare.

Zoia EFIMOVSKY.

3. a) *Mon Pays "Touhan Ile"*, chanson tartare.

b) *La lune "Tvorian"*, chanson bachkire.

Yves TINAIRE.

4. a) *Le vague à l'âme "Esiulia iouziak"*, chanson tartare.

b) *Berceuse "Ay-da-sinda"*, chanson turquemans/turcmen.

Antoinette TIKHONOVA.

Deuxième partie

5. a) *Danse des femmes tartares.*

b) *Turkulery*, danse turque.

Alexandre LABINSKY et L'AUTEUR.

6. a) *Berceuse "Ouju ia Vroom"*, chanson tartare.

b) *Poésie "Otmé Bul-bul"*, chanson persane.

Zoia EFIMOVSKY.

7. a) *Mon jardin "Ouz behtcha Haramzi"*, chanson Ouzbek.

b) *Bei oglou*, légende populaire turque.

Yves TINAIRE.

8. a) *Tvorian chames*, chanson géorgienne.

b) *Vieille complainte "Tiaftelao"*, chanson tartare.

Antoinette TIKHONOVA.

9. *Jiznakkey "Le Gendre"*, duo tartare.

Antoinette TIKHONOVA et Yves TINAIRE.

[SCTF]

All in all, the arrangements of twenty-five folk tunes¹⁰ were included in the two concerts. Fifteen

⁷ The program reads: "*Kourambay*". – Yu. I.

⁸ Alternate spellings in the program and in the leaflet – Yu. I.

⁹ To make the two concert programs look similar, the design of the title was changed hereinafter. The original title: *La Source froide* (*Salkan Tchichma*), vieille chanson tartare.

¹⁰ The names of arrangements of Tatar, Bashkir, as well as Crimean Tatar tunes, given below, are spelt accord-

of them were performed both on April 28 and June 30:

For two pianos:

1. *Kaz kanaty* – a song and a dance of the Volga Tatars.
2. *Salkyn chishmə* – an old song of the Volga Tatars, Kazan.
3. *The Death of a Hero* – a Bashkir folk ballad, Ufa.
4. *A Women's Dance (A Dance of Tatar Women)* – a folk dance of the Volga Tatars.
5. *Turkuleri* – a Turkish dance.

For piano singing:

6. *A Lullaby (A Lamenting Lullaby)* “*Ay-da-sinda*” – a Turkmen song.
7. *A Lullaby “Ouju ia vroum”* – a song of the Volga Tatars.
8. *La Lune “Tvorian”* – a song of the Ufa Bashkirs.
9. *My Garden “Ouz Behtcha Haramzi”* – a song of the Tashkent Uzbeks.
10. *Əzelə yzək* – an old song of the Kazan Tatars.
11. “*Otmé Bul-bul*” *Poetry* – a Persian song.
12. *Sakmar su* – a song of the Volga Tatars.
13. *Təzkirə* – a song of the Volga Tatars.
14. *Təftiləy* – a song of the Volga Tatars.
15. *Tugan il* – a song of the Ural Tatars.

Of the ten pieces, performed once each, seven were performed in the concert dated 28 April:

For two pianos:

16. *Buranbay* – a Bashkir nocturne.
17. *Takmak* – Tatar dances.

For piano singing:

18. *Akup kəe* – a song of the Ural Tatars.
19. *A Loafer “Aras-Usta”* – a Turkish song.
20. *A Muslim Woman “Bibekay kyz”* – a song of the Orenburg Tatars.
21. *A Chansonette* – a Kazakh song of Orenburg.
22. *Yuksek Minare “A [High] Minaret”* – a song of the Crimean Tatars.

Three more works for voice and piano were performed only once in the concert of June 30:

23. *Bey-Oglu* – a Turkish folk legend.
24. *Җизнәкәй (Le Gendre)* – a Tatar duet.
25. *Tvorian chames* – a Georgian song.

Both on April 28 and on June 30, Tatar and Bashkir music occupied more than half of the total

program. This gave the audience a certain opportunity, not limited to single impressions, to get a more complete idea of the folk musical culture of these kindred peoples. Whereas from the concert programs and from the brief definitions of the names of Tatar and Bashkir melodies, one could gain information not only about the various genres of songs and dances, ancient and modern Tatar and Bashkir melodies (songs, legends, takmaks, dances, female dances, duets, as well as ballads or nocturnes allowing the use of these European genre names in relation to them), but also about the regions of these peoples' settlement within the country – the Volga region, Kazan, Orenburg, the Urals, Ufa, Crimea, (*chanson tartare de Volga*; *chanson tartare de Kazan*; *chanson tartare d'Orenbourg*; *chanson tartare d'Oural*; *ballade bachkire d'Oufa*; *chanson tartare de Crimée*). In this regard, we can recall the identification of Tashkent Uzbeks and Orenburg Kazakhs (*chanson ouzbek de Tachkent*; *chanson kirghiz d'Orenbourg*).

The programs, as a rule, gave multi-part nominations of the concert pieces, except for three ones, named after the genre of the work (*Danse des femmes tartares*; *Tak-Mak*; *Chansonnette*), and one piece with a specific name of the folk dance (“*Turkulery*”). With the exception of the piece “*La mort du Héros*”, they gave the original thematic name of the folk tune (separated by commas or in brackets) in addition to the main name in French. The original name was not given in the native language, but in French transcription, as the peoples, represented in the concerts, used the Arabic script at that time, or, like the Georgians, their own, Georgian, script. The use of both scripts in concert programs, intended for French listeners, would be inappropriate, and practical implementation of the idea, perhaps, was technically unfeasible.

Since French letters or combinations of letters, corresponding to specific sounds of French speech, are not similar to the sounds of speech of other, mainly Turkic, peoples, they can be only approximately conveyed; therefore, it is not always possible to restore the true form and meaning of the transcribed names in the original languages, especially since French spellings are not always decipherable. In such cases, when referring to them in the book, we have to make do with Russian transcriptions of French names or French transcriptions instead of the original names. In particular, this applies to the names of two melodies, defined as Tatar and Bashkir ones – “*Ouju ia vroum*” and “*Tvorian*”.

ing to the original names of identified tunes; the names of arrangements of other peoples' tunes, as well as unidentified names of arrangements of Tatar and Bashkir tunes are spelt in accordance with the names of concert pieces.

Moreover, technical errors could have been made in some transcriptions and names in French. To identify them, the organizers needed professionals with relevant expertise who would know, in addition to the Tatar and Bashkir languages, the languages of other peoples, represented in the concerts. For example, in relation to the "Tatar" piece named "La Lune 'Tvorian'", the word "Tvorian", as a transcription of the Tatar equivalent of the name "La Lune", is erroneous, since the French "La Lune" (in Russian "Луна" - "The Moon") may only correspond to the Tatar-Bashkir word "Ai". We are also concerned with the fact that the word "Tvorian" is found in the name of the Georgian tune "Tvorian chames", and the word "chames" (or its variant), in turn, is used in the name of the Armenian tune "Tvormin khames", which Eichenwald arranged and performed at the end of the 1920s in a Soviet radio concert (the words "Tvorian" and "Tvormin" are also consonant with each other). Did some kind of error occur in here, mechanically repeated in subsequent programs?

It is worth paying attention to the fact that in a number of cases, individual words in the names of the arrangements, which are found in the texts of these songs, are clearly transcribed according to their melodic chant in programs; therefore, like in song subtexts, they can be divided into separate fragments and syllables ("Ouz Behtcha", "Bulbul", "Ay-da-sinda", instead of "Ouzbehtcha", "Bulbul" and "Ayda sin da"). Thus, depending on the number of musical sounds sung in one syllable (that is, in the cases when a syllable is sung to more than one sound, or two syllables are in one sound), a syllable is split into two ("ka-as" instead of "kaz"), or an alternating sound materializes, while in normal pronunciation it is often omitted ("Bi-bi -kei" instead of "Bibkei"). Perhaps, as a result of such transcription, another combination of the words occurred - "Ouju ia vroum" ("ia vroum" is similar to the Crimean Tatar "yavrum" - "the beloved one"¹¹), incomprehensible in the Kazan Tatar language.

¹¹In the program, as the main one, the name "Bibkay kyz" was preceded by the word "мөслимә" ("moslim") ("La Musulmane 'Bibikei-Kiss', chanson tartare d'Orenbourg"). It can be interpreted in two ways: Məslimə (Russian: Muslima) is a Tatar female name, literally means "a Muslim woman" (in Arabic). It is in this meaning (and later in some cases even as "Muslims") that the word "moslima" is used in the program of the concert dated April 28, 1926. In addition, the tune of "Muslim" is identified with the tune of "Bibkay kyz". We will be able to find out whether there is a technical

The programs specify the main French thematic and genre names of concert pieces on the programs as follows: I) original names of the tunes translated into French or II) transcriptions of the tunes' original names that could not be translated into French and thus became their borrowed names in French.

I. As a rule, the original names, translated into French, are supplemented by the original names in transcription, becoming two-step combinations, which is especially appreciable in the design of the first concert text.

1. "Danse des femmes" (the original genre name in Tatar is "Khatyn-kyzlar biyue"; the thematic name is unknown; translated into Russian: "Танец женщин" - "A Women's Dance").

2. "L'aile d'Oie 'Kaas-kanati'" (the original thematic name in Tatar: "Kaz kanaty"; in Russian it means "Гусиное крыло" - "A Goose Wing"). Another version of the French translation: La plume d'Oie (translated into Russian: "Гусиное перо" - "A Goose Feather").

3. "Mon pays 'Touhan Ill [or, in another case: Ile]'" (the original thematic name in Tatar is "Tugan il"; translated into Russian it means "Родина" - "Motherland").

4. "Source froide 'Salkan Tchichma'" (the original thematic name in Tatar is "Salkyn chishma"; translated into Russian it means "Холодный родник" - "A Cold Spring").

5. "Le vague à l'âme 'Esiulia iouziak'" (the original thematic name in Tatar is "Өзелә үзәк"; translated into Russian it means "Сердце разрывается" - "My Heart Is Breaking"). Another version of the French translation is "La vague à l'âme".

The names of other nations' tunes include "Le Minaret 'Ioksé-Minare'" (the original name is "Yuksek Minare"; translated into Russian "Высокий минарет" - "A High Minaret").

II. In programs, we seldom come across simple French transcriptions of multinational names, such as Tak-Mak (the original folklore genre name: Takmak; translated into Russian: Takmak).

Among the names of other peoples' tunes, similar names include: 1) Bei oglou (Russian: "Бей-Оглу" (Bei-Oglu)), 2) Turkulery (Russian: "Тюркюлер" (Turkuleri)), 3) Tvorian chames (Russian ? - the semantic meaning of the name is not clear).

error here, or these are two different tunes (and the tunes under such names really exist) and two names of the same tune only after reading the musical texts of A. Eichenwald.

In yet another case, the transcribed word is followed by its translation: *Jiznakkey* (*Le Gendre*) (the original thematic name: “Жизнакәй”; translated into Russian: “Зятюшка (*Zyatyushka*)”).

In other cases, transcribed names are preceded by a) academic genre names (*Ballade*, *Berceuse*, *Réminiscence*, *Vieille complainte*), or b) the composer’s own authorial names in French, that is, as already noted, the use of new genre or thematic names for these works does not mean the abolition of their original names. All of them, except for the “Squadron” in the piece “*La mort du Héros*”, form a part of the name of the whole piece and serve as a source of additional information about individual elements of oriental works.

We find each of the varieties of such names in the nominations of Tatar and Bashkir tunes arrangements:

I. Academic genre names in French given by Eichenwald and supplemented by original titles in transcription:

1. “*Ballade ‘Sakmar-Sou’*” (the original thematic name: “*Sakmar-su*” - the name of the river; translated into Russian: *Баллада “Сакмар-су”* (the *Ballad “Sakmar-su”*).

2. “*Berceuse ‘Ouju ia vroum’*” (the original thematic name has not been found; translated into Russian: “*Колыбельная*” (the lullaby “*Ouju ia vroum*”).

3. “*Réminiscence ‘Tiaskiria’*” (the original thematic name: “*Tazkira*” – a female name; translated into Russian: “*Воспоминание о ‘Таскира’*” (*Reminiscence of “Taskira”*). Another version of the French translation: *Réminiscences* (*Reminiscences*).

4. “*Vieille complainte ‘Tiaftelaou’*” (the original thematic name “*Taftilau*” is an untranslatable word, derived from the surname “*Tafkilev*”, and in other languages it is used only in transcription; translated into Russian it means “*Старинная протяжная песня ‘Тафтиляу’*” (“*The Old Drawling Song ‘Taftilau’*”). (In the sources about similar Bashkir songs, the name “*Tevkilevskaya*” is found).

Other peoples’ names of such tunes include 1. “*Berceuse plaintive ‘Ay-da-sinda’*” (“*A Lamenting Lullaby ‘Ay-da-sinda’*”); 2. *Chansonnette* (*A Chansonnette*. The original name is unknown).

II. Eichenwald’s own thematic names in French, supplemented by the original thematic names in transcription. Since the new authorial name in French and the original name in French transcription do not match in meaning, the two

parts of the name are translated into Russian differently.

1. “*La Lune ‘Tvorian’*” (the original name has not been found; translated into Russian it means: *Луна/Месяц* - “*Moon / Half a Moon ‘Tvorian’*”).

2. “*Le mal du pays ‘Akoup-Kouie’*” (the original name is: “*Akup кое*”; translated into Russian it means: “*Тоска по родине ‘Окопная’*” – “*Home-sickness ‘A Trench Song’*”).

3. “*La Mort du Héros*” (translated into Russian it means: *Смерть героя* - *The death of a hero*; the original title, “*Эскадрон*” – “*A Squadron*”, is not given in the program).

4. “*La Musulmane ‘Bibikei-Kiss’*” (the original name is: “*Bibekei kyz*” - a female name; translated into Russian it means: *Мусульманка “Юная Бибкай”* - a female Muslim “*Young Bibkay*”).

5. “*La nuit ‘Bouranbay’*” (the original name is: “*Buranbay*” - a male name; translated into Russian it means: *Ночь “Буранбай”* - the “*Buranbay*” Night).

Other peoples’ names of such tunes include:

1. *Mon Jardin “Ouz Behtcha Haramzi”* (*My Garden “Ouz Behtcha Haramzi”*);

2. *Poésie “Otmé Bul-Bul”* (*The Poetry “Otmé Bul-Bul”*);

3. *Le vaurien “Araz-usta”* (*The Loafer “Azraz-Usta”*).

It would seem that such a variegation in the names was excessive and it should have been avoided, being limited to the original name in the translation into French with its repetition in transcription, since it was technically impossible to give the original name in its native language. For example: *Le vague à l’âme* (*Esiulia iouziak*) or, in the reverse order: *Esiulia iouziak* (*Le vague à l’âme*). This is the way it is accepted in academic works, and for a highly sophisticated audience of the Gaveau Concert Hall, this would not have been a novelty either. However, this was not the case, since the meaning of the original name was not always known, or its translation into French was impossible (it required interpretation).

The original thematic names of the Kazakh song (*Chansonnette*) and “*The Dance of (Tatar) Women*” are not known, the name “*Ouju Ia Vrum*” is not possible to decode as *Kazan-Tatar* (accordingly, the translation is not possible either), neither does A. Eichenwald reveal the meanings of the names “*La Lune ‘Tvorian’*” and “*Tvorian charmes*”.

The names of nine tunes out of twenty-five are basically impossible to translate into any language. Taking into account the pronunciation differences,

they are used in other languages as loanwords. These are the song titles based on a male or female personal names – Araz-Usta (Master Araz), Bibikei-Kiss (Bibkay Girl), Bouranbay (Buranbai), Tiaskiria (Taskira), on the name of the river – Sakmar-Sou (Sakmar-su), on the names of streets (city blocks/boroughs) – Bei oglou (Bei Oglu – an Istanbul District), and on the name of the folk tune, dance or genre – Tiaftelaou (Taftilyau), Turkulery (Turkyuleri), Tak-Mak (Takmak).

These nine words (concepts), unfamiliar to Parisians, if used all by themselves or just as names of concert pieces, carrying no information for the listeners, would have no meaning for the audience. It is not surprising that A. Eichenwald used only three of them in a transcribed form, replacing three other names with his own ones, and preceded three more titles with the names of academic genres as the main nominations for these concert pieces.

The names of the remaining eleven tunes (including seven Tatar ones – “Akup”, “Жизнәкәй”, “Kaz ropes”, “Ozelә җзак”, “Salkyn chishmә”, “Tugan il”, “Squadron”, as well as “Ay-da- sinda”, “Le Minaret”, “Otmé Bul-bul”, “Ouz Behtcha Haramzi”) are thematic by nature and can be translated into French. But A. Eichenwald realized it in relation to only six of them. He gave the Turkmen tune “Ay-da-sinda” the preliminary genre name “A Lamenting Lullaby”, and four more pieces got new thematic names “My Garden”, “Poetry”, “The Death of a Hero” and “Longing for the Motherland” (instead of “Ouz Behtcha Haramzi”, “Otmé Bul-bul”, “A Squadron” and “A Trench Song”).

One can only wonder why he did this: to create harmony based on the musical image, on the content of the original or translated (if it existed) text, or, in some cases (“Ouz Behtcha Haramzi”, “Otmé Bul-bul”) due to the lack of a qualified translation of the name? As for “The Death of a Hero” and “Longing for the Motherland”, A. Eichenwald’s used his own titles to formulate these instrumental miniatures’ program, which was consistent with both the music and the lyrics of the folk songs.

A. Eichenwald’s innovations concerning the names of the tunes, no doubt, directed the listeners’ attention, helped them navigate the world of Eastern music, that was new to them in many respects, compare and match it with familiar European music.

Twelve magazine and newspaper clippings (SCTF), devoted to this event, have been preserved. Three of them are in French [8], [9], [10], one is in English [11]; eight – in Russian [3], [12], [13], [14], [15]; [16]; [17]; [18]. Unfortunately, in

archival collections, it was possible to get acquainted only with the clippings of the materials we have referred to, while direct information about the newspapers and magazines that published them remains unknown. To find out their names, we would have to conduct investigative work with the Parisian press of more than 90 years ago, which is currently an unrealistic task. So, we have to be content with indirect data, in particular, Eichenwald’s inscriptions on the texts of the clippings, which made it possible to identify the magazines “Les Artistes d’Aujourd’hui” – “Today’s Artists” (“Anton Eichenwald” by J. B. Le Comte), “Le Ménestrel” – “The Menestrel” (“The Concert of Oriental Folk Music” signed: A. S.), “Le Monde Musical” (it was): (“The Concert of Oriental Music” by L. Humbert) and the newspaper “Dni” – “Days” (“Oriental Folk Music” by V. Zenza). The question is whether the footer “Musical courier” (“The Musical Courier”) of the magazine page with the article “Folklore Songs of the Tatars” by N. de Bogori and the inscription “The Last Days” on the clipping with the information about “Eichenwald’s Concert” are the names, respectively, of the magazine itself and the newspaper or only the names of their headings. But if “Musical courier” is the name of the magazine itself, it can be identified as a New York edition (this is indirectly confirmed by the publication of a review of the April concert in the magazine on July 8th, as it took a lot of time to send an article from Paris to New York). Judging by the reference to the newspaper “Dni” under an excerpt from this article in the poster-leaflet of the concert dated June 30th, we can name the publication place of the article “Eastern Music” by V. Walter. Considering the spelling and font (without yat)¹² of the note “The Concert of Oriental Folk Music by the Composer-Ethnographer A. Eichenwald”, it can be assumed that it was most likely cut out not from the French magazine, which adhered to the pre-revolutionary orthography, but from an unidentified Soviet publication.

Some of these twelve publications are varying in length responses to the April concert, others are brief information about upcoming or past concerts, but all of them contain facts about subjects little known to Parisians and give some idea not only about some Eastern peoples’ folk music, but also (for some readers) simply about the very existence of these peoples, whose names the readers discovered for themselves for the first time, somewhere

¹² ‘ѣ’ – a Cyrillic character

out there, in the Russian steppes. Certain information about Eichenwald and his arrangements is also found in the programs and posters of the concerts themselves.

The program for the April 28 concert contains an excerpt from the information about Eichenwald as a composer and ethnographer, previously published in "Le Guide du Concert". The same material, in a slightly expanded form, is included in the poster-leaflet of the concert dated June 30th, which also has an excerpt from A. S.'s article in the "Le Menestrel" magazine and five excerpts, translated from Tatar and Russian, from newspaper responses to Eichenwald's concerts in Paris, Ufa, Kazan and Orenburg.

In the Ufa and Orenburg materials, only their authors are indicated: Akhmed Umerov and Zh. Kozlov; in the Parisian and Kazan materials, only the names of the newspapers are given: "Dni", "Tatarstan", "Kazanskiye Izvestia" (apparently, that was the way, the poster refers to the newspaper "Izvestia", which was published in Kazan - the organ of the TatTsIK, in order not to confuse it with the all-Union "Izvestia"). But it was not difficult to identify three unnamed authors and their articles knowing the names of the newspapers. These are V. Walter ("The Concert of Oriental Music"), Sh. Usmanov ("Berenche Tatars Symphony Kichäce") and M. Simsky ("The Symphonic Concert of Oriental Music").

The excerpts from their articles cannot be called quotations in the full sense of the word. These are the conclusions of the poster compilers, who formulated them using certain words from different parts of primary sources, which concerned the expressiveness and originality of folk tunes, their harmonization and orchestration, as well as the enthusiastic reception given by the public and the significance of the concerts in the Tatars' cultural life. Excerpts from Umerov (apparently, this is the Kazan journalist, who wrote twice about Eichenwald's concerts, and not his namesake from Ufa) and Kozlov's articles touch upon the composer's skill and the principles of his approach to the arrangement of folk material. In the poster compilers' interpretation, the translated texts look more hypertrophied and more categorical than the originals. At the same time, one deviation from the original sources is so serious that we can raise a question about their conscious adaptation to some particular and general needs of French journalists.

In the transcription of the text made by S. Usmanov, Eichenwald's Kazan concert was assessed as "a grand festival in the life of the Muslim

peoples" (Le Concert symphonique donné par le compositeur Antoine Eichenwald a été véritablement une fête solennelle de la vie des peuples musulmans (Bibliogr. footnote)), while the author did not claim to make such global generalizations and spoke about the festival of Tatar music, but not of the Tatar people, without any connection with religion ("Kichä chyn mægnäse belän... Tatars muzykasynyn osta composer kalāme belän manñgelek taktaga yaziluynñ tantanalñ bəyräme ide" (the footnote).). The use of the concepts "Muslim people (peoples)", "Muslim populations" instead of the author's "Tatars", "Eastern peoples" is also found in Umerov and Kozlov's translations of the materials.

This "correction" of Soviet publications before the concert of June 30th was preceded by a rather widespread use of the term "Muslim" in the French mass media, covering the April and announcing the June concert of Eichenwald. It appeared as an alternative to the definition of "orientale" ("oriental", "eastern"), which, apparently, was not convincing enough for French journalists. The authors of French and English publications could not replace or abolish the definition "orientale" in the official poster title of the April concert ("Concert de musique populaire orientale"), but when speaking about the performed music outside the context of this title, they used definitions "Tatar" (according to the predominance on the program), "native", "Asian", or simply "folk", instead of the definition "orientale", without specifying the name of the people, and listed the ethnicity of the tunes ("Persian", "Uzbek", "Tatar" songs) or the regions of their origin ("the music of the regions closest to Asia"). In the program, the June concert was no longer called the "Concert of Eastern Folk Music", but "The Concert of Folk Music of the Tatars, Kirghiz (Footnote), Turks and the Caucasus".

In Parisian Russian newspapers, the words "Eastern" (its synonym "Oriental" was not used in Parisian Russian newspapers) and "Vostok" (or "the East closest to Russia", as was more precisely stated in the information "On the Concert of A. Eichenwald") remained in use, but along with them, the definition of "Muslim" was also in circulation. Repeated many times, it could unwittingly lead readers to the erroneous perception of the performed secular folk music as religious.

It was on this wave of "Islamization" of Eastern folk music that the term "Muslim" entered the texts of translations from Soviet newspapers, where it could not exist in principle. If, for some reason, French public figures were confused by the

concept of “oriental music”, then in the case of references to the texts of Soviet newspapers, it would be more appropriate to talk about the music of the Turkic peoples, living in the Soviet Union.

Of course, the use of the term “Muslim”, especially when referring to the Soviet press, was largely of an advertising nature and, by raising the significance of the previously performed arrangements of Tatar melodies from the Volga-Ural region to the general Muslim expanses, the journalists gave them a different scale and weight. This was supposed to help increase the concert audience, which was informed about the Muslim world, but not so much about the Soviet eastern peoples and specifically about the Tatars. However, there was another side to the issue – besides advertising purposes, the definition “Muslim” made it possible to avoid the use of the definition “Eastern”, which seemed to have caused serious problems, and we are going to discuss them a little later.

The French and Russian media coverage of A. Eichenwald’s concerts was carried out in different ways. Russian newspapers wrote about A. Eichenwald himself, they were interested in what sources he used for his folk songs, in the many years of hard work invested in arranging the material, and in the attitude of the public and the press to the work of the composer. The French newspapers, without ignoring these questions, focused their attention on the work of A. Eichenwald as a composer, as a continuer of the Russian classics’ traditions.

The Parisian Russian audience, interested in music, was used to hearing folk songs in Russian composers’ major stage and symphonic works. It was also familiar with single and cyclic arrangements of folk songs for voice or various instruments. But in the case of A. Eichenwald, it was for the first time that the audience met the composer who, in search of materials, did not turn to someone else’s publications, but collected and recorded songs from different peoples and of different, new culture on his own. A. Eichenwald’s collecting work was treated with respect in Paris and he was accepted as an expert on the music of the Muslim peoples, little known to the general public – the Tatars, Kirghiz, Turks and Persians [14].

A special place in this regard is occupied by V. Zenz’s article [3], which has already been discussed by us in connection with the Kazan concerts of oriental music in 1923. However, examples of attention to this issue are found in other materials:

“The famous composer-ethnographer Anton Alexandrovich Eichenwald is currently in Paris, he managed to record the songs and music of Muslims directly from the original sources” [17].

“The concert of Eastern folk music, given on April 28th by A. Eichenwald, was of great interest as most of the songs of the Muslim peoples from Russia (more than 22 songs), performed in this concert, were recorded by Eichenwald for the first time” [12].

“Performed on Wednesday, June 30th at 9 o’clock in the evening in the large “Gaveau Concert Hall” (45–47, rue de la Boesy), a concert dedicated to the folk music of the Tatars, Kirghiz and Turks is of outstanding interest. All the performed pieces were recorded by the famous Russian composer A. Eichenvald when he was among the named peoples” [13].

“Created many centuries ago on the plains of the Volga, in the foothills of the Urals, on the shores of the Caspian Sea, the songs of the Near Russia East, reflecting the soul of their people, often inspired the creators of Russian music: Glinka, Balakirev, Borodin, Mussorgsky, Rimsky-Korsakov, and through their works became well-known in Western Europe. One of our contemporary composers, Ant[on] Al[eksandrovich] Eichenvald, devoted fifteen years of his life to collecting genuine primitive melodies of the Tatars, Turkmens, Kirghiz[s] and Persians, recording the voice of folk singers in the Crimea and on the Volga, in the Caucasus and in Turkestan” [15].

The Parisian Russian newspapers also wrote a lot about the success of A. Eichenwald’s “oriental” concerts in Ufa, Orenburg, Tashkent and especially in Kazan. It confirmed the value of the composer’s searches in a field of creative work, which was new to him. The materials of the Tatar ASSR periodical press [20], describing the enthusiasm of the Tatar public and its ingenuous response (for example, the fourteen-fold repetition of the “Kaz kana-ta” arrangement and spontaneous dances in the hall), apparently, made a strong impression on the journalists who got acquainted with the information. They tried, in their own way, to explain the reasons for such emotional behavior of the listeners.

For example, the author of the article “The Concert of Oriental Folk Music of the Composer A. Eichenwald” explained it by the fact that it was the first contact of the public with a symphony orchestra playing folk songs in artistic adaptation: “After many years of hard work, Eichenwald artistically arranged this music and songs, recorded by

him, and performed them in a number of symphonic concerts in front of the people — the “creators” of this music. According to the local press, these concerts were an exceptional success and aroused great enthusiasm of the audience. Yes, that was not surprising. After all, Muslims, and the peoples of the East in general, for the first time in their entire existence, heard their folk music and songs in artistic adaptation, performed by a symphony orchestra” [17].

However, all in itself, the novelty of any artistic action is not necessarily accompanied by its success: the public, if they are not professionals, is usually conservative and not immediately receptive to the new. The first acquaintance with symphonic music, in such large doses, should have caused bewilderment and rejection on the part of the Tatar audience even before the turn of the Tatar folk songs, in a purely symphonic arrangement by A. Eichenwald, finally came after the suites of Ippolitov-Ivanov and Spendiarov, the symphonic picture of Vinogradov and Tatar folk songs to the accompaniment of pianoforte.

It would be also wrong to assert that the Tatars, in principle, “heard their folk music and songs in an artistic adaptation and performed by a symphony orchestra” for the first time in their history, based only on the fact that many and even, perhaps, the majority of Tatar listeners attended a symphony concert for the first time. There had been such performances before, but they had not been successful. The Eichenwald concert was not the first one in general, but it was the first successful one. Moreover, we certainly should not, based on the Kazan situation, consider it to be a characteristic feature of the entire East, and of the entire Muslim world.

Undoubtedly, the interpretation of this issue, given by the author of the article “On the Eichenwald Concert”, is more convincing. He explained, though not very clearly, the success of the concerts by the creative achievements of the composer himself: “In his harmonization, which preserves the true musical content and peculiar formulas of these folk songs, they convey their beauty to European listeners, as well as to the eastern public, as it happened, for example, in Kazan, where the concerts of A. A. Eikhenvald were highly appreciated by the local Tatar press [15].

The newspapers also noted the great success of the concert of oriental folk music in Paris:

“In the Gaveau Hall, the concerts of “oriental music”, which largely belongs to the work of A. A. Eichenwald, were held with great success. <...> The

French and Russian press of Paris unanimously noted the high artistic merits of A. A. Eichenwald’s work and the exceptional success of his concert” [16].

“First of all, it must be noted that the concert fully justified the expectations placed on it. Then, we must express regret that not everyone who wanted to attend this concert were able to do it, they hope that A. A. Eichenwald would repeat it at the beginning of the next season” [17].

“The concert of the composer A. A. Eikhenwald, dedicated to oriental (Muslim) music, held in the large “Gaveau Concert Hall”, was an exceptional artistic success.

<...>

The audience gave a warm ovation to both the talented composer and the performers...

At the end of the concert, A. A. Eichenwald was thanked by prominent representatives of the Paris Conservatory [18].

The response to concerts usually noted the success of all participants’ performances in the concert and once, one of the female singers received an individual description:

“The charm and emotional depth of the folk songs were perfectly revealed by the performers, not only in the parts that were symmetrical in architecture, but also in rich recitatives.

The audience that filled the hall warmly welcomed all the artists: Mrs. Consuela Eastwick, Raisa Azrova, Antonina Tikhonova, Messrs. Victor Andogu and Grigory Raisov. A. Tikhonova, with her strong and very warm mezzo-soprano, was the greatest success” [12].

It was only Viktor Walter’s who specifically addressed the issues of the folk tunes’ musical originality and some of A. Eichenwald’s methods of working with them in his article “The Oriental Music Concert” [12]. The exception is the phrase that has already been mentioned above: “In his harmonization, which preserves the authentic musical content and peculiar formulas of these folk songs, they reveal their beauty to European listeners ...” [15] and its variant from “Oriental Music”: “His harmonization, that makes them accessible to the European listener, preserves the original poetry, the freshness of feeling and the originality of oriental folk songs’ expression” [12].

The text of Walther’s article, as well as the phrases just quoted, remind of literal translation, most likely from French, (the structure of phrases; “a five-tone scale” instead of “a pentatonic scale” - French “gamme pentatonique”; simply “drawing”, used out of context, instead of “a melodic pattern” or “a melody” - in French: “dessin (mélodique)”;

“accord” instead of “harmonize”, etc.) and are not always easy to understand.

“The songs, performed in the concert, amaze with their musical richness, diversity and originality, although in some of them the influence of Russian songs can be heard” [12], writes Walter and calls the fact that most of them are based on the sounds of a non-semitone pentatonic scale their particularly original feature. He does not find the absence of an introductory tone in oriental tunes to be a disadvantage that hinders the use of European harmonization, on the contrary, in contrast to European and Russian songs, it is a quality that helps to avoid some of the European music shortcomings. Due to the absence of the 7th (VII) step, “a properly harmonized Tatar song will not have those cadences (conclusions) that make European music so monotonous,” he believes. From his point of view, Eichenwald “with full knowledge of the matter, harmonized [the author has it “harmonized”. - Yu. I.] Tatar songs and made of them, preserving the exact intonation [that is, the melody. - Yu. I.], excellent vocal pieces”.

Describing the means that help A. Eichenwald avoid monotony “when arranging songs”, Walter names the “very subtle and skillful” use of 1) contrapuntal techniques (“very elegant figurations and imitations in the accompaniment”), 2) modulations and 3) various timbre piano colors.

“The latter technique, the use of timbres, plays a special role when creating large pieces for orchestra from folk themes, as Glinka, Borodin and Rimsky-Korsakov used to do it,” reminds Walter and then, somewhat inconsistently, notes: “Together with A. Labinsky the author played two suites by Eichenwald on two pianos. It is difficult to judge these things not in an orchestral performance, but they seemed to me less interesting than vocal pieces: in the Suite, I would like to see more complex architectural work [12]. Apparently, speaking of the skillful use of piano timbre colors, Walter had in mind not the two piano suites, but a piano part of folk songs’ arrangements, or else, he found the suites less interesting, despite the skillful use of orchestral colors.

The responses of A. S., J. B. Le Comte and L. Humbert in French are very concise and, taken together, take up no more than two typewritten pages [8]. [9], [10]. But they possess a lively, positive or negative, emotional reaction to the music of A. Eichenwald, moreover, the assessment of individual results of his creative work is given from a professional standpoint. These responses can be considered real reviews.

“One of the last—and not the least—public artistic performances in the Gaveau Hall was the festival of Tatar music, at which a series of works by Mr. Antoine Eichenwald were highly appreciated”, writes Le Comte, admiring the “musical expression of the peoples preserved in their originality”. [8] The tone of the article shows that the author is satisfied with the concert. He writes about discovering completely new musical values and new rhythms, used in a way that appeals to the modern era. As a sensitive person, he felt the historical context in the Tatar melodies and perceived the Tatar people as the heirs of the once great glory [8] (“In fact, Mr. Eichenwald refers to the Muslim populations of the Russian steppe, who are living monuments of the Far Eastern raids: fragments of the Golden Horde Mongol tribes that Genghis Khan and Tamerlane led to conquer Europe”).

Le Comte intuitively felt the quality called “*моң*” in the Tatar melodies (which means that “*моң*” was also heard in the singing of the performers!); not knowing anything about this word or its meaning, he managed to understand the spirit of the Tatar folk music creators expressed by it, when they found themselves in new historical conditions. Le Comte wrote: “He [Eichenwald] collected really extremely charming melodies, in which one can feel the thrill and vibration of all nostalgia for the homeland of their nomadic ancestors” [8].

“As a disciple of the best Russian teachers, especially Rimsky-Korsakov, he [Eichenwald] is more prepared than others to make an appropriate orchestration of this native music: he cannot have failed to achieve a completely deserved success for the audacity and novelty of his attempt”, –Le Comte concludes his short notes in this approving way [8].

A. S. evaluates Eichenwald as a Russian composer, “who has carried out very important ethnographic work, collecting oriental melodies for more than ten years; the melodies, which originated from the territories from the Volga and the Urals to the Caucasus and Crimea, in a word, in all those Russian regions that are closest to Asia” [9]. The author, like some other Parisian journalists, is of the opinion that “these melodies give an idea of the extent to which Russian folklore was subjected to oriental influence and what share of this influence was experienced by “The Five”, and among them, first of all, Rimsky-Korsakov and Borodin, then Mussorgsky. At the same time, in such a typical, from his point of view, feature of the Tatar folk tunes of the Volga or Urals, as a small range

and incessant whirling within a third or a fourth, he sees “the Slavic character of music with a more or less oriental flair, the presence or absence of increased seconds” [9].

At the same time, A. S. does not name any specific examples, so it is difficult to argue with him. In any case, among the Tatar tunes, used by A. Eichenwald, there is not a single one in a third or a fourth range, and even more so with extended seconds. Perhaps, the author perceived the features of various Eastern peoples’ tunes as characteristic qualities of any oriental piece, and the definitions “Eastern” and “Tatar” are considered to be in some way synonyms, at least within the framework of a conversation about the particular concert. In this case, it is not important; of importance is the fact that A. S. drew attention to some characteristic features that are really inherent in a number of Eastern (more precisely: Middle Eastern) melodies, and to the mutual influence (or similarity in individual manifestations) of Russian (Slavic) and Tatar (Eastern) music. No doubt, these observations of A. S. were made on the basis of his personal auditory experience.

A. S. considers A. Eichenwald’s harmonizations to be very satisfactory, but traditional, more than, perhaps, their author believes, subject to the fashion (template) of today. The accompaniment of the singing with piano chords, the use of “the apparatus of preludes, cadences and other school tricks” clearly does not satisfy him, while A. S. recognizes the problem of harmonization as almost an insoluble one. For him, Lyadov’s or Stravinsky’s methods of harmonization are the standard, of all the means “used in Russia, the only ones that allow exposing the melodic line. And for all countries of the world, this model remains **celui**, proposed by Father Komitas” [9].

Of the specific works, performed in the concert, A. S. mentions two. He finds the arrangements for two pianos less interesting than the rest of the pieces, and sees their meaning only in the fact that they give a clear idea of “which Russian school Mr. Eichenwald can be referred to as a composer”. In addition, A. S. finds a Persian song (“*Otme bul-bul*”) worthy of special mention for “its trembling transparency, which immediately evokes the poetic lines of “The Thousand and One Nights” in our memory [9].

The most critical of the French reviewers was L. Humbert. His only approving phrase, and even then with a reservation (“tried to collect”), (“Eichenwald tried to collect the folklore of Asiatic Russia with patience and curiosity worthy of

praise” [10] refers only to the composer’s collecting activity.

Humbert finds the accompaniments, in which A. Eichenwald “dressed up all these folk melodies” not quite accommodating with tunes, caricatured (exaggerated) and conceived according to outdated rational patterns” [10].

Humbert looks down on oriental folk tunes. “These Persian, Uzbek, Tatar songs have only a documentary meaning for us, they are all similar to each other, their melodies are limited to the fourth or fifth degree of the scale, and they differ from each other only in the extent of borrowing oriental manners,” he says [10].

“As for Mr. Eichenwald’s realizations for two pianos”, there is nothing new, original in them ... They belong to the same school, which we have had too much of ...”, writes Humbert [10].

When you start reading the words: “Performances, which displayed more or less the talent of Messrs. Labinsky, Andogi, Raisova and Mrs. Eastwick, Azrova and Tikhonova, enlivened this session and provided unanimous satisfaction to the audience” [10], one begins to hope that there was at least something that Humbert found satisfactory. However, in continuation of the phrase, the author explains that under satisfaction, received by the listeners (Russian emigrants?), he means the feeling experienced “due to a mental return for a few hours to their homeland, from which they have been cut off for so long”.

A. Eichenwald did not claim to be to an innovator in European academic music and really used the traditional means of musical expression; however, by reproaching the composer for this approach, we fail to understand the goals and objectives of his work. The point is not in the innovativeness or traditional character of his musical language in terms of the evolutionary development of Western European music, but in his ability to use traditional and even the most trivial European means, which were still new to this Eastern folk musical culture, without destroying the organic sound of folk melodies and their imagery familiar to the representatives of this culture.

What was traditional for European professional art was ultra-innovative for Tatar music. At the initial stage of the national professional music development, the people perceived national tunes’ arrangements not as a composer’s experiments, but as their own native tunes, and they did not tolerate even a slight forcible submission of their melodies to the unknown scientific laws of a foreign world. At that time, Tatar professional and folk music had

not yet gone their own independent ways and were perceived by the Tatar people as a single whole. And the significance of A. Eichenwald's arrangements is that the Tatar audience did not reject them, and European listeners liked them too.

The publication place of the article "The Folk-Songs of the Tartars", written in English by Nathalie de Bogori in the "Musical courier" (England? France?), as well as the type of the publication (a newspaper? a magazine?), remain unknown. The clipping format is similar to that of a magazine, but instead of the number in the header, there is a date (July 8th), which is not very typical, but possible in the magazine series [11].

N. de Bogori accepted oriental tunes with undisguised sympathy and displayed great attention both to the concert program and to the collecting and composing activities of Eichenwald himself. Having met with him, N. de Bogori, like V. Zenz, wrote down Eichenwald's story about the history of his interest in the recording and arranging of Tatar folk tunes, fixing some details that complemented or clarified a more detailed presentation of a similar conversation by V. Zenz. N. de Bogori's sincere interest in the chosen topic is felt throughout her article, and I would like to acquaint readers with its full text:

"Most countries bring to the judgment of sophisticated listeners their rich fund of folklore music performed by domestic artists, whose talent and ambition help them to go beyond the limits of national culture. That is why the mournful songs of the Georgians of the Caucasus became known to us. But the numerous peoples of Siberia have never had an interpreter. The Volga Tatars, Bashkirs, Uzbeks - the songs of these peoples were as alien and unknown until a few previous evenings as their very existence in the distant steppes.

Prof. Anton Eikhenwald, a composer and conductor from Moscow, became interested in this unknown folk music fifteen years ago after the publication of a collection, compiled by Grechaninov¹³ whose song arrangements, admittedly, did not resemble the originals. When this music was presented to a group of the Tatars, versed in music, they said that it reminded them of their songs, but was not identical to them. This made Prof. Eichenwald begin his research.

The first big problem for him was the problem of communicating with singers. The best of them were women. Indeed, the Koran [mullah?] forbids men to sing, and anyone who lets himself display

such frivolity knows that he will not be allowed to pray in the mosque. Consequently, it was necessary not only to get to know the women who lived according to the customs of the old Turkish regime, but it was no less important to enter their homes, since that was the only place where they sang. After getting a group of patriotic Tatars interested in his ideas, Prof. Eichenwald through them was invited to the house of one of the prominent Kazan Tatars, who had six [musically gifted] wives and a piano. Next, he was invited to the house of a very elderly woman in Arsk¹⁴, a tiny town where he heard some of the oldest songs from his collection. In order not to embarrass the singer, he usually listened to and recorded her singing from the next room. Thus, thanks to his friends, he visited the Bashkirs, then the Chuvash, one of the rare non-Mohammedan peoples of Siberia, representing a mixture of Tatar and Swedish blood. Then, he went to Persia and collected Turkish songs; so now his collection already includes 2000 songs, still unknown and not heard in Western Europe. He studied various languages and dialects.

However, the recording [of the melody] only triggered the problems that Prof. Eichenwald faced, since the problems of harmonizing the songs and choosing an adequate accompaniment were even greater. Again, relying on the friends that the scholar had among the people, he played them everything he composed and asked their opinion. And it took some time before they stopped shaking their heads doubtfully and saying, "It's like our songs, but not quite". Of course, it was difficult, playing the piano, to achieve the effect of the sound produced by folk instruments: psaltery, harmonica and more familiar percussion instruments that beat out a monotonous rhythm.

Success came when Prof. Eichenwald understood (found) how to work with a pentatonic scale, similar to the one used by the Chinese. The musicians laughed at him, but he stood his ground, receiving the approval of his Tatar advisers. He was busy with this work when the Russian revolution broke out. In 1920, the newly formed government of the Tatar Republic decided that there was an opportunity to acquaint the people with how folklore music, performed by a symphony orchestra, would sound in a concert. The work was completed, and Prof. Eichenwald presented it for his Tatar friends' judgment. The first concert for the Tatar

¹³ See: [19]. – Yu. I.

¹⁴ The author has it: Arsk Tetyushi Spassk. Three different settlements, which, apparently, were discussed, are reduced to one. – Yu. I.

public was given in the huge auditorium of Kazan. The listeners, hearing their native songs, performed by the orchestra, whistled with delight, while the women wept. One of the songs was repeated fourteen times. It was a historic event, and such a phenomenon happened in every Muslim center.

The performance of such wonderful and interesting folk music in Western Europe by Prof. Eichenwald was supported by several brilliant performers who did not hesitate to learn difficult languages and exclusive harmonies. Together with them, he gave a concert in Paris, which aroused extraordinary interest.

It is absolutely impossible to describe these songs with their unusual original melodies, as well as the sadness that pervades most folklore tunes. Some of them surpass others in their beauty. One of these is the Persian song *Otmé-Bul-bul*, beautifully performed in Persian by the American singer Consuela Eastwick (soprano).

O noch', takaya svezhaya i nezhnaya, yarkost' serebryanykh nebes,

O aromat roz, sladkiye pesni solov'yev,

Chto govoryat nam o lyubvi i nezhnosti.

O night, so fresh and tender, the brightness of silver skies,

O fragrance of roses, sweet songs of nightingales,

What do they tell us about love and tenderness.

Another exceptionally beautiful song, strongly reminiscent of Great Rus' (Russia) folklore music: the song *Ouz Behtcha Haramzi*:

O moye ustavsheye serdtse,

Moye serdtse plachet, rydayet i stonet.

Oh my weary heart

My heart is crying, weeping and groaning.

But the most brilliant performance and, consequently, the most powerful effect was achieved by Madame Antoinette Tikhonova, the mezzo-soprano of the Moscow Opera, who sang both sad and cheerful melodies with equal skill. And among them was one of the most beautiful Tatar songs *Esiulia iouziak*:

U kromki vody

Slyshno pechal'noye peniye

Malen'koi ptichki.

At the water's edge

Little bird's

Sad singing is heard.

Another very successful song was *Tiaftelaou*:

Zherebenok rezvitsya v zelenykh polyakh,

A lisa rezvitsya na solntse.

Tol'ko sirota, lishennyi radosti i radushiya,

Znayet vsyu tyazhest' i gorech' bed.

The foal frolics in the green fields,

And the fox frolics in the sun.

Only an orphan, devoid of joy and cordiality,

Knows the severity and bitterness of troubles.

Several songs strongly resembled the music of both Great (Big) and Malaya (Small) Russia, except for those that, according to Prof. Eichenwald, the Russian peasants copied from their neighbors, whose songs are more ancient than piano and complicated because of their perfect simplicity. Together with pianist Alexander Labinsky, some of the melodies were performed on two pianos, thus revealing the originality of this music even more strikingly. Now that the French public has heard these songs, Prof. Eichenwald is negotiating publications, the first of which should be the publication of Muslim songs of the Middle East peoples"¹⁵ [11].

Results

Having performed the programs, which included a series of works based on Tatar folk tunes in various cities of the country and abroad for several decades, A. Eichenwald did not survive to hold their re-performance in Kazan.

On arriving at the place where he was planning to hold concerts of "oriental music", the composer started with acquainting individual figures or certain musical circles not only with the music itself (this was the case in Paris), but also with press reviews of the previous concerts. In Paris, the information about the Kazan journalists' reviews of the concert in 1923 got into French publications; whereas in Kazan, no one knew anything about the reaction of the French public and the French press to the similar performances and displayed no interest in this. However, the comparison of the Kazan press, not only with the Parisian, but also with the Tiflis and Tomsk mass media, is clearly not in favor of the former.

Conclusions

Oriental tunes, arranged by A. Eichenwald, are a valuable ethnographic material. The ethnographer-composer was able to penetrate into the innermost depths of folk art and capture its original features. In a series of publications, we managed to systematize the responses and reviews published in the Tatar and Russian press, as well as in foreign publications.

¹⁵ Translated from the Russian variant by N. Z. Shamsutdinova.

References

1. Isanbet, Yu. N. (2014). *Deyatel'nost' Antona Eykhenval'da v Kazani i ego okruzheniye (Ocherki)* [Anton Eikhenvald's Activities in Kazan and His Entourage (Essays)]. Lichnyy arkhiv Yu. N. Isanbet. 416 p. Kazan', Rukopis'. (In Russian)
2. *Muzykal'naya entsiklopediya* (Tekst) (1973) [Musical Encyclopedia]. Gl. red. Yu. V. Keldysh. Moscow, Sov. Entsiklopediya. T. 6: Kheyntse - Yashugin. T. 6: Dopolneniya A - Ya. (1982). 1004 stb. (In Russian)
3. Nigmedzyanov, M. (1964). *Tatarskaya narodnaya pesnya v obrabotke kompozitorov* [The Tatar Folk Song in Composers' Arrangement]. 139 p. Kazan', Tatnigoizdat. (In Russian)
4. Zenz, V. (1926). *Vostochnaya narodnaya muzyka: beseda s kompozitorom-etnografom A. A. Eykhenval'dom* [Oriental Folk Music: A Conversation with the Composer-Ethnographer A. A. Eichenwald]. Dni (Parizh). 27 iyunya. (In Russian)
5. Makhnei, S. A. (1997). *A. Eykhenval'd – kompozitor i fol'klorist: (stranitsy zhizni v Bashkirii)* [Eikhenvald as a Composer and Folklorist: (Pages Devoted to His Life in Bashkiria)]. Mezhevuzovskii sbornik statei Magnitogorskoi gosudarstvennoi konservatorii, Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. P. I. Chaykovskogo. Tom. Vypusk 3. Magnitogorsk, Magnitogorskaya gosudarstvennaya konservatoriya, pp. 279–290. (In Russian)
6. Zataevich, A. V. (1925). *1000 pesen kirgizskogo naroda* [1000 Songs of the Kyrgyz People]. LVIII, 403 p. Orenburg. (In Russian)
7. *Muzykal'naya zhizn' vo Frantsii* (1924) [Musical Life in France]. *Muzykal'naya kul'tura*. Moscow, No. 3, pp. 253–254. (In Russian)
8. Le Comte, J. B. (1926). *Antoine Eichenvald* [Anton Eikhenvald]. Les Artistes d'Aujourd'hui. (In French)
9. A. S. (1926). *Concert de musique populaire orientale* [Oriental Popular Music Concert]. Le Menestrel. Pp. 210–211. (In French)
10. L. *Concert de Musique Orientale* (1926) [The Concert of Oriental Music].
11. Natalie de Bogory (1926). *The Folk-Songs of Tatars*. Musical courier. July 8. (In French)
12. Val'ter, V. (1926). *Kontsert vostochnoi muzyki* [Oriental Music Concert]. ? aprelya/maya. (In Russian)
13. *Večer vostochnoi pesni* (1926) [Evening of the Oriental Song]. Kr. inf. o predstoyashchem kontserte. (In Russian)
14. *Vostochnaya muzyka* (1926) [Oriental Music]. Kr. inf. o predstoyashchem kontserte. Dni. 25 iyunya. (Teatr i muzyka). (In Russian)
15. *K kontsertu Eykhenval'da* (1926) [To Eichenwald's Concert]. Dni? — 25 iyunya. (Teatr i muzyka). (In Russian)
16. *Kompozitor Anton Eykhenval'd: (k yego kontsertam v Parizhe)* (1926) [Composer Anton Eichenwald: (to his concerts in Paris)]. Kr. inf. Dni. (In Russian)
17. *Kontsert vostochnoi narodnoi muzyki kompozitora-etnografa A. A. Eykhenval'da* (1926) [Concert of Oriental Folk Music by the Composer-Ethnographer A. A. Eikhenvald]. —? aprelya/maya. (In Russian)
18. *Kontsert Eikhenvald'da* (1926) [Eichenwald's Concert]. Posledniye novosti. 2 iyulya. (In Russian)
19. Grechaninov, A. T. (1864–1956). *Tatarskiya i bashkirskiya pesni: Dlya golosa s" akkomp. f.-p.* [Tatar and Bashkir Songs: For voice with accomp. f.-p.]. Soch. 25 / V" garmoniz. A. Grechaninova. 47 p. Leyptsig, M. P. Belyaev, 1901. (In Russian)
20. Isanbet, Yu. N. (2022). *Simfonicheskii kontsert vostochnoi muzyki v Kazani 1923 goda* [Symphonic Concert of Oriental Music in Kazan in 1923]. Tatarica. No.1, pp. 116–139. (In Russian)

КОНЦЕРТЫ ВОСТОЧНОЙ МУЗЫКИ В ПАРИЖЕ

Юлдуз Накиевна Исанбет¹,
mileuscha@mail.ru.

Данная работа есть продолжение статьи «Симфонический концерт восточной музыки в Казани 1923 года» (Tatarica. 2022. № 1). Материалом для исследования послужили интервью с А. Эйхенвальдом, рецензии и отзывы о концерте восточной музыки в Париже, опубликованные в зарубежных изданиях. Автор на основе архивных источников реконструирует географию гастрольных поездок композитора. В статье доказывается, что А. Эйхенвальд вел последовательную работу по продвижению татарских песен в мировое культурное пространство. Познакомившись с содержанием рецензий и отзывов, автор приходит к выводу, что композитор знакомил музыкальные круги и корреспондентов с уже имевшимися отзывами, опубликованными в российских и татарских изданиях.

¹ По причине ухода из жизни автора структура статьи была выстроена в соответствии с требованиями журнала редактором М. М. Хабутдиновой. Материал взят из хранящейся в личном архиве музыковеда рукописи «Деятельность Антона Эйхенвальда в Казани и его окружение» (Очерки) [1, с. 198–235.]

Ключевые слова: татарская музыка, А. Эйхенвальд, концерт восточной музыки, Париж, Казань

Введение

В Трудовом списке служащего (1892–1936), составленном А. Эйхенвальдом в начале 1930-х годов, имеются сведения о его двух послереволюционных выездах за рубеж – концертном турне по Европе «с народными песнями СССР (Париж и другие города)» в 1924 году и гастрольях в Ницце в качестве оперного и симфонического дирижера в 1925-м (ГЦММК). А по сведениям «Музыкальной энциклопедии», время пребывания Эйхенвальда за рубежом и список посещенных им стран несколько иные. Автор статьи об А. Эйхенвальде Б. С. Штейнпресс сообщает, что композитор «в 1924–26 гастролеровал как оперный и симфонический дирижер во Франции и Бельгии, в 1927–28 – в Швейцарии» [2, стб. 495].

Если сведения Штейнпресса соответствуют действительности, то, видимо, замалчивать в трудовом списке гастроль во Франции (Париж, Ницца) в 1924–1926 годах А. Эйхенвальд не мог, а сообщать о других странах (Бельгия, Швейцария) и еще об одной поездке 1927–1928 годов не хотел. В те времена лишний раз напоминать о пребывании за границей было небезопасно, даже если выезды осуществлялись не иначе, как по официальному разрешению соответствующих органов, тем более что, в отличие от 1924–1926-х, в 1927–1929-х годах А. Эйхенвальд имел на родине довольно продолжительные театральные контракты и при необходимости мог документально подтвердить свое пребывание в СССР и удовлетворить возможный интерес к его местопребыванию.

Несколько по-иному выглядит география гастрольных поездок А. Эйхенвальда в книге М. Нигмедзянова «Татарская народная песня в обработке композиторов». В одном из примечаний к своему труду автор информирует: «В период с 1926–1927, 1927–1928 гг. А. Эйхенвальд с программами из татарских народных песен гастролеровал во многих городах Европы (Милан, Париж, Рим). См. афиши в архиве музея им. М. И. Глинки при Московской государственной консерватории» [3, с. 31].

Материалы и методы исследования

Материалом для анализа послужили зарубежные публикации о концертах А. Эйхенвальда во Франции.

В работе используются традиционные методы исследования: описательный, сравнительный, классификационный, работа с научными источниками, метод анализа и обобщения.

Обсуждение

В процессе работы над книгой нам удалось познакомиться с материалами, подтверждающими пребывание А. Эйхенвальда во Франции в 1926 году. Конкретные документы, связанные с его пребыванием там в 1924 году, пока обнаружить не удалось, но в интервью, опубликованном в 1926 году в парижской русскоязычной газете «Дни», А. Эйхенвальд утверждал, что он уехал из Советского Союза в 1924 году, чему нет оснований не верить [4]. С чем была связана его поездка, еще предстоит уточнить. Уфимский музыковед С. И. Махней, например, говорит об эмиграции, но, давая интервью эмигрантской газете, вряд ли А. Эйхенвальд не сказал бы об этом факте прямо [5].

Наверняка А. Эйхенвальд предпринял зарубежную поездку не исключительно со специальными авторскими концертами. Скорее, он воспользовался оперными или симфоническими гастролями для устройства в том числе и авторских концертов (если они в 1924 году действительно были). Но то, что в трудовом списке А. Эйхенвальд дипломатично называет свой концертный репертуар «народными песнями СССР», это только слова, за которыми стоит попытка угодить современным советским властям, показать идеологическую актуальность своей деятельности. На деле же А. Эйхенвальд как этнографа и композитора в эти годы привлекали песни только восточных (преимущественно тюркских) народов, причем не только советских. Даже позднее, накопив уже более широкий «восточный» концертный репертуар, А. Эйхенвальд продолжал включать в свои концертные программы даже на родине обработки турецких и персидских, то есть зарубежных, песен. По советской терминологии более поздних послевоенных лет, программы, подобные программам его парижских концертов, должны были бы именоваться «Песнями народов мира».

В конце 1920-х годов, возвратившись в СССР, А. Эйхенвальд примерно такой терминологией («Песни народов») тоже отчасти

пользовался, но не по отношению к собственным произведениям.

Дирижерская же работа А. Эйхенвальда в Ницце (но не в 1925-м, как он указывает в списке, а в 1926 году) подтверждается, кроме свидетельства Штейнпресса, рядом документов. В частности, в фондах ГЦММК хранятся афиши сентябрьских постановок опер «Князь Игорь» А. Бородина и «Китеж» («Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии») Н. А. Римского-Корсакова и симфонического концерта, состоявшегося 10 октября 1926 года при участии певицы А. Тихоновой и пианиста Сапельникова (в программе Вагнер, Лист, Эйхенвальд).

А. Эйхенвальд с труппой, собранной преимущественно из русских оперных певцов («премьеров экс-императорских театров Санкт-Петербурга и Москвы», как сказано в театральном буклете), был приглашен в Ниццу дирекцией «Летнего театра Милеана» в замке графа Милеана-Вижьера. Ознакомление с изящным и красиво оформленным буклетом «Théâtre d'Été de Miléant», приуроченным к постановке «Китежа» (Фонд ГЦТФ), дает некоторое представление об этих гастролях. В буклете содержатся списки действующих лиц и исполнителей «Китежа» (К. Запорожец, Г. Раисов, А. Яковлева, Г. Поземковский, М./Б² Попов, Е. Садовина, М. Д'Ариал, М. Барминов, С./К*. Кайдановский, Г. Дубровский, Л. Коротнева) и отличные фотографии Мэтра (Le Maître) Эйхенвальда и ряда солистов, а в одной из статей, посвященных самому Летнему театру, упомянуты предстоящие спектакли русского оперного коллектива (любопытно, что здесь же помещены фото графа с подписью «Comte de Miléant» и фото мраморного бюста Льва Толстого с подписью «Comte Léon de Miléant-Tolstoi».

Гастрольный оперный репертуар А. Эйхенвальда был серьезным. Наряду с «Князем Игорем», исполненным при открытии сезона (как сообщалось, с участием 200 исполнителей), и «Китежем», из произведений русских композиторов в план были включены «Золотой петушок» и «Шехеразада» Римского-Корсакова, «Евгений Онегин» Чайковского, а также новые для русских исполнителей или, в лучшем случае, все же менее известные им и требующие тщательного разучивания

произведения: «Федра» Ж. Расина «с музыкой Ж. Массне», «Коринфская свадьба» (на русской сцене: «Коринфские ночи») А. Франса «с партитурой А. Бюссе»³, оперы «Мефистофель» А. Бойто и «Орфей и Эвридика» К. В. Глюка.

А. Эйхенвальд получил приглашение в Ниццу, уже имея определенную исполнительскую и композиторскую известность во французских музыкальных кругах. Благодаря его личному присутствию в Париже или нет, но в 1925 году на сцене парижского театра «Альгамбра» был поставлен его балет-пантомима «Жар-птица». Поскольку под этим названием был известен балет И. Стравинского, премьера которого состоялась в 1910 году в рамках парижских «Русских сезонов» С. Дягилева, балет А. Эйхенвальда шел под названием «Иван-царевич». Приглашению композитора в Ниццу могла способствовать и известность, которую приобрели его недавние, апрельский и июньский, концерты «восточной народной музыки», данные им в Париже.

Перед вторым из этих концертов, предвзято изложение текста беседы с композитором в газете «Дни», его парижский собеседник В. Зенз писал:

«Два месяца тому назад в малой зале „Гаво“ приехавшим из России композитором-этнографом А. А. Эйхенвальдом был дан необычный для Парижа концерт, посвященный народной песне татар, казахов (у автора: киргизов)⁴, башкир, узбеков, турок. Концерт собрал полную залу и вызвал подлинный восторг публики, почувствовавшей в этих песнях и музыкальных пьесах не только что-то новое, но и свежее, яркое, молодое – как свежо и молодо бывает все, выходящее из истоков подлинного народного творчества» [4].

³ Именно так, с акцентом на именах авторов литературных источников либретто Расина и Франса, а не авторов музыки Массне и Бюссе, стоит в буклете.

⁴ Далее в авторском тексте применительно к названиям аналогичных обработок А. Эйхенвальда вместо терминов «киргиз» и «киргизский» употребляются соответственно «казах» и «казахский». В цитируемых документах, в том числе концертных программах, термины «киргиз» и «киргизский» сохраняются (обычно с примечанием). Неправильное название народа связано с тем, что в России и СССР до 1925 года, когда казахам разрешили вернуть историческое имя, их именовали киргизами (см., напр.: [6]).

² В списке исполнителей и в подписях под фото инициалы некоторых артистов разнятся.

А. Эйхенвальд, рассказывая В. Зензу об истории организации этих концертов, сообщил:

«В 1924 году я выехал за границу. Здесь первый концерт восточной народной музыки я дал в Париже в редакции „Ревю Мюзикаль“ на так называемых „концертах-митингах“, практикуемых в Париже. Концерты эти в музыкальной среде имели успех. Мне предложили устроить концерт для публики – но для этого надо было платить бюро большие деньги. Я отказался. Тогда устроили бесплатно в малой зале „Гаво“. Концерт имел большой успех. Французская пресса отнеслась очень сочувственно, отметив новое, неожиданное. Очень заинтересовался собственник залы „Гаво“ и сам предложил устроить теперь концерт в большой концертной зале. Приняли в этом участие и другие музыкальные организации („Мус/зика“), теперь мы устраиваем 30 июня настоящий концерт уже на свой риск...» [Там же].

Из слов А. Эйхенвальда не вполне ясно, когда же состоялся концерт в редакции журнала – в 1924-м (вскоре после приезда композитора в Париж) или же в 1926 году (незадолго до первого, апрельского, концерта в зале «Гаво»). Но, так или иначе, у истоков этого начинания стояла «Ревю мюзикаль». Сам факт, что журнал включил в орбиту своего внимания творческие опыты А. Эйхенвальда в области восточной и прежде всего татарской музыки, уже свидетельствует о признании их художественной актуальности и ценности.

Журнал активно занимался организацией разного рода концертов современных авторов. Опубликованный в 1924 году в советском ежемесячнике «Музыкальная культура» обзор музыкальной жизни Франции начат с информации именно о его деятельности:

«Концерты „Revue musicale“. Французский журнал „Музыкальное обозрение“ в истекшем сезоне устраивал в Париже регулярные камерные концерты, в двух сериях – зимней и весенней – познакомившие парижскую публику с новыми или малоизвестными сочинениями французских и иностранных авторов; благодаря отличным исполнителям – тоже различных национальностей – вечера эти приобрели почетную известность. Из новых сочинений были сыграны Квартет, „Архаические мелодии“ и „Метопы“ Шимановского, Квартет Флорана Шмита, 2-я скрипичная соната Бельи Бартока, квартеты Корнгольда и Шансмана, Импровизации для виолончели с фп.⁵ Капле, Соната для виолончели соло Кодая, ряд вокальных вещей (Пиццетти, Капле и

др.), Соната для флейты с арфой Сема Дрездена⁶. Целый концерт был посвящен Онеггеру, не считая исполнения его виолончельной сонаты зимой и „Пасхи в Нью-Йорке“ (три поэмы) в весенней серии. Из русских композиторов исполнялись Скрябин и Стравинский» [7, с. 253] (здесь и далее курсив автора. – Ю. И.).

Из современных русских композиторов в концертах, устроенных журналом в данном сезоне, упоминаются только Скрябин и Стравинский, но было бы неправомерно предполагать, что интерес журнала к творчеству А. Эйхенвальда обусловлен тем, что во Франции ощущался дефицит новых сочинений русских композиторов. Даже в узкой области камерной музыки, не говоря уже о театральной, это не так. В другом разделе того же самого обзора музыкальной жизни Франции читаем:

«Русская музыка. Русская музыка весьма популярна в Париже. В минувшем году из числа русских авторов много играли Стравинского («История солдата» в концертах Вьенера, фп. концерт у Кузевникова, фп. транскрипции из «Петрушки» в камерных концертах «Revue musicale» и др.); С. Прокофьева (романсы из ор. 36; 5-я соната и 2-й концерт для фп.), Мясковского («Причуды» – исполнял С. Прокофьев), Глазунова (сюита «Кремль») под управлением Коппола, хор Кастаньского «Русь» в концертах Колонна, Сонату, Первый и Второй фортепьянные концерты А. Черепнина, «Гашиш» Ляпунова, «Петрушку» Стравинского, Гречанинова, Саминского, Римского-Корсакова, Танеева и других» [Там же, с. 254].

Интересная деталь: в те же дни, когда был первый концерт Эйхенвальда, в концертном (видимо, большом) зале «Гаво» прошел концерт из произведений С. Рахманинова (в программе: Элегическое трио – Любинова, Grossemy, Whitmore; романсы – Раиса Азрова и пианист А. Лабинский; Соната для фортепьяно и виолончели – Марион Робертс, Whitmore; Первая часть Второго фортепьянного концерта – А. Плотников, Френкель-Liénard и Сюита для двух фортепьяно – Френкель-Liénard и Плотников), да и отклики на оба концерта опубликованы в одном и том же номере «Le Monde Musical» («Ле Монд Мюзикаль»).

Даже на фоне такой интенсивной и богатой новинками, в том числе русских композиторов, музыкальной жизни Парижа концерты А. Эйхенвальда не остались незамеченными. Теплый

⁵ ф.-п. – фортепиано.

⁶ В журнале: Шмита; Каплэ; Кодалы; Сэма Дрездена; соната Бела Барток.

прием слушателей и дружные отклики французской прессы вызвали у публики неподдельный интерес к произведениям, выведенным А. Эйхенвальдом на концертную эстраду.

Первый парижский публичный авторский «Concert de musique populaire orientale» («Концерт восточной народной музыки») А. Эйхенвальда состоялся в камерном (квартетном) зале «Гаво» 28 апреля 1926 года. В концерте приняли участие автор (фортепьяно), солисты оперы Раиса Азрова (лирическое сопрано), Консуэла Иствик (в прессе ее именовали «американское» колоратурное сопрано), Антонина Тихонова (меццо-сопрано), Виктор Андога (баритон), Григорий Раисов (тенор) и пианист Александр Лабинский. Рекламные листовки и программки концерта были выпущены под грифом общества «Musica» (почетный президент Жанна-Л. Розенталь, художественный руководитель Жак Спинадель). Дирекция «Мустики», поняв, что эйхенвальдовские обработки восточных напевов представляют большой музыкальный и этнографический интерес, сочла себя обязанной предоставить информацию о концерте всем заинтересованным лицам. Несмотря на маленькие форматы листовок и программ в них, кроме фактических сведений о месте и времени проведения концерта, перечня исполняемых произведений и исполнителей, туда были включены сведения об авторе и исполняемых произведениях.

Программа концерта в двух отделениях (четыре исполнителя в первом отделении, три – во втором) включала 22 номера:

[Première partie]

I. **Airs Populaires Orientaux** pour deux pianos (suite).

a) La Source froide «Salkan Tchichma», vieille chanson tartare de Volga – Kazan.

b) Danse des femmes, danse populaire tartare de Volga.

c) La Mort du Héros, ballade populaire bachkire d'Oufa.

d) La plume d'Oie «Kaas-kanati», chanson et danse tartares de Volga.

ALEXANDRE LABINSKY et L'AUTEUR.

II. Ballade «Sakmar-Sou», chanson tartare de Volga.

Poésie «Otmé Bul-bul», chanson persane.

La Musulmane «Bibikei-Kiss», chanson tartare d'Orenbourg.

Consuelo EASTWICK.

III. Mon Jardin «Ouz Behtcha Haramzi», chanson ouzbek de Tachkent.

Chansonnette, chanson **kirghiz/kirghizie** d'Orenbourg.

Le Minaret «Ioksé-Minaré⁷», chanson tartare de Crimée.

Victor ANDOGA.

IV. Le mal du pays «Akoup-Kouié», chanson tartare d'Oural.

Berceuse «Ouju ia vroum», chanson tartare de Volga.

Réminiscence «Tiaskiria», chanson tartare de Volga.

Raïssa ASROFF.

[Deuxième partie]

V. **Airs Populaires Orientaux** pour deux pianos (suite)

e) Turkulery, danse turque.

f) La nuit «Bouranbay»⁸, nocturne bachkire.

g) Так-Мак, danses tartares.

ALEXANDRE LABINSKY et L'AUTEUR.

VI. Le vague à l'âme «Esiulia iouziak», vieille chanson tartare de Kazan.

Berceuse plaintive «Ay-da-sinda», chanson des **turquemans/turcmen**

Vieille complainte «Tiaftelaou», chanson tartare de Volga.

Antoinette TIKHONOVA.

VII. Mon pays «Touhan III», chanson tartare d'Oural.

La Lune «Tvorian», chanson bachscire d'Oufa.

Le Vaurien «Araz-Usta», chansonnette turque.

Grégoire RAÏSSOFF. (ГЦТФ)

Второй концерт восточной музыки, прошедший в большом концертном зале «Гаво» 30 июня 1926 года, не копировал первый. У него были другой организатор – фирма «Гаво» (Maison Gaveau), другие исполнители и даже другое, более конкретизированное название – **Concert de musique populaire Tartare, Kirghiz/Kirghise⁹, Turquie et du Caucase** (Концерт народной музыки татар, киргизов, турков и Кавказа/кавказской), хотя и не совсем соответствующее действительности: музыки «киргизов», то есть казахов, в концерте не было совсем, из музыки «Кавказа» исполнялся только единственный грузинский напев, зато башкирская музыка, представленная в программе тре-

⁷ В программе: «Ioské». – Ю. И.

⁸ В программе: «Kourambay». – Ю. И.

⁹ Двоякая орфография в программке и листовке». – Ю. И.

мя напевами, в название концерта не попала совсем.

Программа второго концерта претерпела изменения не столько за счет включения в нее новых номеров, сколько за счет сокращения двух частей фортепьянных сюит и пяти вокальных номеров предыдущей программы. Если первое было продиктовано, скорее, художественными соображениями (французские критики восприняли две сюиты для двух фортепьяно как достаточно обыденные для Парижа сочинения), то второе из-за перемен в составе исполнителей и сокращения их числа во многом было вынужденным. Из исполнителей-вокалистов предыдущего состава в концерте участвовала только А. Тихонова, дополнившая свою предыдущую программу грузинской песней «**Tvorian chames**» и совместным с И. Тинэром татарским дуэтом «Жизнэкэй» («Зятюшка»). Колоратурное сопрано Зоя Ефимовская и французский тенор Ив Тинэр, заменившие Р. Азрову, К. Иствик, В. Андогу и Г. Раисова, из их двенадцати номеров взяли в свой репертуар только семь. Несколько компенсируя это, Тинэр исполнил турецкую песню «Bei oglou» (на этот сюжет у крымских татар имеется народная песня «Бей огълунынъ сарайлары»). Не ее ли обработка сделана А. Эйхенвальдом? Или напев бытует у двух народов?). Таким образом, в целом в программу вошло 18 номеров.

Première partie

1. a) La Source froide «Salkan Tchichma»¹⁰
- b) La mort du Héros, ballade bachkire.
- c) L'aile d'oie «Kaas-Kanat», chanson et danse tartare.

Alexandre LABINSKY et L'AUTEUR.

2. a) Ballade «Sakmar Sou», chanson tartare.
- b) Réminiscences «Tiaskiria», chanson tartare.

Zoia EFIMOVSKY.

3. a) Mon Pays «Touhan Ile», chanson tartare.

- b) La lune «Tvorian», chanson bachkire.

Yves TINAIRE.

4. a) Le vague à l'âme «Esiulia Iouziak», chanson tartare.

- b) Berceuse «Ay-da-sinda», chanson turquemans/turcmen.

Antoinette TIKHONOVA.

Deuxième partie

5. a) Danse des femmes tartares.

- b) Turkulery, danse turque.

Alexandre LABINSKY et L'AUTEUR.

6. a) Berceuse «Ouju ia Vroum», chanson tartare.

- b) Poésie «Otmé Bul-bul», chanson persane.

Zoia EFIMOVSKY.

7. a) Mon jardin «Ouz behtcha Haramzi», chanson Ouzbek.

- b) Bei oglou, légende populaire turque.

Yves TINAIRE.

8. a) Tvorian chames, chanson géorgienne.

- b) Vieille complainte «Tiaftelao», chanson tartare.

Antoinette TIKHONOVA.

9. Jiznakkey «Le Gendre», duo tartare.

Antoinette TIKHONOVA et Yves TINAIRE.

(ГЦТФ)

Всего в двух концертах были исполнены обработки двадцати пяти народных напевов¹¹. Пятнадцать из них прозвучали как 28 апреля, так и 30 июня:

Для двух фортепьяно:

1. *Каз канаты* – песня и танец волжских татар.

2. *Салкын чиишмэ* – старинная песня волжских татар, Казань.

3. *Смерть героя* – народная башкирская баллада, Уфа.

4. *Танец женщин* (Танец татарских жещин) – народный танец волжских татар.

5. *Тюркюлери* – турецкий танец.

Для пения с фортепьяно:

6. *Колыбельная* (Жалобная колыбельная) «Ay-da-sinda» – туркменская песня.

7. *Колыбельная* «Ouju ia vroum» – песня волжских татар.

8. *La Lune «Tvorian»* – песня уфимских башкир.

9. *Мой сад «Ouz Behtcha Haramzi»* – песня ташкентских узбеков.

10. *Өзелә үзәк* – старинная песня казанских татар.

¹⁰ Для придания двум концертным программам единообразия здесь и далее изменено оформление заглавия. В оригинале: La Source froide (Salkan Tchichma), vieille chanson tartare.

¹¹ В последующих перечнях названия обработок татарских, башкирских, а также крымско-татарского напевов даются по оригинальным названиям идентифицированных напевов, названия обработок напевов других народов, а также неидентифицированные названия обработок татарских и башкирских напевов – соответственно названиям концертных номеров.

11. *Поэзия «Otmé Bul-bul»* – персидская песня.

12. *Сакмар су* – песня волжских татар.

13. *Тэзкирэ* – песня волжских татар.

14. *Тэфтиләү* – песня волжских татар.

15. *Туган ил* – песня уральских татар.

Из десяти произведений, исполненных по одному разу, семь исполнялись в концерте от 28 апреля:

Для двух фортепьяно:

16. *Буранбай* – башкирский ноктюрн.

17. *Такмак* – татарские танцы.

Для пения с фортепьяно:

18. *Акуп көе* – песня уральских татар.

19. *Бездельник «Aras-Usta»* – турецкая песенка.

20. *Мусульманка «Бибекэй кыз»* – песня оренбургских татар

21. *Шансонетт* – казахская песня Оренбурга.

22. *Юксек минаре «<Высокий> минарет»* – песня крымских татар.

Еще три произведения для голоса с фортепьяно единственный раз исполнялись на концерте от 30 июня:

23. *Бей-Оглу* – турецкая народная легенда.

24. *Жизнэкэй (Le Gendre)* – татарский дуэт.

25. *Tvorian chames* – грузинская песня.

И 28 апреля, и 30 июня звучание татарской и башкирской музыки занимало более половины общей программы. Это давало слушателям определенную возможность, не ограничиваясь единичными впечатлениями, получить более цельное представление о народной музыкальной культуре этих родственных народов. А из концертных программ, в том числе из кратких дефиниций к названиям татарских и башкирских напевов, можно было не только почерпнуть сведения о разнообразных жанрах песенных и танцевальных старинных и современных татарских и башкирских напевов (песня, легенда, такмак, танец, женский танец, дуэт, а также допускающие применение по отношению к ним таких европейских жанровых названий, как баллада или ноктюрн), но и получить некоторые географические сведения о регионах расселения этих народов внутри страны, таких как Поволжье, Казань, Оренбург, Урал, Уфа, Крым (*chanson tartare de Volga; chanson tartare de Kazan; chanson tartare d'Orenbourg; chanson tartare d'Oural; ballade bachkire d'Oufa; chanson tartare de Crimée*). В этой связи можно

напомнить также идентификацию ташкентских узбеков и оренбургских казахов (*chanson ouzbek de Tachkent; chanson kirghiz d'Orenbourg*).

Названия концертных номеров, кроме трех, названных по жанру произведения (*Danse des femmes tartares; Так-Мак; Chansonnette*), и одного – по конкретному названию народного танца («*Turkulery*»), в программках, как правило, многосоставны. Кроме основного названия на французском языке, в них, за исключением номера «*La mort du Héros*», в обязательном порядке приведено (через запятую или в скобках) и оригинальное тематическое название народного напева, но не на родном языке, а во французской транскрипции, так как представленные народы использовали в то время арабское или, как грузины – свое собственное, грузинское, письмо. Употребление в концертных программках, предназначенных для французских слушателей, и того, и другого письма было бы неуместным, а их практическое применение, пожалуй, технически неосуществимым.

Но поскольку буквами или сочетаниями букв французского алфавита, соответствующими конкретным звукам французской речи, непохожие на них звуки речи других, в основном тюркских, народов можно передать лишь приблизительно, то восстановить подлинную форму и значение транскрибированных названий на языках оригиналов удастся не всегда, тем более что французские написания не всегда поддаются расшифровке. В таких случаях при ссылках на них в книге вместо оригинальных названий приходится обходиться русскими транскрипциями французских названий или самими французскими транскрипциями. В частности, это относится к названиям двух напевов, обозначенных как татарский и башкирский, «*Ouju ia vqout*» и «*Tvorian*».

Кроме того, в некоторые транскрипции и названия на французском языке могли вкратиться механические ошибки, для выявления которых необходимы соответствующие специалисты, знающие, кроме татарского и башкирского языков, языки и других народов, представленных в программе концертов. Например, применительно к «татарскому» номеру с названием «*La Lune „Tvorian“*» слово «*Tvorian*» в качестве транскрипции татарского аналога названия «*La Lune*» указано ошибочно, так как французскому *La Lune* «луна» может соответствовать только татаро-башкирское слово «Ай». Настораживает

и то, что слово «Tvorian» встречается также в названии грузинского напева «Tvorian chames», а слово «chames» (или его вариант), в свою очередь, – в названии армянского напева «Твормин хамес», обработку которого в конце 1920-х годов А. Эйхенвальд исполнял во время советского радиоконцерта (слова «Tvorian» и «Твормин» тоже созвучны друг другу). Не закралась ли здесь какая-то ошибка, механически повторяющаяся и в последующих программах?

Стоит обратить внимание и на то, что в ряде случаев отдельные слова названий обработок, встречающиеся также и в текстах этих песен, транскрибируются в программках явно соответственно их мелодическому распеву, поэтому, как в песенной подтекстовке, они могут быть разбиты на отдельные фрагменты и слоги («*Ouz Behtcha*»; «*Bul-bul*»; «*Ay-da-sinda*» вместо «*Ouzbehtcha*»; «*Bulbul*»; «*Ayda sin da*»), а в зависимости от количества музыкальных звуков, распеваемых на один слог (то есть в тех случаях, когда слог распевается более чем на один звук или на два слога приходится один звук), появляется дробление слога на два («*ka-as*» вместо «*каз*») или материализуется беглый звук, в обычном произнесении часто опускаемый («*Bi-bi-kei*» вместо «*Bibkei*»). Может быть, в результате такого транскрибирования и возникло еще одно непонятное в казанско-татарском языке сочетание слов «*Ouji ia vtoim*» («*ia vtoim*» похоже на крымско-татарское *яврум* ‘возлюбленная’)¹².

В качестве основных французских тематических или жанровых названий концертных номеров в программах указаны: I) оригинальные названия напевов в переводе на французский язык или II) транскрипции непереводаемых на французский язык оригинальных названий

напевов, становящиеся одновременно и заимствованными названиями на французском языке.

I. Оригинальные названия в переводе на французский язык, как правило, дополняются оригинальными названиями в транскрипции, становясь двухступенчатыми, что особенно заметно в оформлении текста первого концерта.

1. «*Danse des femmes*» (оригинальное жанровое название на татарском языке – *Хатын-кызлар буюе* ‘Танец женщин’; тематическое название неизвестно).

2. «*L’aile d’Oie* “*Kaas-kanati*”» (оригинальное тематическое название на татарском языке – *Каз канаты* ‘Гусиное крыло’; другой вариант французского перевода – *La plume d’Oie* ‘Гусиное перо’).

3. «*Mon pays* “*Touhan III* <или, в другом случае: *He>*”» (оригинальное тематическое название на татарском языке – *Туган ил* ‘Родина’).

4. «*Source froide* “*Salkan Tchichma*”» (оригинальное тематическое название на татарском языке – *Салкын чиймә* ‘Холодный родник’).

5. «*Le vague à l’âme* “*Esiulia iouziak*”» (оригинальное тематическое название на татарском языке – *Өзелә үзәк* ‘Сердце разрывается’; другой вариант французского перевода – *La vague à l’âme*).

Из названий напевов других народов к подобным названиям относится «*Le Minaret* “*Ioksé-Minaré*”» (оригинальное название – *Юксек минаре* ‘Высокий минарет’).

II. Простые французские транскрипции разнонациональных названий в программках встречаются редко, как, например, *Так-Мак* (оригинальное фольклорное жанровое название – *Такмак* ‘Такмак’).

Из названий напевов других народов к подобным названиям относятся: 1) *Bei oglou* (рус. Бей-Оглу), 2) *Turkulery* (рус. Тюркюлери), 3) *Tvorian chames* (рус. ? – смысловое значение названия не выяснено).

Еще в одном случае за транскрибированным словом следует его перевод: *Jiznakkey* (*Le Gendre*) (оригинальное тематическое название – *Жизнакэй* ‘Зятюшка’).

В остальных же случаях транскрибированные названия предваряются а) академическими жанровыми названиями (*Ballade*, *Berceuse*, *Réminiscence*, *Vieille complainte*) или б) собственными авторскими названиями композитора на французском языке, то есть, как уже отмечалось, использование новых для

¹² Названию «Бибкэй кыз» в программке в качестве основного предшествует слово «мөслимэ» («*La Musulmane* “*Bibikei-Kiss*”, *chanson tartare d’Orenbourg*»). Истолковать его можно двояко. Мөслимэ (рус. Муслима) – татарское женское имя, дословно обозначает «мусульманка» (с арабского). Именно в этом значении (а позднее в некоторых случаях даже как «Мусульмане») употребляется слово «мөслимэ» в программке концерта от 28 апреля 1926 года. Кроме того, напев «Муслима» отождествляется с напевом «Бибкай кыз». Выяснить, нет ли здесь технической ошибки и не идет ли речь о двух разных напевах (а напевы под такими названиями действительно существуют) или о двух названиях одного и того же напева, станет возможным только после ознакомления с нотными текстами А. Эйхенвальда.

данных произведений жанровых или тематических названий не сопровождается упразднением оригинальных названий. Все они, кроме «Эскадрона» в номере «La mort du Héros», входят в состав названия номера в целом и служат источником дополнительных сведений об отдельных элементах восточных произведений.

В названиях обработок татарских и башкирских напевов встречается каждая из разновидностей таких названий:

I. Академические жанровые названия на французском языке, данные Эйхенвальдом и дополненные оригинальными названиями в транскрипции:

1. «Ballade “Sakmar-Sou”» (оригинальное тематическое название – *Сакмар су* (название реки); в переводе на русский язык: Баллада «Сакмар-су»).

2. «Berceuse “Ouju ia vroum”» (оригинальное тематическое название не установлено; в переводе на русский язык: Колыбельная «Ouju ia vroum»).

3. «Réminiscence “Tiaskiria”» (оригинальное тематическое название – *Тэскира* – женское имя; в переводе на русский язык: Реминисценция «Таскира»). Другой вариант французского перевода: *Réminiscences* (Реминисценции).

4. «Vieille complainte “Tiaftelaou”» (оригинальное тематическое название *Тэфтиләу* – непереводимое слово, образованное от фамилии «Тэфкилев», в других языках употребляется только в транскрипции; в переводе на русский язык: Старинная протяжная песня «Тафтиляу»; в источниках об аналогичных башкирских песнях встречается название «Тевкилевская»).

Из названий напевов других народов к подобным названиям относятся 1. «Berceuse plaintive “Ay-da-sinda”» («Жалобная колыбельная “Ay-da-sinda”»); 2. *Chansonnette* (Шансонетка. Оригинальное название неизвестно).

II. Собственные тематические названия А. Эйхенвальда на французском языке, дополненные оригинальными тематическими названиями в транскрипции. Поскольку новое авторское название на французском языке и оригинальное название во французской транскрипции по значению не совпадают, две части названия на русский язык переводятся по-разному.

1. «La Lune “Tvorian”» (оригинальное название не установлено; в переводе на русский язык: Луна/Месяц «Tvorian»).

2. «Le mal du pays “Akoup-Kouié”» (оригинальное название: «Акуп кое»; в переводе на русский язык: Тоска по родине «Окопная»).

3. «La Mort du Héros» (в переводе на русский язык: Смерть героя; оригинальное название: «Эскадрон» в программе отсутствует).

4. «La Musulmane “Bibikei-Kiss”» (оригинальное название: «Бибекэй кыз» – женское имя; в переводе на русский язык: Мусульманка «Юная Бибкай»).

5. «La nuit “Bouranbay”» (оригинальное название: «Буранбай» – мужское имя; в переводе на русский язык: Ночь «Буранбай»).

Из названий напевов других народов к подобным названиям относятся: 1. *Mon Jardin «Ouz Behtcha Haramzi»* (Мой сад «Ouz Behtcha Haramzi»); 2. *Poésie «Otmé Bul-bul»* (Поэзия «Otmé Bul-bul»); 3. *Le Vaurien «Araz-Usta»* (Бездельник «Араз-уста»).

Казалось бы, такая пестрота в названиях излишня и ее можно было бы избежать, ограничиваясь оригинальным названием в переводе на французский язык с повторением его же в транскрипции, раз уж привести оригинальное название на его родном языке невозможно технически. Например, *Le vague à l’âme* (*Esiulia iouziak*) или, в обратном порядке, *Esiulia iouziak* (*Le vague à l’âme*). Именно так принято в работах научного характера, и для высококультурной слушательской аудитории концертного зала «Гаво» такое тоже не было бы в новинку, но не в данном конкретном случае, когда не всегда известно значение оригинального названия или невозможен его перевод на французский язык (требуется толкование).

Оригинальные тематические названия казахской песни (*Chansonnette*), как и «Танца (татарских) женщин», неизвестны, название «Ouju ia vroum» не поддается расшифровке (и, соответственно, переводу) как казанско-татарское, не раскрывает А. Эйхенвальд и значения названий «La Lune “Tvorian”» и «Tvorian chames».

Названия девяти напевов из двадцати пяти в принципе не допускают перевода на какой-либо язык. Такие слова (с учетом изменения произношения) используются в других языках в качестве заимствованных. Это названия по мужскому или женскому личному имени – *Araz-Usta* (Мастер Араз), *Bibikei-Kiss* (Девушка

Бибкай), Bouranbay (Буранбай), Tiaskiria (Таскира), по названию реки – Sakmar-Sou (Сакмар-су), по названию улицы (квартала города) – Bei oglou (Бей Оглу – район Стамбула), по названию народного напева, танца или жанра – Tiaftelaou (Тафтиляу), Turkulery (Тюркюлери), Так-Мак (Такмак).

Эти девять незнакомых для парижан слов (понятий), будучи использованными в качестве самостоятельных или единственных названий концертных номеров, не неся в себе никакой информации для слушателей, не имели бы для них никакого смысла. Ничего удивительного, что А. Эйхенвальд употребил в транскрибированной форме только три из них, три названия заменил своими собственными, три названия предварил названиями академических жанров в роли основных названий номеров.

Названия остальных одиннадцати напевов (в том числе семи татарских – «Акуп», «Жизнэкэй», «Каз канаты», «Өзелә үзэк», «Салкын чишмә», «Туган ил», «Эскадрон», а также «Ay-da-sinda», «Le Minaret», «Otmé Bul-bul», «Ouz Behtcha Haramzi») носят тематический характер и переводимы на французский язык. Но А. Эйхенвальд придерживается этого в отношении только шести из них. Туркменскому напеву «Ay-da-sinda» он дает предваряющее жанровое наименование «Жалобная колыбельная», а еще четверем – новые тематические названия «Мой сад», «Поэзия», «Смерть героя» и «Тоска по родине» (вместо «Ouz Behtcha Haramzi», «Otmé Bul-bul», «Эскадрон» и «Окопная»).

Почему он это сделал, остается только гадать: для благозвучия, исходя из музыкального образа, исходя из содержания оригинального или переводного (если он существовал) текста или же в отдельных случаях («Ouz Behtcha Haramzi», «Otmé Bul-bul») из-за отсутствия квалифицированного перевода названия? Что касается «Смерти героя» и «Тоски по родине», то в собственных названиях А. Эйхенвальда сформулирована программа этих инструментальных миниатюр, согласующаяся и с музыкой, и с текстом народных песен.

Нововведения А. Эйхенвальда в названиях напевов, без сомнения, направляли внимание слушателей, помогали им ориентироваться в мире во многом новой для них восточной музыки, сопоставить и сравнить ее с привычной европейской музыкой.

Сохранилось двенадцать журнальных и газетных вырезок (ГЦТФ), посвященных этому событию. Три из них на французском языке [8], [9], [10], одна – на английском [11]; восемь – на русском [3], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18]. К сожалению, в архивных собраниях удалось познакомиться лишь с вырезками перечисленных материалов, прямые же сведения об опубликовавших их газетах и журналах остаются неизвестными, а выяснение их названий потребовало бы специальной работы с парижской прессой более чем 90-летней давности, что на данный момент нереально. Приходится довольствоваться косвенными данными, в частности надписями Эйхенвальда на текстах вырезок, по которым идентифицированы журналы «Les Artistes d'Aujourd'hui» – Лез Артистс д'Ожурдьюи («Антон Эйхенвальд» Ж. Б. Ле Комта), «Le Ménestrel» – «Ле Менестрель» («Концерт восточной народной музыки» за подписью: А. С.), «Le Monde Musical»: («Концерт восточной музыки» Л. Гумберта) и газета «Дни» («Восточная народная музыка» В. Зенза). Вопрос, являются ли колонтитул «Musical courier» («Мюзикл курьер») журнальной страницы со статьей Н. де Богори «Фольклорные песни татар» и надпись «Последние дни» на вырезке информации «Концерт Эйхенвальда» названиями, соответственно, собственно журнала и газеты или только их рубрик, пока остается открытым. Но если «Musical courier» – это название журнала, то его можно идентифицировать как нью-йоркский (это косвенно подтверждается и публикацией рецензии на апрельский концерт в журнале от 8 июля – для пересылки статьи из Парижа в Нью-Йорк требовалось немало времени). О месте публикации статьи В. Вальтера «Восточная музыка» можно судить по ссылке на газету «Дни» под выдержкой из этой статьи в афишке-листовке концерта от 30 июня. Судя же по орфографии и шрифту (без ятей) заметки «Концерт восточной народной музыки композитора-этнографа А. Эйхенвальда», можно предположить, что она, скорее всего, вырезана не из придерживающегося дореволюционной орфографии французского, а неустановленного советского издания.

Некоторые из этих двенадцати публикаций являются разной протяженности откликами на апрельский концерт, некоторые – краткими информациями о предстоящих или состоявшихся концертах, но все они содержат сведения о предметах, мало известных парижанам, и дают какое-то представление не только о народной

музыке ряда восточных народов, но (для некоторых читателей) и просто о самом существовании этих народов, имена которых читатели открывают для себя впервые, где-то там, в русских степях. Определенные сведения об А. Эйхенвальде и его обработках содержат также программки и афишки самих концертов.

В программке концерта от 28 апреля приведена выдержка из информации об А. Эйхенвальде как композиторе и этнографе, ранее опубликованной в «Le Guide du Concert». Этот же материал в чуть расширенном виде включен в афишку-листовку концерта от 30 июня, где, кроме того, также напечатаны выдержка из статьи А. С. В журнале «Le Ménestrel» и, в переводе с татарского и русского, пять отрывков из газетных откликов на концерты Эйхенвальда в Париже, Уфе, Казани и Оренбурге.

При уфимском и оренбургском материалах указаны только их авторы: Ахмед Умеров, Ж. Козлов, при парижском и казанских – только названия газет: «Дни», «Татарстан», «Казанские известия» (так, видимо, во избежание отождествления со всесоюзными «Известиями», в афишке именуется выходившая в Казани одноименная газета «Известия» – орган ТатЦИКа). Но установить по названиям газет трех неназванных авторов и их статьи не составило труда: это В. Вальтер («Концерт восточной музыки»), Ш. Усманов («Беренче татар симфония кичәсе») и М. Симский («Симфонический концерт восточной музыки»).

Выдержки из их статей нельзя назвать цитатами в полном смысле этого слова. Это выводы составителей афишки, сформулированные с употреблением отдельных слов из разных мест первоисточников и касающихся выразительности и оригинальности народных напевов, их гармонизации и оркестровки, а также восторженного приема публики и оценки значения концертов в культурной жизни татар. В выдержках из Умерова (видимо, это сам казанский журналист, дважды писавший о концертах Эйхенвальда, а не его однофамилец из Уфы) и Козлова затронуты вопросы мастерства композитора и принципов его подхода к обработке народного материала. В трактовке составителей афишки переводные тексты выглядят гипертрофированнее и категоричнее оригиналов. При этом допущено одно такое серьезное отступление от первоисточников, что можно ставить вопрос об

их сознательном припоспособлении под некоторые частные и общие потребности французских журналистов.

В переложении текста Ш. Усманова казанский концерт Эйхенвальда оценен как «торжественный праздник в жизни мусульманских народов» (Le Concert symphonique donné par le compositeur Antoine Eichenwald a été véritablement une fête solennelle de la vie des peuples musulmans), тогда как автор на такие глобальные обобщения не претендовал и говорил о празднике даже не татарского народа, а только татарской музыки, причем без всякой ее связи с вероисповеданием («Кичә чын мәгънәсе белән... татар музыкасының оста композитор каләме белән мәңгелек тактага язылуының тантаналы бәйрәме иде» [12, с. 135]). Использование понятий «мусульманский народ (народы)», «мусульманские популяции» вместо авторских «татары», «восточные народы» встречается также в переводах материалов Умерова и Козлова.

Подобной «правке» советских публикаций перед концертом от 30 июня предшествовало достаточно широкое использование определения «мусульманский» во французской прессе, посвященной освещению апрельского и анонсированию июньского концертов А. Эйхенвальда. Появилось оно как альтернатива определению «orientale» («ориентальный», «восточный»), которое для французских журналистов было, видимо, недостаточно убедительным. Авторы публикаций на французском и английском языках не могли заменить или упразднить определение «orientale» в официальном афишном названии апрельского концерта («Concert de musique populaire orientale»), но, говоря об исполненной музыке вне контекста этого названия, вместо определения «orientale» они употребляли определения «татарская» (по преобладанию в программе), «туземная», «азиатская», просто «народная», без конкретизации названия народа, перечисляли этническую принадлежность напевов («персидские», «узбекские», «татарские» песни) или регионы их происхождения («музыка регионов, наиболее близких к Азии»). Июньский концерт в программке именовался уже не «Концертом восточной народной музыки», а «Концертом народной музыки татар, киргизов, турков и Кавказа».

В парижских русских газетах слова «восточный» (его синоним «ориентальный» в парижских русских газетах не применялся) и «Восток» (или «ближний к России Восток», как точнее сказано в информации «К концерту А. Эйхенвальда»), оставались в употреблении, но наряду с ними получило хождение и определение «мусульманский». Многократно повторяясь, оно могло невольно привести читателей к ошибочному восприятию исполняемой светской народной музыки как религиозной.

Именно на такой волне «мусульманизации» восточной народной музыки определение «мусульманский» вошло и в тексты переводов из советских газет, где его не могло быть в принципе. Если по каким-то причинам французских деятелей смущало понятие «восточная музыка», то в случае ссылок на тексты советских газет уместнее было бы говорить о музыке тюркских народов Советского Союза.

Конечно, употребление определения «мусульманский», особенно при ссылках на советскую прессу, во многом носило рекламный характер и, выводя значимость ранее исполнявшихся обработок татарских напевов из пределов Волжско-Уральского региона на общие мусульманские просторы, придавало им другой масштаб и вес. Это должно было способствовать увеличению концертной аудитории, которая о мусульманском мире была информирована, а о советских восточных народах и конкретно о татарах – не очень. Но здесь была и вторая сторона вопроса – не только рекламное использование определения «мусульманский», но и избегание определения «восточный», за которым, как представляется, стоят серьезные проблемы, о чем пойдет разговор несколько позже.

Освещение концертов А. Эйхенвальда во французской и русской прессе Парижа велось с разных позиций. Русские газеты писали о самом А. Эйхенвальде, интересовались источниками народных песен, использованных им, многолетним упорным трудом, вложенным в обработку материала, отношением к творчеству композитора публики и прессы. Французские газеты, не игнорируя эти вопросы, основное внимание уделили собственно композиторской работе А. Эйхенвальда как продолжателя традиций русских классиков.

Парижская русская слушательская аудитория, интересующаяся музыкой, многократно встречалась с использованием народной песни в крупных сценических и симфонических про-

изведениях русских композиторов. Знакомы были ей и единичные и циклические обработки народных песен для голоса или различного состава инструментов. Но в случае с А. Эйхенвальдом достаточно новым для нее было то, что в поисках материалов композитор обратился не к чьим-то публикациям, а собирал и записывал песни разных народов, причем иной, новой для него культуры, сам. К собирательской работе А. Эйхенвальда в Париже относились с уважением и принимали его как знатока мало известной широкой публике музыки мусульманских народов – татар, киргизов, турок и персиян [14].

Особое место в этом отношении занимает статья В. Зенза [3], о которой уже был разговор в связи с казанскими 1923 года концертами восточной музыки. Но примеры внимания к этому вопросу встречаются и в других материалах:

«В Париже в настоящее время находится известный композитор-этнограф Антон Александрович Эйхенвальд, которому удалось записать непосредственно из первых источников песни и музыку мусульман» [17].

«Концерт восточной народной музыки, данный 28 апреля А. А. Эйхенвальдом, представлял большой интерес с той точки зрения, что из песен мусульманских народов России (более 22 песен), исполненных в этом концерте, большинство записаны Эйхенвальдом впервые» [12].

«Предстоящий в среду 30 июня в 9 час. вечера в большом зале «Гаво» (45–47, rue de la Boëssie) концерт, посвященный народной музыке татар, киргизцев и турок, представляет выдающийся интерес. Все вещи, кои будут исполнены, были записаны известным русским композитором А. А. Эйхенвальдом в бытность его среди названных народов» [13]

«Создавшиеся много веков тому назад на равнинах Волги, в предгорьях Урала, на берегах Каспия песни ближнего к России Востока, отражающие народную душу, часто вдохновляли творцов русской музыки: Глинку, Балакирева, Бородину, Мусоргского, Римского-Корсакова, и ~~через их~~ произведения становились известными и Западной Европе. Один из современных наших композиторов, ~~Антон~~ Александрович Эйхенвальд посвятил пятнадцать лет своей жизни на собирание подлинных первобытных мелодий татар, туркмен, киргиз[ов], персиян, записывая их с голоса на-

родных певцов и в Крыму, и на Волге, и на Кавказе, и в Туркестане» [15].

Много писали парижские русские газеты и об успехе «восточных» концертов А. Эйхенвальда в Уфе, Оренбурге, Ташкенте и особенно в Казани, подтверждающем ценность исканий композитора в новой для него области творчества. Материалы периодической печати Татарской АССР [20], свидетельствующие об энтузиазме татарской публики и ее непосредственности (например, четырнадцатикратное повторение обработки «Каз канаты» и стихийные пляски в зале), видимо, оказали на познакомившихся с ними журналистов сильное впечатление. Пытались они по-своему объяснить и причины столь эмоционального поведения слушателей.

Например, автор статьи «Концерт восточной народной музыки композитора А. А. Эйхенвальда» видит их в факте первого соприкосновения публики с симфоническим оркестром, играющим народные песни в художественной обработке: «После многих лет упорного труда Эйхенвальд художественно обработал эту записанную им музыку и песню, которые он и демонстрировал в ряде симфонических концертов перед самим народом – „создателем“ этой музыки. По свидетельству местной прессы, эти концерты проходили с исключительным успехом и энтузиазмом слушателей. Да и не мудрено. Ведь мусульмане, и вообще народы Востока, впервые за все свое существование услышали свою народную музыку и песню в художественной обработке и в исполнении симфонического оркестра» [17].

Однако первичности какой-либо художественной акции не обязательно сопутствует ее успешность: публика, если это не профессионалы, обычно консервативна и не сразу восприимчива к новому. Первое знакомство с симфонической музыкой в таких больших дозах, скорее, должно было вызвать недоумение и отторжение татарской аудитории еще до того, как после сюит Ипполитова-Иванова и Спендиарова, симфонической картины Виноградова и татарских народных песен под аккомпанемент фортепьяно, наконец-то, наступит очередь татарских народных песен в чисто симфонической обработке А. Эйхенвальда.

Исходя только из того, что многие (и даже, возможно, большинство татарских слушателей) впервые присутствовали на симфоническом концерте, утверждать, что татары в принципе «услышали свою народную музыку и песню в

художественной обработке и в исполнении симфонического оркестра» впервые в своей истории, было бы тоже неправильно. Такие исполнения были, но успеха не имели. Эйхенвальдовский концерт был первым не вообще, а первым успешным. И уж совсем не следует, исходя из казанской ситуации, считать ее характерной и для всего Востока, и для всего мусульманского мира.

Несомненно, в трактовке этого вопроса более убедительна позиция автора статьи «К концерту Эйхенвальда», объясняющего (правда, не очень внятно) успех концертов творческими достижениями самого композитора: «В его гармонизации, сохраняющей подлинное музыкальное содержание и своеобразные формулы этих народных песен, они являют свою красоту европейским слушателям, так же как и восточной публике, как это было, например, в Казани, где концерты А. А. Эйхенвальда вызывали горячее одобрение местной татарской печати» [15].

Отметили газеты и большой успех концерта восточной народной музыки в Париже:

«В зале „Гаво“ с большим успехом прошли концерты „восточной музыки“, принадлежащей в значительной части творчеству А. А. Эйхенвальда. <...> Французская и русская пресса Парижа единодушно отметила высокие художественные достоинства творчества А. А. Эйхенвальда и исключительный успех его концерта» [16];

«Раньше всего приходится отметить, что концерт вполне оправдал возлагавшиеся на него ожидания. Затем – пожалеть, что далеко не все, желавшие побывать на этом концерте, могли посетить его, и надеяться, что А. А. Эйхенвальд повторит его в начале будущего сезона» [17];

«Концерт композитора А. А. Эйхенвальда, посвященный восточной (мусульманской) музыке, состоявшийся в Большом зале „Гаво“, прошел с исключительным художественным успехом.

<...>

Публика устроила горячую овацию, как талантливому композитору, так и артистам...

По окончании концерта А. А. Эйхенвальда благодарили видные представители Парижской консерватории» [18].

В откликах на концерты обычно отмечалась также успешность выступлений всех участников концерта поименно, а однажды одна из певиц получила и индивидуальную характеристику:

«Прелесть и эмоциональная глубина исполняемых народных песен была прекрасно выявлена ис-

полнителями и не только в симметрических по архитектуре частях, но и в богатых речитативах.

Публика, наполнившая зал, живо приветствовала всех артистов: г-ж Консуэлу Иствик, Раису Азрову, Антонину Тихонову, гг. Виктора Андогу и Григория Раисова. Наибольший успех имела А. Тихонова, обладающая сильным и очень теплым меццо-сопрано» [12].

Вопросы музыкального своеобразия народных напевов и некоторых приемов работы с ними А. Эйхенвальда специально затрагиваются только в статье Виктора Вальтера «Концерт восточной музыки» [12]. Исключение представляют уже упомянутая выше фраза: «В его гармонизации, сохраняющей подлинное музыкальное содержание и своеобразные формулы этих народных песен, они являют свою красоту европейским слушателям...» [15] и ее вариант из «Восточной музыки»: «В его гармонизации, делающими их доступными европейскому слушателю, сохранена подлинная поэзия и свежесть чувства и своеобразие выражения народных песен Востока» [12].

Текст статьи Вальтера, как и только что процитированных фраз, похож на дословный перевод, скорее всего, с французского языка (строение фраз; «пятитонная гамма» вместо «пентатоника» – франц. «pentatonic»; просто «рисунок», вне контекста, вместо «мелодический рисунок» или «мелодия» – франц. dessin (mélodique)); «гармонизировать» вместо «гармонизировать» и т. д.) и не всегда прост для восприятия.

«Исполненные в концерте песни поражают своим музыкальным богатством, разнообразием и оригинальностью, хотя в некоторых слышится воздействие русской песни» [12], – пишет Вальтер и как особо оригинальную черту называет построение большинства из них на звуках бесполутоновой пентатоники. Отсутствие в восточных напевах, в противоположность европейской и русской песне, вводного тона он находит не недостатком, мешающим использованию европейской гармонизации, а, наоборот, качеством, помогающим избежать некоторых недостатков европейской музыки. В силу отсутствия 7-й (VII) ступени «в правильно гармонизованной татарской песне не будет тех кадансов (заклучений), которые делают европейскую музыку столь однообразной», – считает он. С его точки зрения, А. Эйхенвальд «с полным знанием дела гармонизировал (у автора «гармонизовал». – Ю. И.) та-

тарские песни и сделал из них, в точности сохранив рисунок (то есть мелодию. – Ю. И.), превосходные вокальные пьесы».

Характеризуя средства, помогающие А. Эйхенвальду избегать монотонности «при разработке песен», Вальтер называет «очень тонкое и искусное» использование 1) контрапунктических приемов («очень изящные фигуры и имитации в аккомпанементе»), 2) модуляций и 3) различных тембровых красок фортепьяно.

«Последний прием, пользование тембрами, играет особую роль при создании больших пьес для оркестра из народных тем, как это делали Глинка, Бородин, Римский-Корсаков», – напоминает Вальтер и тут же, несколько непоследовательно, отмечает: «Вместе с А. Лабинским автором были сыграны на двух роялях две сюиты Эйхенвальда. Судить об этих вещах не в оркестровом исполнении трудно, но мне они показались менее интересными, чем вокальные пьесы: в Сюите хотелось бы видеть более сложную архитектурную работу» [12]. Видимо, говоря об искусном использовании тембровых красок фортепьяно, Вальтер имел в виду не две сюиты для фортепьяно, а фортепьянную партию обработок народных песен или же нашел сюиты менее интересными, несмотря на искусное использование оркестровых красок.

Отклики А. С., Ж. Б. Ле Комта и Л. Гумберта на французском языке очень лаконичны и все вместе взятые занимают объем не более двух машинописных страниц [8], [9], [10]. Но в них звучит живая, положительная или отрицательная, эмоциональная реакция на музыку А. Эйхенвальда, а оценка отдельных результатов его творческой деятельности дается с профессиональных позиций. Эти отклики можно считать настоящими рецензиями.

«Одним из последних – и не из малых – публичных художественных представлений в зале „Гаво“ был фестиваль татарской музыки, на котором получила высокую оценку серия произведений г. Антуана Эйхенвальда» [8], – пишет Ле Комт, восхищаясь «музыкальной экспрессией народов, законсервированных в своей оригинальности» [Там же]. По тону статьи видно, что автор концертом удовлетворен. Он пишет об открытых для себя совершенно новых музыкальных ценностях и новых ритмах, использованных так, чтобы нравиться современной эпохе. Как тонко чувствующий человек, он ощутил в татарских напевах их исторический контекст и воспринял татарский на-

род как наследников некогда большой славы [Там же] («На самом деле г. Эйхенвальд обращается к мусульманским популяциям русской степи, которые являются живыми памятниками дальневосточных набегов: осколками Золотой Орды монгольских племен, которые Чингисхан и Тамерлан вели за собой на завоевание Европы»).

Ле Комт интуитивно ощутил в татарских напевах такое качество, как *моң* (значит, *моң* был также и в пении исполнителей!), и, ничего не зная ни об этом слове, ни о его смысле, сумел понять выражаемое им душевное состояние творцов татарской народной музыки, поставленных в новые для них исторические условия. Ле Комт писал: «Он <Эйхенвальд> собрал и вправду чрезвычайно прелестные мелодии, в которых чувствуется трепет и вибрация всей ностальгии по родине предков-кочевников» [Там же].

«Как воспитанник лучших русских педагогов и особенно Римского-Корсакова, он <Эйхенвальд> более других подготовлен к тому, чтобы сделать соответствующую оркестровку этой туземной музыки: мог ли он также не иметь вполне справедливый заслуженный успех за дерзость и новизну своей попытки», – так утверждающе завершает свои краткие заметки Ле Комт [Там же].

А. С. оценивает Эйхенвальда как русского композитора, «который осуществлял очень важную этнографическую работу, собирая в течение более десяти лет восточные мелодии, родом из территорий от Волги и Урала до Кавказа и Крыма, одним словом, во всех этих русских регионах, наиболее близких к Азии» [9]. Автор, как и некоторые другие парижские журналисты, придерживается мнения, что «эти мелодии дают представление о том, до какой степени русский фольклор подвергся восточному влиянию и какую долю этого влияния испытала „Пятерка“, а из нее, прежде всего, Римский-Корсаков и Бородин, затем – Мусоргский». В то же время в такой типичной, с его точки зрения, особенности татарских народных напевов Поволжья или Урала, как небольшой диапазон и беспрестанное кружение в пределах терции или кварты, он усматривает «славянский характер музыки с более или менее восточным оттенком, присутствием или отсутствием увеличенных секунд» [Там же].

А. С. не называет при этом конкретных примеров, поэтому с ним трудно вступать в спор. Во всяком случае, среди татарских напе-

вов, использованных А. Эйхенвальдом, нет ни одного в диапазоне терции или кварты и тем более с увеличенными секундами. Возможно, особенности напевов разных восточных народов автор воспринял как характерные для любого из них, а определения «восточный» и «татарский» как в некотором роде синонимы, хотя бы в пределах разговора о конкретном концерте. Но в данном случае важно не это, а то, что А. С. обратил внимание на некоторые характерные особенности, действительно присущие ряду восточных, точнее ближневосточных, напевов, и на взаимовлияние (или похожесть в отдельных проявлениях) русской (славянской) и татарской (восточной) музыки. Трудно сомневаться в том, что эти наблюдения А. С. сделаны на основе личного слухового опыта.

Гармонизации А. Эйхенвальда А. С. считает весьма удовлетворительными, но традиционными, подверженными более, чем, может быть, это полагает их автор, моде (шаблону) сегодняшнего дня. Сопровождение пения аккордами фортепьяно, использование «аппарата прелюдий, кадансов и других школьных трюков» его явно не удовлетворяют, при этом А. С. признает проблему гармонизации почти неразрешимой. Для него самого являются эталоном способы гармонизации Лядова или Стравинского, из всех средств, «употребляемых в России, единственно позволяющие обнажить мелодическую линию. И для всех стран мира эта модель остается *celui*, предложенной отцом Комитасом» [Там же].

Из исполненных произведений А. С. упоминает два. Аранжировки для двух фортепьяно он находит менее интересными, чем остальное, и усматривает их смысл только в том, что они дают ясное представление, «к какой русской школе имеет отношение г. Эйхенвальд как композитор». Достойной же особого упоминания А. С. находит персидскую песню («Отмечу-бюль-бюль»), «трепещущая прозрачность которой сразу же вызывает в памяти поэтические строки „Тысячи и одной ночи“» [Там же].

Самым критическим из французских рецензентов оказался Л. Гумберт. Его единственная одобрительная, да и то с оговоркой («старался собирать»), фраза («Фольклор азиатской России г. Эйхенвальд старался собирать с терпеливостью и любознательностью, достойными похвалы» [10], относится только к собирательской деятельности композитора.

Аkkомпанементы, в которые А. Эйхенвальд «нарядил все эти народные мелодии», Гумберт

находит не вполне аккомодирующимися с напевами, «шаржированными (гипертрофированными) и задуманными по устаревшим рассудочным образцам» [Там же].

На восточные народные напевы Гумберт смотрит свысока. «Эти персидские, узбекские, татарские песни имеют для нас только документальное значение, все они похожи друг на друга, их мелодии ограничены пределами четвертой или пятой ступеней гаммы, и они отличаются друг от друга только большим или меньшим заимствованием ориентальных манер», – утверждает он [Там же].

А «что касается осуществлений г. Эйхенвальда для двух фортепьяно», в них нет ничего нового, индивидуального... Они принадлежат к той школе, которой мы слишком много отдавали...», – пишет Гумберт [Там же].

Когда начинаешь читать слова: «Исполнения с более или менее талантом гг. Лабинского, Андоги, Раисова и г-ж Иствик, Азровой и Тихоновой оживили этот сеанс и доставили слушателям единодушное удовлетворение» [Там же], – начинаешь надеяться, что все-таки хоть что-то Гумберту показалось приемлемым. Однако в продолжение фразы автор поясняет, что удовлетворение, полученное слушателями (русскими эмигрантами?), с его точки зрения, было удовлетворением «от мысленного возвращения на несколько часов на родину, от которой они уже так долго оторваны» [Там же].

А. Эйхенвальд не претендовал на новое слово в европейской академической музыке и действительно пользовался традиционными средствами музыкальной выразительности, но упрекать композитора в этом – значит совсем не понимать цели и задачи его работы. Дело не в новаторстве или традиционности музыкального языка с точки зрения эволюционного развития западноевропейской музыки, а в умении использовать традиционные и даже самые тривиальные для европейской, но пока еще новые для данной восточной народной музыкальной культуры средства, не разрушая при этом органичности звучания народных напевов и их привычной для представителей данной культуры образности.

Традиционное для европейского профессионального искусства было сверхноваторским для татарской музыки. На первоначальном этапе развития национальной профессиональной музыки народ воспринимает обработки национальных напевов не как композиторские опыты, а как собственные родные напевы и не тер-

пит ни тени их насильственного подчинения неведомым ему ученым законам чужого мира. В то время татарская профессиональная и народная музыка еще не пошли каждая своим собственным путем и воспринимались татарским народом как единое целое. И ценность обработок А. Эйхенвальда в том, что татарская аудитория не отторгнула их, при этом они понравились и европейским слушателям.

Место издания написанной на английском языке статьи Натали де Богори «The folk-songs of the Tartars» в «Musical courier» (Англия? Франция?), как и вид издания (газета? журнал?), остается пока неизвестным. Формат вырезки похож на журнальный, но вместо номера в верхнем колонтитуле стоит дата (8 июля), что, впрочем, не очень характерно, но не исключено и в журнальной серии [11].

Н. де Богори восприняла восточные напевы с нескрываемой симпатией и проявила большое внимание как к концертной программе, так и к собирательской и композиторской деятельности самого Эйхенвальда. Встретившись с ним, Н. де Богори, как и В. Зенз, записала рассказ Эйхенвальда об истории его обращения к записи и обработкам татарских народных напевов, зафиксировав при этом некоторые детали, своеобразно дополняющие или уточняющие более развернутое изложение аналогичной беседы В. Зензом. Искренний интерес Н. де Богори к избранной теме ощущается на всем протяжении ее статьи, с переводом которой хочется познакомить читателей полностью:

«Большинство стран, обладающих богатым фондом фольклорной музыки, выносит ее на суд искушенных слушателей в исполнении отечественных артистов, чей талант и честолюбие (амбиции) способствуют их выйти за пределы национальной культуры. Вот почему нам стали известны заунывные песни Грузии Кавказа. Но у многочисленных народностей Сибири никогда не было интерпретатора. Волжские татары, башкиры, узбеки – песни этих народов были так же чуждыми и неизвестными до нескольких предыдущих вечеров, как и само их существование в далеких степях.

Профессор Антон Эйхенвальд, композитор и дирижер из Москвы, начал интересоваться этой неизвестной фольклорной музыкой пятнадцать лет назад после выхода в свет сборника, составленного Гречаниновым¹³, песенные обработки которого, по общему признанию, не

¹³ См.: [19].

походили на оригиналы. Когда эта музыка была представлена группе сведущих в музыке татар, они сказали, что это напоминает им их песни, но не тождественно им. Профессор Эйхенвальд свои изыскания начал после этого.

Первой большой проблемой была для него проблема общения с певцами. Лучшими из них были женщины. Действительно, Коран <мulla?> запрещает мужчинам петь, и каждый, кто позволяет себе такую фривольность (легкомыслие), знает, что не будет допущен на молитву в мечеть. Следовательно, было необходимо не только познакомиться с женщинами, которые жили по обычаям старого турецкого режима, но и не менее важно было быть вхожим в их дома, так как они пели только там. Заинтересовавший группу патриотически настроенных татар, профессор Эйхенвальд через них был приглашен в дом одного из выдающихся казанских татар, у которого было шесть <музыкальных / музыкально одаренных> жен и фортепьяно. Оттуда его пригласили в дом очень пожилой женщины в Арск, крошечный городок¹⁴, где он услышал некоторые из самых старых песен своего собрания. Чтобы не смущать певицу, он обычно слушал и записывал ее из соседней комнаты. Таким образом, благодаря своим друзьям он побывал у башкир, потом у чувашей, одной из редких немагометанских народностей Сибири, представляющей смесь татарских и шведских кровей. Затем он направился в Персию и собирал турецкие? песни, так что сейчас его коллекция насчитывает уже 2000 песен, до сих пор неизвестных и не звучавших в Западной Европе. Он изучал различные языки и диалекты.

Однако запись <напева> только открывала проблемы, с которыми столкнулся профессор Эйхенвальд, так как проблемы гармонизации песен и подбора адекватного аккомпанемента были еще большими. Опять-таки полагаясь на друзей, которые появились у ученого среди народа, он играл им все, что сочинял, и спрашивал их мнение. И прошло какое-то время, прежде чем они перестали с сомнением качать головами и говорить: „Это похоже на наши песни, но не совсем“. Разумеется, было сложно добиться на фортепьяно эффекта звучания народных инструментов: гуслей, гармоники и более привычных ударных инструментов, отбивающих монотонный ритм.

Успех пришел тогда, когда профессор Эйхенвальд понял (нашел), как работать с пентатонной гаммой, подобной той, что используют китайцы. Музыканты посмеивались над ним, но он стоял на своем, получая одобрение своих советчиков-татар. За этой работой и застала его русская революция. В 1920 году вновь сформированное правительство Татарской республики решило, что появилась возможность познакомить народ с тем, как в исполнении симфонического оркестра его фольклорная музыка прозвучит в концерте. Работа была выполнена, и профессор Эйхенвальд представил ее на суд своих татарских друзей. Первый концерт для татарской публики был дан в огромном зрительном зале Казани. Слушатели, услышав свои родные песни в исполнении оркестра, свистели от восторга, в то время как женщины плакали. Одна из песен была повторена четырнадцать раз. Это было историческое событие, и такое явление повторялось в каждом мусульманском центре.

В исполнении столь замечательной и интересной фольклорной музыки в Западной Европе профессора Эйхенвальда поддерживали несколько блестящих исполнителей, которые, не колеблясь, изучали трудные языки и эксклюзивные гармонии. Вместе с ними он дал концерт в Париже, вызвавший необычайный интерес.

Совершенно невозможно описать эти песни с их необычными самобытными мелодиями, как и ту грусть, что пронизывает большинство фольклорных напевов. Некоторые из них превосходят по своей красоте другие. Одна из таких – персидская песня *Otmé-Bul-bul*, восхитительно исполненная на персидском языке американской певицей Консуэлой Иствик (сопрано).

О ночь, такая свежая и нежная, яркость серебряных небес,
О аромат роз, сладкие песни соловьев,
Что говорят нам о любви и нежности.

Другая исключительно красивая, сильно напоминающая фольклорную музыку Великой Руси (России), песня *Ouz Behtcha Haramzi*:

О мое уставшее сердце,
Мое сердце плачет, рыдает и стонет.

Но самое блестящее исполнение и, следовательно, наиболее сильный эффект был достигнут мадам Антуанеттой Тихоновой, меццо-

¹⁴ У автора: Арск, Тетюши, Спасск. Три разных населенных пункта, о которых, видимо, шла речь, сведены к одному. – Ю. И.

сопрано Московской Оперы, которой с одинаковым мастерством удались и грустные, и веселые мелодии. И среди них была одна из самых красивых татарских песен *Esiulia iouziak*:

У кромки воды
Слышно печальное пение
Маленькой птички.

Другой, пользовавшейся большим успехом песней была *Tiaftelaou*:

Жеребенок резвится в зеленых полях,
А лиса резвится на солнце.
Только сирота, лишенный радости и радушия,
Знает всю тяжесть и горечь бед.

Несколько песен сильно напоминали музыку как Великой (большой), так и малой Руси, кроме тех, что, по словам профессора Эйхенвальда, русские крестьяне копировали у своих соседей, чьи песни древнее фортепьяно и сложны из-за их совершенной простоты. Вместе с пианистом Александром Лабинским некоторые из мелодий были исполнены на двух фортепьяно, тем самым еще разительнее выявляя самобытность данной музыки. Сейчас, когда французская публика услышала эти песни, профессор Эйхенвальд ведет переговоры по поводу публикаций, первой из которых должно быть издание мусульманских песен народов Ближнего Востока¹⁵ [11].

Результаты

Исполняя на протяжении нескольких десятилетий в разных городах страны и за рубежом программы, включающие серии произведений, основанных на татарских народных напевах, А. Эйхенвальд не дождался их повторного исполнения в Казани.

Договариваясь на местах о проведении концертов «восточной музыки», композитор предварительно знакомил отдельных деятелей или определенные музыкальные круги не только с самой музыкой (так было в Париже), но и с отзывами печати о ранее проведенных концертах. Но если в Париже сведения об отзывах казанских журналистов о концерте 1923 г. попали во французские издания, то в Казани о реакции французской публики и французской прессы на аналогичные исполнения никто ничего не знал и интереса к этому не проявлял. А сравнение

казанской прессы не только с парижской, но и с тифлисской и томской явно не в пользу первой.

Выводы

Восточные напевы в обработке А. Эйхенвальда представляют ценный этнографический материал. Этнограф-композитор сумел проникнуть в самые сокровенные глубины народного творчества и запечатлел его особенности. В серии наших публикаций о концертах восточной музыки А. Эйхенвальда в Казани и Париже нам удалось систематизировать отклики и рецензии, опубликованные в татарской, российской прессе, а также в зарубежных изданиях.

Литература

1. *Исанбет Ю. Н.* Деятельность Антона Эйхенвальда в Казани и его окружение (Очерки) // Личный архив Ю. Н. Исанбет. Казань, 2014. Рукопись. 416 с.
2. Музыкальная энциклопедия / ул. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Сов. энциклопедия, 1973. Т. 6: Хейнце-Яшугин. Т. 6: Дополнения А – Я. 1982. 1004 стб.
3. *Нигмедзянова М.* Татарская народная песня в обработке композиторов Казань: Таткнигоиздат, 1964. 139 с.
4. *Зенз В.* Восточная народная музыка: беседа с композитором-этнографом А. А. Эйхенвальдом // Дни (Париж). 1926. 27 июня.
5. *Махней С. А.* А. Эйхенвальд – композитор и фольклорист: (страницы жизни в Башкирии) // Межвузовский сборник статей Магнитогорской государственной консерватории, Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. Том. Выпуск 3. Магнитогорск: Магнитогорская государственная консерватория, 1997. С. 279–290.
6. *Затаевич А. В.* 1000 песен киргизского народа. Оренбург. 1925. LVIII, 403 с.
7. Музыкальная жизнь во Франции // Музыкальная культура. М., 1924. № 3. С. 253–254.
8. *J. B. Le Comte.* Antoine Eichenvald // Les Artists d Aujourd ui. 1926.
9. *A. S.* Concert de musique populaire orientale // Le Menestrel. 1926. S. 210–211.
10. *L.* Concert de Musique Orientale // 1926.
11. *Natalie de Bogory.* The folk-songs of tatars // Musical courier. 1926. July 8.
12. *Вальтер В.* Концерт восточной музыки // 1926. ? апреля/мая.
13. Вечер восточной песни: кр. инф. о предстоящем концерте // 1926.
14. Восточная музыка: кр. инф. о предстоящем концерте // Дни. 1926. 25 июня. (Театр и музыка).
15. К концерту Эйхенвальда // Дни. 1926. 5 июня. (Театр и музыка).
16. Композитор Антон Эйхенвальд: (к его концертам в Париже): кр. инф // Дни. 1926.

¹⁵ Пер. Н. З. Шамсутдиновой.

17. Концерт восточной народной музыки композитора-этнографа А. А. Эйхенвальда // 1926.? апреля/мая.

18. Концерт Эйхенвальда // Последние новости. 1926. 2 июля.

19. Гречанинов А. Т. (1864–1956). Татарскія и башкирскія песни: Для голоса съ ак-

комп. ф.-п.: Соч. 25 / Въ гармониз. А. Гречанинова. Лейпциг: М. П. Беляевъ, 1901. 47 с.

20. Исанбет Ю. Н. Симфонический концерт восточной музыки в Казани 1923 года // Tatarica. 2022. № 1. С. 116–139.

ПАРИЖДАГЫ ШӘРЫК МУЗЫКАСЫ КОНЦЕРТЛАРЫ

Йолдыз Нәкый кызы Исәнбәт,
mileuscha@mail.ru.

Өлеге хезмәт – «1923 елда Казанда узган Шәрык музыкасы симфоник концерты» мәкаләсенә (Tatarica. 2022. № 1) дәвамы. Тикшеренү өчен материал булып, А. Эйхенвальд белән әңгәмә, Париждагы Шәрык музыкасы концерты турында чит ил басмаларында дөнья күргән рецензияләр һәм бәяләмәләр хезмәт итә. Автор архив чыганаclarына таянып, композиторның гастроль сәяхәтләре географиясен реконструкцияли. Мәкаләдә А. Эйхенвальдның татар жырларын дөньякүләм мәдәни киңлеккә чыгару буенча эзлекле эш алып баруы исбатлана. Рецензияләр һәм бәяләмәләрнең эчтәлегә белән танышкан, автор композитор музыкаль даирәләрен һәм корреспондентларны Россиядә һәм татар басмаларында басылып чыккан бәяләмәләр белән таныштырган дигән нәтижәгә килә.

Төп төшенчәләр: татар музыкасы, А. Эйхенвальд, Шәрык музыкасы концерты, Париж, Казан

TATAR STRUCTURES OF SIBERIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Aidar Yurievich Khabutdinov,

Kazan branch of Russian State University of Justice,
7a 2nd Azinskaya Str., Kazan, 420088, Russian Federation,
aihabutdinov@mail.ru.

The article studies the evolution of Tatar structures in Siberia at the beginning of the 20th century. Based on the analysis of the press in this period, the study proves that the vast majority of Muslims in Siberia identified themselves as Tatars, members of a single millet nation, possessing the Tatar literary language, which was used as the language of education. The paper states that among the structures created before the February Revolution of 1917 charitable societies, libraries, men's and women's mektebs predominated. The newspaper "The Siberia" and the musical-theatrical society were created in Tomsk. In 1917 and in early 1918, Muslim bureaus were beginning to appear in the cities, provincial Muslim congresses were held, the Muslim Shuro (National Councils) and branches of the Harbi Shuro (Military Councils) were formed. The Muslims of Siberia actually refused to create parallel structures, for example, their own Spiritual Assembly. The article records the emergence of Siberian Muslims' fashion for holding holidays, following the model of the Muslims from European Russia: Mawlid, Hijri New Year and Sabantuy. The paper proves that Gabdulla Tukay, as a Tatar national poet, occupied a key place in the gallery of symbolic leaders.

Key words: Tatars, Muslim community, Siberia, charitable societies, press, women's education

Introduction

Since the 1990s, the focus of scientific research has been on developing the theme of "the Siberian Tatars" as a special national community with its own language, literature, history and its own socio-political structures. While working on the dictionary "Islam in Siberia" (one of the series of the dictionaries "Islam in the Russian Federation"), we did not mean to debunk any conception. We regret to state the lack of professionals, in the regions of Siberia, who can speak the literary Tatar language of the early 20th century and who can read source literature in Arabic. It turned out that Siberian professionals know the realities of their region, but, unfortunately, they have failed to reconstruct the situation in the all-Siberian or all-Russian context.

The purpose of this work is to study the Muslim structures of Siberia in the early 20th century. Our task is to identify changes in their activities during this period by comparing them with similar Tatar structures of the Jadid era. We attempt to form an idea of what the main subjects of their creation were like and their new identity indicators.

The novelty of our research is the study of the early-twentieth-century evolution of the Siberian Muslims' structures as an integral phenomenon. Our focus is on the national education for boys and girls, the charitable societies, the press, the activities of the leaders in the field of religion, education

and press, and on the specific structure of the Tatar national picture of the world. The article also discusses a new system of coordinates, emerging among the Muslims of Siberia in the early 20th century in terms of understanding their place in the general Tatar space, including national public organizations, the education system based on their native language, the role of girls and women, new holidays and new idols.

There is no complete scientific study of the Siberian Muslims' history. The two works, which are available now, rather, serve as travelogues, that is, represent collections of data on regions, with selected examples, the data on arrivals summarized in tables [1], and with interviews and information on the topics available in Russian [2]. A feature of a number of detailed studies is the time limited by the period of the February Revolution, although the real opportunity to create a variety of structures, including educational ones (for example, the Tomsk dar ul-mugallimin - a men's teacher training school), occurred just after the fall of the tsarist regime.

M. Markova analyzed the life of the Muslim Tatars in the Tomsk Province [3], and G. Bobkova studied the realities of the Irkutsk Province (the late 19th - early 20th centuries) [4]. The disadvantage of the works is the lack of documents in

the literary Tatar language in the database of sources, including the Tatar-language press.

In historiography outside of Tatarstan, especially among the Tatars – “indigenous natives” of Western Siberia, it is customary to focus on the connection of the Siberian Tatars with Bukhara and portray the intellectually elite group of the Muslim population of Siberia as “Siberian Bukharans”. As a general term, these researchers use the term not “the Siberian Tatars”, but “the Siberian Muslims” (see, for example: [5], [6]).

Methods and research methods

Our study focuses on the Tatar press, as the main source, which describes the religious, educational and socio-political processes among the Muslims of Siberia. These are the three main sources:

1) the newspaper “The Ulfat” (85 issues in total), published in St. Petersburg in 1905–1907 by (Gabder) Rashid-kazy Ibrahim (ov), the father of the socio-political movement of Muslims in Russia, a descendant of the imam and mudarris clan in the city of Tara (then the Tobolsk Province) and a native of this city. The articles about the life of the Muslims of Siberia are few, but in his correspondence from different places, Rashid Kazy tried to analyze the situation in the Muslim community of the Tobolsk Province in the fields of education and politics;

2) the newspaper “The Siberia”, which was published in Tomsk in February 1912 - August 1913 and was edited by the Navruzovs (the natives of the Kazan Province). Despite the short period of its existence (145 issues), the newspaper reflected a broad picture of the social life in Siberia and, above all, the Muslims from Tomsk (the charity, the Muslim education for boys and girls, the activities of Muslim libraries) during the time of relative liberalization in the national and religious policy of the state, which came under V. Kokovtsov, the chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire (September 1911 - January 1914) and was connected with the celebration of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812 and the 300th anniversary of the Romanov dynasty. Translations of articles from these two newspapers are at least partially used in scientific research and on the websites of the Siberian Tatars.

3) the newspaper “The Tormysh”, which was published in Ufa in October 1913 - April 1918 (832 issues in total). It was created by the Navruzovs, who actively worked in it until February 1914. This publication had the heading “In Si-

beria”. Unfortunately, this source was ignored by scientists and local historians studying the Muslims of Siberia.

These three newspapers experienced difficulties due to the lack of local correspondents. Thanks to these publications, we have the most complete picture of Muslim social life in Tomsk, partly in Irkutsk, other provinces and regions of Siberia, occasional reports from the Yakutsk Regions and the Amur Governorate (which included the territories of the modern Amur Region and the Khabarovsk Territory).

I would especially like to highlight the materials signed by Nuri (Muhammad-Nuri Bukharaev), which give the idea of the socio-political and educational life of the Muslim community in Tomsk in 1917- and in early 1918 in the context of the Siberian regionalism movement, when the Siberian congresses gathered exactly in Tomsk, proclaiming autonomy of Siberia and creating its government.

The newspapers most actively covered the activities of Garif (ulla) Valiev, the permanent head of the Novonikolaevsk parish (now Novosibirsk) and later the imam of the mosque (1907–1935), and Gubaidulla Gabdurrashitov, the second imam of the Irkutsk mosque (1911–1915).

Our article is based on the comparative-historical and the problem-chronological methods, the method of synchronous analysis, periodization, classification, etc.

Discussion

In the first issues of the first Siberian Tatar newspaper “The Siberia”, Muhammad-Vagiz Navruzov published a number of policy articles. Thus, in the editorial of the first issue, he reflects on the need for the Siberian Muslims to have a newspaper in the Tatar language, the newspaper whose goal should be to serve the Tatar nation (“millat”). He called the Siberian state (“mamlakat”) the cradle of our heroic ancestors who shook the world (“kaharman babalarymyz”). According to him, the newspaper was supposed to become a national and religious guide (“hidayat”) for writing articles about Tatar life [7].

In No. 5, M.-V. Navruzov published an article about moving to Siberia. He spoke out against the emigration of the Muslims from the Crimea and the Caucasus to the Ottoman Empire, criticized the Russian Muslims for their unwillingness to settle in Siberia. M.-V. Navruzov said that “Sibiriya” should provide assistance to the settlers, and the imams are obliged to explain to the Muslims the terms of their settlement in Siberia [8].

Links between the Volga-Ural region and Siberia in the field of education and religious organization were established at the beginning of the 19th century. We learn about it from the materials titled “Asar” by Riza Fakhreddin [9], [10] and from (Gabder) Rashid-kazy Ibragim(ov)’s biographical dictionary of Siberian scientists [11]. We must not forget that, according to the “Nominal Decree given to the Senate on September 22, 1788, on the appointment of a mufti over all people of the Mohammedan law living in Russia,” the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA) extended its jurisdiction to all Muslims of Russia, “excluding the Tauride Region” [12, p. 1107–1108], that is, including all of Siberia and the Far East.

The madrasah of the city of Tara in the Tobolsk Province (now the Omsk Region) was the oldest madrasah stably existing in the pre-Soviet period. It was founded by Fazyl bin Ibrahim bin Kutlugahmed al-Echkeni al-Almeni (?–1822), whose family came from the city of Kasimov, the Ryazan Province (now the region). He was an imam and a mudarris in the village of Almenevo, the Chelyabinsk District of the Orenburg Province (now the regional center of the district of the same name, the Kurgan Region). He was educated in the madrasah of Abdulvahhab b. Sharif in the Belebeevsky District of the Ufa Province (now the Republic of Bashkortostan), then in the Kargaly madrasah near Orenburg. He was a supporter of Abunnasyr al-Kursawi’s ideas. In 1816, he went to the city of Tara, where he taught in a madrasah and actually created it. He returned to his native village, leaving his disciple Ibrahim bin Jagfar in the city of Tara to take over his duties. Among the well-known ulemas of Siberia, the students of Fazyl bin Ibrahim, R. Fakhreddin mentioned only Sheikh Ruzi-ishan at-Tubuli, who did not have influential students [9, p. 159]. These connections between Tara and Almenevo were maintained over the following decades. After getting a primary education in his native Tara, Rashid-kazy Ibrahim (1857–1944) continued his studies in the Almenevo Madrasah (1867–1871), then in Tyumen (1872–1876) and in 1877, he arrived at the Kyshkara Madrasah of the Kazan Province (now the Arsky District of the Republic of Tatarstan) [12, p. 15–21]. Thus, we are talking here specifically about the tradition of Muslim scholarship in the Volga-Ural region, and in such an extreme version of opposition to Bukhara scholasticism and the entire religious establishment as the ideas of Abunnasyr al-Kursawi.

Much more influential were the students of another Tara mudarris, Rahmatullah b. Yusuf al-Yangurazi at-Tarawi (Yangurazov, approx. 1824–1887). He was born in the village of Enguraz (ovo) in the Temnikovsky District of the Tambov Province (now Engurazovo in the Temnikovsky District of the Republic of Mordovia). He was initially educated by his father, and then by Ni’matullah b. ‘Abd ar-Rakhima (Nigmatulla Gabdrakhimov) in the madrasah at the 1st Cathedral Mosque of Orenburg, Yakub b. Yahya al-Kishkari and Ismail b. Musa al-Kyshkari (both in the Kyshkar Madrasah of the Kazan District and Province) [10, p. 139–143], that is, we are talking about the centers of traditional education, which can be identified with Kadimism. Rahmatullah b. Yusuf did not go to Bukhara either to gain theological knowledge, or to obtain a document on the legitimacy of the Sufi sheikh – the ijaza. In the Ottoman Empire, his sheikh was Mujabi, and Rahmatullah became a follower of the Sufi Naqshbandiyya-Khalidiya tariqat. It should be noted that Zainullah Rasuli, the most prominent of the Jadid sheikhs, also went to Istanbul to receive the Naqshbandiyya-Khalidiya ijaza. In 1876, Rahmatulla left for Petropavlovsk (now Kazakhstan), where he tried to become the imam of the 4th Mosque, but it was only in 1884 that he became the imam of the 6th Petropavlovsk Mosque. Rahmatullah b. Yusuf had great influence on the Siberian ulemas, since two of his disciples played an important role in two key regions of Eastern and Western Siberia: Khamza-akhun b. Muhammad-Amin (Khamza akhun Khamitov – the imam and akhun in Tomsk, held the position for as long as 55 years, from 1876 to 1931) and Mutasam b. Bilal al-Kamrawi (the imam in the Kamaru yurts of the Tobolsk Province, now the Tyumen Region). The identity of the former is extremely ambiguous. On the one hand, his activities were quite in the style of Kadimism, when he did not allow the Jadid reform, which began during the revolution of 1905–1907, to be implemented in the Tomsk Madrasah. [13]. But this can be explained by his personal interests, as it meant his loss of real control over the madrasah. At the same time, other Khamza akhun Khamitov’s actions placed him among the supporters of the Jadid ideas. On May 22, 1910, a meeting, chaired by akhun Kh. Khamitov, decided to establish a public Muslim women’s school in Tomsk next to the Cathedral (“Red”) Mosque in Tomsk. Kh. K. Komarova, the daughter of Akhun Khamitov, was elected as a teacher of the Russian language. The school was funded by the Tomsk Muslim Society of

Progressists, clearly a Jadid organization. The fact that on June 16, 1910, the trustee of the West Siberian educational district refused the charitable society's application to open a women's Muslim school in Tomsk did not stop Kh. Khamitov, and the school was created and operated without the permission of the provincial administration until 1912 [3, p. 171–173]. After the February Revolution of 1917, in the wake of the displacement of M.-S. Bayazitov, the Mufti of the OMSA, and other imams who were close to the authorities, the Tomsk Muslim Bureau decided to temporarily remove Akhun Khamitov on April 12 [14]. However, the Tatar youth of Tomsk took to the streets in defense of the akhun: the appeal, signed by 39 people, stated that the akhun supported the theater, the mekteb, the madrasah and the library. Khamitov allegedly issued a fatwa, according to which women could visit the mosque, read namaz there, participate in the activities of the theater, library and charitable societies along with men, since this did not contradict the Koran [15]. No popular refutation of this appeal was given in 1917, which brings Kh. Khamitov ideas and deeds close to the ideas expressed on the women's issue by radical Jadids such as Ziya Kamali and Musa Bigi. Such equality of women, of course, is infinitely far from the Bukhara scholastic tradition.

Besides Khamza Khamitov, R. Fakhreddin, named three most prominent Jadids as the authors of Rahmatullah's biography - his students: G.-R. Ibragimov and the imam, then Khujat al-Hakim Mahmudov, the Kazy of CSBM (Central Spiritual Board of Muslims) in 1917–1920, and Imam Niyaz-Muhammad Suleymanov. The first two, according to their status, passed as Siberian Bukharans, the second one ranked as a "Siberian foreigner", but all the three of them played a big role in the struggle against Bukhara scholasticism and Kadimism fighting for the unity of the Muslim Tatars in Europe and Asiatic Russia. The activities of G.-R. Ibrahim, the father of the socio-political movement of Muslims in Russia in the early twentieth century, the initiator of the I-III All-Russian Muslim Congresses in 1905–1906 and the creation of the all-Russian Muslim liberal party "Ittifaq al-muslimin", have been widely studied [16], [17, p. 180, 194–201, 206–214], [18], [19].

Here, we discuss the activities of the last two figures who are less known but who played an important role in ensuring the legal and organizational unity of the Muslims from European Russia and the Siberian Muslims in 1900–1910.

Makhmudov Khujat al-Hakim (Khujat al-Hakim b. Daoud b. Mahmud b. Niyaz-Muhammad b. Mahmud al-Mahmudi at-Tarawi (1871(3)–1946) – a Muslim religious figure, a native of the city of Tara or the Tara District, the Tobolsk Province, was educated by Rakhmatulla b. Yusuf in the city of Petropavlovsk. From 1897 he served as an imam-hatib and mudarris in the Cathedral Mosque (1843) in the village of Aubatkan, the Tara District, the Tobolsk Province (now the Bolsherechensky District of the Omsk Region). In 1901, in Kazan, he published his work "Intikad al-aqwal bi al-tahkik fi tajwiz al-nikah bi al-ta'lik" ("A Critical Examination of Statements Regarding the Performance of Marriage under Certain Conditions"). This work was carried out on the instructions of the great ulem Rizaetdin Fakhreddinov (then the OMSA¹ kadi) [20, p. 209]. It stated the need to reform certain principles of family law among the Muslims of the Russian Empire.

This changed his fate and around 1902, he left Aubatkan and after a short stay in the city of Atbasar (the Akmola Region, now Kazakhstan), went to the Ottoman Empire. In Istanbul - from 1902 to 1907, he studied the works of Islamic scholars-reformers, supporters of *ijtihad* and the constitutional state of Muhammad 'Abdo and Jamal ad-Din al-Afghani. Young R. Fakhreddin had met with Afghani in St. Petersburg, and M. Abdo's socio-political conception had a direct influence on his key socio-political treatise "Dini va ixtimagy masaleler" (Orenburg, 1914). Thus, even before the start of the widespread introduction of Jadidism in the madrasahs, Makhmudov had supported one of its key ideologists among theologians. He collaborated with the aforementioned "The Ulfat" newspaper, where he published a series of articles on the Muslim education reform in the Russian Empire; eventually, he advocated the introduction of the Jadid teaching method in mektebs and madrasahs, promoted the *ijtihad* (the ability to make an independent judgment based on the Koran and the Sunnah, not on the opinions of Islamic jurists) and criticized *taqlid* (following an authoritative specialist in matters of Islamic law), he also advocated the dissemination of the national press among the Turkic peoples of the Russian Empire. Thus, providing an example of another student who used to be a traditionalist theologian, we see a transition to a purely Jadid position.

In 1910, Makhmudov moved from the city of Tara to the city of Akmolinsk (now Astana, the

¹ the Orenburg Muslim Spiritual Assembly

capital of Kazakhstan), where he became imam of the Second Cathedral Mosque. The conflict with the local merchant Nurmukhammed Zabiroy led to the removal of Makhmudov from the post of imam and his subsequent exile to Orenburg. The probable cause of the conflict was Makhmudov's demand to redistribute the powers of the trustees (*mutavalliyalar*) at the 2nd Mosque, suggesting that the main administrative functions be concentrated in the hands of the imam, and not the merchants [21, p. 106–108]. This idea was a direct borrowing from Marjani. Later, Makhmudov became imam of the city of Turgay, the Turgay Region. His all-Russian career began in March 1917: after the removal of G. Kapkaev, the OMSA Kazyi, Makhmudov was elected to this position, having received approval from the authorities of the Ufa Province [22]. At the First All-Russian Muslim Congress in Moscow (May 1917), the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA) was reorganized, and Makhmudov was elected Kazyi of the Provisional Mahkam-i Shargiya (Spiritual Administration). At the 2nd All-Russian Muslim Congress in Kazan (July 1917), he was elected a member of the Diniya Nazarata Collegium (a religious department) of the Vakytly (Provisional) Milli Idare [23, p. 112]. Before the First Siberian Muslim Congress (October 4–12, 1917), he refused to take the position of Kazyi of the planned Siberian Regional Spiritual Assembly [23, p. 403]. It would not be created until the 1990s, in contrast to the Spiritual Administration of the Bashkir Autonomy, elected on December 22, 1917 by the Bashkir small kurultai (pre-parliament). And in this case again Makhmudov would act in solidarity with R. Fakhreddin, who would refuse to accept the position of the Merkez Diniya Hayate Kazyi (the Main Spiritual Administration) of the Bashkir Autonomy, despite being elected [24].

On January 11, 1918, at the session of the Millet Majlis, Makhmutov was elected a member of the Diniya Nazarata Milli Idare board. In March 1918, in a letter to "The Chulpan"² newspaper, he again spoke out against creating a separate Spiritual Administration of the Siberian Muslims. He claimed that provincial Muslim congresses had been held in Tobol, Tomsk, the Irkutsk Province

and the Akmola Region, the congresses elected deputies to the Millet Majlis, who did not advocate the creation of a Spiritual Administration for the Muslims of Siberia. With regard to Siberian autonomy, Makhmudov directly stated that the Muslims were not ready to hear the territorial autonomy of Siberia to be proclaimed by local regionalists [25].

As the Chairman of the Congress of the Muslim Clergy of Siberia in Novonikolaevsk (July 17–23, 1919), Makhmudov again advocated the creation of the unified Spiritual Administration of the Muslims of Inner Russia and Siberia in the person of Diniya Nazaraty Milli Idare [26, p. 224–225].

Niyaz-Muhammad Suleymanov did not formally hold high positions, but he played an outstanding role in creating khutbs (sermons) in the Tatar language. A native of the village of Utuzy in the Tara District of the Tobolsk Province (now the Tevriz District of the Omsk Region), he studied first in the Tobolsk District, probably in the village of Karagai, and in the madrasah where his teachers were Nejmetdin hazrat in the city of Tara and Rakhmatulla b. Yusuf al-Yangurazi at-Tarawi in Petropavlovsk (1884–1887). In Petropavlovsk, he was engaged in bookselling. On August 20, 1907, the governor of Akmola approved his appointment to a position of imam in the 2nd Omsk Mosque. Niyaz-Muhammad Suleymanov published his works first in the newspaper "The Ulfat" in 1906; he was the author of a number of books, the most popular of which were "Törki khötbälär" ("Khutba in the Turkic Language", Orenburg, 1910) [27] and "Torki notyklar" ("A Speech in Turki", Orenburg, 1911) [28], which were published in Muslim publishing houses of European Russia. N-M. Suleimanov insisted on the need to conduct sermons not in Arabic, but in the Tatar language (the term "Turks" was used because of the large number of Kazakhs in the Muslim community of Omsk and especially in the Akmola Region). R. Fakhreddin adhered to the same views, which again contradicted the Kadimist tradition oriented towards Bukhara. In February 1913, the issue of creating a women's school in Omsk was discussed, its opening was supported primarily by N-M. Suleimanov. On February 21, 1913, in Omsk, the corresponding decision was made at the Muslims' meeting in honor of the 300th anniversary of the Romanov dynasty [29]. His eldest daughter studied at the women's school at the Bubi Madrasah in the village of Izh-Bubi (the Sarapulsky District of the Vyatka Province, now the Agryzsky District of the Republic of Tatarstan); in 1917, she taught at the Omsk school for girls [30, p. 69–71]. In 1917, N-

²"The Chulpan" was a socio-political newspaper, a body of the Central Siberian Muslim Council (CSMC, the Milli Shuro Siberian Center). It was published in Tomsk in January - March 1918 in the Tatar language. It was issued under the slogan "Long live the Siberian autonomy! Long live the national and cultural autonomy of the Muslims of Siberia."

M. Suleimanov died, and Makhmudov wrote his biography for the Kazan magazine "Mashhuret". Thus, we see the close interaction of these three Tatars, the indigenous natives of Siberia, in the all-Tatar socio-political, religious and cultural projects. It is typical that such facts, not fitting into the Bukhara-centered picture of the world, are simply removed from the works with the wording: "We will not dwell on the description of events from Makhmudov's life in the period from 1913 to 1921, since they are not directly related to the issues discussed in this article" [21, p. 108].

In 1914, the teacher Rizvan Ibragimov published his Siberian travel notes in "The Tormysh" newspaper, analyzing the changes that had taken place over 7 years beginning with 1907. He analyzed the progressive development of the Muslim community in Blagoveshchensk, its degradation in Chita, where the local ahun Sultan-Galeev actually turned the national Tatar school into an ordinary parish mekteb after R. Ibragimov's departure [31]. R. Ibragimov recorded the maximum progress in Tomsk, where seven years before, akhun Kh. Khamitov dominated the cultural and educational sphere of the city, R. Ibragimov called him the enemy of culture. In 1914, there was a library in Tomsk, and the Tatars went to the Russian theater and arranged their own theatrical performances. R. Ibragimov assessed these leisure activities positively, criticizing those who spent their money in restaurants or cafes [32].

Infrastructure of the Jadid era in Siberia

R. Ibragimov raised a very important issue concerning the infrastructure of the Jadid era. We will make an attempt to analyze its variants. In January 1918, the Tatar Muslim infrastructure of Tomsk consisted of: 1) Gomumi Sibiria Shurasy (All-Siberian Council); 2) Tomsk moselman burosy (Tomsk Muslim Bureau); 3) Tomsk moselman "musikal' drama Zhamgyyate" (Tomsk Muslim "Musical and Dramatic Society"); 4) Khanymnar Zhamgyate (Society of Women); 5) Ukuchilar Zhamgyate (Society of Students); 6) Məgallimnar soyuzy (Union of Teachers); 7) Moselman Kharbi Komitet (Muslim Military Committee); 8) Tomsk moselman Zhəmgyyate-khəiriya (Tomsk Muslim Charitable Society); 9) Gomumi Sibiria dar al-mogallimin (All-Siberian Men's Teachers' School) [33]. All these structures were products of all-Russian, primarily Tatar, structures.

At the First Siberian Muslim Congress (October 4–12, 1917), the Gomumi Sibiria Shurasy (All-

Siberian Council) was created. This term itself goes back to the All-Russian Muslim Council (Milli Shuro), stabled at the First All-Russian Muslim Congress in Moscow in May 1917.

The name "Muslim Bureau" is typical for Tatar organizations that emerged immediately after the February Revolution of 1917 (for example, the Orenburg Muslim Bureau) [17, p. 284, 292].

The Tomsk Muslim "Musical and Dramatic Society" came into being under the influence of tours of Tatar artists from European Russia to the cities of Siberia, in particular, to Tomsk. In May 1912, the Tatar theater company "Sayyar" came to Tomsk on tour [34]. On July 8, 1913, the "Nur" company performed in the building of the Commercial Assembly, where a troupe of four people presented the plays of Galiaskar Kamal, a classic of dramaturgy: "Bekhetsez eget" ("An Unfortunate Young Man") and "Berenche teatr" ("The First Theater") [35]. On July 15, the performances of the troupe "Nur" took place in the building of the Commercial Assembly (the play "Khuja hem the Counterman") [36]. A little later, the newspaper "Siberia" published an exchange of views on the performance of the Tatar theater luminaries: S. Gizzatullina-Volzhsakaya, Sumchinskaya, M. Mutin and N. Sakaev, assisted by the Tatar youth of Tomsk [37]. In 1913, on their initiative, a literary and musical drama society was created.

The Women's Society was created after the All-Russian Congress of Muslim Women, which was held in Kazan on April 24–27, 1917. It should be noted that the congress honored the blessed memory of Zukhra Khanum Gasprinskaya (Ismail Bey's wife) and Fatima Farida Nauruzova with a minute of silence, the women "who devoted their lives to serving Muslim women from Russia". The second block of decisions included organizational issues, planning to unite all women's organizations in Russia into one [38, p. 60–61]. In 1917, associations of Muslim students functioned in the Ufa Province.

The First Congress of Tatar Muslim Teachers was held in Kazan in April 1917. It created the "Rusiya Turko-Tatars uktyuchylary berlege" ("The Union of Russian Turko-Tatar Teachers"), which aimed to unite the entire educational and enlightening life of the Tatar society [39, p. 7–8]. Moselman Kharbi Committee (Muslim Military Committee) was part of the All-Russian Kharbi Shuro, with a center in Kazan, it was established at the First All-Russian Muslim Military Congress, held in Kazan in July 1917 [17, pp. 297–302].

“Tomsk moselman Zhamgyate-kheiria” (Tomsk Muslim Charitable Society) was first established under the name of “Society of Progressive Muslims” by the Muslims of the city in 1909. The format of the charitable societies, the only legally possible secular organizations in Tsarist Russia, was developed by Ismail Bey Gasprinsky. In the 1890s, in Kazan, Moscow, St. Petersburg, Troitsk, Yalta, Kasimov, Astrakhan, Semipalatinsk and other cities, Muslim charitable societies were created as cultural and educational centers of communities with collegial management [17, pp. 165–166]. In the third issue of the newspaper “The Siberia”, its editor, Muhammad-Vagiz Navruzov, called I. Gasprinsky the founder (sababche) of Jadidism and the organizer of Muslim charitable societies [40]. In Siberia, such societies functioned in Achinsk, Irkutsk, Tobolsk, Krasnoyarsk, Omsk and Tomsk. From 1912, the activists of the Tomsk Society, the Navruzovs, published the socio-political and literary newspaper “The Siberia” in the Tatar language. In February 1914, permission was denied to create the “Society for Aiding Students” in Tomsk. During the First World War, an informal Muslim Mutual Aid Society was formed at the Tomsk Technological Institute. In Blagoveshchensk, from 1906, the society functioned on an informal basis. In 1913, a petition to establish the Novonikolaev Muslim Charitable Society was filed twice, but the Tomsk Governor refused to grant permission. In 1914, permission was not given to create a charitable society in Oleminsk (the Yakutsk Region), what is more, the natives of the Volga-Ural region played a key role in the creation of the Achinsk, Irkutsk and Krasnoyarsk public projects of the Novonikolaev and Oleminsky societies. In 1913–1915, societies were closed in Tomsk, Omsk and Tobolsk [41].

By 1917, in Troitsk, the Orenburg Province (now the Chelyabinsk Region), Tatar-speaking centers had been established with the aim of training teachers for both men and women. “Dar al-mugallimin” (Men’s Teacher Training School), which at first had the official name of “Vazifa” (“Obligation”), was opened in September 1915. In 1916–1917, the headmaster of the “Vazifa” was the first Tatar professor-historian, a writer, publicist and public figure Doctor Gaziz Gubaidullin [42, p. 10].

Here, we note one more important structure: “Tomsk vilayate rukhanilar oeshmasy” (the Tomsk Province Organization of the Muslim Clergy). It was created by the imams - participants of the Congress of the Tomsk Province Muslims (June 28

– July 2, 1917) in Tomsk, its Charter modeled on the Union of the (rukhanilar ittifaki) Ufa Province Clergy [43]. The Organization of the Tomsk Governorate Muslim Clergy was established when the clergy of the regions of the former OMSA area created trade-union organizations in defense of their rights and became part of this process. Preparations for the Golyam congress (the congress of the clergy), which opened in Kazan on July 19, 1917, activated these processes [44, p. 138].

Creators of the Siberian Muslim Tatar Educational Infrastructure in the New Age

Let us have a closer look at the sphere of education to understand how education in the literary Tatar language was conducted and what level of proficiency was achieved in Siberia. The Russian Revolution of 1905–1907 promoted the development of education in the native language in the region. Thus, in September 1906, Imam Kasim Khamidullin opened a new school in the Renchinsky yurty (Renchiki of the Tobolsk District and Province, now the Vagaysky District of the Tyumen Region), where among other subjects was the native (Tatar) language [45]. At the beginning of 1913, the Tatar (native) language was taught in the new mekteb of Novonikolaevsk [46]. All other Muslim schools in Siberia and the Far East up to Blagoveshchensk, Yakutsk, Oleminsk and Khabarovsk were described as Tatar or Russian-Tatar schools with the Tatar language of instruction.

Where did the teachers, who educated the Muslims of Siberia, come from? In Novonikolaevsk, Imam G. Valiev, who himself was educated in the Troitsk Madrasah, immediately set out to invite mugallims who had received education in the Jadid madrasahs of the Volga-Ural region. The mugallims of the mekteb in Novosibirsk were Zakirjan Hanafi, a graduate of the Jadid madrasah “Bubi” in the Vyatka Province (now the Agyz District of the Republic of Tatarstan); Zakir Khalfa Nurulin, a graduate of the Ufa Jadid madrasah “Usmania”; Bayazitov (from September 1914) - a graduate of the Ufa madrasah “Galya” [47]. In 1915–1916, two mugallims and two mugallimas worked in Irkutsk. Khanifa Khisametdinova, a graduate of that year who had completed pedagogical courses in Ufa, joined Khadicha Shamigulova; Mahmud Gubaidullin, a graduate of the Jadid madrasah “Bayryaka” (now the Yutazinsky District of the Republic of Tatarstan), joined teacher Gabitov [48].

In the 1910s, we can observe that both a husband and his wife were engaged in teaching. Here,

we mean the imam and his wife or a married couple. This tradition also came from the Volga-Ural Region. Urmanov Salihdzhan was born on November 13, 1879 in the village of Dyusmeteva, the Bakaev Volost, the Ufa District and Province. On October 31, 1905, he was appointed imam of the city of Blagoveshchensk, the Amur Region, where he worked until 1915, when he was appointed kaziy of the OMSA. He put a lot of effort into building a mosque in Blagoveshchensk, created a Jadid mekteb and the "Ismailiya" School (named after Ismail Gasprinsky, the founding father of Jadidism), where he taught the Tatar language and religious doctrine, and his wife Hanifa taught Russian [49]. Hanifa Khanum described the mosque. It was two stories high. Half of the lower floor was occupied by a library, another half by a taharath-khane (the ritual washing). On the second floor there was a prayer hall, as well as a room where documentation was stored (including registers of birth); there, nikakhs and talaks were also held, and decisions were made according to Sharia. An important feature and an innovation of that time was the presence of a separate room for women [50].

At the First Ufa Provincial Congress of Muslims (14.04–17.04, 1917), Urmanov, on behalf of the OMSA, stated that the Spiritual Assembly did not object to women's suffrage, in case it corresponded to Sharia law [51]. At the First All-Russian Muslim Congress in Moscow, he made a report on the provisional organization of Muslims and was elected qadi. During Mufti G. Barudi's trips to the All-Russian Muslim Congresses in Kazan in late July - early August 1917, he served as acting chairman of the OMSA. While holding this position, Urmanov signed the OMSA appeal of July 30, 1917, in defense of women's election rights [52].

If the imam could count on a stable income and create the infrastructure of his parish in the form of a mosque and a mekteb, the teachers were hired labor, dependent either on the bai, who could drive them away at any moment, or, at best, on the community, which entered into an agreement with them for one or two years. However, they also made every effort to create the Tatar Jadid infrastructure. If the teachers of government schools had a stable salary and benefits, and their careers could be traced by track records, the careers of mugallims (male teachers) and especially mugallimas (female teachers) had almost no source of financial support. We were able to obtain the most complete information on Ibragimov Rizvan and his wife. He was born in 1883 in the village of

Bigevo (Bigi) of the Kuznetsk District, the Saratov Province (now the Neverkinsky District of the Penza Region), where he received his primary education. From 1896, he went to the Kazan Jadid madrasah "Muhammadiya", where he studied Russian. From 1903, he taught in the village of Tashbilga (Tyazhberdino) of the Spassky District, the Kazan Province (now the Alkeevsky District of the Republic of Tatarstan); later, in 1905 he worked in Achinsk (now the Krasnoyarsk Territory), and in 1907 - in Chita, where he created the 1st Mekteb with instruction in the Tatar language, and his wife Ferkhane-khanum taught girls; from 1911 he was a teacher in Khabarovsk, where he also created the 1st Mekteb [53]. He was guided by the ideas of Qasim Amin (1865–1908), an Arab writer who, for the first time in Arabic literature, advocated equal rights for Arab women [54]. Unfortunately, it was not possible to obtain information about the distance between Achinsk and Khabarovsk along the Trans-Siberian Railway, but along the highway it is 4.407 km.

The largest madrasah in Siberia, in Yembayevo, had the 1st primary department where among the subjects was (ibtidai) - reading in the Turkic-Tatar language, and the 2nd department (igdadiya - above average), which, in addition to the Turkic-Tatar, had the Arabic language and literature [55, pp. 189–190]. There was no full cycle of education in Yemabaevo: the Shakirs studied only for 7 years, so the benefactor Nigmatulla Karymshakovich Saidukov (1829–1901) sent the best graduates of the madrasah to study at his own expense in the madrasahs of Kazan, Ufa, Orenburg, where education was also conducted in the Tatar language. The Tobolsk madrasah provided primary education (ibtidiya) and the first stages of secondary education (rushdiya). In accordance with the ideas of Jadidism, secular objects were introduced along with religious ones. The Tatar language was taught in these schools. On April 29 - May 1, 1912, shakirdas read poems in the Tatar language at demonstration tests [56].

In the summer of 1913, the newspaper "The Siberia" advertised the Ufa "Galiya" Madrasah as an advanced school, where teaching was conducted in Arabic, Tatar and Russian, and Tatar literature was taught [57]. To enter the 1st grade of this madrasah, it was necessary to be able to read, to write dictations and compositions in the Turkic language [58]. Since Tatar and Bashkir schools officially operated in the Ufa Province, they used the nomination "the Turkic language" not "Tatar". More precise were the requirements of the

“Muhammadiya Madrasah” school board in Troitsk, which expected the applicants to the 1st grade of the Rushdiya category to have knowledge of the Tatar language morphology, an ability to write dictations in Tatar, knowledge of literary words and Tatar history for admission. For the 1st class of the “igdadiya” category, the school required knowledge of the Tatar language morphology and lexicology, and an ability to write dictations and compositions in Tatar. Knowledge of the famous works of Tatar literature was also required. Those willing to go to the 2nd grade of the “igdadiya” category, should be able to write essays on given topics and translate Arabic stories into the Tatar language [59].

In 1909, in Olekminsk, the Yakutsk Region (now the Republic of Sakha (Yakutia)), there was a private Russian-Tatar school (15 boys and 10 girls); from 1910 it was financed by the state. In 1913, 23 boys and 18 girls studied there, in April 1914 the school had 70 students (their teacher was Ilyas Enikeev, who had been educated in Ufa) [60].

Building an education system for girls

As we have already mentioned, the most important indicator of the influence, exerted by the Volga-Ural Region Muslims and a clear sign of their opposition to the Bukhara tradition, was their desire to create a Muslim Tatar education for girls. The newspapers specifically noted if boys and girls studied together, like in Olekminsk, Chita, Novonikolaevsk, Blagoveshchensk and Khabarovsk, or a separate mekteb was created for each of them, like in Irkutsk, Tomsk and Embaev. The conception of education for girls in Siberia appeared only in the 1910s.

“The Siberia” positioned itself as the only Russian Muslim newspaper, which was dedicated to protecting the rights of girls and women. In the third issue of the newspaper, Fatima-Farida Navruzova published a keynote article and started the regular column “Khatyn-kyzlar donyasy” (“The Woman’s World”) [61]. She set the goal of Tatar girls’ education for them to be able to help their husbands. The purpose of women’s education was to bring up “Tarbiyale ana” (“a good-natured / educated mother”), exactly what a true Muslim woman should be like. The term “Tarbiyale ana” is the name of the manifesto book (1898) by Riza Fakhreddin, an outstanding ulema and writer [62]. “The Siberia” claimed that the newspaper was solving the problem of women’s progress [63]. In the fourth issue of the newspaper, an article by F. Navruzova was published, where she advocated in-

struction in the Turkic language, including the training of mugallimas (female teachers) [64].

In the 45th issue of “The Siberia”, F.-F. Navruzova placed a questionnaire of eight questions, to which the editors received more than 30 answers. On February 15, 1913, the educator published her analysis. Taking into consideration the answers to Question No. 1, F.-F. Navruzova stated general dissatisfaction with the position of the Tatar woman: the lack of normal schools and harassment by husbands. Analyzing the answers to Question No. 2, she came to the conclusion that national schools did not provide a comprehensive education, and in Russian schools girls were forced to hide their national feelings (milli khis) and their Muslim identity. The educator called for the introduction of secular disciplines, as well as the Russian language, into the curriculum of national schools, and Islamic religious studies in state schools [65].

F.-F. Navruzova was not only a theorist, but also a practitioner. On January 1, 1910, in Tomsk, at 14 Tatarsky Lane, a legal Navruzova’s Muslim women’s school was opened - the first elementary school in the city for girls from Muslim families. On April 16, 1912, the founder held public examinations in her mekteb [66]. In 1912, the second Mohammedan girls’ school headed by Akhun Khamitov was officially opened [3, p. 174]. In the Tobolsk Province, next to the largest Jadid madrasah in Yembayevo, the Saidukovs, at their own expense (5 thousand rubles), founded a women’s madrasah (actually a mekteb). In the Tobolsk Province, classes for girls were also conducted at the madrasas of the city of Tara, the city of Tobolsk and the Turbinsky madrasah [55, pp. 189–190].

Idols and holidays

Who were considered to be idols in Jadid mektebs and madrasas, and what new holidays were celebrated there and in general by the Muslims of Siberia? The year 1913 will remain in the Tatar culture, first of all, as the year of G. Tukay’s death (1886–1913). The 26-year-old poet will become the first of the well-known national figures of his contemporary and even older generations that passed away. After his death, his cult has begun to build up, and the Muslims of Siberia did not stay out of it. In April 1913, the Irkutsk imam and mughallim G. Abdrashitov compared the significance of G. Tukay’s death to the death of the classic of Turkish literature Ahmad Midhat. In Irkutsk, after the Friday prayer, a meeting of shakirds was organized, where they read a prayer in honor of

Tukay and told his biography [67]. On April 4, 1913, an evening in memory of G. Tukay was held in the madrasah at the 1st Cathedral Mosque of Tomsk (imam Kh. Khamitov), the Koran and a prayer in his honor were read, and the teachers introduced the participants to his works [68].

The celebration of Mawlid became an important innovation among the Muslims of Siberia in the early 1910s. This tradition was founded by G. Barudi, the imam of the 5th Mosque and the mudarris of the Muhammadiya Madrasah in Kazan. On February 17, 1913, a Mawlid celebration was held in a mekteb at the same 1st Cathedral Mosque of Tomsk. A theatrical performance, organized by the Tomsk Society of Progressive Muslims, was called to help poor shakirds. It included Tatar melodies and music and managed to collect 300 rubles [68]. On January 13, 1915, the evening of Mawlid was held in the Irkutsk mosque. Speeches were delivered by Imam G. Abdrashitov ("Religion of Islam"), teacher H. Gabitov ("History of Islam") and K. Yuldashev ("On the Prophet Muhammad"). On January 14, Mawlid was held in the women's mekteb, where their teacher Khadicha Shamigulova spoke about the Prophet Muhammad. Here again we see girls' (kyzlar) access to the Muslim space [69]. On February 4, 1913, Mawlid was celebrated in Olekminsk where national poems were read, including "Bayram Bugen" ("It Is a Holiday Today") by the classic of Tatar literature G. Tukay [60]. This is the example of how Muslim and actually national Tatar traditions are interrelated. As there was no female mektebs in Omsk, Imam M. N. Suleimanov organized a celebration of Mawlid for girls in the house of Akhmad-bay Abdulmenov on February 18, 1913. [29]. On February 21–22, 1913, during Mawlid, a literary evening was organized in Chita, in a mekteb; a theatrical performance in the Tatar language was shown, presenting the classic Tatar comedy "Berenche Theater" ("The First Theater") by Galiaskar Kamal [70]. The play glorifies progressive Tatar youth who, having staged a play, attract the Muslim population of the entire city to the performance.

Another new holiday was the Hijri New Year celebration. On October 25, 1915, the festival marking the beginning of Muharram, that is, the Hijri New Year, took place in the Irkutsk Cathedral Mosque. The newspaper article about this event was called "A New Holiday in Irkutsk". It was held in the mosque after the yastu prayer. Children read the Koran and verses. Gubaidullin, a teacher, spoke about the meaning of Muharram's first day and read pieces from the Prophet Muhammad's

sira (biography). Teacher Gabitov described what religion and Sharia were, what public mind was from the point of view of religion and Sharia, what place "adab" occupied. At the request of Gabitov, 26 rubles were collected to help the orphans of Kars, the victims of the First World War. At the women's school, Khadicha Shamigulova and Khanifa Khisametdinova read beautiful sermons about the beginning of Muharram [71].

Charitable societies have created a tradition of holding Sabantuy in Siberia, the festival which had no roots in the Siberian Tatar soil. They began to raise funds for public needs. On June 29, 1912, the Charitable Society organized a Sabantuy celebration at the Tomsk hippodrome, Tatar music was played there. On May 19, 1913, the Sabantuy celebration raised the sum which amounted to about 1,000 rubles. [72]. Sabantuy, held on May 18, 1914, raised 431 rubles. Compared with 1913, it showed a sharp reduction in the amount of donation. In 1913, the Charitable Society managed to mobilize almost all segments of the population, while in 1914 many people listened to the opinion of the akhun and the local native Kh. Khamitov, who said that those who went to the celebration would return "wearing a curse collar" [73]. In 1914, the authorities of Irkutsk provided a hippodrome for free for Sabantuy celebrations. The organizer was the Irkutsk Muslim Charitable Society, for which 458 rubles were raised [74].

Results

Our analysis of the press of 1905–1918 proves that the Muslim Tatars of Siberia in the 1910s formed full-fledged Jadid infrastructures of Muslim communities, primarily urban ones, serving the needs of the Muslims in the cultural and educational spheres in the region. At the same time, these structures were formed based on the model of the Tatar structures in the Volga-Ural region. These regions provided personnel for the Jadid education, including girls' education. The natives of Siberia preferred to be part of these all-Russian Muslim structures with centers in European Russia, especially the OMSA-CSBM (Central Spiritual Board of Muslims), rather than create autonomous Muslim Siberian structures like Russian Siberian regionals used to do.

Conclusions

In the 1910s, we observe the emergence of the Muslim Jadid infrastructure of the Siberian Muslims, which generally repeated the infrastructure of the Muslims of European Russia, as well as the

system of its symbols. The peak of Siberian structures was reached in Tomsk, where in January 1918 the process of unification affected both political structures (Milli Shuro, the Muslim Bureau) and charitable (a charitable society), educational (3 male and 2 female mektebs), cultural (library), military (Harbi Shuro), theatrical (musical and theatrical societies) institutions, the press (the newspaper "The Chulpan") and even the Tomsk provincial organization of the clergy.

If we take only the educational and cultural spheres, we see that the Muslim Tatars of Siberia and European Russia were united by their desire to create a Jadid education (including women's education), translations of sermons into their native Tatar language, contacts with the all-Russian Muslim Jadid press (here G.-R. Ibragimov played the key role in 1905–1907; the Navruzovs – in February 1912 – February 1914; Z. Kadiri – from October 1914 to April 1918), the creation of Muslim libraries [75], theatrical performances in the Tatar language, cooperation with the Tatar publishing houses of European Russia, which published their works. New holidays for the Muslims of Siberia were Mawlid, Hijri New Year and Sabantuy. In Siberia, the cult of Tukay as a Tatar national poet was taking shape. However, on the pages of more than a thousand newspapers, we were unable to find any traces of building a Siberian Muslim, Siberian-Tatar, or any other non-Tatar identity among the Muslims of Siberia. However, we will be very grateful if such information is provided in a comprehensive and conceptual way.

References

1. Pavlinova, R. N. (2018). *Musul'manskie obshchiny Aziatskoy chasti Rossiiskoi imperii v seredine XIX – nachale XX v.: po materialam uchetykh vedomostei OMSD* [Muslim Communities of the Asian Part of the Russian Empire in the Middle of the 19th – early 20th Centuries: Based on the OMSA Accounting Statements]. R. N. Pavlinova, A. N. Starostin, A. P. Jarkov; Kazanskii federal'nyi universitet. 489 p. Kazan', izd-vo Kazanskogo un-ta. (In Russian)
2. *Musul'mane na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya i sovremennost'* (2020) [Muslims in the Russian Far East: History and Modernity]. A. S. Garifullin, R. N. Pavlinova, D. V. Rudenkin, A. N. Starostin; avtor-sost., gl. redaktor A. N. Starostin. 590 p. Kazan', Algoritm+. (In Russian)
3. Markova, M. F. (2008). *Tatary-musul'mane Tomskoi gubernii: 1880-e gg. – fevral' 1917 g.: dis. ... kandidata istor. nauk* [Muslim Tatars of the Tomsk Province: 1880s– February 1917: Ph.D. Thesis]. Tomsk, 257 p. (In Russian)
4. Bobkova, G. I. (2009). *Tatarskie obshchiny Irkutskoi gubernii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Tatar Communities of the Irkutsk Province (the late 19th– early 20th cc.). 219 p. Irkutsk, izd-vo Irkut. gos. un-ta. (In Russian)
5. Bustanov, A. K. (2013). *Knizhnaya kul'tura sibirskikh musul'man* [The Book Culture of the Siberian Muslims]. 264 p. Moscow, Marjani. (In Russian)
6. Bustanov, A. K., Korusenko, S. N. (2010). *Rodoslovnye sibirskikh bukhartsev: Im'yaminovy* [Genealogies of Siberian Bukharians: Imyaminovs]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, No. 2, pp. 97–105. (In Russian)
7. Muhammad-Vagiz (1912). *Sibiriya* [The Siberia]. No. 1, February 18. (In Tatar)
8. Muhammad-Vagiz (1912). *Sibiriyaqe kuchumeselese* [The Issue of Settlement in Siberia]. *Sibiriya*. No. 5, March 17. (In Tatar)
9. Fahreddin, R. (1902). *Asar* [The Memorials]. 1 jild. 3 yuz'ya. Orenburg, pp. 87–160. (In Tatar)
10. Fahreddin, R. (2010). *Asar* [The Memorials]. Vol. 3-4. 648 p. Kazan, Ruhiyat. (In Tatar)
11. Bustanov, A. (2015). *Abd al-Rashid Ibrahim's Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars*. Kazan Islamic Review. No. 1, pp. 10–78. (In English)
12. Ibrahimov, G.-R. (no year given). *Tarjema halem* [An Autobiography]. 123 p. Saint-Petersburg. (In Tatar)
13. *Tomski musul'man mekteplere* (1913) [Moslem Schools in Tomsk]. *Sibiriya*. No. 118. June 9. (In Tatar)
14. *Tomski* (1917) [Tomsk]. *Tormysh*. No. 626. April 12. (In Tatar)
15. *Tomski heberlere* (1917) [News from Tomsk]. *Tormysh*. No. 641. May 3. (In Tatar)
16. Galimullin, F. F. (2003). *Publitsisticheskie proizvedeniya G.-R. Ibragimova kak istochnik dlya izucheniya tatarskogo obshchestvennogo-publitsisticheskogo dvizheniya (nachalo XX v.): dis. ... kand. istor. nauk* [The Journalistic Works of Mr. Ibragimov as a Source for the Study of the Tatar Social and Journalistic Movement (early 20th c.): Ph.D. Thesis]. Kazan', 182 p. (In Russian)
17. Khabutdinov, A. Ju. (2001). *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniya razvitiya tatarskogo obshchestva v kontse XVIII – nachale XX v.* [Formation of the Nation and the Main Directions of the Tatar Society Development in the Late 18th– early 20th Centuries]. 383 p. Kazan', Idel. (In Russian)
18. Cwiklinski, S. (2012). *Abdürreşid İbrahim (1857–1944)* [Abdürreşid İbrahim (1857–1944)]. Eine Biografie Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. 182 p. Berlin. (In German)
19. Turkoğlu, I. (1997). *Sibiryalı Meşhur Seyyah Abdürreşid İbrahim* [The Famous Siberian Traveler Abdürreşid İbrahim]. (Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları 256). 103 p. Ankara. (In Turkish)
20. Garipova, R. (2020). *Rol' Rizaetdina Fahreddina v reforme musul'manskogo semeinogo prava v Rossiiskoi imperii* [The Role of Rizaetdin Fahreddin in the Reform of Muslim Family Law in the

Russian Empire]. *Istoricheskaya etnologiya*. Vol. No. 2, pp. 206–224. (In Russian)

21. Shablei, P. S. (2021). *Musul'mane goroda Tary i Kazahskaya step': sotsiokul'turnye vzaimodeistviya v XIX – nachale XX veka* [The Muslims of the City of Tara and the Kazakh Steppe: Socio-Cultural Interactions in the 19th–Early 20th Centuries]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*. No. 11. Vol. 1, pp. 104–114. (In Russian)

22. *Tormysh* [Tormysh]. (1917). March 25. (In Tatar)

23. *100-letie Obrazovaniya Tatarskoi ASSR: Sbornik dokumentov i materialov* (2017) [The 100th Anniversary of the Formation of the Tatar ASSR: A Collection of Documents and Materials]. V 3 tomakh. Sost. Z. S. Minnullin, red. R. R. Fahrutdinov., R. R. Hairutdinov. T. 1. 520 p. Kazan', Zaman. (In Russian)

24. *Bashkort kechkene parlamenty heyate* (1918) [The Commission of the Small Bashkir Parliament]. *Tormysh*. No. 779, January 5. (In Tatar)

25. *Khoiyat al-Khakim Mahmudovny haty* (1918) [The Letter of Khoiyat al-Khakim Mahmudov]. *Chulpan*. No. 3, March 5. (In Tatar)

26. *Grazhdanskaya voyna v Rossii i musul'mane* (2014) [The Civil War in Russia and Muslims]. *Sbornik dokumentov i materialov*. 808 p. Moscow, Centr strategicheskoi konyunktury. (In Tatar)

27. Suleimanov, N.-M. (1910). *Turki hutbalar* [Hutbas in the Turkic Language]. 1^{oe} izd. 300 p. Orenburg. (In Tatar)

28. Suleimanov, N.-M. (1911). *Turki notyklar* [Speeches in the Turkic Language]. 52 p. Orenburg. (In Tatar)

29. *Sibiriya. Omski maktub* (1913) [Siberia. The Letter from Omsk]. *Sibiriya*. No. 92, March 28. (In Tatar)

30. Mahmudov, H. H. (1917). *Marhum Niyaz Muhammad efende Suleimanov* [The Deceased Niyaz Muhammad efende Suleimanov]. *Meshuret*. Pp. 69–71. (In Tatar)

31. Ibrahimov, R. (1914). *Sibiriya den baryshlyi* [Driving through Siberia]. *Tormysh*. No. 96, August 6. (In Tatar)

32. Ibrahimov, R. (1914). *Sibiriya den baryshlyi* [Driving through Siberia]. *Tormysh*. No. 100, August 20. (In Tatar)

33. *Tomski heberlere* (1918) [News from Tomsk]. *Tormysh*. No. 790, January 23. (In Tatar)

34. *Sibiriya* [Siberia]. (1912). No. 13, May 20. (In Tatar)

35. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 127, July 5 (In Tatar)

36. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 131, July 14 (In Tatar)

37. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 132, July 18. (In Tatar)

38. Khabutdinov, A. Ju. (2017). *Vserossiiskii sezd musul'manok* [The All-Russian Congress of Muslim Women]. *Islam v Tatarstane. Entsiklopedicheskii slovar'*. Pp. 60–61. Moscow, ID Medina. (In Russian)

39. Khabutdinov, A. Ju. (2001). *Organy natsional'noi avtonomii tyurko-tatar Vnutrennei Rossii i Sibiri v 1917–1918 gg.* [The Bodies of the National Autonomy of the Turko-Tatars from Inner Russia and Siberia in 1917–1918]. *Vologda*, 61 p. (In Russian)

40. *Muhammad-Vagiz. Yarem emgyatemez* (1912) [Our Charitable Societies]. *Sibiriya*. No. 3, March 3. (In Tatar)

41. Khabutdinov, A. Ju. (2022). *Blagotvoritel'nye musul'manskii obshchestva* [Charitable Muslim Societies]. *Islam v Sibiri. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, ID Medina. (In print). (In Russian)

42. Denisov, D. N. (2011). *Ocherki po istorii musul'manskikh obshchin Chelyabinskogo kraya (XVIII – nachalo XX v.)* [Essays on the History of Muslim Communities of the Chelyabinsk Region (the 18th–Early 20th Centuries)]. 255 p. Moscow, ID Marjani. (In Russian)

43. *Rukhaniler oeshmasy* (1917) [The Society of Clergy]. *Tormysh*. No. 690, July 27. (In Tatar)

44. Khabutdinov, A. Ju. (2022.). *Religioznye deyateli v obshchestvennom dvizhenii musul'man Volgo-Ural'skogo regiona v 1917 g.* [Muslim Clergy Activities in the Volga-Ural Region in 1917]. *Islam v sovremennom mire*. No. 2. pp. 133–146. (In Russian)

45. *Yanga mektep* (1906.) [The New School]. *Ulfat*. No. 38, September 6. (In Tatar)

46. Veliev, G. (1913). *Tomski gubernasy Novonikolaevsk shehereneng mektebe* [The School in the Town of Novonikolaevsk in the Tomsk Province]. *Sibiriya*. No. 68, January 8. (In Tatar)

47. Suleimanov, Z. (1914). *Sibiriya den. Novonikolaevsk* [From Siberia. Novonikolaevsk]. *Tormysh*. No. 114, September 24. (In Tatar)

48. Gabitov, H. (1915). *Irkutskida mekteplere* [Schools in Irkutsk]. *Tormysh*. No. 335, October 11. (In Tatar)

49. Ibrahimov, R. (1914). *Sibiriya den baryshlyi* [Driving through Siberia]. *Tormysh*. No. 94, August 1. (In Tatar)

50. Urmanova, Kh. (1912). *Hatyn-kyzlar* [Women and Girls]. *Sibiriya*. No. 16, June 10. (In Tatar)

51. Khabutdinov, A. Ju. (2022). *Sezd musul'man Ufimskii gubernskii, Pervyi* [the First Congress of Ufa Provincial Muslims]. *Islam v Bashkortostane. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, ID Medina, (in print). (In Russian)

52. *Hatynnarynyng sajlau eshlerene katnashlary Mehkeme-i-Shargyja hitaby* (1917) [The Appeal of Mehkeme-i-Shargiya on Participation of Women in the Elections]. *Tormysh*. No. 693, August 1. (In Tatar)

53. *Rizvan efende Ibrahimov* (1913) [Rizvan Efende Ibrahimov]. *Sibiriya*. No. 131, July 14. (In Tatar)

54. Amin Kasim (1912). *Novaya zhenshchina* [The New Woman]. 119 p. St. Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma. (In Russian)

55. *Medreselerde kitap kishtese* (1992) [The Shelf of Books in the Madrasah]. 236 p. Kazan, Tatknigoizdat. (In Tatar)

56. *Rechebakiev M.-R.* (1912) [Rechebakiev M.-R.]. *Sibiriya*. No. 16, June 10. (In Tatar)
57. "*Tatar ugly*". *Medrese Galiya diniya* (1913) [The Madrasah Galiya Diniya]. *Sibiriya*. No. 108. May 15. (In Tatar)
58. *Ufadagy "Medrese Galiya diniya" idaresennen* (1913) [From the Board of "Madrasah Galiya Diniya" in Ufa]. *Sibiriya*. No. 132, July 11. (In Tatar)
59. *Troitskede medrese "Muhammadiya" idarese tarafynnan* (1913) [From the Board of Madrasah "Muhammadiya" in Troitsk]. *Sibiriya*. No. 136, July 28. (In Tatar)
60. *Sibiriya heberlere* (1913) [The News from Siberia]. *Sibiriya*. No. 81, March 1. (In Tatar)
61. *Fatyima-Feride* (1912). *Khatyn-kyzlar dun'yasy* [The Women and Girls' World]. *Sibiriya*. No. 3, March 3. (In Tatar)
62. *Fahredden, R.* (1898). *Tarbiyale ana* [The Enlightened Mother]. Kazan', izd-vo Imperatorskogo un-ta. (In Tatar)
63. *Sibiriya* (1913) [The Siberia]. No. 77, February 15. (In Tatar)
64. *Fatyima-Feride* (1912). *Khatyn-kyzlar dun'yasy* [The Women and Girls' World]. *Sibiriya*. No. 4. March 10 (In Tatar)
65. *Fatyima-Feride* (1913). *Khatyn-kyzlar dun'yasy* [The Women and Girls' World]. *Sibiriya*. No. 77. February 15. (In Tatar)
66. *Sibiriya* (1912) [The Siberia]. No. 8, April 14. (In Tatar)
67. *Sibiriya* (1913) [In Siberia]. *Sibiriya*. No. 99, April 21. (In Tatar)
68. *Sibiriya* (1913) [The Siberia]. No. 95, April 5. (In Tatar)
69. *Gabitov, H.* (1915). *Sibiriya. Irkutskida meulid kichese* [From Siberia. Christmas Party in Irkutsk]. Tormysh. No. 179, February 5. (In Tatar)
70. *Sibiriya* (1913) [In Siberia]. *Sibiriya*. No. 97, April 15. (In Tatar)
71. *Sibiriya. Irkutka yanga beireme* (1915) [In Siberia. The New Holiday in Irkutsk]. Tormysh. No. 353, November 10. (In Tatar)
72. *Tomski heberlere* (1913) [News from Tomsk]. *Sibiriya*. No. 111. May 22. (In Tatar)
73. *Tomski heberlere. Saban tue* (1914) [News from Tomsk. Saban Tue]. Tormysh. No. 70. June 1. (In Tatar)
74. *Teshekkur* (1914) [Acknowledgments]. Tormysh. No. 74. June 11. (In Tatar)
75. *Khabutdinov, A. Ju., Yarkov, A.* (2022). *Biblioteki musul'manskie* [Moslem Libraries]. *Islam v Sibiri. Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, ID Medina (in print). (In Russian)

ТАТАРСКИЕ СТРУКТУРЫ СИБИРИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Айдар Юрьевич Хабутдинов,

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
Россия, 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, д. 7А,
aihabutdinov@mail.ru.

Статья посвящается изучению эволюции татарских структур Сибири начала XX века. На основе анализа прессы в указанный период доказывается, что в этот период абсолютное большинство мусульман Сибири идентифицировало себя как татар, членов единой нации-миллета, обладающих татарским литературным языком, который использовался как язык обучения. В работе констатируется, что среди структур, созданных до Февральской революции 1917 г., преобладают благотворительные общества, библиотеки, мужские и женские мектебы. В Томске были созданы газета «Сибирь» и музыкально-театральное общество. В 1917 – начале 1918 г. появляются Мусульманские бюро в городах, проводятся губернские мусульманские съезды, оформляются Мусульманские Шуро (Национальные Советы), отделения Харби Шуро (Военные Советы). Мусульмане Сибири фактически отказались от создания параллельных структур, например собственного Духовного Собрания. В статье зафиксировано появление моды у мусульман Сибири по образцу мусульман Европейской России на проведение праздников: Мавлид, Новый год по хиджре, Сабантуй. Доказано, что в галерее символических лидеров ключевое место занимает Габдулла Тукай как татарский национальный поэт.

Ключевые слова: татары, мусульманская община, Сибирь, благотворительные общества, пресса, женское образование

Введение

С 1990-х гг. делается упор на разработку темы «сибирских татар» как особой нацио-

нальной общности со своим языком, литературой, особой историей и своими общественно-политическими структурами. Во время работы

над словарем «Ислам в Сибири» (одним из серии словарей «Ислам в Российской Федерации») мы не задавались целью развенчать какую-либо концепцию. Вынуждены констатировать отсутствие в регионах Сибири специалистов, владеющих литературным татарским языком начала прошлого века и умеющих читать источники на арабском шрифте. Оказалось, что сибирские специалисты знают реалии своего региона, но, к сожалению, не способны выстроить ситуацию в общесибирском и общероссийском контексте.

Цель данного исследования – рассмотреть мусульманские структуры Сибири в начале XX века. В нашу задачу входит выявление изменений в их деятельности в указанный период через сравнение с аналогичными татарскими структурами джадидской эпохи. Мы постараемся сформировать представление об основных субъектах создания этих структур и новых показателях идентичности.

Новизна нашего исследования состоит в изучении эволюции структур мусульман Сибири начала XX века как целостного феномена. В фокусе нашего внимания оказались национальное образование для мальчиков и девочек, благотворительные общества, пресса, деятельность лидеров в сфере религии, образования, прессы, а также специфика структуры татарской национальной картины мира. В статье также рассматривается новая система координат, складывающаяся у мусульман Сибири в начале прошлого века в лице понимания места мусульман Сибири в общетатарском пространстве, включая национальные общественные организации, систему образования на родном языке, роль девочек и женщин, новые праздники и новых кумиров

Целостного научного исследования истории мусульман Сибири не существует. Имеющиеся два труда, скорее, выполняют функции травелогов, то есть собрания данных по регионам, где просто подбираются примеры, данные по приходам сведены в таблицы [1],¹ приводятся интервью и объединена информация по теме, имеющаяся на русском языке [2]. Особенностью ряда детальных исследований является их ограничение по времени Февральской революцией, хотя реальная возможность создать самые различные структуры, включая образовательные (например, Томская дар улмугаллимин – мужская учительская школа), по-

являются как раз после падения царского режима.

М. Ф. Маркова проанализировала жизнь татар-мусульман Томской губернии [3], а Г. И. Бобкова – Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.) [4]. Недостатком работ является отсутствие в базе источников документов на литературном татарском языке, в том числе татароязычной прессы.

В историографии вне Татарстана, особенно у татар – «коренных уроженцев» Западной Сибири, принято делать акцент на связи татар Сибири с Бухарой и изображать элитарную в интеллектуальном плане группу мусульманского населения Сибири как «сибирские бухарцы». В качестве обобщающего термина эти исследователи используют термин не «сибирские татары», а сибирские мусульмане» (см. напр.: [5], [6]).

Методы и методы исследования

В нашем исследовании в качестве источников мы сосредоточили внимание на татарской прессе, описывающей религиозные, образовательные, общественно-политические процессы среди мусульман Сибири. Это три основных источника:

1) газета «Ульфат» (всего 85 номеров), которую издавал в Санкт-Петербурге в 1905–1907 гг. отец общественно-политического движения мусульман России, выходец из рода имамов и мударрисов г. Тары (тогда Тобольской губернии) и сам уроженец этого города (Габдеррашид казый Ибрагим(ов)). Там статьи о жизни мусульман Сибири немногочисленны, но Рашид казый стремился дать в корреспонденциях с мест анализ ситуации в мусульманской общине Тобольской губернии в сферах образования и политики;

2) газета «Сибирия», которая выходила в Томске в феврале 1912 – августе 1913 г. и редактировалась супругами Наврузовыми (уроженцами Казанской губернии). Несмотря на короткий период своего существования (145 номеров), в газете нашла отражение широкая картина общественной жизни Сибири и прежде всего мусульман Томска (благотворительность, мусульманское образование для мальчиков и девочек, деятельность мусульманских библиотек) в период относительной оттепели в национально-религиозной политике государства, наступившей при председателе Совета министров Российской империи В. Н. Коковцове (сентябрь 1911 – январь 1914 г.) и связанной с празднова-

¹ Показательно, что здесь в качестве первого автора фигурирует магистрант.

нием 100-летия Отечественной войны 1812 г. и 300-летия династии Романовых. Переводы статей из этих двух газет хотя бы частично используются в научных исследованиях и на сайтах татар Сибири.

3) Газета «Тормыш», которая выходила в Уфе в октябре 1913 – апреле 1918 г. (всего 832 номера). Она была создана супругами Наврузовыми, активно сотрудничавшими в ней до февраля 1914 г. В этом издании была рубрика «В Сибири». К сожалению, этот источник был проигнорирован учеными и краеведами при изучении мусульман Сибири.

Все три газеты испытывали трудности из-за отсутствия корреспондентов на местах. Благодаря этим изданиям, мы имеем наиболее целостную картину мусульманской общественной жизни по Томску, частично Иркутску, другим губерниям и областям Сибири, изредка – Якутской областей и Приамурского генерал-губернаторства (включавшего территории современной Амурской области и Хабаровского края).

Особо хотелось бы выделить материалы, подписанные Нури (Мухаммад-Нури Бухараев), в которых дается картина общественно-политической и образовательной жизни мусульманской общины Томска в 1917 – начале 1918 г. в контексте движения Сибирского областничества, когда именно в Томске собирались Сибирские съезды, провозгласившие автономии Сибири и создавшие ее правительство.

Наиболее активно была освещена деятельность бессменного главы прихода Новониколаевска (ныне Новосибирска), а затем имама мечети Гариф(уллы) Валиева (1907–1935.) и второго имама Иркутской мечети Губайдуллы Габдурашитова (1911–1915).

Статья основана на использовании сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов, метода синхронного анализа, периодизации, классификации и др.

Обсуждение

Мухаммад-Вагиз Наврузов в первых номерах первой сибирской татарской газеты «Сибирия» выступил с рядом программных статей. Так, в передовице первого номера он размышляет о необходимости газеты на татарском языке для мусульман Сибири, чьей целью должно стать служение татарской нации («милләт»). Сибирское государство («мәмләкәт») он назвал колыбелью наших героических предков, сотрясавших мир

(«каһарман бабаларымыз»). По его убеждению, газета должна была превратиться в национальное и религиозное руководство («һидаят») для написания статей из татарской жизни [7].

В № 5 М.-В. Наврузов опубликовал статью про переселение в Сибирь. Он выступил против эмиграции мусульман Крыма и Кавказа в Османскую империю, раскритиковал российских мусульман за слабое переселение в Сибирь. М.-В. Наврузов заявил, что «Сибирия» должна оказывать помощь переселенцам, а имамы обязаны объяснять мусульманам условия переселения в Сибирь [8].

Связи в сфере образования и религиозного устройства между Волго-Уральским регионом и Сибирью возникли в начале XIX века. На это указывают материалы «Асар» Ризы Фахреддина [9], [10] и биографический словарь ученых Сибири у (Габдер)рашид казыи Ибрагим(ова) [11]. Нельзя забывать, что, согласно «Указу именного, данного Сенату 22 сентября 1788 г., „о назначении муфтия над всеми людьми магометанского закона, обитающими в России“», Оренбургское магометанское Духовное собрание (ОМДС) распространяло свою юрисдикцию на всех мусульман России, «исключая Таврическую область» [12, с. 1107–1108], то есть включая всю Сибирь и Дальний Восток.

Наиболее старым по времени основания из стабильно существующих в досоветский период медресе было медресе г. Тары Тобольской губернии (ныне Омская область). Его основал Фазыл бин Ибрагим бин Кутлугамед аль-Эчкени аль-Альмени (?–1822), чей род происходил из г. Касимова Рязанской губернии (ныне области). Он был имамом и мударрисом в д. Альменево Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне район одноименного района Курганской области). Образование получили в медресе Абдулваххаб б. Шариф в Белебеевском уезде Уфимской губернии (ныне Республика Башкортостан), затем в медресе Каргалы под Оренбургом. Был сторонником идей Абулнасыра аль-Курсави. В 1816 г. совершил поездку в г. Тару, где преподавал в медресе и фактически его создал. Вернулся в родную деревню, оставив в г. Таре вместо себя своего ученика Ибрагима бин Джагфара. Среди известных улемов Сибири, учеников Фазыла бин Ибрагима, Р. Фахреддин упоминает только шейха Рузи-ишана ат-Тубули, не оставившего влиятельных учеников [9, с. 159]. Эти связи Тары и Альменево продолжали существовать и в

следующие десятилетия. Рашид-казый Ибрагим (1857–1944) после первоначального обучения в родной Таре образование получил в медресе Альменево (1867–1871), затем Тюмени (1872–1876) и прибыл в медресе Кышкара Казанской губернии (ныне Арский район Республики Татарстан) в 1877 г. [12, с. 15–21]. Таким образом, речь здесь идет именно о традиции мусульманской учености Волго-Уральского региона, да еще в таком крайнем варианте противостояния бухарской схоластике и всему религиозному истеблишменту, как идеи Абуннасыра аль-Курсави.

Гораздо более влиятельными были ученики другого мударриса в Таре – Рахматуллы б. Йусуф ал-Йангурази ат-Тарави (Янгуразов, ок. 1824–1887). Он родился в д. Енгураз(ово) Темниковского уезда Тамбовской губернии (ныне Енгуразово Темниковского района Республики Мордовия). Первоначальное образование получил у отца, а затем у Ни'матуллаха б. 'Абд ар-Рахима (Нигматулла Габдрахимов) в медресе при 1-й Соборной мечети Оренбурга, Якуба б. Яхьи аль-Кышкари и Исмаила б. Мусы аль-Кышкари (оба в медресе Кышкар Казанского уезда и губернии) [10, с. 139–143], то есть речь идет о центрах традиционного образования, которые можно отождествить с кадимизмом. Рахматулла б. Йусуф не направился в Бухару ни за получением богословского знания, ни даже для получения документа о легитимности суфского шейха – иджазы. В Османской империи его шейхом был Муджаби, там Рахматулла стал последователем суфийского тариката накшбандийа-халидийа. Отметим, что за получением иджазы накшбандийа-халидийа отправился в Стамбул и виднейший из шейхов-джадидов Зайнулла Расули. В 1876 г. Рахматулла уехал в Петропавловск (ныне Казахстан), где попытался стать имамом 4-й мечети, и только в 1884 г. стал имамом 6-й мечети Петропавловска. Влияние Рахматуллы б. Йусуфа на улемов Сибири было велико, так как два его ученика играли важную роль в двух ключевых регионах Восточной и Западной Сибири: Хамза-ахун б. Мухаммад-Амин (Хамза ахун Хамитов – имам и ахун в Томске, занимал пост и имама долгие 55 лет с 1876 г. по 1931 г.) и Мутасам б. Билал аль-Камрави (имам в Камаруских юртах Тобольской губернии, ныне Тюменская область). Личность первого крайне неоднозначна. С одной стороны, его действия были вполне в стиле кадимизма, когда он не дал провести джадидскую реформу Томского медресе, начавшуюся в пе-

риод революции 1905–1907 гг. [13]. Но это можно объяснить его личными интересами, так как речь шла о потере им реального контроля над медресе. При этом другие действия Хамзы ахуна Хамитова ставят его в ряды сторонников идей джадидов. 22 мая 1910 г. собрание под председательством ахуна Х. Хамитова постановило учредить в Томске общественное мусульманское женское училище рядом с Соборной («Красной») мечетью г. Томска. Учительницей русского языка была избрана Х. К. Комарова, дочь ахуна Хамитова. Школа содержалась на средства Томского мусульманского общества-прогрессистов, однозначно джадидской организации. Х. Хамитов не удержало даже то, что 16 июня 1910 г. попечитель Западно-Сибирского учебного округа отказал благотворительному обществу в ходатайстве об открытии в Томске женского мусульманского училища, школа была создана и действовала без разрешения губернского управления до 1912 г. [3, с. 171–173]. После Февральской революции 1917 г. на волне смещения муфтия ОМДС М.-С. Баязитова и других близких к властям имамов 12 апреля Томское Мусульманское бюро приняло решение временно отстранить ахуна Хамитова [14]. Однако татарская молодежь Томска выступила в защиту ахуна: в письме с 39 подписями утверждалось, что ахун поддерживал деятельность театра, мектеба и медресе, библиотеки. Хамитов якобы выпустил фетву, по которой женщины могли посещать мечеть, читать там намаз, участвовать в деятельности театра, библиотеки и благотворительных обществ наряду с мужчинами, так как это не противоречит Корану [15]. Популярного в 1917 г. опровержения этому письму не последовало, что ставит идеи и деяния Х. Хамитова близкими к идеям в женском вопросе радикальных джадидов, таких как Зия Камали, Муса Биги. Такое равноправие женщин, разумеется, бесконечно далеко от бухарской схоластической традиции.

Р. Фахреддин, кроме Хамзы Хамитова, называет авторами биографии Рахматуллы трех виднейших джадидов – его учеников: Г.-Р. Ибрагимова и имама, затем казья ЦДУМ в 1917–1920 гг. Худжат аль-хакима Махмудова, а также имама Нияза-Мухаммада Сулейманова. Первый и второй по сословному признаку проходят как сибирские бухарцы, второй как «сибирский инородец», но все трое сыграли большую роль в борьбе против бухарской схоластики и кадимизма и за единство мусульман-татар Европы и Азиатской России. Деятельность Г.-Р. Ибрагима

как отца общественно-политического движения мусульман России в начале прошлого века, инициатора созыва I–III Всероссийских мусульманских съездов 1905–1906 гг. и создания всероссийской мусульманской либеральной партии «Иттифак аль-муслимин» широко изучена [16], [17, с. 180, 194–201, 206–214], [18], [19].

Остановимся на деятельности последних двух деятелей, которые менее известны, но сыграли важнейшую роль в обеспечении правового и организационного единства мусульман Европейской России и мусульман Сибири в 1900–1910 гг.

Махмудов Худжат ал-Хаким (Худжат ал-Хаким б. Дауд б. Махмуд б. Нияз-Мухаммад б. Махмуд ал-Махмуди ат-Тарави (1871(3)–1946) – мусульманский религиозный деятель, уроженец г. Тары или Тарского уезда Тобольской губернии, получивший образование у Рахматуллы б. Йусуфа в г. Петропавловске. С 1897 г. служил имам-хатыбом и мударрисом в Соборной мечети (1843) в деревне Аубаткан Тарского уезда Тобольской губернии (ныне Большереченского района Омской области). В 1901 г. в Казани он публикует труд «Интикад аль-аквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та‘лик» («Критическое рассмотрение утверждений, касающихся исполнения брака при определенных условиях»). Эта работа была выполнена по заданию великого улема Ризаэтдина Фахреддинова (тогда кади ОМДС) [20, с. 209]. В ней утверждалась необходимость реформировать некоторые принципы семейного права среди мусульман Российской империи.

Это изменило его судьбу, и около 1902 г. он покидает Аубаткан и после непродолжительного пребывания в городе Атбасаре (Акмолинская область, ныне Казахстан) отправляется в Османскую империю. В Стамбуле с 1902 по 1907 год он изучал работы исламских ученых-реформаторов, сторонников иджтихада и конституционного государства Мухаммада ‘Абдо и Джамал ад-Дина ал-Афгани. Молодой Р. Фахреддин встречался с Афгани в Санкт-Петербурге, а ключевой общественно-политический трактат Р. Фахреддина «Дини ва ижтимагый мэс‘элелэр» (Оренбург, 1914) написан под прямым влиянием общественно-политической концепции М. Абдо. Таким образом, даже до начала широкого внедрения джадидизма в медресе Махмудов примыкает к одному из его ключевых идеологов среди богословов. Он сотрудничал с вышеуказанной газе-

той «Ульфат», где публиковал серию статей, посвященных реформе мусульманского образования в Российской империи, в итоге выступил за введение джадидского метода обучения в мектебах и медресе, пропагандировал иджтихад (способность выносить самостоятельное суждение, основываясь на Коране и Сунне, а не на мнениях исламских правоведов) и критиковал таклид (следование авторитетному специалисту в вопросах мусульманского права), ратовал за распространение национальной печати среди тюркских народов Российской империи. Таким образом, на примере еще одного ученика традиционалистского богослова мы видим переход к сугубо джадидской позиции.

В 1910 году Махмудов переезжает из г. Тары в г. Акмолинск (ныне столица Казахстана Астана), где становится имамом второй соборной мечети. Конфликт с местным купцом Нур-мухаммедом Забировым привел к устранению Махмудова с должности имама и последующей ссылке в Оренбург. Вероятной причиной конфликта было требование Махмудова о перераспределении полномочий попечителей (мутаваллиялэр) при 2-й мечети: предлагалось основные распорядительные функции сосредоточить в руках имама, а не купцов [21, с. 106–108]. Эта идея является прямым заимствованием из Марджани. Затем Махмудов был имамом г. Тургая Тургайской области. Его всероссийская карьера начинается в марте 1917 г.: после смещения казья ОМДС Г. Капкаева Махмудов был избран на его место, получив одобрение от властей Уфимской губернии [22]. На I Всероссийском мусульманском съезде в г. Москве (май 1917 г.) Оренбургское магометанское Духовное собрание (ОМДС) было реорганизовано, и Махмудов был избран казыем Временного Махкама-и шаргия (Духовное управление), на II Всерос. мусульманском съезде в г. Казани (июль 1917 г.) избран членом коллегии Диния назараты (религиозного ведомства) Вақытлы (Временного) Милли Идарэ [23, с. 112]. Перед Первым Сибирским мусульманским съездом (4–12 октября 1917 г.) он отказался занять пост казья планируемого Сибирского областного Духовного собрания [Там же, с. 403]. Оно так и не будет создано вплоть до 1990-х гг., в отличие от Духовного управления Башкирской автономии, избранного 22 декабря 1917 года Башкирским малым курултаем (предпарламентом). И здесь Махмудов вновь займет солидарную позицию с Р. Фахреддином, который откажется занять пост члена-казья Меркез Диния хаяте

(Главного Духовного управления) Башкирской автономии, несмотря на избрание [24].

11 января 1918 г. на сессии Миллет Меджлисе Махмудов был избран членом коллегии Диния назараты Милли Идарэ. В марте 1918 г. в письме в газету «Чулпан»² он вновь выступил против создания отдельного Духовного управления мусульман Сибири. Он утверждал, что были проведены губернские мусульманские съезды в Тоболе, Томске, Иркутской губернии, Акмолинской области, съезды избрали депутатов в Миллет Меджлисе, которые не выступили за создание Духовного управления для мусульман Сибири. В отношении сибирского автономизма Махмудов прямо заявляет, что мусульмане не были готовы к провозглашению территориальной автономии Сибири местными властями [25]. Как Председатель съезда мусульманского духовенства Сибири в г. Новониколаевске (17–23.07.1919 г.) Махмудов вновь выступил за единое Духовное управление мусульман Внутренней России и Сибири в лице Диния назараты Милли Идарэ [26, с. 224–225].

Нияз-Мухаммад Сулейманов формально не занимал высоких постов, однако он сыграл выдающуюся роль в создании хутб (проповедей) на татарском языке. Уроженец деревни Утузы Тарского уезда Тобольской губернии (ныне Тевризский район Омской области) обучался сначала в Тобольском уезде, вероятно в деревне Карагай, а также в медресе г. Тары у Неджметдина хазрата, в Петропавловске у Рахматуллы б. Йусуф ал-Йангурази ат-Тарави (1884–1887). В Петропавловске он занимался книготорговлей. 20 августа 1907 г. был утвержден акмолинским губернатором на пост имама 2-й мечети Омска. Нияз-Мухаммад Сулейманов публиковался в печати сначала в 1906 году в той же газете «Ульфат», являлся автором ряда книг, самыми популярными из которых были «Тәрки хөтбәләр» («Хутбы на тюркском языке», Оренбург, 1910) [27], «Тәрки нотыклар» («Речи на тюрки», Оренбург, 1911) [28], которые печатались в мусульманских издательствах Европейской России. Н.-М. Сулейманов настаивал на необходимости проведения проповедей

не на арабском, а на татарском языке (термин «тюрки» использовался из-за многочисленности казахов в мусульманской общине Омска и особенно Акмолинской области). Таких же взглядов придерживался Р. Фахреддин, что опять-таки противоречило кадимистской традиции, ориентированной на Бухару. В феврале 1913 г. обсуждался вопрос о создании женской школы г. Омска, открытие которой поддержал прежде всего Н.-М. Сулейманов. 21 февраля 1913 г. соответствующее решение было принято на собрании мусульман Омска в честь 300-летия династии Романовых [29]. Его старшая дочь обучалась в женском училище при медресе Буби в деревне Иж-Буби (Сарапульский уезд Вятской губернии, ныне Агрызский район Республики Татарстан), в 1917 г. преподавала в Омской школе для девочек [30, с. 69–71]. В 1917 г. Н.-М. Сулейманов умирает, и его биографию для казанского журнала «Мәшүрәт» пишет Махмудов. Таким образом, мы видим тесное взаимодействие этих трех татар, коренных уроженцев Сибири в общетатарском общественно-политическом, религиозном и культурном проектах. Характерно, что такого рода факты, не вписывающиеся в бухарско-центрированную картину мира, просто изымаются из трудов с формулировкой: «Мы не будем останавливаться на описании событий из жизни Махмудова в период с 1913 по 1921 год, так как они не имеют прямого отношения к проблемам этой статьи» [21, с. 108].

В 1914 г. педагог Ризван Ибрагимов публикует в газете «Тормыш» путевые заметки по Сибири, где анализирует изменения, произошедшие за 7 лет, с 1907 г. Он анализирует прогрессивное развитие мусульманской общины Благовещенска, деградацию в Чите, где местный ахун Султан-Галеев фактически превратил национальную татарскую школу в обычный приходской мектеб после отъезда Р. Ибрагимова [31]. Максимальный прогресс Р. Ибрагимов фиксирует в Томске, где семь лет назад в культурной и образовательной сфере было преобладание ахуна Х. Хамитова, которого Р. Ибрагимов называет врагом культуры. На 1914 г. в Томске существует библиотека, и татары ходят в русский театр, сами устраивают театральные представления. Этот досуг Р. Ибрагимов оценивает положительно, критикует тех, кто просит деньги в ресторанах или кафе-шантанах [32].

² «Чулпан» – общественно-политическая газета, орган Центрального Сибирского Мусульманского совета (ЦСМС, Сибирский центр Милли Шуро). Издавалась в Томске в январе – марте 1918 г. на татарском языке. Выходила под лозунгом «Да здравствует Сибирская автономия! Да здравствует национальная и культурная автономия мусульман Сибири».

Инфраструктура джадидской эпохи в Сибири

Р. Ибрагимов ставит очень важный вопрос об инфраструктуре джадидской эпохи. Поставляем проанализировать ее варианты. На январь 1918 г. татарскую мусульманскую инфраструктуру Томска составляли: 1) Гомуми Сибири Шурасы (Всесибирский Совет); 2) Томск мөселман бюросы (Томск мусульманское бюро); 3) Томск мөселман «музыкально-драма Жәмгыяте» (Томское мусульманское «музыкально-драматическое общество»); 4) Ханымнар Жәмгыяте (Общество женщин); 5) Укучылар Жәмгыяте (Общество учащихся); 6) Мөгаллимнәр союзы (Союз учителей); 7) Мөселман Хәрби Комитет (Мусульманский Военный Комитет); 8) Томск мөселман Жәмгыяте-хэйрия (Томское мусульманское благотворительное общество); 9) Гомуми Сибири дар эл-мөгаллимин (Всесибирская Мужская Учительская школа) [33]. Все эти структуры являются продуктами общероссийских, прежде всего татарских, структур.

На I Сибирском мусульманском съезде (4–12 октября 1917 г.) был создан «Гомуми Сибири Шурасы» (Всесибирский Совет). Сам этот термин восходит к Всероссийскому Мусульманскому совету (Милли Шуро), созданному на I Всероссийском мусульманском съезде в Москве в мае 1917 г.

Название «Мусульманское бюро» характерно для татарских организаций, которые стали возникать сразу после Февральской революции 1917 г. (например, Оренбургское Мусульманское бюро) [17, с. 284, 292].

Томское мусульманское «музыкально-драматическое общество» возникло под влиянием поездок татарских артистов Европейской России в города Сибири и, в частности, в Томск. В мае 1912 г. с гастролью в Томске побывала татарская театральная труппа «Сайяр» [34]. 8 июля 1913 г. в здании Коммерческого собрания прошли гастроль труппы «Нур», где труппой из 4 человек игрались пьесы классика драматургии Галиаскара Камала «Бехетсез егет» («Несчастный юноша») и «Беренче театр» («Первый театр») [35]. 15 июля состоялись спектакли труппы «Нур» в коммерческом собрании (пьеса «Хужа хем приказчик») [36]. Чуть позднее на страницах «Сибири» состоялся обмен мнениями после выступления корифеев татарского театра С. Гизатуллиной-Волжской, Сумчинской, М. Мутина, Н. Сакаева, ассистировала им татарская молодежь Томска [37]. В

1913 г. по их инициативе был создан литературно-музыкальный драматический кружок.

Общество женщин было создано после Всероссийского съезда мусульманок, работавшего в Казани 24–27 апреля 1917 г. Отметим, что съезд почтил минутой молчания светлую память Зухры-ханум Гаспринской (супруги Исмаил-бея) и Фатимы-Фариды Наурузовой, «посвятивших свою жизнь служению мусульманкам России». Второй блок решений включал в себя организационные вопросы, где предусматривалось объединить все женские организации России в одну [38, с. 60–61]. Объединения мусульманских учащихся действовали в 1917 г. в Уфимской губернии.

Первый съезд татарских мусульманских учителей проходит также в Казани в апреле 1917 г. Он создает «Русия түрек-татар укытучылары берлеге» («Союз российских тюрко-татарских учителей»), который ставит своей целью объединение всей образовательной и просветительной жизни татарского общества [39, с. 7–8]. Мөселман Хәрби Комитет (Мусульманский военный комитет) являлся частью Всероссийского Харби Шуро, также с центром в Казани, создание которого прошло на I Всероссийском мусульманском военном съезде, прошедшем в Казани в июле 1917 г. [17, с. 297–302].

«Томск мөселман Жәмгыяте-хэйрия» (Томское мусульманское благотворительное общество) было впервые создано в 1909 г. мусульманами города под названием «Общество мусульман-прогрессистов». Формат благотворительных обществ, единственных легально возможных светских организаций в царской России, был разработан Исмаил-беем Гаспринским. В 1890-е гг. в Казани, Москве, Санкт-Петербурге, Троицке, Ялте, Касимове, Астрахани, Семипалатинске и других городах создаются мусульманские благотворительные общества как культурно-просветительские центры общин, имеющих коллегиальное управление [17, с. 165–166]. Редактор газеты «Сибири» Мухаммад-Вагиз Наврузов в третьем номере газеты назвал И. Гаспринского основателем (сәбәбче) джадидизма и организатором мусульманских благотворительных обществ [40]. В Сибири такие общества действовали в Ачинске, Иркутске, Тобольске, Красноярске, Омске, Томске. Активистами Томского общества супругами Наврузовыми с 1912 г. издавалась на татарском языке общественно-политическая и литературная газета

«Сибиря». В феврале 1914 г. в Томске не было дано разрешение на создание «Общества помощи ученикам».

В Томском технологическом институте в годы Первой мировой войны возникло неформальное мусульманское Общество взаимопомощи. В Благовещенске с 1906 г. общество также действовало на неформальной основе. В 1913 г. было дважды подано ходатайство о создании Новониколаевского мусульманского благотворительного общества, но Томский губернатор ответил отказом. В 1914 г. не было дано разрешение на создание Благотворительного общества в Олекминске (Якутская область), причем в создании Ачинского, Иркутского, Красноярского общественных проектов Новониколаевского и Олекминского обществ ключевую роль сыграли уроженцы Волго-Уральского региона. В 1913–1915 гг. были закрыты общества в Томске, Омске и Тобольске [41].

К 1917 г. в Троицке Оренбургской губернии (ныне Челябинская область) действовали татарозычные центры подготовки учителей как мужчин, так и женщин. «Дар аль-мугаллимин» (Мужская Учительская школа), носившая вначале официальное название «Вазифа» («Обязанность»), была открыта в сентябре 1915 г. В 1916–1917 гг. директором «Вазифы» был первый профессор-историк из татар, доктор наук, писатель, публицист, общественный деятель Газиз Губайдуллин [42, с. 10].

Отметим еще одну важную структуру: «Томск вилаяте руханиляр оешмасы» (Организация мусульманского духовенства Томской губернии) была создана имамами – участниками Съезда мусульман Томской губернии (28 июня – 2 июля 1917 г.) – в Томске с Уставом по образцу Союза духовенства (руханилэр иттифакы) Уфимской губернии [43]. Создание Организации мусульманского духовенства Томской губернии было частью процесса, когда духовенство регионов округа бывшего ОМДС создавало профорганизации в защиту своих прав. Подготовка к проведению Голяма съезды (съезд духовенства), открывшегося в Казани 19 июля 1917 г., актуализировала эти процессы [44, с. 138].

Создатели мусульманской татарской образовательной инфраструктуры Сибири Нового времени

Рассмотрим сферу образования и попытаемся понять, как велось обучение на

литературном татарском языке и каков уровень владения им в Сибири. Российская революция 1905–1907 гг. способствовала развитию образования на родном языке в регионе. Так, в сентябре 1906 г. имам Касим Хамидуллин в юрте «Ренчинские» (Ренчики Тобольского уезда и губернии, ныне Вагайский район Тюменской области) открыл новую школу, где среди предметов числится родной (татарский) язык [45]. В начале 1913 г. в новом мектебе Новониколаевска преподавался татарский (родной) язык [46]. Все другие мусульманские школы Сибири и Дальнего Востока вплоть до Благовещенска, Якутска, Олекминска и Хабаровска описываются как татарские или русско-татарские с татарским языком преподавания.

Откуда прибывали кадры, обучавшие мусульман Сибири? В Новониколаевске имам Г. Валиев, сам получивший образование в медресе Троицка, сразу взял курс на приглашение мугаллимов, получивших образование в джадидских медресе Волго-Уральского региона. Мугаллимами мектеба в Новосибирске были Закирджан Ханафи – выпускник джадидского медресе «Буби» Вятской губернии (ныне Агрызский район Республики Татарстан), Закир хальфа Нурулин – выпускник джадидского уфимского медресе «Усмания», Баязитов (с сентября 1914 г.) – выпускник уфимского медресе «Галия» [47]. В 1915–1916 гг. в Иркутске работали 2 мугаллима и 2 мугаллимы. К Хадиче Шамигуловой присоединилась выпускница того года, закончившая педагогические курсы в Уфе, Ханифа Хисаметдинова, к учителю Габитову – Махмуд Губайдуллин, выпускник джадидского медресе «Байряка» (ныне Ютазинский район Республики Татарстан) [48].

В 1910-е гг. мы видим феномен, когда оба супруга занимались преподаванием. Речь здесь идет как об имаме и его жене или о двух супругах-учителях. Эта традиция также была привнесена из Волго-Уральского региона. Урманов Салихджан родился 13 ноября 1879 г. в д. Дюсметевой Бакаевской волости Уфимского уезда и губернии. 31 октября 1905 г. утвержден имамом г. Благовещенска Амурской области, где пробыл до 1915 г., когда был утвержден казыем ОМДС. Он приложил немало усилий для строительства мечети в Благовещенске, создал джадидский мектеб и училище «Исмаилия» (названное в честь отца-основателя джадидизма Исмаила Гаспринского), где преподавал татарский язык и вероучение, а его жена Ханифа – русский язык [49]. Ханифа-ханум создала описание мечети.

Она была двухэтажной. Половину нижнего этажа занимала библиотека, половину – тахрат-хане. На втором этаже размещался молельный зал, а также комната, где хранилась документация (включая метрические книги), проходили никахи и талаки, а также выносились решения по шариату. Важной особенностью и тогда новшеством было наличие отдельной комнаты для женщин [50].

На первом Уфимском губернском съезде мусульман (14–17.04.1917) Урманов от имени ОМДС заявил, что Духовное собрание не возражает против предоставления избирательного права женщинам при соблюдении шариатского права [51]. На I Всероссийском мусульманском съезде в Москве он выступил с докладом о временной организации мусульман, был избран кади. В период поездки муфтия Г. Баруди на Всероссийские мусульманские съезды в Казани в конце июля – начале августа 1917 г. он выполнял функции и.о. председателя ОМДС. В этой функции он подписал обращение ОМДС от 30 июля 1917 г. в защиту участия женщин в выборах [52].

Если имам мог себе рассчитывать стабильные доходы и заниматься созданием инфраструктуры прихода в лице мечети и мектеба, то учителя были наемной рабочей силой, зависящей от бая, который мог их прогнать в любой момент, или в лучшем случае от общины, которая заключала с ними договор на один или два года. Однако и они прилагали все усилия для создания татарской джадидской инфраструктуры. Если учителя правительственных училищ обладали стабильной зарплатой и льготами и можно проследить их карьеры по послужным спискам, то карьеры мугаллимов (учителей) и особенно мугаллим (учительниц) почти не имеют источников обеспечения. Наиболее полную информацию нам удалось получить по Ибрагимову Ризвану и его жене. Он родился в 1883 г. в ауле Бигеево (Биги) Кузнецкого уезда Саратовской губернии (ныне Неверкинский район Пензенской области), где и получил начальное образование. С 1896 г. учился в казанском джадидском медресе «Мухаммадия», где изучал русский язык. С 1903 г. преподавал в ауле Ташбилге (Тяжбердино) Спасского уезда Казанской губернии (ныне Алькеевский район Республики Татарстан), с 1905 г. – в Ачинске (ныне Красноярский край), с 1907 г. – в Чите, где создал 1-й мектеб с обучением на татарском языке, а его жена Ферхане-ханум обучала девочек, с 1911 г. – в Хабаровске, где также создал

1-й мектеб [53]. Он руководствовался идеями Касима Амина (1865–1908), арабского писателя, который впервые в арабской литературе выступил за предоставление равноправия арабской женщине [54]. К сожалению, не удалось получить сведения о расстоянии между Ачинском и Хабаровском по Транссибу, но по шоссе оно составляет 4.407 км.

В крупнейшем в Сибири медресе в Ембаево среди предметов числились 1-е начальное отделение (ибтидаи) – чтение на тюрко-татарском языке, а также 2-е отделение (игъдадия – выше среднего) – кроме тюрко-татарского, арабский язык и литература [55, с. 189–190]. В Ембаево не было полного цикла обучения: шакирды учились только 7 лет, поэтому благотворитель Нигматулла Карымшакович Сайдуков (1829–1901) лучших выпускников медресе направлял учиться за свой счет в медресе Казани, Уфы, Оренбурга, где обучение также шло на татарском языке. Тобольское медресе давало начальное образование (ибтидаийа) и начало среднего образования (рушдия). В соответствии с идеями джадидизма, наряду с религиозными, вводились светские предметы. Здесь преподавали татарский язык. 29 апреля – 1 мая 1912 г. на показательных испытаниях шакирды читали стихотворения на татарском языке [56].

В газете «Сибиряк» летом 1913 г. рекламировалась в качестве передового медресе уфимская «Галия», где преподавание велось на арабском, татарском и русском языках, преподавалась татарская литература [57]. Для поступления в 1-й класс данного медресе необходимо было уметь читать на тюркском языке, уметь писать на нем диктанты и сочинения [58]. Поскольку в Уфимской губернии официально действовали татарские и башкирские училища, то там бытовало выражение не «татарский», а «тюркский язык». Более точными были требования дирекции медресе «Мухаммадия» в Троицке, где для поступления в 1-й класс разряда «рушдия» требовалось знание морфологии татарского языка, умение писать на нем диктанты, знание литературных слов, татарской истории. Для 1-го класса разряда «игъдадия» требовалось знание морфологии и лексикологии татарского языка, умение писать на нем диктанты и сочинения. Также требовалось знание знаменитых произведений татарской литературы. Для 2-го класса разряда «игъдадия» требовалось умение писать сочинения на

заданные темы и переводить арабские рассказы на татарский язык [59].

С 1909 г. в Олекминске Якутской области (ныне Республика Саха (Якутия)) действовала частная русско-татарская школа (15 мальчиков и 10 девочек), с 1910 г. принятая на госсчет. В 1913 г. там учились 23 мальчика и 18 девочек, в апреле 1914 г. – 70 учащихся (учитель Ильяс Еникеев, учившийся в Уфе) [60].

Создание системы образования для девочек

Как уже указывалось, важнейшим показателем влияния мусульман Волго-Уральского региона и явным признаком противостояния бухарской традиции была ориентация на создание мусульманского татарского образования для девочек. В газетах особо отмечалось, что мальчики и девочки учились вместе в Олекминске, Чите, Новониколаевске, Благовещенске или Хабаровске, или для них создавался отдельный мектеб, как в Иркутске, Томске или Ембаево. Феномен образования для девочек в Сибири возникает только в 1910-е гг.

«Сибирия» позиционировала себя как единственную у российских мусульман газету, занимающуюся защитой прав девушек и женщин. Фатима-Фарида Наврузова выступила с программной статьей в 3-м номере газеты, открыв рубрику «Хатын-кызлар дөнъясы» («Мир женщины») [61]. Она поставила целью образование татарских девушек, которые должны будут потом быть способными оказывать помощь мужьям. Целью обучения являлось воспитание «Тәрбияле ана» («Благонравная/воспитанная мать») как истинной мусульманской женщины. Сам термин «Тәрбияле ана» является названием программной книги (1898) выдающегося улема и писателя Ризы Фахреддина [62]. В «Сибирии» утверждалось, что газета занимается решением проблемы прогресса женщин [63]. В № 4 газеты выходит статья Ф. Ф. Наврузовой, где она выступает за обучение на тюркском языке, включая обучение мугаллим (учительниц) [64].

Ф.-Ф. Наврузова в 45-м номере «Сибирии» поместила анкету из восьми вопросов, на которую редакция получила более 30 ответов. 15 февраля 1913 г. просветительница опубликовала свой анализ. Отталкиваясь от ответа на вопрос №1, Ф.-Ф. Наврузова констатировала всеобщее недовольство положением татарской женщины: отсутствие нормальных школ, притеснение со стороны мужей. Исходя из ответов на вопрос 2, она пришла к заключению, что национальные школы не дают общего образова-

ния, а в русских школах девочки вынуждены скрывать свои национальные чувства (милли хис), свое мусульманство. Просветительница призвала ввести в программу национальных школ светские дисциплины, а также русский язык, в государственных – исламское вероучение [65].

Ф.-Ф. Наврузова была не только теоретиком, но и практиком. 1 января 1910 г. в Томске, в переулке Татарском, 14 открылось легальное мусульманское женское училище Наврузовой – первая в городе начальная школа для девочек из мусульманских семей. 16 апреля 1912 г. основательница провела публичные экзамены в своем метебе [66]. В 1912 г. было официально открыто второе магометанское училище для девочек под руководством ахуна Хамитова [3, с. 174]. В Тобольской губернии рядом с крупнейшим джадидским медресе края в Ембаево Сайдуковы на свои средства (5 тысяч рублей) основали женское медресе (реально мектеб). Занятия для девочек в Тобольской губернии также велись при медресе г. Тары, г. Тобольска, Турбинском медресе [55, с. 189–190].

Кумиры и праздники

Кого считали своими кумирами в джадидских мектебах и медресе и какие новые праздники начали отмечаться там и в целом мусульманами Сибири? 1913-й год останется в татарской культуре прежде всего годом смерти Г. Тукая (1886–1913). 26-летний поэт станет первым из широко известных национальных деятелей своего и даже более старшего поколения, ушедших из жизни. После его смерти начинается выстраиваться его культ, от которого не оказались в стороне и мусульмане Сибири. В апреле 1913 г. иркутский имам и мугаллим Г. Абдрашитов сравнил значение смерти Г. Тукая со смертью классика турецкой литературы Ахмада Мидхата. В Иркутске после пятничного намаза было организовано собрание шакирдов, где прочли молитву в честь Тукая и рассказали его биографию [67]. 4 апреля 1913 г. прошел вечер памяти Г. Тукая в медресе при 1-й Соборной мечети Томска (имам Х. Хамитов), был прочитаны Коран и молитва в его честь, учителя познакомили с его произведениями [68].

Важным новшеством среди мусульман Сибири в начале 1910-х гг. стало празднование Мавлида. Эта традиция была заложена в Казани имамом 5-й мечети и мударрисом медресе

«Мухаммадия» Г. Баруди. 17 фев. 1913 г. в мектебе при той же 1-й Соборной мечети Томска прошел мавлид, театральное представление в помощь бедным шакирдам, организованное Томским обществом мусульман-прогрессистов, включавшее татарские мелодии и музыку, было собрано 300 рублей [68]. 13 января 1915 г. в Иркутской мечети прошел вечер Мавлида. Речи произнесли имам Г. Абдрашитов («Религия Ислама»), учитель Х. Габитов («История Ислама»), К. Юлдашев («О пророке Мухаммаде»). 14 января прошел Мавлид в женском мектебе, где учительница Хадича Шамигулова рассказала о пророке Мухаммаде. Здесь опять мы видим вовлечение девочек (кызлар) в мусульманское пространство [69]. В Олекминске 4 февраля 1913 г. прошло празднование Мавлида, где читались национальные стихи, включая «Бэйрэм бүген» («Сегодня праздник») классика татарской литературы Г. Тукая [60]. На лицо переплетение мусульманских и собственно национальных татарских традиций. В Омске 18 февраля 1913 г. имамом М. Н. Сулеймановым было организовано празднование Мавлида для девочек в доме Ахмад-бая Абдулменова, так как в Омске не было женского мектеба [29]. В Чите в мектебе 21–22 февраля 1913 г. во время Мавлида прошел литературный вечер и театральное представление на татарском языке, представлена была классическая татарская комедия «Беренче театр» («Первый театр») Галиаскара Камала [70]. В ней поднимается на щит прогрессивная татарская молодежь, которая, поставив пьесу, привлекла к ее посещению мусульманское население всего города.

Новшеством также стало празднование Нового года по хиджре. 25 октября 1915 г. в Иркутской Соборной мечети прошло празднование начала мухаррама, то есть Нового года по хиджре. Сообщение о нем называется «Новый праздник в Иркутске». Он прошел в мечети после намаза «ясту». Дети читали Коран и стихи. Учитель Губайдуллин рассказал о значении начала мухаррама и из сиры (жизнеписания) пророка Мухаммада. Учитель Габитов рассказал о том, что такое религия и шариат, общественный разум с точки зрения религии и шариата, какое место занимает «адаб». По просьбе Габитова было собрано 26 рублей в помощь сиротам Карса, жертвам Первой мировой войны. В женской школе

Хадича Шамигулова и Ханифа Хисаметдинова прочитали красивые проповеди о начале мухаррама [71].

Благотворительные общества создали традицию проведения Сабантуя в Сибири, не имевшего корней у собственно сибирских татар, и сбора на нем средств на общественные нужды. 29 июня 1912 г. Благотворительное общество организовало Сабантуй на томском ипподроме, там играла татарская музыка. 19 мая 1913 г. прошел Сабантуй, доходы от которого составили около 1.000 рублей [72]. 18 мая 1914 г. прошел Сабантуй, доходы от которого составили 431 рубль. По сравнению с 1913 г., произошло их резкое сокращение. В 1913 г. Благотворительное общество сумело мобилизовать практически все слои населения, в 1914 г. многие прислушались к мнению ахуна и местного уроженца Х. Хамитова, который сказал, что те, кто пойдут, вернутся, надев хомут проклятия [73]. В 1914 г. власти Иркутска бесплатно предоставили ипподром для проведения сабантуя. Организатором выступило Иркутское Мусульманское Благотворительное Общество, в пользу которого было собрано 458 рублей [74].

Результаты

На основе анализа прессы 1905–1918 гг. мы доказали, что мусульмане-татары Сибири в 1910-е гг. сформировали полноценные джадидские инфраструктуры мусульманских, прежде всего городских, общин, обслуживающие потребности мусульман региона в образовательной и культурно-просветительской сферах. При этом эти структуры были сформированы по образцу татарских структур Волго-Уральского региона. Отсюда же заимствовались кадры для джадидского образования, включая образование девочек. Сами уроженцы Сибири предпочитали быть частью этих общероссийских мусульманских структур с центрами в Европейской России, особенно ОМДС-ЦДУМ, а не создавать автономные мусульманские сибирские структуры по образцу русских сибирских областников.

Выводы

В 1910-е гг. наблюдается выстраивание мусульманской джадидской инфраструктуры мусульман Сибири, которая в целом повторяет инфраструктуру мусульман Европейской России, а также систему ее символов. Высшая

точка в Сибири была достигнута в Томске, где в январе 1918 году объединились как политические структуры (Милли Шуро, Мусульманское бюро), так и благотворительные (благотворительное общество), образовательные (3 мужских и 2 женских мектеба), просветительные (библиотека), военные (Харби Шуро), театральные (музыкально-театральное общество), пресса (газета «Чулпан») и даже Томская губернская организация духовенства.

Если взять только образовательную и культурно-просветительную сферы, мы видим, что татар-мусульман Сибири и Европейской России объединяет стремление к созданию джадидского образования (включая женское образование), переводов проповедей на родной татарский язык, контактов с общероссийской мусульманской джадидской печатью (здесь ключевую роль в 1905–1907 гг. играет Г.-Р. Ибрагимов, в феврале 1912 – феврале 1914 г. супруги Наврузовы, с октября 1914 г. по апрель 1918 г. З. Кадыри), создание мусульманских библиотек [75], театральных постановок на татарском языке, сотрудничество с татарскими издательствами Европейской России и публикация в них своих трудов. Новыми праздниками для мусульман Сибири становятся Мавлид, Новый год по хиджре, Сабантуй. В Сибири складывается культ Тукая как татарского национального поэта. Однако на страницах более чем тысячи газет нам не удалось обнаружить следы выстраивания сибирской мусульманской, сибирско-татарской или иной нетатарской идентичности среди мусульман Сибири. Впрочем, мы будем очень благодарны, если такая информация будет предоставлена в комплексном и концептуальном плане.

Литература

1. Павлинова Р. Н. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС / Р. Н. Павлинова, А. Н. Старостин, А. П. Ясков; Казанский федеральный университет. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. 489 с.
2. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность. А. С. Гарифуллин, Р. Н. Павлинова, Д. В. Руденкин, А. Н. Старостин / автор-сост., гл. редактор А. Н. Старостин. Казань: Алгоритм+, 2020. 590 с.
3. Маркова М. Ф. Татары-мусульмане Томской губернии: 1880-е гг. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2008. 257 с.

4. Бобкова Г. И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 219 с.
5. Бустанов А. К. Книжная культура сибирских мусульман. М.: Марджани, 2013. 264 с.
6. Бустанов А. К., Корусенко С. Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2. С. 97–105.
7. Мөхәммәд-Вагыйз // Сибиря. 1912. № 1. 18 февраля.
8. Мөхәммәд-Вагыйз. Сибирягә күчү-мәсьәләсе // Сибиря. 1912. № 5. 17 марта.
9. Фәхрәддин Р. Асар. 1 жилд. 3 жөзья. Оренбург, 1902. 87–160 б.
10. Фәхрәддин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. Казан: Рухият, 2010. 648 б.
11. Bustanov A. Abd al-Rashid Ibrahim's Biographical Dictionary on Siberian Islamic Scholars // Kazan Islamic Review. 2015. № 1. P. 10–78.
12. Ибраһимов Г.-Р. Тәржемәи хәлем. СПб., елы юк. 123 б.
13. Томски мөселман мәктәпләре // Сибиря. 1913. № 118. 9 июня.
14. Томски // Тормыш. 1917. № 626. 12 апреля.
15. Томски хәбәрләре // Тормыш. 1917. № 641. 3 май.
16. Галимуллин Ф. Ф. Публицистические произведения Г.-Р. Ибрагимова как источник для изучения татарского общественного-публицистического движения (начало XX в.). дис. ... канд. истор. наук. Казань, 2003. 182 с.
17. Хабутдинов А. Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX в. Казань, 2001. 383 с.
18. Cwiklinski S. Abdürreşid İbrahim (1857–1944) Eine Biografie Inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines. Berlin, 2012. 182 s.
19. Turkoğlu I. Sibiryalı Meşhur Seyyah Abdürreşid İbrahim (Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları 256). Ankara, 1997. 103 s.
20. Гарипова Р. Роль Ризаэтдина Фахрэддина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи // Историческая этнология. 2020. Том 5. № 2. С. 206–224.
21. Шаблей П. С. Мусульмане города Тары и Казахская степь: социокультурные взаимодействия в XIX – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. № 11. Т. 1. С. 104–114.
22. Тормыш. 1917. 25 март.
23. 100-летие образования Татарской АССР: Сборник документов и материалов: В 3 т. / авт.-сост. З. С. Миннуллин, науч. Ред. Р. Р. Фахрутдинов., Р. Р. Хайрутдинов. Т. 1. Казань: Заман, 2017. 520 С.
24. Башкорт кечкенә парламенты хәяте // Тормыш. 1918. № 779. 5 январь.
25. Хөҗжәт әл-Хәким Мәхмудовның хаты // Чулпан. 1918. № 3. 5 март.

26. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 808 с.
27. Сөләйманов Н.-М. Төрки хәтбәләр. 1 нче ел. Оренбург. 1910. 300 б.
28. Сөләйманов Н.-М. Төрки нотыклар. Оренбург. 1911. 52 б.
29. Сибиря. Омски мәктүбе // Сибиря. 1913. № 92. 28 марта.
30. Мәхмүдов Х. Х. Мәрхүм Нияз Мөхәммәд әфәнде Сөләйманов // Мәшүрәт. 1917. С. 69–71.
31. Ибраһимов Р. Сибириядән барышлый // Тормыш. 1914. № 96. 6 августа.
32. Ибраһимов Р. Сибириядән барышлый // Тормыш. 1914. № 100. 20 август.
33. Томски хәбәрләре // Тормыш. 1918. № 790. 23 январь.
34. Сибиря. 1912. № 13. 20 мая.
35. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 127. 5 июля.
36. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 131. 14 июля.
37. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 132. 18 июля.
38. Хабутдинов А. Ю. Всероссийский съезд мусульманок // Ислам в Татарстане. Энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2017. С. 60–61.
39. Хабутдинов А. Ю. Органы национальной автономии тюрко-татар Внутренней России и Сибири в 1917–1918 гг. Вологда, 2001. 61 с.
40. Мөхәммәд-Вагыйз. Ярдәм жәмгыятәме // Сибиря. 1912. № 3. 3 март.
41. Хабутдинов А. Ю. Благотворительные мусульманские общества // Ислам в Сибири. Энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2022 (в печати).
42. Денисов Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.). М.: ИД Марджани, 2011. 255 с.
43. Руханилар оешмасы // Тормыш. 1917. № 690. 27 июль.
44. Хабутдинов А. Ю. Религиозные деятели в общественном движении мусульман Волго-Уральского региона в 1917 г. // Ислам в современном мире. 2022. № 2. С. 133–146.
45. Яңа мәктәп // Өлфәт. 1906. № 38. 6 сентябрь.
46. Вәлиев Г. Томски губернасы Новониколаевск шәһәрәнен мәктәбе // Сибиря. 1913. № 68. 8 январь.
47. Сөләйманов З. Сибириядән. Новониколаевск // Тормыш. 1914. № 114. 24 сентябрь.
48. Габитов Х. Иркутскида мәктәпләр // Тормыш. 1915. № 335. 11 октябрь.
49. Ибраһимов Р. Сибириядән барышлый // Тормыш. 1914. № 94. 1 август.
50. Урманова Х. Хатын-кызлар // Сибиря. 1912. № 16. 10 июня.
51. Хабутдинов А. Ю. Съезд мусульман Уфимский губернский, Первый // Ислам в Башкортостане. Энциклопедический словарь. М: ИД Медина, 2022 (в печати).
52. Хатыннарын сайлау эшләренә катнашулары Мәхкәмә-и-Шаргыя хитабы. // Тормыш. 1917. № 693. 1 августа.
53. Ризван әфәнде Ибраһимов // Сибиря. 1913. № 131. 14 июля.
54. Амин Касим. Новая женщина / пер. со 2-го араб. изд. и предисл. И. Ю. Крачковского. СПб.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1912. 119 с.
55. Мәдрәсәләрдә китап киштәсе. Казан, 1992. 236 б.
56. Речебакиев М.-Р. // Сибиря. 1912. № 16. 10 июня.
57. «Татар углы». Мәдрәсә Галия диния // Сибиря. 1913. № 108. 15 мая.
58. Уфадагы «Мәдрәсә Галия диния» идарәсеннән // Сибиря. 1913. № 132. 11 июля.
59. Троицкидагы «Мәдрәсә Мөхәммәдия» идарәсе тарафыннан // Сибиря. 1913. № 136. 28 июля.
60. Сибиря хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 81. 1 марта.
61. Фатыйма-Фәридә. Хатын-кызлар дөньясы // Сибиря. 1912. № 3. 3 марта.
62. Фәхрәддин Р. Тәрбияле ана. Казань: изд-во Императорского ун-та, 1898.
63. Сибиря 1913. № 77. 15 февраля.
64. Фатыйма-Фәридә. Хатын-кызлар дөньясы // Сибиря. 1912. № 4. 10 марта.
65. Фатима-Фарида. Хатын-кызлар дөньясы // Сибиря. 1913. № 77. 15 февраля.
66. Сибиря. 1912. № 8. 14 апреля.
67. Сибириядә // Сибиря. 1913. № 99. 21 апрель.
68. Сибиря. 1913. № 95. 5 апреля.
69. Габитов Х. Сибириядән. Иркутскида мәүлид кичәсе // Тормыш. 1915. № 179. 5 февраль.
70. Сибириядә // Сибиря. 1913. № 97. 15 апрель.
71. Сибириядә. Иркутта яңа ел бәйрәме // Тормыш. 1915. № 353. 10 ноябрь.
72. Томски хәбәрләре // Сибиря. 1913. № 111. 22 май.
73. Томски хәбәрләре. Сабан туге // Тормыш. 1914. № 70. 1 июнь.
74. Тәшәккүр // Тормыш. 1914. № 74. 11 июнь.
75. Хабутдинов А. Ю., Ярков А. Библиотеки мусульманские // Ислам в Сибири. Энциклопедический словарь. М.: ИД Медина, 2022 (в печати).

XX ГАСЫР БАШЫНДА СЕБЕРДӘ ТАТАР СТРУКТУРАЛАРЫ

Айдар Юрий улы Хәбетдинов,

Россия гадел хөкем университетының Казан филиалы,
Россия, 420088, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
aihabutdinov@mail.ru.

Мәкалә XX гасыр башында Себернең татар структуралары эволюциясен өйрәнүгә багышлана. Шул чорның вакытлы матбугатын анализлау нигезендә ул вакытта Себер мөселманнарының үзләрен бердәм татар милләте ағзалары дип таныганлыгы, уку-укыту теле буларак кулланылган татар әдәби теленә ия булганлыгы исбатлана. Хезмәттә 1917 елның Февраль революциясенә кадәр оешкан структуралар арасында хәйрия жәмгыятьләре, китапханәләр, ир-атлар һәм хатын-кызлар мәктәпләренең өстенлек итүе раслана. Томскида «Сибирь» газетасы һәм музыка-театр жәмгыяте оештырыла. 1917–1918 ел башында шәһәрләрдә Мөселман бюролары барлыкка килә, губерна мөселман съездлары үткәрелә, Мөселман шуралары (Милли советлар), Хәрби шура бүлекләре (Хәрби советлар) барлыкка килә. Мәкаләдә Себер мөселманнары арасында Россиянең Европа өлешендә яшәүче мөселманнары үрнәгендә Мәүлид, һижри буенча яңа ел, Сабантуй бәйрәмнәрен үткәру модасы таралуы теркәлә. Символик лидерлар галереясендә Габдулла Тукайның татар милли шагыйре буларак төп урынны алып торыуы исбатлана.

Төп төшенчәләр: татарлар, мөселман жәмгыяте, Себер, хәйриячелек жәмгыятьләре, матбугат, хатын-кызлар мәгарифе

Culture, Personality and Education

Мәдәният, шәхес һәм мәгариф

Культура, личность и образование

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-127-138

M. IDRISOV AS A CREATOR OF THE UNIFIED ARABIC FONT AND AN INVENTOR-POLYGRAPHIST

Svetlana Vladimirovna Morozova,

Museum of the History of Printing, Book Publishing and
Ivan Fedorov Moscow State University of Printing Arts,
7 Mikhailovskaya Str., Moscow, 125493, Russian Federation,
morozova840@mail.ru.

The article systematizes information on the extent to which the Tatar printing scholar Idrisov Mukhammed's activities (1882–1948) have been explored and describes his contribution to the creation of a unified Arabic script. The research has been conducted using the biographical method and is based on the archival materials, stored in the funds of the National Museum of the Republic of Tatarstan.

Key words: Tatars, Tatar culture, history of printing, Idrisov Mukhammed, polygraphist and scholar

Introduction

Idrisov Mukhammed Ibragimovich (1882–1948) was a printer, calligrapher, cartographer, graphic artist, creator of the unified Arabic script and a connoisseur of Oriental and Turkic languages. The son of the publisher and bookseller Ibragim Idrisov, the founder of the “Millat” publishing house, he gained fame in the history of Tatar culture as one of the first Tatar professional book artists.

The first newspaper reviews of his multifaceted activities date back to the 1920s. In 1926, M. Rafikov was the first to tell about the printer's contribution to the improvement of the Tatar typewriter [1]. In the 1960s and 1990s, Z. Tukhvatullin, G. Kushaev [2], [3], S. Latypov [4], [5] and A.

Karimullin [6], [7] published their newspaper articles devoted to the selfless work of the scholar. The creator of the unified Arabic script and his achievements attracted the scholarly community's attention during the years of the “Thaw”. Kh. Kurbatov analyzed M. Idrisov's role in reforming the Tatar alphabet [8, pp. 64–65]. A. Karimullin systematized information on the history of the Tatar Soviet book and briefly described the activities of the book printing innovator [9, pp. 262–276], [10, pp. 168]. The next stage of scientific research into the Tatar printer's activities fell on the post-Soviet period. At the beginning of the 21st century, M. Akhmetzyanov systematized information about M. Idrisov as a cartographer [11], [12], [13], [14]; I. Novitskaya described the life and work of this

talented son of the Tatar people for the “Tatar Encyclopedia” [15]. Unfortunately, the study of M. Idrisov’s archive began only in 2020. N. Miftahutdinova introduced the speech of M. Idrisov about Tatar typewriters (1926) into scientific circulation [16, pp. 47–65]. Thanks to the considerable efforts of his relatives, the book “The Genealogy of the Ibragimovs and Naskhi Mukhamed Idrisi” was published in 2019, it presents information about M. Idrisov’s relatives starting from 1790 [17]. In 2022, in Ufa, the book “Mukhammed Idrisov as a Type Master” [16] was published; it took a fresh look at the existing material on the activities of the Arabic type master and contained new archival sources, including the largest complete bibliography of his works.

Materials and methods of research

This study is based on archival materials, relating to the Moscow period of the Tatar printer’s activities. The author has donated some of the materials to the National Museum of the Republic of Tatarstan. This work was carried out using the biographical method.

Discussion

Our family is related to the Idrisov family. Rabiga, M. Idrisov’s wife, was the sister of Gabdrakhman Ibragimov. Gabdrakhman’s first wife, Maryam, died early, leaving two daughters, Khazhar and Sarah. She had two elder brothers - Mullahmet and Shaimukhamat, and sister Zainap (Zyannat). My grandmother Gulsum is the Zainap’s daughter. Shaimukhamet had a daughter, Maryam.

Mohammed Idrisov was a master of the Arabic type. He began his career in Kazan, being a successor to the work of the “Millat” publishing house founder. Muhammed Idrisov was born on March 19, 1882, in Kazan, and even as a child, he enthusiastically typeset texts in his father’s printing house. He received his secondary education in the “Muhammadiya” madrasah, while simultaneously studying the Russian language. Looking ahead, we should note that he was a polyglot - he mastered Arabic, Persian, Turkish, Kazakh, Bashkir, Uzbek and other languages.

His interest in printing was supported by I. Idrisov who sent his son to study at the litho-printing house of I. Kharitonov; later, at the age of 15, for a year, Mohammed was a clerk in a bookstore in the city of Orenburg.

On returning, Mohammed started working for his father, then, in 1905, he went to Turkey, visited

Lebanon and Egypt, where he studied typography and different styles of artistic calligraphic Arabic writing.

From the age of 23, M. Idrisov worked purposefully and enthusiastically in various printing houses in Russia and abroad, absorbing knowledge and skills that made it possible for him to rise to the rank of a major printer, artist, engraver, calligrapher and inventor in the future.

In 1906–1908, Idrisov learned engraving, cartography and word foundry from I. Kharitonov and mastered the technology of casting fonts. Later, he improved his knowledge of printing in the famous foundry of Kazan University.

In Moscow (in 1908–1909), he became acquainted with the experience of Russian typography based on Arabic graphics: at the printing house “Leman and Co” he improved his skills as an engraver, while at the Lazarev Institute of Oriental Languages of O. Gerbek and M. Ottay he could not but get interested in their book printing in oriental languages.

In 1911, the “Millat” printing house, where he worked, sent him to Germany, as its printing equipment was known all over the world and was purchased by Russian printing houses. He studied the latest printing technology in the printing houses of Leipzig, Munich and Frankfurt am Main.

The knowledge that he had accumulated over the years, M. Idrisov successfully used in his work at the “Millat” printing house (1909–1916), where he, as a mechanical engineer, was engaged in the installation of equipment, was a typesetter, engraver and cartographer, and cast fonts based on his own drawings.

In 1915, M. Idrisov became the head of the printing house and the type foundry. All this, of course, raised the printed products of the “Millat” to an even higher level. The fonts, made according to M. Idrisov’s sketches, were successfully sold in printing houses not only in Kazan, but also in other cities and regions of Russia.

And yet, at the beginning of 1917, M. Idrisov left the “Millat”. His studies of the state of the printing industry, engaged in Arabic scripts printing, made him realize that, first of all, it was necessary to reform the Arabic alphabet, which was complex, cumbersome and difficult to read and write. Without this reform, technical re-equipment of the printing houses was impossible. He decided to devote himself completely to the unification of Arabic graphics and, on this basis, to create new fonts, which would be simple, but would not lose their beauty.

The simplification of fonts was supposed to facilitate both reading and writing, and thus to contribute to the dissemination of knowledge. While still working for his father in the printing house in 1911, he used capital letters, cut out and corrected by him, for printing the titles of books. In 1915, he published the results of his work in the brochure "A Project for the Creation of the Tatar Type".

In the type foundry, which he founded in 1917, M. Idrisov continued his searches. Here, he cast Arabic fonts of a simplified configuration, easy to read and beautifully made according to his sketches. From September 1917 to the middle of 1918, he personally produced 638 poods and 12 funts of new fonts, which were in demand not only in the printing houses of Kazan, but also in the countries where Arabic fonts were common.

After the liberation of Kazan from the White Guards (September 1918), in his type foundry, Idrisov produced Arabic fonts according to his sketches for military units, party and Soviet organizations with the support of the Central Committee of the Communist Organizations of the Peoples of the East under the Central Committee of the RCP (b).

In 1921, M. Idrisov cut out improved small capital letters. As he himself later wrote, in the process of working on them, he tried to correct the shortcomings of his previous attempts and make the letters easy to read. In the course of his work, M. Idrisov created two styles of fonts from truncated capital letters, and at the competition, held by the People's Commissariat of Education of the TASSR in 1921, they were recognized as the best type of font (see more in the work of N. Miftakhutdinova "Reform of the Tatar Script" [16, pp. 47–63]). The author was awarded a diploma of the first degree. He was instructed to prepare seven sets of matrices for new fonts to be introduced into the press of the TASSR and other eastern republics. He made 400 matrices, which were purchased by the Kazan state type foundry for unlimited exploitation. The certificate, signed by Mukhtarov, the former chairman of the triad for the reform of the Tatar font on 04/09/1924, states that "... at present, fonts are being cast on them and are gradually being put into use in the Tatar press of the TASSR and other eastern republics and countries... Idrisov is the only sufficiently qualified specialist in this field among the Tatars."

In 1921–1923, M. Idrisov continued to work on the reformation of the Tatar alphabet in the laboratories-shops at the Tatsovnarkhoz.

M. Idrisov was a famous *cartographer*. Prof. M. Akhmetzyanov, Doctor of Philology, explored his activities in this field. He listed the maps, published by M. Idrisov, and gave their descriptions [11], [12], [13], [14]. We recall here that as early as in I. Kharitonov's printing house, M. Idrisov began to study the production and printing of geographical maps; after returning from Germany, he began to translate geographical names and issue educational maps for national schools. In 1909, he wrote the textbook "Geography Lessons" in the Tatar language. In 1912, he made a map for A. Validov's book "History of the Turks and Tatars - the Great Turkic-Mongolian Khanate". In 1919–1920, he published geographical maps for the Tatar Military Collegium in the city of Kazan, the Tatar Narkompros. In the year of the TASSR formation, M. Idrisov prepared the "Map of the Tatar-Bashkir Social Republics" for the book by G. Sharaf [12–15], and also the "Ethnographic Map of the Tatar Republic". We should also mention the color map of the Earth Hemisphere, published in Moscow, and a globe with names in the Tatar language (1922–1924) [18], [19], [20], [21].

In 1924, M. Idrisov, "as one of the best professionals, a well-known expert in all styles of the Arabic alphabet and an engraver," was invited to Moscow by the Central Publishing House of the Peoples of the USSR as the head of a special type foundry for the production of fonts in the languages of the peoples of the USSR. There, he was actively engaged in the rationalization and optimization of typesetting. He did his best to create commercial font production at the publishing house in order to further supply national regional printing houses with fonts. In the same year, he prepared a reference book "Samples of Arabic Fonts, Characters of the Central Publishing House of the Peoples of the USSR"; in 1926, his "Fundamentals of Font" and "On Capital Letters" were published [23]. He continued working on the unification of the Arabic-Turkic graphics, participated in the Competition for Projects Aiming to Reform Turko-Tatar Typographic Letters, held by the Commissariat of Education in Tatarstan in 1927 in order to implement the decision of the 7th Republican Congress on the reform of the alphabet. M. Idrisov's project of the Tatar alphabet two-digit simplified system won the first place. All his life M. Idrisov was a man of self-sacrifice, modesty and civil attitudes. This, in particular, was manifested in Moscow, in 1926, in his speech at the Reform of the Alphabet Conference with the participation of representatives from the national repub-

lic. Introducing his title fonts, he stated that he did not mean to dominate in this area and suggested that those who wished "... should work along this line ... to improve the technique of the Arabic font and, as a result, to facilitate the dissemination of knowledge among the working people" [16].

In 1927–1933, while working at NIIPolygraphmash (Moscow) in the department of new fonts, M. Idrisov was engaged in the development of Turkic-Tatar keyboards for typewriters, typesetting cases and linotypes - typesetting machines.

Mankind has come a long way to computer typing, printers and modern polygraphy. Before printing, at a preparatory level, the most important invention (from the author to printing) was the invention of typewriters and linotype-machine typing. Without going back in history, we will only point out that the first typewriter was invented in England in 1714, but it was not commercially produced. In the 19th century, there was an urgent need for copying equipment to cope with the increased document flow. More than one inventor applied their abilities and efforts to create and improve them in the 19th–20th centuries. A lot of these machines were manufactured in different countries. The first typewriter, made in the USSR, was "Yanalif": in 1928 it was assembled from domestic parts by engineer Sheikh-Ali in Kazan (see other [17]).

Each nation has its own language and script, which must have a corresponding series of characters located on a typewriter in a certain way, convenient for the author and printing, the way which is still followed in computers today.

This is what M. Idrisov devoted his work to, being a printer, calligrapher, graphic artist and a creator of a simple and at the same time beautiful Arabic font, convenient for printing.

The Arabic-Tatar graphics, improved and unified by him, made it possible to create such a keyboard that led to the creation of typewriters without changing their designs and to use his "Naskhi Mohammed Idrisi" fonts in linotypes that were produced for the republics of Central Asia, Kazakhstan and the countries of the Arab East.

In the article, dated 01/01/1927 and published in the newspaper "Eshche" ("Worker"), Idrisov himself discussed the issues associated with the problems of creating typewriters in the Arabic-Turkic typeface. He recalled that the first attempts to create a keyboard (1912) for the "Gammond" typewriter caused great difficulties due to the in-

troduction of the complex Arabic-Tatar alphabet [23].

The reform of the alphabet began in 1921 and led to the introduction of the initial letters of the Arabic-Tatar alphabet system into printing at the conference in 1926. This concerned, first of all, typewriters and typesetting printing houses.

Madyarov and Sheikh-Ali adapted typewriters to the Tatar script. This meant making a lot of changes in the mechanism of machines, thoroughly destroying them, and led to the alteration of their parts, "and I, on the contrary, try to adapt the fonts to the typewriter without causing any changes and alterations in it," wrote M. Idrisov in the article "On the Typewriter" [23].

It was important to create a keyboard. To make it, M. Idrisov used his own 37-character fonts of the initial-letter system, which were approved by the conference on the reform of the Turkic-Tatar alphabet in 1926 and were already used by the printing house of the Tsentroizdat book factory. He placed two sets of different size and style freely on the typewriter, installing ordinary fonts in the lower case and larger (bold) ones in the upper case. It should be noted that previously no one had managed to freely place even one set of the alphabet. This method did not require time-consuming disassembly and assembly of the machine. Within two days, using removable levers, a pre-prepared keyboard was installed on a foreign typewriter (because this country did not produce its own typewriters at that time). "Underwood" was such type of a typewriter, as Idrisov knew from his own experience. It belonged, in particular, to the satirist writer V. Ardov. There are similar ones in the Museum of the History of Printing and Publishing and Ivan Fedorov Moscow State University of Printing Arts in Moscow. Thus, M. Idrisov's typewriter did not require large material investments and reduced the production time. It opened up the possibility of printing in the languages of other eastern peoples using the Arabic alphabet as it was enough just to replace the removable levers in the machine and insert another set.

In 1928, in the USSR, the period of transition from the Arabic to the Latinized script "Yanalif" (New font) began for the Turkic peoples, and M. Idrisov was entrusted with the task of developing keyboards for typewriters and linotypes on a new basis. In 1929, he presented the scheme "of a typewriter keyboard and a type-setting case for the Kazan-Tatar dialect" (see in [17, 118–128]). It was assembled according to the American ten-finger system, and the typesetting box was based on the

concentration of the most popular characters for the right hand of the typesetter. According to the same principles, the work on the Bashkir, Kazakh, Kyrgyz, Uzbek, Turkmen, Azerbaijani, Crimean Tatar and other languages was accomplished. All of these versions of typewriters were implemented in the respective republics.

He developed linotype keyboards for the peoples of the East, as well as Finnish, French, Polish, Hungarian, German and Turkish ones for blind typing (introduced in 1939).

The next reform of the Tatar alphabet was connected with the transition (from 1939 to the present days) to the Cyrillic alphabet. M. Idrisov was again involved in this work, busy with creating typesetting cases for the linotype based on the Russian graphic of the languages of the peoples from the USSR at the Research Institute of Printing Industry.

In 1941–1943, M. Idrisov was evacuated to Kazan. He worked as an engraver at the third type foundry of the OGIZ (Association of State Book and Magazine Publishing Houses) of the RSFSR, which was evacuated from Moscow. In 1941, he developed font sets for typesetting in a number of languages for front-line printing houses (they were introduced in 1941). Here, he wrote a number of works devoted to printing and its separate branches ([16, pp. 94–99]).

In subsequent years, from May 1947, he worked in Moscow as a senior researcher at NIIPolygraphmash in the Department of New Fonts until he passed away on September 28, 1948.

Conclusion

In 1921–1927, M. Idrisov was awarded four prizes of the Academic Center of the RSFSR People's Commissariat of Education, the Ministry of Education of the TASSR and the medal "For Valiant Labor during the Great Patriotic War of 1941–1945" at the courses "NUS All-Russian Central Committee of the New Alphabet under the Central Executive Committee of the USSR". The academic title, senior researcher at the Research Institute of Polygraphic Engineering, was awarded to Idrisov by the Higher Attestation Commission in 1939 "For great merits in the field of theory and practice of printing" (as an exception, since he did not have either an academic degree, or a university diploma).

Throughout his life, he kept proving that he was an innovator of printing.

Born in the family of a printer, Mukhammed Ibragimovich Idrisov got acquainted with the work

of a printing house in his childhood and devoted his life to printing. He was a talented graphic artist, a skilled type designer and an engineer-inventor.

His main achievement was his reform in type-casting and typesetting areas, which would have been impossible without the unification of the Arabic script, the task he devoted many years to. The creation of a simple and beautiful font contributed to the design of keyboards in Arabic, Latinized and Cyrillic alphabets for typewriters and linotypes for 35 peoples of the USSR and foreign countries.

In 1933, B. Goltsev, a scientific consultant of the Institute of Technology of the Central Committee of the USSR RCT (Workers' and Peasants' Inspectorate) in the "Conclusion on the draft standard of the Turkic-Tatar keyboards of the M. Idrisov typewriter" noted that they were built by him strictly according to the scientific requirements of the standards, regardless of the language for which they were intended. These principles were: the frequency of characters in the language, the frequency of character combinations, the switching of hands and fingers and their compliance with the requirements of the ten-finger mandatory method of work. "If keyboards are implemented, then they will be the world's first standard keyboards built on scientific principles," he concluded. Prof. A. Bruzhes fully supported this conclusion in 1934. [16, pp. 46–47].

At the request of the eastern countries, the Soviet Union began to manufacture linotype machines for typing texts based on Arabic graphics after the Second World War. They were developed on the basis of Muhammad Idrisov's unified graphics. Before computer typing, in many countries - in the printing houses of India, Afghanistan, Pakistan, Egypt, Iran, etc., linotypes were used with the name Naskhi Muhammad Idrisi cast on metal.

In the report of the NIIPM (the Research Institute of Polygraphmash) of 1960, A. Kuznetsova wrote that in 1956, they were given the task to adapt the design of domestic letter machines (linotypes) for typing in Arabic. And when designing the frame scheme, they focused on the Arabic font "Naskhi Mohammed Idrisi" previously created in the Department of New Fonts of the Institute [10, 46–47].

Later, the "Department of New Fonts" of NIIPolygraphmash was to fulfil an order from Lebanon (the An-Nakhr publishing house) for digital typesetting. In 1975, their sketches were approved by the publisher. With some adjustments,

they were created on the basis of M. Idrisov's fonts.

Conclusions

The activities of M. Idrisov as an educator and writer remained outside the scope of our study. At the beginning of the twentieth century, he was known as the author of textbooks on geography and arithmetic. His stories were published in the journal "Аң" (Consciousness) under the pseudonym I. Muhammad. In the future, researchers will do further research into this facet of the printing scholar's personality traits.

References

1. Rəfyikov, M. (1926). *Usovershenstvovannaya Idrisovym tatarskaya pishushchaya mashina* [Tatar Typewriter Improved by Idrisov]. Ehshche. No. 243. 18 dekabr'. (In Russian)
2. Təkhfatullin, Z., Kushaev, G. (1966). *Ul bezneñ safta* [He Is One of Us]. Sots. Tatarstan. 5 mai. (In Tatar)
3. Tukhfatullin, Z., Kushaev, G. (1966). *Samorodok* [A Self-Made Man]. Sov. Tatariya. 30 iyunya. (In Russian)
4. Latypov, S. (1966). *Poligrafist-uchenyi* [A Printer and a Scientist]. Sov. Bashkiriya. 28 avgusta. (In Russian)
5. Latipov, S. (1967). *Kyrenekle poligrafisebez* [Our Famous Printer]. Agizel. No. 5, pp. 93–95. (In Tatar)
6. Karimullin, A. (1982). *Kypkyrly talant* [A Versatile Talent]. Sots. Tatarstan.. 14 sentyabr'. (In Tatar)
7. Karimullin, A. (1982). *Novator knigopechataniya* [A Printing Innovator]. Sov. Tatariya. 4 dekabr'. (In Russian)
8. Kurbatov, Kh. R. (1960). *Tatar teleneñ alfavit ham orfografiya tarikhy* [Alphabet and Orthographic History of the Tatar Language]. 132 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
9. Karimullin, A. G. (1985). *Knigi i lyudi: 1917–1932* [Books and People: 1917–1932]. 303 p. Kazan', Tatar.kn. izd-vo. (In Russian)
10. Karimullin, A. G. (1999). *Tatarskoe gosudarstvennoe knizhnoe izdatel'stvo i tatarskaya kniga Rossii (1917–1932)* [Tatar State Book Publishing House and the Tatar Book of Russia (1917–1932)]. 317 p. Kazan', Tatar.kn. izd-vo. (In Russian)
11. Əkhmätjanov, M. (2003). *Tatarcha basma kartalar tarikhynnan* [From the History of Tatar Printed Maps]. Fən hām tel. No. 3, pp. 67–68. (In Tatar)
12. Əkhmätjanov, M. (2003). *Tatar hām bashkort sotsial' shuralar ǵәмһырятыләнеһ kharitasy: Galimǵan Shəraf tarafynnan təzelep, 1920 elda Məkhəmmət Idrisi kaləme belən ehshlāngən karta turynda* [Map of Tatar and Bashkortostan Social Federative Republics: On the Map Created by Galimzhan Sharaf and Penned by Mohammad Idrisi in 1920]. Fən hām tel. No. 3. (In Tatar)
13. Əkhmätjanov, M. (2004). *Məkhəmmət Idrisi tarafynnan tatar tarikhyna mənəsəbətə syzylgan karta* [A Map Related to the Tatar History and Drawn by Mohammad Idrisi]. Fən hām tel. No.1, 4 tyshl. b.: karta b-n. (In Tatar)
14. Əkhmätjanov, M. (2004). *Sugysh kharitasy: Məkhəmmət Idrisi syzgan, 1914 elda "Millət" nəshriyatı bastıryp chygargan karta turynda* [A War Map: On the Map Drawn by Mohammad Idrisi and Published by the Millat in 1914]. Fən hām tel. No. 3, 4 tyshl. b.: karta b-n. (In Tatar)
15. Novitskaya, I. A. (2005). *Idrisov Mukhammed Ibragimovich* [Idrisov Mukhammed Ibragimovich]. Tatarskaya ehntsiklpediya. V 6 t. T. 2, pp. 532–533. Kazan', Inst-t Tatarskoi ehntsiklopedii. (In Russian)
16. *Mukhammed Idrisov – master shrifta* (2022) [Mukhammed Idrisov as a Type Master]. L. I. Galiev. S. V. Morozova, N. M. Miftakhutdinova, M. L. Akhmadullina, I. G. Khadiev, R. F. Mardamanova. 104 p. Ufa, izd-vo "Vostochnaya pechat". (In Russian)
17. Khamatkhanova, S. *Rodoslovnaya Ibragimovych i Naskhi Mukhammed Idrisi* [Genealogy of the Ibragimovs and Naskhi Muhammad Idrisi]. 219 p. Orenburg, Tipografiya "Yuzhnyi Ural". (In Russian)
18. Shəraf, G., Idrisi, M. (1920). *Tatar hām bashkort sotsial' shuralar ǵәмһырятыләнеһ kharitasy* [Map of the Tatarstan and Bashkortostan Social Federative Republics]. 1 kgz.: 69x44 sm; tösle. Kazan. (In Tatar)
19. Shəraf, G., Idrisi, M. (1920). *Tatarstan ǵәмһырятыленеһ ehtnografik kharitasy* [Ethnographic Map of the Republic of Tatarstan]. 1 kgz.: 46,5x36,5 sm; tösle. Kazan. (In Tatar)
20. Idrisi, M. (1921). *Tatar sotsial' shuralar ǵәмһырятыленеһ kharitasy* [The Map of the Tatar Soviet Socialist Republic]. 1 kgz.: 51,7 kh 35,6 sm; tösle. Kazan. (In Tatar)
21. *Politicheskaya karta Evropy* (1928) [Political Map of Europe]. Sost. Mukhammed Idrisov. 4 l.: tsv. Kazan', Tatgosizdat. (In Russian)
22. Idrisov Məkhəmməd. *Bash khəreflär turynda: bash khəreflärne tözətep yağadan kissem mənəsəbətə belən* (1926) [On Capital Letters: How I Cut Out Capital Letters Anew]. 12 p. Məskəy, SSSR khalyklarynyñ Yzək nəshriyatı. (In Tatar)
23. Idrisov, M. (1927). *O pishushchei mashine* [On the Typewriter]. Ehshche. 1 gyinvar (No. 1). (In Russian)
24. Badrutdinova, M. Sh. (2019). *Ehkho vekov. Sud'ba izobretatelya* [The Echo of the Ages. The Fate of the Inventor]. 215 p. Kazan', AO "Ai Si ehl – KPO VS". (In Russian)

М. И. ИДРИСОВ – СОЗДАТЕЛЬ УНИФИЦИРОВАННОГО АРАБСКОГО ШРИФТА, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ-ПОЛИГРАФИСТ

Светлана Владимировна Морозова,

Музей истории полиграфии, книгоиздания и МГУП им. Ивана Федорова,
Россия, 125493, г. Москва, ул. Михайловская, д. 7,
morozova840@mail.ru.

В статье систематизированы сведения, касающиеся степени изученности деятельности татарского ученого-полиграфиста Идрисова Мухаммеда Ибрагимовича (1882–1948). Выявлен вклад татарского просветителя в создание унифицированного арабского шрифта, рассмотрены архивные материалы, хранящиеся в фондах Национального музея Республики Татарстан. Исследование велось с помощью биографического метода.

Ключевые слова: татары, татарская культура, история книгопечатания, Идрисов Мухаммед Ибрагимович, полиграфист-ученый

Введение

Мухаммед Ибрагимович Идрисов (1882–1948) – полиграфист, каллиграф, картограф, художник-график, создатель унифицированного арабского шрифта, знаток восточных и тюркских языков. Сын издателя и книготорговца Ибрагима Сулеймановича Идрисова, основателя издательства «Миллят», снискал в истории татарской культуры славу одного из первых профессиональных татарских художников книги.

Первые газетные отзывы о его многогранной деятельности датируются 1920 гг. В 1926 г. М. Рафиков был первым, кто рассказал в газете «Эшче» о вкладе полиграфиста в дело усовершенствования татарской пишущей машинки [1]. О подвижничестве ученого в 1960–1990-е гг. писали в газетных статьях З. Тухватуллин, Г. Кушаев [2], [3], С. Латыпов [4], [5], А. Каримуллин [6], [7]. В орбите внимания ученых деятельность создателя унифицированного арабского шрифта оказалась лишь в годы «оттепели». Х. Курбатов проанализировал вклад М. И. Идрисова в реформирование татарского алфавита [8, с. 64–65]. А. Каримуллин, систематизируя сведения по истории татарской советской книги, кратко охарактеризовал деятельность новатора книгопечатания [9, с. 262–276], [10, с. 168].

Следующий этап изучения деятельности татарского полиграфиста приходится на постсоветский период. В начале XXI в. М. Ахметзянов в ряде своих работ систематизировал сведения о М. И. Идрисове-картографе [11], [12], [13], [14]. И. А. Новицкая систематизировала сведения о жизни и деятельности этого талантливого сына татарского народа для «Та-

тарской энциклопедии» [15]. К сожалению, изучение архива М. И. Идрисова началось лишь в 2020 г. Н. Мифтахутдинова ввела в научный оборот выступление М. И. Идрисова о татарских пишущих машинках (1926) [16, с. 47–65]. Благодаря подвижничеству родственников, в 2019 г. увидела свет книга «Родословная Ибрагимовых и Насхи Мухамед Идриси», в которой систематизированы сведения о родных М. И. Идрисова начиная с 1790 г. [17]. В 2022 г. в Уфе увидела свет книга «Мухаммед Идрисов – мастер шрифта» [16], где была предпринята попытка по-новому взглянуть на имеющийся материал о деятельности мастера арабского шрифта, введены в оборот новые архивные источники, опубликована наиболее полная библиография его трудов и материалов о нем.

Материалы и методы исследования

Материалом для данного исследования послужили архивные материалы, касающиеся московского периода деятельности татарского полиграфиста, часть которых автором была передана в Национальный музей РТ. Работа велась с помощью биографического метода.

Обсуждение

С семьей Идрисовых нашу семью связывают родственные отношения. Рабига, жена М. Идрисова, была сестрой Габдрахмана Ибрагимова. Первая жена Габдрахмана, Марьям, рано умерла, оставив двух дочерей – Хажар и Сару. У нее были два старших брата – Муллахмет и Шаймухамат, сестра Зайнап (Зяннап). Моя бабушка Гульсум – дочь Зайнап. У Шаймухамета была дочь Марьям.

Мухаммед Идрисов – мастер арабского шрифта, начавший свою трудовую деятельность в Казани, являвшийся продолжателем дела основателя издательства «Миллят». Мухаммед Ибрагимович родился 19 марта 1882 года в Казани и уже в раннем детстве с увлечением набирал тексты в типографии своего отца. Среднее образование получил в медресе «Мухаммадия», одновременно изучая русский язык. Забегая вперед, отметим, что он был полиглотом – овладел арабским, персидским, турецким, казахским, башкирским, узбекским и др. языками.

Интерес к полиграфии поддерживался И. С. Идрисовым: он отправляет сына учиться в лито-типографию И. Н. Харитонova, а в 15 лет на год – приказчиком в книжный магазин в городе Оренбурге.

После возвращения Мухаммед работает у отца, затем – в 1905 году направляется в Турцию, посещает Ливан и Египет, изучает типографское дело и разные стили художественного каллиграфического арабского письма.

С двадцати трех лет М. Идрисов целенаправленно и увлеченно работает в разных типографиях России и за рубежом, впитывая знания и умения, которые возвели его в будущем в ранг крупного полиграфиста, художника, гравера, каллиграфиста, изобретателя.

В 1906–1908 гг. у И. Н. Харитонova изучает граверное, картографическое и словолитное дело, осваивает технологию отливки шрифтов.

Совершенствует знания в известной словолитне Казанского университета.

В Москве (в 1908–1909 гг.) знакомится с опытом российского книгопечатания на основе арабской графики: в типографии «Леман и Ко» углубляет свои навыки как гравер, а в Лазаревском институте восточных языков О. Гербека и М. Оттая не мог не заинтересоваться их книгопечатанием на восточных языках.

В 1911 году типография «Миллят», где он работал, командировует его в Германию – страну, полиграфическое оборудование которой было известно во всем мире и приобреталось типографиями России. Новейшую полиграфическую технику он изучает в типографиях Лейпцига, Мюнхена, Франкфурта-на-Майне.

Знания, которые он накапливал годами, с успехом употреблял в работе типографии «Миллят» (1909–1916 гг.), где он как инженер-механик занимался монтажом оборудования, был наборщиком, гравером, картографом, отливал шрифты по собственным рисункам.

В 1915 году М. Идрисов становится заведующим типографией и словолитней. Все это, безусловно, подняло на еще более высокий уровень печатную продукцию «Миллят». Шрифты, выполняемые по эскизам М. Идрисова, с успехом продавались в типографии не только Казани, но и в других городах и регионах России.

И все же в начале 1917 года М. Идрисов уходит из «Миллят». Изучая состояние полиграфии, связанной с печатью арабскими шрифтами, он приходит к мысли, что прежде всего необходимо реформировать сложный, громоздкий, трудный для чтения и письма арабский алфавит. Без этого невозможно техническое перевооружение типографий. Он решает посвятить себя полностью унификации арабской графики и созданию на этой основе новых шрифтов, которые были бы простыми, но не потеряли бы своей красоты.

Упрощение шрифтов должно было облегчить и чтение, и письменность, а значит способствовать распространению знаний. Еще работая у отца, в 1911 году он использовал в типографии вырезанные им, исправленные заглавные буквы для печатания названий книг. Результаты своей работы он опубликовал в 1915 году в брошюре «Проект создания татарского шрифта».

В словолитне, которую он основал в 1917 году, М. Идрисов продолжал начатые поиски. В ней он отливал арабские шрифты упрощенной конфигурации, удобочитаемые и красивые, выполненные по своим эскизам. С сентября 1917 года до середины 1918 года он собственноручно изготовил 638 пудов 12 фунтов новых шрифтов, которые были востребованы не только в типографиях Казани, но и в странах, где были распространены арабские шрифты.

После освобождения Казани от белогвардейцев (сентябрь 1918 г.) в своей словолитне при поддержке ЦК Коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б) Идрисов изготавливает по своим эскизам арабские шрифты для воинских частей, партийных и советских организаций.

В 1921 году М. Идрисовым были вырезаны усовершенствованные мелкие заглавные буквы. Как он сам позднее писал, в процессе работы над ними постарался исправить недостатки предыдущих поисков и сделать буквы удобными для чтения. Продолжая работу, М. Идрисов создает шрифты в двух начертаниях из усеченных заглавных букв, и на конкурсе, проведен-

ном Наркомпросом ТАССР в 1921 году, они признаются лучшими (см. подр. в работе Н. Мифтахутдиновой «Реформа татарской письменности»: [16, с. 47–63]). Автор награждается дипломом первой степени. Ему поручено подготовить 7 комплектов матриц новых шрифтов для внедрения в печать ТАССР и других восточных республик. Выполненные им 400 матриц были приобретены Казанской государственной словолитней для неограниченной эксплуатации. В аттестате, подписанном бывшим председателем тройки по реформе татарского шрифта Мухтаровым 09.04.1924 г., указывается, что «...в настоящее время по ним отливаются шрифты и постепенно вводятся в употребление в Татарской печати ТАССР и других восточных республиках и странах... Идрисов – единственный достаточно квалифицированный специалист в данной области среди татар».

В 1921–1923 гг. М. Идрисов продолжал работу по реформированию татарского алфавита в лабораториях-мастерских при Татсовнархозе.

М. Идрисов был известным картографом. Его деятельность в этом направлении изучена доктором филологических наук, профессором М. Ахметзяновым. Он перечисляет опубликованные М. Идрисовым карты, дает их описания [11], [12], [13], [14]. Напомним здесь, что уже в типографии И. Н. Харитонова М. Идрисов начинает изучать изготовление и печатание географических карт, а после возвращения из Германии приступает к переводу географических названий и выпуску учебных карт для национальных школ. В 1909 году он написал учебник «Уроки географии» на татарском языке. В 1912 изготавливает карту к книге А. Валидова «История тюрков и татар – Великое тюрко-монгольское ханство». В 1919–1920 гг. выполняет географические карты для Татарской военной коллегии в городе Казани, Татарского Наркомпроса. В год образования ТАССР М. Идрисов подготовил «Карту татаро-башкирских социальных республик» для книги Г. Шарафа. Для него же «Этнографическую карту Татарской Республики». Следует отметить цветную карту «Полушария земли», изданную в Москве, а в 1922–1924 гг. – глобус с названиями на татарском языке [18], [19], [20], [21].

В 1924 году М. Идрисов, «как один из лучших специалистов» и известный «знаток всех стилей арабского алфавита и гравер» приглашается Центральным издательством народов

СССР в Москву заведующим специальной словолитней для производства шрифтов на языках народов СССР, где он активно занимается рационализацией, оптимизацией наборного дела, много делает для создания шрифтового хозяйства издательства и дальнейшего снабжения шрифтами национальных типографий на местах. В этом же году он подготовил справочник «Образцы арабских шрифтов, литер Центрального издательства народов СССР», в 1926 году – «Основы шрифта» и «О заглавных буквах» [23]. Он продолжает работу над унификацией арабо-тюркской графики, участвует в Конкурсе проектов реформирования тюрко-татарских типографских букв, проведенного Комиссариатом просвещения Татарстана в 1927 году в свете реализации решения VII съезда республики о реформе алфавита. Проект двузначной упрощенной системы татарского алфавита М. Идрисова занял первое место. Гражданская позиция, подвижничество и скромность М. Идрисова сопровождали его всю жизнь. Это, в частности, проявилось в его выступлении на конференции, посвященной реформе букв, с участием представителей национальных республик в Москве в 1926 году. Представляя свои титульные шрифты, он заявил, что не претендует на господство в этой области и предлагает желающим «...работать по этой линии... пусть улучшается техника арабского шрифта и в результате этого облегчится распространение знаний среди трудящихся» [16].

В 1927–1933 гг., работая в Нииполиграфмаше (Москва) в отделе новых шрифтов, М. Идрисов занимается разработкой тюрко-татарских клавиатур пишущих машин, наборных касс и линотипов – наборных машин.

Человечество прошло длительный путь до компьютерного набора, принтера, современной полиграфии. На допечатном, подготовительном уровне важнейшим изобретением (от автора к печати) было изобретение пишущих машин и линотипно-машинного набора текста. Не вдаваясь в историю, укажем лишь, что первая пишущая машина была изобретена в Англии в 1714 году, но не получила промышленного производства. Острая необходимость в множительной технике для возросшего документооборота появилась в XIX в. Не один изобретатель приложил свои способности и труд для создания и усовершенствования их в XIX–XX вв. Выпущено этих машин было немало в разных странах. Первая пишущая машина в СССР «Яналиф» – в 1928 году в Казани инженером

Шейх-Али из отечественных деталей (см подр.: [17]).

Каждый народ имеет свой язык и письменность, которой должен соответствовать свой ряд литер, расположенных в пишущей машине определенным, удобным для автора и печати способом, чего и сегодня придерживаются в компьютерах.

Вот этому и посвятил свои труды М. Идрисов — полиграфист, каллиграф, художник-график, создатель простого и вместе с тем красивого арабского шрифта, удобного для печати.

Усовершенствованная и унифицированная им арабско-татарская графика позволила создать такую клавиатуру, которая привела к созданию пишущих машин без изменения их конструкций, ввести его шрифты «Насхи Мухамед Идриси» в лино типы, которые выпускались для республик Средней Азии, Казахстана и стран арабского Востока.

В статье, опубликованной в газете «Эшче» («Рабочий») от 01.01.1927 г., сам Идрисов останавливался на проблемах, связанных с проблемами создания пишущих машин на арабско-тюркской гарнитуре. Он вспоминает, что первые попытки создания клавиатуры (1912 г.) в пишущую машину «Гаммонд» вызвали большие трудности с введением сложного арабско-татарского алфавита [23].

Реформа алфавита, начатая в 1921 году, привела к тому, что в 1926 году упомянутая нами конференция приняла решение о введении в полиграфию начальных букв системы арабско-татарского алфавита. Это касалось прежде всего пишущих машин и машинного набора типографий.

Мадьяров, Шейх-Али приспособляли пишущие машины к татарскому письму. Это вносило массу изменений в механизм машин, основательно разрушая их, и приводило к переделке ее частей, в то время как М. И. Идрисов в статье «О пишущей машине» писал, что он «наоборот, старается приспособить шрифты к пишущей машине, не вызывая в ней никаких изменений и переделок» [23].

Важным было создание клавиатуры. М. Идрисов использовал для нее свои 37-значные шрифты начально-буквенной системы, которые были одобрены конференцией 1926 года по реформированию тюрко-татарской письменности и уже использовались типографией книжной фабрики Центроиздата. Он свободно поместил два разных по кеглю и начертанию комплекта в машину. На нижнем регистре установил обык-

новенные шрифты, на верхнем — более крупные (жирные). Следует отметить, что до этого никто не мог свободно разместить алфавит даже одного комплекта. Этот метод не требовал затрат времени на разборку и сборку машины. В течение двух дней на зарубежную печатную машину (так как в СССР в то время свои не выпускались) устанавливалась заранее подготовленная клавиатура, которая заменялась с помощью съемных рычагов. Такой машиной, как на своем опыте он и убедился, стала «Ундервуд». Она принадлежала, в частности, писателю-сатирику В. Ардову. В музее истории полиграфии, книгоиздания и МГУП имени Ивана Федорова в Москве есть подобная. Таким образом, пишущая машина М. Идрисова не требовала больших материальных вложений и сокращала время изготовления. Она открывала возможность печатать и на языках других восточных народов, использующих арабский алфавит, достаточно было лишь заменить в машине съемные рычаги и вставить свой набор.

В 1928 году в СССР начинается переход тюркских народов с арабского на латинизированную графику «Яналиф» (Новый шрифт), и М. Идрисову поручена ВЦК НТА разработка клавиатуры для пишущих машин и лино типов на новой основе. В 1929 году он представляет схему «Клавиатуры пишущей машины и наборной кассы казанско-татарского наречия» (см.: [17, с. 118–128]). Она была составлена по американской десятипальцевой системе, а наборная касса — на основе сконцентрирования наиболее ходовых знаков под правую руку наборщика. На этих же основах произведена им работа по башкирскому, казахскому, киргизскому, узбекскому, туркменскому, азербайджанскому, крымско-татарскому и др. языкам. Все они были внедрены в соответствующих республиках.

Им были разработаны клавиатуры лино типа для народов Востока, а также финского, французского, польского, венгерского, немецкого и турецкого языков для набора по слепому методу (внедрены в 1939 году).

Следующая реформа татарского алфавита связана с переходом (с 1939 года по настоящее время) на кириллицу. М. И. Идрисов снова включен в эту работу, занимаясь созданием наборных касс для лино типа на русской графической основе языков народов СССР в НИИ полиграфической промышленности.

В 1941–1943 гг. М. И. Идрисов был эвакуирован в Казань. Работал гравером на третьем

шифтолитейном заводе ОГИЗа РСФСР, эвакуированном из Москвы. В 1941 году он разрабатывает комплекты шрифтов для набора на ряде языков в фронтовых типографиях (были внедрены в 1941 году). Здесь он написал ряд работ, посвященных полиграфии и отдельным ее отраслям (см. подр.: [16, с. 94–99]).

В последующие годы в Москве, с мая 1947 года в Нииполиграфмаше в должности старшего научного сотрудника работает в Отделе новых шрифтов до ухода из жизни 28 сентября 1948 года.

Заключение

М. И. Идрисов был награжден четырьмя премиями Академцентра Народного комиссариата просвещения РСФСР, Министерства просвещения ТАССР в 1921–1927 гг. и на курсах «НУС ВЦК нового алфавита при ЦИК СССР», медалью «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Ученое звание – старший научный сотрудник НИИ полиграфического машиностроения – было присвоено Идрисову ВАКом в 1939 году «За большие заслуги в области теории и практики полиграфии» (в порядке исключения, поскольку у него не было не только ученой степени, но и вузовского диплома).

Всей своей жизнью он доказал, что был новатором книгопечатания.

Родившись в семье полиграфиста, Мухамед Ибрагимович Идрисов с детства познакомился с работой типографии и жизнь посвятил полиграфии. Он был талантливым художником-графиком, искусным шрифтовиком, инженером-изобретателем.

Главная его заслуга в том, что он провел реформу в словолитном и наборном деле, это было бы невозможным без унификации арабской графики, которой он посвятил многие годы. Создание простого и красивого шрифта способствовало конструированию им клавиатур для пишущих машин и линотипов для 35 народов СССР и зарубежных стран на арабском, латинизированном и кириллическом алфавитах.

В 1933 году Б. А. Гольцевым, научным консультантом Института техники Управления ЦК РКИ СССР, в «Заключении по проекту стандарта тюрко-татарских клавиатур пишущей машинки М. Идрисова» отмечается, что они построены по строго научным требованиям стандартов, независимо от языка, для которого предназначены. Эти принципы – частота знаков в языке, частота сочетаний знаков, переключе-

ния рук и пальцев, соответствия требованиям десятипальцевого обязательного метода работы. «В случае проведения клавиатур в жизнь эти будут первые в мире стандартные клавиатуры, построенные на научных принципах», – заключает он. Полностью поддержал это заключение профессор А. Бружес в 1934 году [16, с. 46–47].

По просьбе стран Востока Советский Союз после Великой Отечественной войны начал изготавливать линотипные машины для набора текстов на основе арабской графики. Они были разработаны на базе унифицированной графики Мухаммеда Идрисова. И во многих странах, в типографиях Индии, Афганистана, Пакистана, Египта, Ирана и др., до компьютерного набора работали линотипы, на которых отлито на металле «Насхи Мухаммед Идриси».

Л. А. Кузнецова в отчете НИИПМ за 1960 год писала, что «в 1956 году перед ними была поставлена задача приспособления конструкции отечественных буквенных машин (лино-тип) для набора на арабском языке. И при проектировании схемы рамы они ориентировались на ранее созданный в Отделе новых шрифтов института арабский шрифт „Насхи Мухаммед Идриси“» [Там же].

Позже перед «Отделом новых шрифтов» Нииполиграфмаша была поставлена задача – выполнить заказ Ливана (издательство Ан-Нахр) для цифрового набора. В 1975 году эскизы были одобрены издательством. С некоторыми уточнениями они были созданы на основе шрифтов М. Идрисова.

Выводы

За рамками нашего исследования осталась деятельность М. И. Идрисова как педагога-просветителя и писателя. В начале XX в. он был известен как автор учебников по географии и арифметике. Его рассказы были опубликованы в журнале «Аң» под псевдонимом *Мухаммед И.* В будущем исследователям предстоит изучить и эту грань личности ученого-полиграфиста.

Литература

1. *Рэфыйков М.* Усовершенствованная Идрисовым татарская пишущая машина // Эшче. 1926. № 243. 18 декабря.
2. *Төхфатуллин З., Кушаев Г.* Ул безнең сафта // Соц. Татарстан. 1966. 5 май.
3. *Тухфатуллин З., Кушаев Г.* Самородок // Советская Татария. 1966. 30 июня.

4. *Латыпов С.* Полиграфист-ученый // Советская Башкирия. 1966. 28 августа.
5. *Латыпов С.* Күренекле полиграфисебез // Агизел. 1967. № 5. 93–95 б.
6. *Каримуллин А.* Күпкырлы талант // Соц. Татарстан. 1982. 14 сентябрь.
7. *Каримуллин А.* Новатор книгопечатания // Сов. Татария. 1982. 4 декабрь.
8. *Курбатов Х.Р.* Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы. Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. 132 б.
9. *Каримуллин А. Г.* Книги и люди: 1917–1932. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 303 с.
10. *Каримуллин А. Г.* Татарское государственное книжное издательство и татарская книга России (1917–1932). Казань: Татар. кн. изд-во, 1999. 317 с.
11. *Әхмәтҗанов М.* Татарча басма карталар тарихыннан // Фән һәм тел. 2003. № 3. Б. 67–68.
12. *Әхмәтҗанов М.* Татар һәм башкорт социаль шуралар жөмһүриятләренең харитасы: Галимжан Шәрәф тарафыннан төзелеп, 1920 елда Мөхәммәт Идриси каләме белән эшләнгән карта турында // Фән һәм тел. 2003. № 3.
13. *Әхмәтҗанов М.* Мөхәммәт Идриси тарафыннан татар тарихына мөнәсәбәттә сызылган карта // Фән һәм тел. 2004. № 1.4 тышл. б.: карта б-н.
14. *Әхмәтҗанов М.* Сугыш харитасы: [Мөхәммәт Идриси сызган, 1914 елда «Милләт» нәшрияты бастырып чыгарган карта турында] // Фән һәм тел. 2004. № 3. 4 тышл. б.: карта б-н.
15. *Новицкая И. А.* Идрисов Мухаммед Ибрагимович // Татарская энциклопедия. В 6 т. Т. 2. Казань: Ин-т татарской энциклопедия, 2005. С. 532–533.
16. Мухаммед Идрисов – мастер шрифта / Л. И. Галиев. С. В. Морозова, Н. М. Мифтахутдинова, М. Л. Ахмадуллина, И. Г. Хадиев, Р. Ф. Мардаманова. Уфа: Восточная печать, 2022. 104 с.
17. *Хаматханова С.* Родословная Ибрагимовых и Насхи Мухаммед Идриси. Оренбург: Типография «Южный Урал». 219 с.
18. *Шәрәф Г., Идриси М.* Татар һәм башкорт социаль шуралар жөмһүриятләренең харитасы. Казан, 1920. 1 кгз.: 69х44 см; төсле.
19. *Шәрәф Г., Идриси М.* Татарстан жөмһүриятенң этнографик харитасы. Казан, 1920. 1 кгз.: 46,5х36,5 см; төсле.
20. *Идриси М.* Татар социаль шуралар жөмһүриятенң харитасы. Казан, 1921. 1 кгз.: 51,7 х 35,6 см; төсле.
21. Политическая карта Европы / сост. Мухамед Идрисов. Казань: Татгосиздат, 1928. 4 л.: цв.
22. *Идрисов М.* Баш хәрәфләр турында: баш хәрәфләрне төзәтеп яңадан кисүем мөнәсәбәте белән. Мәскәү: СССР халыкларының Үзәк нәшрияты, [1926]. 12 б.
23. *Идрисов М.* О пишущей машине // Эшче. 1927. 1 января. № 1.
24. *Бадрутдинова М. Ш.* Эхо веков. Судьба изобретателя. Казань: АО «Ай Си эл – КПО ВС», 2019. 215 с.

М. И. ИДРИСОВ – БЕРДӘМ ГАРӘП ШРИФТЫН ТӨЗҮЧЕ, УЙЛАП ТАБУЧЫ – ПОЛИГРАФИСТ

Светлана Владимировна Морозова,

Иван Федоров исемендәге Полиграфия, китап бастыру һәм МДМУ тарихы музейе,
Россия, 125493, Мәскәү ш., Михайлов ур., 7 нче йорт,
morozova840@mail.ru.

Мәкаләдә татар галиме, полиграфисты Идрисов Мөхәммәт Ибраһим улының (1882–1948) эшчәнлеген өйрәнүгә кагылышлы белешмәләр системалаштырылды. Татар мәгърифәтчесенә бердәм гарәп шрифтын булдыруга керткән өлеше ачыкланды. Тикшеренү материалы итеп, Татарстан Республикасы Милли музей фондларында саклана торган архив материаллары алынды. Фәнни хезмәт биографик ысул ярдәмендә башкарылды.

Төп төшенчәләр: татарлар, татар мәдәнияте, китап бастыру тарихы, полиграфист галим Мөхәммәт Ибраһим улы Идрисов.

TATARS AND RUSSIAN THEATER IN NINETEENTH CENTURY KAZAN

Mileusha Mukhametzyanovna Khabutdinova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
mileuscha@mail.ru

The article examines the history of the Tatars' first visits to the Russian theater in Kazan. Naqi Isanbet was the first among Tatar researchers to raise this issue in his article published in 1962 in the Kazakhstan newspaper "The Kazakh Literature". This article introduces into circulation two new sources on the history of Tatar theater, belonging to the encyclopedist: "Tatar theatry 25 el echende" ("Tatar Theater over a Period of 25 Years", 1946/1947?); "On the National Identity of Tatar Theater" (1956?). When exploring the topic "The Tatars and Russian Theater in the 19th Century", N. Isanbet referred to the work of Nikolay Bazhenov "The History of Kazan" (1847), and the literary and fictional collection "The First Step" (1876). In this article, the range of sources on this topic is significantly expanded due to newspaper publications in "Kazanskies gubernskie vedomosti" ("The Kazan Provincial Gazette", 1838–1917) and "Kamsko-Volzhsкая Gazeta" ("The Gazette of the Kama and Volga Region", 1872–1874), the works of Nikolay Rybushkin, Philipp Vigel and Mikhail Pylyayev. These sources indicate that as early as in the first decade of the 19th century, the Kazan Province landowner Pavel Esipov created special covered boxes for the Tatars at the expense of box office fees in his public theater (1802–1814), the boxes were covered with curtains. The repertoire of his theater included several works on the Tatar theme, related to the fall of the Kazan Khanate in 1552 and the fate of the last Kazan tsarina Syuyumbike. The failure of the premiere of Voltaire's tragedy "Mahomet" had a negative impact on the Tatars' visits to the theater. The building of the Russian Theater in Kazan had special boxes for Muslims with wooden bars. These boxes disappeared in a new building restored after a fire in 1874, which gave reason to Russian ethnographers to conclude that the Tatars did not experience any discomfort from visiting the theater. This article systematizes a range of works on Tatar themes, written in the first half of the 19th century by Russian writers.

Key words: theater, Tatars, Russian theater in Kazan, covered boxes for Tatars, Tatar repertoire of Russian theaters

Introduction

According to Yuri Blagov and Iltaniya Ilyalova, "the Tatar theatrical art in its modern stage forms took shape at the end of the 19th century. From 1898, performances were staged at the Kazan Tatar Teacher Training School, initially in Russian (among the participants were Akhmedvaleev, S. Iskanderov, Mulyukov, Khanbekov, Khasanov and Chanbarisov). The students (shakirds) of higher Tatar religious schools (madrasahs) staged short scenes of a comedic or satirical nature based on specific life observations [1, 601]. "At the same time, the progressive-minded Tatar intellectuals had a tradition of arranging "home" performances; moreover, they organized societies in which the first dramatic works in the Tatar language were read, discussed, and then acted out, these works were both translated and original ones" [1, 601].

"In Kazan, the most popular was the "Shimbachelor" ("those who gather on Saturdays")

society, which emerged in 1903 on the initiative of the Gabitov brothers (its members were mainly students, gymnasium students and madrasah shakirds). On December 22, 1906, the participants of this society staged a production based on the play named "Kyzganych Bala" ("The Poor Child") by the Turkish playwright Namik Kemal on the stage of the New Club in Kazan. This day is officially recognized as the birthday of Tatar public theater (among the participants of the performance were Amina, Zainab and Abubakir Teregulovs, R. Gabitova, Shakir Mukhammadyarov, Sharif Sunchelei and G. Sayfulmulyukov)" [1, 601].

While working on Naqi Isanbet's archive, we came across his publication in the Kazakhstan newspaper "Kazakh Adebieti" ("The Kazakh Literature") dated October 26, 1962, in which the scholar claimed that Tatar theater was born in the last quarter of the 19th century (plays by Gabdurrakhman Ilyasi and Fatikh Khalidi). Naqi

Isanbet's statement that special boxes with curtains were created for Tatars in the Russian Theater in Kazan in 1875 due to the lack of their own theater [2] came as a surprise to us. This prompted us to search for sources that would corroborate this statement.

Materials and methods

Our research is based on Naqi Isanbet's personal archive [3], [4], and a range of his articles on the history of Tatar theater and drama [5], [6], [7], [8], [9]. We use ethnographic sources on the history of the Russian theater in Kazan [10], [11], [12], [13], which record the facts of the Tatars visiting the Russian theater in the nineteenth century.

The research was conducted using the cultural-historical, descriptive and comparative methods.

Discussion

Naqi Isanbet gained his fame as a talented playwright. In 1959, Gabdulla Shamukov stated that the writer celebrated his 60th birthday being the author of 29 plays [14, p. 26]. His critical and research work on the history of Tatar theater and drama remained outside the literary critics' attention for a long time. The literary critic Nazim Khanzafarov, together with the writer himself, systematized the bibliography of his works in this field. They were reviews of Tatar performances in the 1920s and articles on the history of Tatar theater in the 1940–1960s, setting out Naqi Isanbet's theoretical and literary views [15, 29–30]. As a result of our research work, we identified a number of sources that remained unpublished, due to certain circumstances.

In N. Isanbet's archive, we found a voluminous article "Tatar theatry 25 el echende" ("Tatar Theater over a Period of 25 Years") [3], which was not introduced into circulation, apparently due to the arrest of the scholar in connection with the "Jideghyan" case in the early 1930s and the scandal around "Edigy" dastan in the 1940s.

Apparently, the work was written in 1946–1947, because the scholar made the following remark in it:

"This year marks the 40th anniversary of the Tatar theater creation, 25 years of its existence in Soviet Tatarstan" [3, p. 1].

The article consists of several paragraphs:

* "Folk theatricality",

* "Awakenings and first glimpses of Tatar theater",

* "Tatar Theater before the Great October Revolution",

* "Tatar Theater after the February and October Revolutions".

Thus, we see that N. Isanbet associated the periodization of the Tatar theater history with the milestones of our social history.

The encyclopedist called national holidays, games and performances the basis of any people's theatrical art:

"Every nation used to have and still has a large number of national folk holidays, games and festivities that serve as the basis for their theater, we also have them and they are important to us" [3, p. 2].

As different forms of folk theatricality, the scholar names Sabantuys, Jiens, wedding rituals and folk games based on dialogues, evening gatherings, games during community activities (ume), performances of folk sages, storytelling and Mishars' (part of Tatars) games with bears.

According to N. Isanbet, Tatar madrasahs were the second foci of folk theatricality for shakirds:

a) participated in the celebration of *Nauruz* (Novruz),

b) conducted *atnakich uennari* (the plays at the weekend), whose repertoire was rich in theatrical games (for example, the "Armai" game),

c) organized initiation into shakirds: "*jadid urketu*" / "*aigyr konzertlary*",

d) at the end of the 19th century, created a *theater behind a curtain* (*charshau arti theater*) [3, pp. 3–4].

The Muslim rites constituted the third source:

a) the chanting of the *munajats* ("al-vidag" eitu – the singing of "farewell songs");

b) the reading of prayers by mullahs in colorful robes for different *maqams* ("Muhammadism", i.e. reading a book about the life of the Prophet Muhammad);

c) the inclusion of elements of musical accompaniment on the harmonica and kurai ("Garnunli Ja'far-ishan" – "Ja'far-ishan with harmonica") by *ishans* (Sufi sheikhs) in their rites:

d) the Muslim ritual bearing traces of shamanism: loud recitations of prayers by Sufis ("Sufilyk negrelere" – "Sufi chants"), exorcism ("junlenu kureneshlerene") [3, p. 4].

Naqi Isanbet believed that the emergence of Tatar theater was facilitated by Enlightenment in the person of the Khalfin dynasty, the Faizkhanov brothers, Shihab Marjani, Kayum Nasyri, as well as owing to the birth of the New Time literature.

The scholar described the changes, which had taken place in Tatar society in such a way:

“In the second half of the 19th century, there was an increasing number of visits to the Russian Theater paid by the advanced Tatar families of Kazan, representatives of the student youth and the intelligent bourgeoisie. To attract Tatar women, who covered their faces, even special covered boxes were equipped and several Russian plays about Syuyumbike were written to get Tatar viewers interested” [3, p. 4].

In his other work, written for the half-century anniversary of Tatar theater “On the National Identity of Tatar Theater”, Naqi Isanbet returned to this topic [4, pp. 3–4]. Based on the author’s acquaintance with the literary and fictional collection “The First Step” [13], the work analyzes the pre-October period of the Tatar theater history and draws the following conclusion:

“In the conditions of the tsarist regime, in the antagonistic society, the Russian ruling and reactionary circles did not want the Tatars, then called *inorodets* (foreigners), to enjoy the benefits of Russian science and culture. On the contrary, the Tatars were intimidated in every possible way by persecutions on the part of the authorities and missionary societies (Kazan was chosen to be their center), and this attitude completely coincided with the interests of reactionary circles within the Tatars themselves. But the progressive forces of the Tatar people, as it is clear now, did not remain passive. In the first half of the 19th century, they demanded permission from the tsarist government to publish newspapers in their own language, and in the second half of the 19th century the Tatar public in Kazan started going to the Russian drama theater, for lack of their own. Their attendance, apparently, was so massive and was so financially profitable that the theater was forced to build covered boxes for Tatar women, and even to create a repertoire with plays based on the life of the Tatars. It turned out that despite the intimidation on the part of reactionary forces, the progressive Tatar people had long matured the need to have their own national theater, and the public was ready for it. If the Tatars’ development had gone its natural way, we would now celebrate not the fiftieth anniversary of our theater, but its centenary. But the autocracy did not allow us to have either our periodical press or our theater”.

In his article “Tatar theatry 25 el echende” (“Tatar Theater over a Period of 25 Years”), Naqi Isanbet referred to the work of Nikolay Bazhenov “The Kazan History” (1847) [10] and “The First Step” collection [3, p. 4]. The work of Nikolay Bazhenov, consists of three parts and covers an extensive period from the era of the Volga Bulgars up to 1847. When working on this book, N.

Bazhenov proceeded from the fact that the “Kazan Region” deserved to have its original, “its own history” [10, p. 3].

The author of “The Kazan History” believed that the arrival of Emperor Paul I in 1798 had a beneficial influence on the development of theatrical art in Kazan:

“The Emperor approved of dramatic art. Theatrical performances had been established under Governor Baratayev, but Pavel allowed the landowner Esipov to start a public theater” [10, p. 97].

Memoirist Philipp Vigel wrote about this Kazan landowner that he was one of “those Russian nobles who had a passion for theater”. He described a dinner at the house of this Kazan landowner in such a way:

“I was extremely surprised to see about a dozen of rather well-dressed women at his place. I knew that noble ladies did not visit him – they were all Fenyas, Matreshas, Arishas, i.e. serf actresses of the host’s troupe; I was even more amazed when they sat to the table with us and when, contrary to the custom of that time prescribing that all women should sit on the same side, they placed themselves between us so that I found myself between two beauties... At the other end of the table – can you believe it? – sat Esipov’s authors and musicians, i.e. his servants, who took turns, got up from the table, served us and then sat down at it again... After dinner, they all dressed up and prepared to entertain us with the opera “Cosa Rara”, or “A Rare Thing”... They played and sang, like all provincial actors of that time, “neither worse, nor better” (quoted from [17]).

Pavel Esipov was “a passionate lover and connoisseur of stage art”. At the expense of his estate money, the landowner built a wooden building on a stone foundation. According to the agreement, after 10 years, a retired ensign was to build a stone building instead of the wooden one. The troupe was composed of actors from Esipov’s serf theater, as well as several freelancers (you can get acquainted with the names of the actors in the chapter “Semi-Gentleman Ventures” in the book by Mikhail Pylyaev [17]). According to his contemporaries, Pavel Esipov raised his theater “to such a level that it was inferior only to the theaters in the capital” [10, p. 381]. For the sake of maintaining his beloved creation, the landowner sold his estate in parts. In 1810, Pavel Esipov appealed to the Governor of the Kazan Province, Boris Mansurov, with a request to provide subsidies for the theater

needs, or to transfer the theater to state maintenance.

We dare assume that economic difficulties pushed the landowner's idea of expanding the audience of viewers by inviting the Tatars. The "Tatar" repertoire of the Esipov Theater consisted of plays about Tsarina Syuyumbike, as well as Voltaire's "Mahomet" tragedy (1742), published in Russian in 1809. Pavel Esipov created special boxes covered with curtains for the Muslims. The public theater ceased to exist due to the death of its owner in 1814, and its building was put up for auction in 1815. Taking into account these facts, we believe that the misunderstanding with the premiere of the "Mahomet" tragedy in Kazan happened in the period from 1809 to 1814.

Nikolay Bazhenov described this incident in the following way:

"The Tatars fell in love with theater, and for every performance the places of all prices were sold out, but a circumstance happened after which the Tatars frowned upon the art of stage. Esipov decided, without a second thought, to put on the "Mahomet" tragedy – and this circumstance, as a historical anecdote, lives in the memory of the people, but historically it has been used to compare the concepts of the former and the current Tatars. As soon as the Tatars saw Muhammad's turban on the stage and his name was pronounced, they got confused. Oh, the horror! Muhammad on stage: "Alla!, Alla!" The voices of the Tatars, running away from the theater, could be heard. But some of the Tatar simpletons, who may have visited the theater for the first time, acted differently. On seeing Muhammad and not realizing the real meaning of their brethren's exclamations, they reverently prostrated themselves on the floor, threw off their shoes and shouted: "Alla!", with the audience laughing loudly. They imagined that the real Muhammad, who had descended from the highest heights, was reproaching the faithful ones for their fanaticism – for their heresy, that they had come to the temple of Talia and Melpomene at the call of the infidels. Since then, the tragedy has turned into the comedy, the Tatars left the theater for a long time, but now they attend it very diligently" [10, pp. 98–99].

The local historian Nikolai Bazhenov, when describing this anecdotal incident, referred to the "History of the City of Kazan", published by Mikhail Rybushkin in 1849 [11]. In the 16th chapter, the local historian reflected on the beginning of theatrical performances in Kazan [11, pp. 128–131]. He described the first theatrical performance at the Kazan gymnasium based on Moliere's play "The School of Husbands", which took place in 1759. The local historian emphasized the role of the tsarist government in the

development of theatrical art in the Kazan Region. Mikhail Rybushkin highly appreciated landowner Pavel Esipov's contributions to the development of the first public theater. Having briefly described the history of the theater in Kazan from 1759 to 1833, i.e. the period of 74 years, the local historian came to the following conclusion:

"The Tatars, later in time, became passionate theater lovers. Now they judge this subject with sufficient intelligibility" [11, p. 131].

After Pavel Esipov's death, the Russian Drama Theater was opened in Kazan. It was created, as already mentioned above, on the instructions of the Kazan Governor Semyon Baratayev in 1791 and has been continuously operating since at least 1802 (now it is the Kazan Academic Russian Bolshoi Drama Theater named after V. I. Kachalov).

In 1833–1842, i.e. before the fire, Mr. Sokolov's troupe staged its performances in the theater. In 1844, the theater was rebuilt and "became an eye-catching building decorating the most beautiful square" (now Freedom Square). The manager of the works was I. V. Dolenga-Grabovsky. The project was developed by the provincial architect I. P. Bessonov. The decorator of the theater was M. G. Zhivokini. It was a three-story building. Describing the interiors of the new theater, the author of the article "A Theater in Kazan" draws attention to the special boxes for Muslim families:

"The side boxes, on the lower floor facing the orchestra, are painted in the manner of wallpaper; one of them is assigned for the directors of the theater, the other for Muslim families and will be covered with a lattice" [12, p. 382].

Thus, in the new building of the theater special boxes were really provided for the Tatars. In his travel notes "From Novochoerkassk to Kazan", the Russian ethnographer and public figure Grigory Potanin mentioned that the Kazan Tatars actively visited the Russian Theater in 1874:

"In Kazan, they took me to see the theater rebuilt and expanded after the fire. Before that, the theater used to have special boxes with curtains for the Tatars; presently, they have been removed. The theater management either thought that Tatars would go to open boxes, or it was not concerned with the problem whether or not the Tatars would visit the theatre. Undoubtedly, the theater has always been one of the means used to attract the Tatars to European ideas" [13, p. 334].

While editing these memoirs, editor Nikolai Agafonov found it necessary to note:

“The common Tatar people– but only men – do not hesitate to go to the theater, in the galleries you can always meet several of them, but Tatar women apparently lack the pleasure of watching opera or dramatic performances, due to the absence of covered boxes” [13, p. 334].

It is known that Grigory Potanin and his wife Alexandra Lavrskaya left the place of exile in Nikolskoye (the Vologda Province) on June 29, 1874. Then the couple went to Nizhny Novgorod, where the wife’s mother lived permanently. [14, p. 119]. They arrived there on July 5. Soon the ethnographer received the notice of full forgiveness, which meant that he could freely move around the country [14, p. 291]. In a letter to Nikolai Yadrinsky, dated July 27, 1875, the ethnographer reported from Yalta that he would get to St. Petersburg via Kerch, Novocherkassk and Kazan. This leads us to the assumption that Grigory Potanin’s notes about his visit to our city belong to the period of 1874–1875 [14, p. 179].

Having got acquainted with the Kazan Theater, the Russian ethnographer concluded:

“The Kazan theater is becoming more and more important; Kazan is becoming the center of the Volga Region in theatrical terms; the Kazan troupe goes down the Volga to Astrakhan for the summer and returns in winter. This year there will be an opera in Kazan” [13, p. 384].

In our opinion, of interest are the observations, published under the pseudonym “*Vse tot-zhe*” (“Still the Same”), belonging to one of the authors of the “Kamsko-Volzhskaya Gazeta”. In the article “The Forgotten Condition Necessary for the Success of Stage Works”, its author criticizes the Kazan theater for ignoring the national features of the local population culture:

“Among the population of Kazan there are 10 thousand Tatars, 10 thousand of an original nationality with their special religion, traditions, customs and culture... The local theater, claiming to have a civilizing value and being somewhat organized partly at the expense of the local Tatars, as payers of city taxes, never even thought about them. Yet, it cannot be said that they are completely alien to theater. Some of them, though rarely, can be seen among the audience. Undoubtedly, they could come more often if the theater, at least in some way, responded to their interests, merged with their original way of life and thus became understandable to them” [13, p. 583]. This article also

describes an anecdotal situation that arose in the hall among the Tatars during the premiere of Voltaire’s tragedy “Mahomet” [13, p. 583].

The author of the article harshly criticizes the local theater for ignoring the characteristic features of the Tatar population national psychology, which might create new obstacles on the way to their Europeanization [13, p. 584].

So, in his articles, N. Isanbet mentioned that there were four works about Tsarina Syuyumbike in the theater poster. Unfortunately, we have not yet been able to find out exactly what these productions were like and the dates of their premieres. Because of this, we are forced to limit ourselves to the range of works on the theme of “The Capture of Kazan”, created during this period. From the course of Russian literature, we know that in 1779 the epic poem “Rossiyada” by M. M. Kheraskov was published, its main characters were the characters of the “Kazan History”, written in the 16th century [18]. In 1806, the tragedy of Sergey Glinka “Suyumbeka, or the Fall of the Kazan Tsardom” was published in Moscow. [19]. In 1810, Alexander Gruzintsov wrote a five-act tragedy in verse “Conquered Kazan, or the Mercy of Tsar Ivan Vasilyevich IV, named the Terrible” [20]. In 1814, Mikhail Rybushkin wrote “Ivan, or the Capture of Kazan”, a five-act tragedy in prose [21]. The teacher of the First Kazan Men’s Gymnasium dedicated it to the creator of the First Public Theater in Kazan, i.e. to Pavel Esipov. In the same year, Gavriil Derzhavin wrote the libretto for the opera “The Terrible, or the Conquest of Kazan” [22]. It was published after the poet’s death in 1867. Comparing these works, literary critic Anastasiya Zavyalova came to the conclusion that “in their works, Kheraskov, Gruzintsov, Rybushkin created a positive image of Ivan the Terrible, portraying the tsar as a wise and generous ruler”, while in the opera “The Terrible, or the Conquest of Kazan”, Derzhavin, for the first time in Russian literature, showed Ivan the Terrible in the guise of a “cruel autocrat” [23]. An interesting analysis of these plays is found in other works of this literary critic [24], [25].

Of interest is the way the theme “Tatars and the First Tatar Theater” is revealed in G. Iskhaki’s novel “The Beggar Woman” (1901–1908). The writer gives a detailed description of the first visit his main character, named Sagadat, paid to the Russian theater. Apparently, the girl visited the performance of the opera troupe:

“At the theater, Sagadat was amazed to discover a whole world she had never known or imagined before. She looked around in confusion: a sea of people in various, neat clothes, women and men in the stalls, ladies sparkling with diamonds in the neighboring boxes. Several floors of balconies and galleries, the noise that gave way to weird music – everything was new and completely unusual. The curtain rose, and there were some kind of khans or padishahs, and very loud singing was heard. The clear, silvery voice of the young woman was mesmerizing. Sagadat seemed to fall into a dream – she forgot who she was, completely immersed in the world of khans and padishahs. Sagadat was carried away with the performance; even during the interval she was still under the impression of the events taking place on the stage, hardly realizing that the life of bygone times was being acted out there. Her mood changed with music and beautiful songs she had never known before”. The girl experienced conflicting feelings at the sight of the audience behaving in a free manner at the theater: she felt both protest and approval. Mansour explained to the girl that she was wrong criticizing the women in the neighboring boxes who freely communicated with men: they were “not shameless”, they simply sincerely enjoyed life. It was at the theater that Sagadat realized that she did not want to lead the life of a recluse, but dreamed of living a “new beautiful life” [26, pp. 118–119].

G. Iskhaki considered it important to introduce into his novel an episode describing the discussion about theater that flared up in the abystai’s house. Thus, the main character, visiting Sagadat-bike, tells her guests about “the pleasure of being at the theater”, and “the importance for women to visit the theater”. There is a heated argument among the guests about whether it is appropriate for a Tatar woman to visit a place which “is full of men”, where it is not considered obligatory to cover their faces. In order to humiliate her guest and to point out her place in society, the abystai compares a theater with a brothel (translated by A. Killeva-Badyugina) [26, pp. 136–137]. This is the range of opinions recorded by G. Iskhaki in the period of the Tatar theater creation.

It is significant that in the same year G. Kamal gave birth to a play with a very remarkable name “Berenche teatr” (“the First Theater”), in which he gave a realistic and true-to-life description of the conflict between the older and younger generations, which flared up within one Tatar family after their visit to the theater. The first Tatar public performance stirred up public sentiment. Expressing the following opinion, Khamze bai Vali’s son-in-law underlined the importance of this event in Kazan:

“Belasen bit, bugen moselmancha theatrical berenche bashlana torgan kone. Shulay bulgach, inde anda boten shəhər khalky agylyr” [27, p. 53]. – “You know, at last, today, we are going to see a premiere of the performance in the first Muslim theater in Kazan. If so, all the city people will rush there” (lit. trans.).

Hamza Bai believed that this performance was directed against religion and should be prohibited:

“Zamanalar bozyldy. Öle menə bugen tege uryş symak nərsələr uynap theater, dinne məşkəre kylmakchy bulyp yərilər. Shuns of buldyrmaska yörep bugen yasigga bara almyycha kaldym. “Uinatmagyz, rəksat yuk”, dip ʔamaly ʔdergə aytkaṁ let’s go. Ul, minem eshem tugel, pristefkə ʔzenə ətegez, dide. Pristefne əydə tury kiterəp bulmady. Galavaga menan idek, street alar yakly buryrga kirak. “Minem eshem tugel, sez palisəmistərgə barygyz” di. Ana bargan idek, bakzalga kitkan. Gubernatoga da bargan idek, butish resident: ‘Ul bu vakytta keshe kertmi, irteg segat 12 g kilegez’, dide. Shulay itep, badbahetlarne tuktatyp bulmady. Alla boersa, ikenche vakyt uinatmabyz alə” [27, pp. 64–65]. “Times have gone bad. Those who look up to Russians today want to play theater, thereby insulting our religion. Today, I missed the evening prayer, trying to prevent this matter. I told the underman, ‘Don’t let them play, it’s forbidden’. He waved me off, saying it was none of his business, and sent me to the bailiff himself. I did not find the bailiff at home. I went up to see the head, but he took their side. He told me: ‘It’s none of my business, go to the police master’. We went to his place, but he had gone to the bakzal (railway station). We went to the governor’s, his ‘butishnik’ said: ‘Come tomorrow at 12 o’clock, he does not receive visitors at this time’. So, we couldn’t stop those damned ones. If God permits, next time we will not let them play on stage” (lit. trans.).

Thus, the first public Tatar performance split Tatar society.

“The very art of the theater was severely persecuted. In 1909, the journal “Religion and Life” published a fatwa, signed by 21 mullahs, which condemned not only acting on the stage, but even simply attending the theater, it was called a great sin. People of the older generation remember cases when artists were beaten by unbridled fanatics. The first Tatar artist Sahibzhamal Gizzatullina was fired at from a revolver!” [28], stated A. Eniki in 1957.

Results

Starting with the works of Naqi Isanbet on the history of Tatar theater and drama, and analyzing Russian ethnographic sources (books, newspapers), today we can say that the Tatars began to visit the

Russian theater in Kazan at the beginning of the 19th century. Apparently, it was due to financial difficulties that the owner of the theater, Pavel Esipov, decided to expand his audience by inviting the Muslims. In his wooden theater, he created special boxes covered with curtains for Tatar spectators and included works on Tatar themes in his repertoire. The Tatars stopped attending the theater because of his improper management. The creator of the public theater did not take into account the Tatars' religious beliefs, which caused confusion in the audience at the premiere of the "Mahomet" tragedy. As soon as the Tatars saw the Prophet Muhammad's turban on the stage and heard his name, some of them ran away from the theater shouting: "Alla!, Alla!" Others decided that the Prophet himself appeared in front of the Muslims to punish them for attending an "infidels' meeting". Therefore, after taking off their shoes, they "prostrated themselves" on the ground. "Since that time, the Tatars have not visited the theater for a long time" (Cit. according to [17]). Over time, this incident has turned into a theatrical anecdote that is found in different publications.

Tatar boxes with wooden bars were created in the Kazan City Theater, rebuilt in 1844, as evidenced by the local newspaper "Kazanskie gubernskie vedomosti" in 1849. In the building, restored after a fire in 1874, there were no boxes of this kind, the fact that made ethnographers conclude that the Tatars loved theater and did not feel any discomfort from openly visiting it. This opinion was later reflected in Tatar fiction: in his novel "Telenche kyzy" ("The Beggar Woman", 1901–1908), Gayaz Iskhaki mentions that women visited the theater. This fact was later reflected in Tatar fiction (the novel "The Beggar Woman" by G. Iskhaki, 1901–1908 and the comedy "The First Theater" by G. Kamal, 1908), which describe the Tatars' visits to the theater.

Conclusions

Naqi Isanbet made an enormous contribution to the study of the Tatar theater history. His reviews and articles have not lost their relevance today. Owing to the works of the scholar, we learn that the Tatars visited the Russian theater en masse as early as in the 19th century. We have found the Russian sources, which contribute to the elimination of "blank spots" in our national history. This topic requires further research.

References

1. Blagov, Yu. A., Ilyalova, I. I. (2010). *Teatr* [Theatre]. Tatarskaya enciklopediya v 6 t. T. 5, pp. 600–

601. Kazan', Institut Tatarskoi entsiklopedii. (In Russian)

2. Isənbət, N. (1962). *Tatar teatry men dramaturgiye* [Tatar Theater and Drama]. "Kazak ədəbiyeti". No. 43, 26 oktyabrya. (In Tatar)

3. Isənbət, N. *Tatar teatry 25 el echendə* [Tatar Theater over a Period of 25 Years]. N. Isənbətnen shəhsi arhiv. Kul'yazma. Mashinkada basylgan. 38 p. (In Tatar)

4. Isanbet, N. (1956). *O natsional'nom svoeobrazii tatarskogo teatra* [On the National Identity of Tatar Theater]. Lichnyi arhiv N. Isanbeta. Rukopis'. 10 p. (In Russian)

5. Isənbət, N. (1930). *Berenche tatar komediyase kaidan alyngan* [Where the First Tatar Comedy Came From]. ("Chistai komediyase" turynda). Yaǵalif. No. 10. (In Tatar)

6. Isənbət, N. (1952). *Drama əsərlərində konflikt, uñaj həm tiskəre obraz məs'alələri* [Conflict and Positive and Negative Images in Dramatic Works]. Sovet ədəbiyaty. No. 6. B. 94 – 114. (In Tatar)

7. "Bəhetsez eget" [The Unfortunate Young Man]. Sov. Tatariya. 29 yanvar'. (In Tatar)

8. Isənbət, N. (1958). *Teatr həm dramaturgiyabəz yşesh yulynda* [Our Theater and Drama on the Path of Growth]. Sov. Tatarstany. 14 oktyabr'. (In Tatar)

9. Isənbət, N. (1967). *Bøk artistka häikəl* [A Monument to the Great Artist]. Gabdulla Kariev turynda istəleklər. B. 164. Kazan. (In Tatar)

10. Bazhenov, N. (1847). *Kazanskaya istoriya v 3 ch.* [Kazan History in Three Parts]. Ch. 2. 150 p. Kazan', tipografiya universiteta. (In Russian)

11. Rybushkin, M. S. (1848–1849), (obl. 1850). *Kratkaya istoriya goroda Kazani* [A Brief History of the City of Kazan]. Ch. 1–2. Soch. ad'yunkta M. Rybushkina. Ch. 1–2. 2 t.; 22. Kazan', tip. L. Shevits. (In Russian)

12. *Teatry v Kazani* (1849) [Theaters of Kazan]. Kazanskie gubernskie vedomosti. No. 40, pp. 379–384. (In Russian)

13. *Pervyi shag* (1876) [The First Step]. 594 p. Kazan'. (In Russian)

14. *Pis'ma G. N. Potanina v 2 t.* (1988) [Letters of G. N. Potanin in 2 Vols.]. T. 2. 344 p. Irkutsk, izd-vo Irkutskogo universiteta. (In Russian)

15. Shamukov, G. (1959). *Nəkyi Isənbət* [Naki Isanbet]. 76 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

16. Khanzafarov, N. (1982). *Nəkyi Isənbət dramaturgiyase* [Naki Isanbet's Dramaturgy]. 192 p. Kazan, Tatarstan kitap nəshr. (In Tatar)

17. Pylyayev, M. I. (1898). *Polubarskie zatei* [Semi-Lordly Ploys]. Zamechatel'nye chudaki i originaly. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B8%D0%9F%D1%8B%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D0%B2> (accessed: 12.10.2022). (In Russian)

18. Kheraskov, M. P. (1796–1803). *Tvoreniya M. Kheraskova* [Kheraskov's Creations]. Vnov'

ispravlenyya i dopolnenniya. 336 p. Moscow, Univ. tip. u Hr. Ridigera i Hr. Klaudiya. (In Russian)

19. Glinka, S. N. (1806). *Sumbeka, ili Padenie Kazanskogo tsarstva* [Syuyumbika, or the Fall of the Kazan Khanate]. Tragediya v pyati deistviyakh. Sochinenie Sergeya Glinki. 79 p. Moscow, v tipografii Platona Beketova. (In Russian)

20. Gruzintsov, A. N. (1811). *Pokorennaya Kazan' ili Miloserdie tsarya Ioanna Vasil'evicha IV proimenovannogo Grozным* [The Conquered Kazan or the Mercy of Tsar Ivan Vasilyevich IV Named the Terrible]. Tragediya v pyati deistviyakh v stikhakh. 61 p. St. Petersburg, Imperatorskaya tip. (In Russian)

21. Rybushkin, M. S. (1814). *Ioann, ili Vzyatie Kazani: Tragediya v pyati deistviyakh, v proze* [Ivan, or the Capture of Kazan: A Tragedy in Five Acts, in Prose]. M. S. Rybushkin. 110 p. Kazan', V Universitetskoi tipografii. (In Russian)

22. *Groznyi. Sochineniya Derzhavina: v 9 t.* (1864–1883) [The Terrible. Derzhavin's Works: In 9 Vol.]. S ob'yasn. primech. i predisl. Ya. Grota. T. 4, 863 p. St. Petersburg, izd. Imp. Akad. Nauk: v tip. Imp. Akad. Nauk. (In Russian)

23. Zav'yalova, A. I. (2018). *Ivan Groznyi v tvorchestve russkikh pisatelei vtoroi poloviny XVIII–nachala XIX vv.* [Ivan the Terrible in the Works of Rus-

sian Writers of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries]. Vestnik slavyanskikh kul'tur. T. 50. No. 4, pp. 136–145. (In Russian)

24. Zav'yalova, A. I. (2020). *K voprosu o "Kazanskoi istorii" kak istochnike poemy M. M. Kheraskova "Rossiyada"* [On the Issue of "Kazan History" as the Source of M. M. Kheraskov's Poem "Rossiyada"]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki, T. 162. Kn. 5, pp. 272–280. (In Russian)

25. Zav'yalova, A. I. (2022). *"Ioann, ili Vzyatie Kazani" M. S. Rybushkina: istoriya publikatsii p'esy i ee literaturnye istochniki* ["Ivan, or the Capture of Kazan" by M. S. Rybushkin: The History of the Publication of the Play and Its Literary Sources]. Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. No. 1, pp. 35–40. (In Russian)

26. Iskhaki, G. (2015). *Nishchenka. Mulla Babai* [The Beggar Woman. Mulla Babai]. Per. A. I. Killeva-Badyugina. 352 p. Kazan, Tatar. knizhnoe izd. (In Russian)

27. Kamal, G. (2004). *Berenche teatr* [The First Theatre]. Kamal G. Sailanma asarlar. Pp. 50–66. Kazan, Tatar. kitap nashr. (In Tatar)

28. Enikeev, A. (1957). *Vo imya iskusstva* [In the Name of Art]. Sovetskaya kultura. May 23. (In Russian)

ТАТАРЫ И РУССКИЙ ТЕАТР Г. КАЗАНИ XIX В.

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
mileuscha@mail.ru.

В статье рассматривается вопрос об истории первых посещений татарами русского театра. Первым эту тему среди татарских исследователей поднимает Н. Исанбет в статье, опубликованной в 1962 г. в казахстанской газете «Казахская литература». Автор статьи вводит в оборот два новых источника по истории татарского театра, принадлежащие перу учено-энциклопедиста: «Татар театры 25 ел эчендә» («Татарский театр за четверть века», 1946/1947) и «О национальном своеобразии татарского театра» (1956). Н. Исанбет при разработке темы «Татары и русский театр в XIX веке» ссылается на работу Н. Баженова «История Казани» (1847), литературно-художественный сборник «Первый шаг» (1876). В статье круг источников по данной теме существенно расширен за счет газетных публикаций в «Казанских губернских ведомостях» (1838–1917) и «Камско-Волжской газете» (1872–1874), работ Н. С. Рыбушкина, Ф. Ф. Вигеля, М. И. Пыляева. Указанные источники свидетельствуют, что уже в первом десятилетии XIX в. казанский помещик П. Есипов в своем публичном театре (1802–1814) за счет кассовых сборов создал специальные закрытые ложи для татар, закрытые занавесками. В афише его театра было несколько произведений на татарскую тему, связанных с падением Казани и с царницей Суюмбике. Неудача с премьерой трагедии Вольтера «Магомет» отрицательно сказалась на посещении театра татарами. В отстроенном после пожара здании Русского театра также были специальные ложи для мусульман за деревянными решетками. Данные ложи исчезли в новом здании, отстроенном после пожара в 1874 г., что дало основание русским этнографам сделать вывод, что татары не испытывали дискомфорт от посещения театра. В статье систематизирован круг произведений на татарскую тематику, написанных в первой половине XIX в. русскими писателями.

Ключевые слова: театр, татары, Русский театр в Казани, закрытые ложи для татар, татарский репертуар русских театров

Введение

Как утверждают Ю. А. Благоев, И. И. Ильялова, «татарское театральное искусство в его современных сценических формах начало формироваться в конце XIX в. С 1898 г. ставились спектакли в Казанской татарской учительской школе первоначально на русском языке (среди участников – Ахмедвалеев, С. Искандеров, Мулюков, Ханбеков, Хасанов, Чанбарисов). Учащимися (шакирдами) высших татарских школ ставились короткие сценки комедийного или сатирического характера, основанные на конкретных жизненных наблюдениях» [1, с. 601]. «Одновременно в среде прогрессивно настроенной татарской интеллигенции возникла не только традиция устройства „домашних“ спектаклей, но и организация кружков, в которых читались, обсуждались, а затем разыгрывались первые драматические произведения на татарском языке – как переводные, так и оригинальные» [Там же].

«В Казани наибольшей популярностью пользовался кружок „Шимбәчеләр“, возникший в 1903 г. по инициативе братьев И. и Г. Габитовых (его членами были преимущественно студенты, гимназисты, шакирды). <...> 22 декабря 1906 г. участниками кружка на сцене Нового клуба был поставлен спектакль по пьесе турецкого драматурга Н. Кемаля «Кызганыч бала» («Жалкое дитя»). Этот день считается официально признанным днем рождения татарского публичного театра (в числе участников спектакля Амина, Зайнаб и Абубакир Тергуловы, Р. Габитова, Ш. Мухаммадьяров, Ш. Сунчелей, Г. Сайфулмулюков)» [Там же].

Работая в архиве Наки Исанбета, нашли его публикацию в казахской газете «Қазақ әдебиеті» от 26 октября 1962 г., в которой ученый утверждал, что татарский театр родился в последней четверти XIX в. (пьесы Г. Ильяси, Ф. Халиди). Нас ошеломило заявление Наки Исанбета о том, что ввиду отсутствия своего собственного театра в 1875 г. для татар в Русском театре были созданы специальные ложи с занавесками [2]. Это подтолкнуло нас к поиску источников, послуживших базой для данного заявления.

Материалы и методы

Материалом для нашего исследования послужили документы из личного архива Наки

Исанбета [3], [4], круг его статей по истории татарского театра и драматургии [5], [6], [7], [8], [9], а также этнографические источники по истории русского театра [10], [11], [12], [13], [14], в которых зафиксированы факты посещения татарами русского театра в XIX в.

Исследование велось с помощью культурно-исторического, описательного, сравнительно-сопоставительных методов.

Обсуждение

Н. Исанбет снискал славу талантливого драматурга. В 1959 г. Габдулла Шамуков констатирует, что писатель, отмечающий 60-летие, является автором 29 пьес [15, с. 26]. Долгое время за рамками внимания литературоведов оставалась критическая и научная работа ученого в области истории татарского театра и драматургии. Литературовед Н. Ханзафаров совместно с самим писателем систематизировал библиографию его работ в данной области: рецензии на татарские спектакли в 1920-х гг., статьи по истории татарского театра 1940–1960-х гг., где изложены теоретико-литературные взгляды ученого [16, с. 29–30]. В результате поисковой работы мы выявили ряд источников, которые в силу обстоятельств остались неопубликованными.

В архиве Н. Исанбета мы обнаружили объемную статью «Татар театры 25 ел эчендә» («Татарский театр за четверть века») [3], не введенную в оборот, скорее всего, из-за ареста ученого по делу «Джидегян» и скандала вокруг дастана «Идегей». Судя по всему, работа была написана в 1946–1947 гг., так как ученый в ней делает следующую оговорку:

«Быел татар театрының барлыкка килүенә 40 ел, аның Советлар Татарстанында үсешенә 25 ел тула». – «В этом году исполняется 40 лет со дня создания татарского театра, 25 лет – его существованию в Советском Татарстане» [Там же, с. 1].

Статья состоит из нескольких параграфов:

- «Халык театрчылыгы» («Народная театральность»);
- «Уяну дәвере һәм татар театрының башлангыч күренешләре» («Пора пробуждения и первые проблески татарского театра»);
- «Бөек Октябрь революциясенәчә булган татар театры» («Татарский театр до Великой Октябрьской революции»);

• «Февраль һәм Бөек Октябрьдән соң татар театры» («Татарский театр после Февральской и Октябрьской революции»).

Таким образом, мы видим, что Н. Исанбет привязывает периодизацию истории татарского театра к векам социальной истории.

Основой театрального искусства любого народа ученый-энциклопедист провозглашает национальные праздники, игры, представления:

«Һәрбер халыкта театрга жирлек булып хезмәт иткән халык милли бәйрәмнәре, уен, тамашалар бездә дә бар иде һәм бик бар иде» [Там же, с. 2]. – «У каждого народа есть и были в большом количестве народные национальные праздники, игры, празднества, которые служили базой для театра, и у нас они были и были значительны».

К формам проявления народной театральности ученый относит Сабантуй, Жыен, свадебную обрядность, народные игры, основанные на диалогах, вечерние посиделки, игры во время коллективных помочей (өмә), выступления народных мудрецов, сказителей, мишарей с медведями.

Вторым очагом народной театральности, по мнению Н. Исанбета, было татарское медресе:

а) шакирды участвовали в проведении праздника Науруз;

б) проводили «*атнакич уеннары*», чей репертуар был богат на театрализованные игры (например, игра «Армай»);

в) организовывали посвящение в шакирды («*жәдид өркөтү*» / «*айгыр концертлары*»);

г) в конце XIX в. здесь появился театр за занавеской («*чаршау арты театры*») [Там же, с. 3–4].

Третьим источником – мусульманская обрядность:

а) песнопение мунаджатов («*әлвәдаг*» айтулар);

б) чтение муллами в пестрых одеяниях молитв на разные макамы («*Мөхәммәдиячелек*», то есть чтение книги о жизнеописании пророка Мухаммада);

в) включение ишанами в свою обрядность элементов музыкального сопровождения на гармонии и курае («*гармунлы Жәгъфәр ишан*»);

г) мусульманская обрядность, несущая в себе следы шаманизма: громкое чтение молитв суфиями («*суфилик нәгъраләре*»), изгнание бесов («*жәңләну күренешләренә*») [Там же, с. 4].

Н. Исанбет считает, что появлению татарского театра способствовало просветительство в лице династии Хальфиных, братьев

Фаизхановых, Ш. Марджани, К. Насыри, а также зарождение литературы Нового времени. Вот как ученый описывает изменения, происходящие в татарском обществе:

«XIX йөзгә икенче яртысында Казанда алдынгы татар гаиләләре, укымышлы яшьләр һәм фикерләрәк буржуа вәкилләренә, рус театрларына йөрүләре шактый көчәйгән иде. Пәрдале татар хатын-кызларын да тарту өчен, соңга табан хәтта ябык ложалар да ясалды, һәм татар тамашачысын жәлеп итү өчен, Сөембикә турында русча берничә пьесалар язылды». – «Во второй половине XIX в. наблюдается нарастающая динамика походов в Русский театр передовых татарских семей г. Казани, представителей учащейся молодежи и мыслящей буржуазии. Во имя привлечения татарских женщин, закрывающих лица, были оборудованы даже специальные закрытые ложа, чтобы привлечь внимание татарских зрителей, были написаны несколько русских пьес о Сююмбике» [Там же, с. 4].

В другой своей работе, написанной к полувековому юбилею татарского театра, «О национальном своеобразии татарского театра», Н. Исанбет вновь возвращается к этой теме [4, с. 3–4]. На основании знакомства с литературно-художественным сборником «Первый шаг» [13], анализируя дооктябрьский период истории татарского театра, приходит к следующему заключению:

«В условиях царского режима, в антагонистическом обществе, русские правящие и реакционные круги, например, вовсе не хотели, чтобы татары, называвшиеся тогда инородцами, могли пользоваться благами русской науки и культуры, а наоборот, всячески запугивали их крестовыми походами и преследованиями властей и миссионерских обществ, центром которых была выбрана Казань, запугивали от всего русского и такая установка целиком совпала интересам реакционных кругов внутри самих татар. Но прогрессивные силы татарского народа, как теперь явствует, не остались пассивными, требовало от царского правительство разрешение им на издание газет на своем языке еще в первой половине XIX в., а во второй половине XIX в. татарская публика в Казани ходила в русский драматический театр, за неимением своего. И это, видимо, имел такой массовый характер и кассово-выгодным, что театр вынужден был построить закрытые ложи для татарских женщин, и даже создать репертуар, специально написанные пьесы из жизни татар. Выходит, что вопреки запугиваниям реакционеров от всего прогрессивного, у татарского народа давно созрела потребность иметь свой национальный театр, готова была и публика. И если бы процесс развития у татар шел бы своим естественным ходом, то мы ныне отпразд-

новали бы не пятидесятилетия нашего театра, а может, и столетие его. Но самодержавие не разрешило им иметь ни своей периодической печати, ни своего театра» (орфография и синтаксис подлинника сохранены. – М. Х.).

Н. Исанбет в статье «Татар театры 25 ел эчендә» («Татарский театр за четверть века») ссылается на труд Н. К. Баженова «Казанская история» (1847) [10] и сборник «Первый шаг» [3, с. 4]. Сочинение Н. К. Баженова, состоящее из трех частей, охватывает обширный период с волжских булгар до 1847 г. Н. К. Баженов при работе над этой книгой исходил из того, что «казанская сторона» достойна иметь самобытную «собственную историю» [10, с. 3].

Автор Казанских историй считает, что на развитие театрального искусства в Казани благотворно повлиял приезд Павла I в 1798 г.:

«Император одобрял и драматическое искусство. Театральные представления водворились снова еще при губернаторе Баратаеве, но Павел позволил помещику Есипову завести театр публичный» [Там же, с. 97].

Мемуарист Ф. Ф. Вигель так отзывался об этом казанском помещике: он был одним «из тех русских дворян, ушибленных театром». Вот как описывает он описывает обед в доме казанского помещика:

«Я крайне удивился, увидев у него с дюжину довольно нарядных женщин. Я знал, что дамы его не посещают – это все были фени, матрешки, ариши, крепостные актрисы хозяйской труппы; я еще более изумился, когда они пошли с нами к столу и когда, в противность тогдашнего обычая, чтобы женщины садились все на одной стороне, они разместились между нами так, что я очутился промеж двух красавиц... На другом конце стола сидели – можно ли поверить? – авторы и музыканты Есипова, т. е. его слуги, которые сменялись, вставали из-за стола, служили нам и потом опять за него садились... После обеда все они наряжались и готовились потешить нас оперой „Cosa гага“, или „Редкая вещь“ <...> Играли и пели они, как и все тогдашние провинциальные актеры, „не хуже и не лучше“» (цит. по: [17]).

П. П. Есипов был «страстным любителем и знатоком сценического искусства». На средства своего имения помещик выстроил деревянное здание на каменном фундаменте. По условию соглашения, через 10 лет отставной прапорщик взамен деревянного должен был выстроить каменное здание. Труппа была составлена из актеров крепостного театра Есипова, а также

нескольких вольнонаемных (с именами актеров можно познакомиться в главе «Полубарские затеи» в книге М. И. Пыляева [17]). По свидетельству современников, П. П. Есипов поставил свой театр «на такую ступень, что он уступал разве только одним театрам столичным» [10, с. 381]. Ради содержания любимого детища помещик распродал свое имение по частям. В 1810 году П. П. Есипов обращается к губернатору Казани Б. А. Мансурову с просьбой о предоставлении субсидий на нужды театра либо переводе театра на государственное содержание.

Смеем предположить, что именно экономические трудности подтолкнули помещика к расширению аудитории зрителей за счет татар. «Татарская» афиша театра Есипова состояла из пьес о царице Сююмбике, а также трагедии Вольтера «Магомет» (1742), опубликованной на русском языке в 1809 г. П. П. Есипов создал специальные ложи для мусульман, закрытые занавесками. Публичный театр прекратил свое существование из-за смерти содержателя в 1814 г., а его здание было выставлено на торги в 1815 г. Все это дает нам основание считать, что недоразумение с премьерой трагедии «Магомет» в Казани случилось в период с 1809 г. по 1814 г.

Вот как это происшествие описывает Н. Баженов:

«Татары тоже полюбили театр, и каждое зрелище наполняли места всех цѣвъ, но случилось обстоятельство, после котораго уже они косились на сценическое искусство. Неосторожный Есиповъ вздумалъ дать трагедію Магометъ – и это обстоятельство какъ историческій анекдотъ, живетъ въ памяти народа, но исторія выстѣвляетъ его для сравненія понятій прежнихъ татар и нынѣшнихъ Татаръ. Едва лишь Татары увидѣли на сценѣ чалму Мухамеда и произнеслось имя его – между зрителями сдѣлалось смятеніе. О ужась! Мухамедъ на сцѣнѣ – алла!, алла! слышалось отъ бѣгущихъ изъ театра Татаръ; но нѣкоторые изъ татарскихъ простаковъ, можетъ быть, еще впервые и посѣтившихъ театръ, – поступили иначе. Увидѣвъ Мухамеда и непонимая еще, къ чему клонилось восклицаніе собратій они благоговѣнно пали ницъ, сбросили туфли свои и вопіяли: алла! подъ громкимъ хохотомъ зрителей. Имъ вообразилось, что дѣйствительный Магомедъ, сошедшій съ горныхъ, для укоризны правовѣрныхъ за ихъ изувѣрство – за ихъ ересь, что они не шли на призывъ невѣрныхъ въ храмину Таліи и Мельпомены. С техъ поръ, какъ трагедія обратилась въ комѣдію – Татары оставили театръ надолго, но нынѣ они очень прилежно посѣщаютъ его» [Там же, с. 98–99].

Краевед Н. Баженов при описании этого анекдотического происшествия ссылается на «Историю города Казани», изданную М. С. Рыбушкиным в 1849 г. [11]. В XVI главе краевед размышляет о начале театральных зрелищ в Казани [Там же, с. 128–131]. Он описывает первое театрализованное представление в гимназии по пьесе Мольера «Школа мужей», состоявшееся в 1759 г. Краевед подчеркивает роль царской власти в развитии театрального искусства в Казанском крае. М. С. Рыбушкин высоко оценивает вклад помещика П. П. Есипова в развитие первого публичного театра. Кратко охарактеризовав историю театра в Казани с 1759 г. по 1833 г., то есть за 74 года, краевед приходит к выводу:

«Татары, в послѣдствіи времени, сдѣлались страстными любителями театра. Они судятъ теперь объ этомъ предметѣ с достаточной разборчивостію» [Там же, с. 131].

После смерти П. П. Есипова в Казани действовал русский драматический театр, созданный, как уже говорилось выше, по указанию казанского губернатора С. М. Баратаева в 1791 г. и постоянно действовавший минимум с 1802 г. (ныне Казанский академический русский Большой драматический театр им. В. И. Качалова).

В 1833–1842 гг., то есть до пожара, в театре ставила свои спектакли труппа г. Соколова.

В 1844 г. здание было отстроено заново и «украсило собой самую красивую площадь» (ныне площадь Свободы). Распорядителем работ был И. В. ДоленгъГрабовский. Проект разработал губернский архитектор И. П. Безсонов. Декоратором театра выступил М. Г. Живокини. Это было трехэтажное здание. Описывая интерьеры нового театра, автор статьи «Театръ въ Казани» обращает внимание на наличие специальных лож для мусульманских семей:

«Боковые ложи, въ нижнемъ этажѣ выходящія на оркѣстр, внутри расписаны подъ обои и назначены одна для директоровъ театра, другая для семействъ мусульманскихъ и будетъ закрыта рѣшеткою» [12, с. 382].

Таким образом, в новом здании театра для татар, действительно, были устроены специальные ложи.

Этот театр сгорел в 1874 г. Судя по всему, именно в этот период посетил Казань русский

этнограф и общественный деятель Григорий Потанин, чьи путевые заметки «Отъ Новочеркасска до Казани» свидетельствуют о том, что татары активно посещали Русский театр:

«Водили меня въ Казанѣ посмотрѣть вновь после пожара отстроенный и расширенный театръ, прежде въ театрѣ были особые ложи для татаръ съ занавѣсками, нынѣ онѣ уничтожены. Думается театральная дирекція, что татаръ будутъ ѣздить и въ открытыя ложи, или она равнодушно смотритъ на вопросъ: будутъ или не будутъ они ѣздить. Театръ безъ сомнѣнія былъ всегда однимъ изъ средствъ привлеченія татаръ къ европейскимъ идеямъ» [13, с. 334].

Редактируя эти воспоминания, редактор Николай Агафонов счел необходимым заметить:

«Простонародье изъ татаръ, – но только мужчины – не стѣсняясь ходятъ въ театръ, въ райкъ и въ галлерейхъ всегда можно встѣтить ихъ нѣсколько, но татарскіе женщины повидимому лишены удовольствій быть в оперѣ или на драматическихъ преставленіяхъ, благодаря отсутствію закрытыхъ ложъ» [Там же].

Известно, что Григорий Потанин с супругой Александрой Лаврской покинул место ссылки – Никольское (Вологодская губерния) – 29 июня 1874 г. Семейная пара отправилась в Нижний Новгород, где жила мать супруги [14, с. 119]. Сюда они прибыли 5 июля. Вскоре этнограф получил ответ на извещение о полном прощении, и это означало, что Г. Н. Потанин мог свободно передвигаться по стране [Там же, с. 291]. В письме к Н. М. Ядринскому от 27 июля 1875 г. из Ялты этнограф сообщает, что будет добираться в Петербург через Керчь, Новочеркасск и Казань. Это дает основание нам предположить, что заметки Г. Н. Потанина о посещении Казани относятся к периоду 1874–1875 гг. [Там же, с. 179].

Познакомившись с Казанским театром, русский этнограф делает вывод:

«Казанскій театръ все болѣе приобрѣтаетъ значенія; Казань становится центромъ Поволжья и въ театральномъ отношеніи; казанская труппа на лѣто отправляется внизъ по Волгѣ до Астрахани и къ зимѣ возвращается. Съ нынѣшняго года въ Казани будетъ и опера» [13, с. 384].

Интересными, на наш взгляд, являются и наблюдения, опубликованные под псевдонимом *Все тотъ-же*, принадлежащим одному из

авторов, в «Камско-Волжской газетѣ». В статье «Забытое условіе успѣха сценическихъ произведений» ее автор критикует казанский театр за то, что игнорируются национальные особенности культуры местного населения:

«въ средѣ населенія Казани – 10 т. татаръ, 10 т. своеобразной народности съ особой религіей, преданіями, нравами, культурой... Мѣстный-же театр, претендуя на цивилизующее значеніе и нѣсколько разъ устраиваемый отчасти и на средства местныхъ татарх, как плательщиковъ городскихъ повинностей, никогда и не думалъ о нихъ. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы они вполне чуждались его. Нѣкоторые отъ нихъ, хотя и рѣдко, но появляются въ числѣ зрителей». Несомнѣнно, могли-бы ходить и чаще, если-бы театр, хотя сколько-нибудь откликнулся на ихъ интересы, слился съ ихъ своеобразной жизнью и такимъ образомъ сдѣлался бы понятенъ имъ» [Там же, с. 583].

В этой статье также описывается анекдотическая ситуация, возникшая в зале среди татар во время премьеры трагедии Вольтера «Магомет» [Там же]. Автор статьи критикует местный театр за игнорирование особенностей национальной психологии татарского населения, что создает новые препятствия на путях их европеизации [Там же, с. 584].

Итак, Н. Исанбет в своих статьях указывает, что в афише Русского театра для татарской аудитории было 4 произведения о царице Сююмбике. К сожалению, нам не удалось пока обнаружить сведения о том, какие именно это были постановки, даты их премьер. В силу этого вынуждены пока ограничиться кругом произведений, созданных в этот период на тему взятия Казани. Из курса русской литературы нам известно, что в 1779 г. была издана эпическая поэма «Россіяда» М. М. Хераскова, главными героями которой стали персонажи «Казанской истории» [18]. В 1806 г. в Москве была издана трагедия С. Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казанского царства» [19]. В 1810 г. А. Н. Грузинцов написал трагедию в стихах в 5 действиях «Покоренная Казань, или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV, проименованного Грозным» [20]. В 1814 г. М. С. Рыбушкин написал трагедию в 5 действиях и в прозе «Ионн, или Взятие Казани» [21]. Преподаватель Первой Казанской мужской гимназии посвятил ее создателю Первого публичного театра в Казани – П. П. Есипову. В том же году Г. Р. Державин написал либретто к опере «Грозный, или Покорение Казани» [22]. Оно

было опубликовано после смерти поэта в 1867 г. Сравнив эти произведения, литературовед А. И. Завьялова приходит к выводу, что «Херасков, Грузинцов, Рыбушкин в своих произведениях создали положительный образ Ивана Грозного, изобразили царя мудрым и великодушным правителем», а в опере «Грозный, или Покорение Казани» Державин впервые в русской литературе показал Ивана Грозного в облике «жестокого самовластителя» [23]. Интересный анализ этих пьес встречается в других работах этого литературоведа [24], [25].

Очень интересно тема «Татары и первый татарский театр» раскрыта в романе Г. Исхаки «Нищенка» (1901–1908). Писатель подробно описывает первое посещение своей главной героиней по имени Сагадат Русского театра. Судя по всему, девушка побывала на выступлении оперной труппы:

«В театре Сагадат с изумлением открыла для себя целый мир, о существовании которого не знала и не догадывалась. Она растерянно смотрела по сторонам: море людей в разнообразных, опрятных одеждах, женщины и мужчины в партере, сверкающие бриллиантами дамы в соседних ложах. Несколько этажей балконов и галерок, шум, который сменялся непонятной музыкой, – все было ново и совершенно необычно. Поднялся занавес, а там какие-то не то ханы, не то падишахи, послышалось очень громкое пение. Чистый, серебристый голос молодой женщины завораживал. Сагадат словно погрузилась в сон – забыла, кто она, целиком перенесаясь в мир ханов и падишахов.

Спектакль так захватил Сагадат, что даже во время антракта она продолжала пребывать под впечатлением событий, происходивших на сцене, с трудом понимая, что там разыгрывается жизнь давно прошедших времен. Ее настроение менялось вместе с музыкой, которую она не знала, вместе с красивыми песнями».

Девушка испытала противоречивые чувства при виде свободы поведения зрителей в театре: и протест, и одобрение одновременно. Мансур объяснил девушке, что она не права в своем осуждении женщин в соседних ложах, свободно общающихся с мужчинами: они «не бестыжые», а просто искренне радуются жизни. Именно в театре Сагадат поняла, что не хочет вести жизнь затворницы, а мечтает жить «новой красивой жизнью» [26, С. 118–119].

Г. Исхаки считал важным ввести в роман эпизод дискуссии о театре, разгоревшейся в доме абыстай. Так, главная героиня, оказавшись в гостях у Сагадат-бике, рассказывает ее

гостям о том, «какое это удовольствие бывать в театре», как «полезно женщинам бывать в театре». Среди гостей разгорается бурный спор о том, уместно ли татарской женщине посещать место, где «полно мужчин», где не считается обязательным закрывать лицо. Чтобы унижить свою гостью, указать ее место в обществе, абыйстай сравнивает театр с публичным домом) [Там же, с. 136–137]. Вот такой диапазон мнений зафиксировал Г. Исхаки в период создания татарского театра.

Весьма показательно, что в том же году Г. Камал разродился пьесой с весьма примечательным названием «Беренче театр» («Первый театр»), в котором реалистически достоверно описал конфликт между старшим и молодым поколением, разгоревшимся по поводу посещения театра внутри одной татарской семьи. Раздражителем общественных настроений становится первый татарский публичный спектакль. Зять Хамзе бая Вали так подчеркивает важность данного мероприятия в Казани:

«Беләсең бит, бүген мөселманча театрның беренче башлана торган көне. Шулай булгач, инде анда бөтен шәһәр халкы агылыр» [27, с. 53]. – «Ты же знаешь ведь, что сегодня в Казани состоится премьера спектакля в первом мусульманском театре. Коли так, то туда хлынет весь городской люд» (здесь и далее подстр. пер наш. – М. Х.).

Хамза бай считает, что данное представление направлено против религии и должно быть запрещено:

«Заманалар бозылды. Әле менә бүген теге урыс сымак нәрсәләр театр уйнап, динне мәскәрә кылмакчы булып йөриләр. Шуны булдырмакка йөрөп, бүген ясиҗгә бара алмыйча калдым. „Уйнатмагыз, рөхсәт юк!“, – дип Жамали үндергә әйткән идек, ул: „Минем эшем түгел, пристефкә үзенә әйтегез“, – диде. Пристефне өйдә туры китереп булмады. Галавага менгән идек, ул да алар яклы булырга кирәк: „Минем эшем түгел, сез палисәмистергә барыгыз“, – диде. Аңа барган идек, бакзалга киткән. Губернаторга да барган идек, бутишник: „Ул бу вакытта кеше кертми, иртәгә сәгать 12гә килегез“, – диде. Шулай итеп, ахрысы, бәдбәхетләрне туктатып булмады. Алла боерса, икенче вакыт уйнатмабыз әле, пристефне алдан ук күреп куярбыз» [27, с. 64–65 б]. – «Времена испортились. Вон равняющиеся на русских сегодня хотят сыграть театр, тем самым оскорбляя нашу религию. Сегодня я пропустил вечерний намаз, пытаюсь воспрепятствовать этому делу. Я сказал ундеру: „Не разрешайте играть, это запрещено“. Он отмахнулся от меня, что не его это дело и отправил к са-

мому приставу. Я не застал пристава дома. Поднялся к галаве, он оказался на их стороне. Он мне сказал: „Это не мое дело, идите к полицмейстеру“. Сходили к нему, а он ушел на вокзал. Сходили к губернатору, бутишник заявил: „Приходите завтра в 12 часов, он в это время не принимает“. Итак, мы не смогли остановить этих проклятых. Дай бог, в следующий раз не дадим играть на сцене».

Первый публичный татарский спектакль, таким образом, расколол татарское общество надвое.

«Само искусство театра жестоко преследовалось. В 1909 г. в журнале „Религия и жизнь“ за подписью 21 муллы была опубликована фетва, где великим грехом названа не только игра на сцене, но даже простое посещение театра. Люди старшего поколения помнят случаи, когда артисты избивались распоясавшимися фанатиками. В первую татарскую артистку Сахибжамал Гиззатуллину стреляли из револьвера!» [28], – констатирует А. Еники в 1957 г.

Все это лишний раз свидетельствует о том, насколько сложным и драматичным был путь татарского народа к созданию собственного национального театра.

Заключение

Оттолкнувшись от работ Н. Исанбета по истории татарского театра и драматургии, на основе анализа русских этнографических источников (книг, газет) сегодня мы можем утверждать, что татары начали посещать русский театр еще в начале XIX в. По-видимому, расширить круг своих зрителей за счет мусульманской аудитории помещик-театрал П. Есипов решил из-за материальных трудностей. В своем деревянном театре он создал специальные ложи для татарских зрителей с занавесками. В афише появились произведения на татарскую тематику. Татары перестали посещать театр из-за неграмотного менеджмента. Создатель публичного театра не учел особенности религиозных верований татар, чем привел эту зрительскую аудиторию на премьеру трагедии «Магомета» в смятение. Едва они увидели на сцене чалму Магомета и услышали его имя, как одни побежали из театра прочь с криками «Алла! Алла!», другие решили, что перед ними явился пророк, чтобы наказать за то, что они посещают «иноверное собрание», поэтому, сняв ботинки, «падали ниц». «С этого времени татары долго не посещали театра» (цит. по: [17]). Это происшествие пре-

вратилось со временем в театральный анекдот, который кочует из одного источника в другой.

Татарские ложи за деревянными решетками были в Казанском городском театре, отстроенном в 1844 г., о чем нашли свидетельство в местной газете «Казанские губернские ведомости» за 1849 г. В здании же, отстроенном после пожара в 1874 г., такие ложи отсутствовали, что побудило этнографов прийти к заключению, что татары полюбили театр и не испытывают дискомфорта от открытого посещения театра. Это нашло отражение в дальнейшем и в татарской художественной литературе (роман Г. Исхаки «Нищенка», 1901–1908; комедия Г. Камала «Первый театр», 1908), где описывается посещение татарами театра.

Выводы

Наки Исанбет внес огромный вклад в изучение истории татарского театра. Его рецензии и статьи до сих пор не потеряли актуальности. Благодаря трудам ученого, мы узнаем, что татары массово посещали русский театр уже в XIX в. Обнаруженные нами русские источники способствуют ликвидации «белых пятен» в национальной истории. В дальнейшем эта тема требует специального изучения.

Литература

1. Благоев Ю. А., Илялова И. И. Театр // Татарская энциклопедия в 6 т. т. 5. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2010. С. 600–601.
2. Исәнбәт Н. Татар театры драматургиясе // Казак әдебиеті. 1962. № 43. 26 октябрь.
3. Исәнбәт Н. Татар театры 25 ел эчендә // Н. Исәнбәтнең шахси архивы. Кулъязма. Машинкада басылган. 38 б.
4. Исанбет Н. О национальном своеобразии татарского театра // Личный архив Н. Исанбета. 1956. Рукопись. 10 с.
5. Исәнбәт Н. Беренче татар комедиясе кайдан алынган («Чистай комедиясе» турында) // Яңалиф. 1930. № 10.
6. Исәнбәт Н. Драма эсәрләрендә конфликт, уңай һәм тискәре образ мәсьәләләре // Совет әдәбияты. 1952. № 6. Б. 94 – 114.
7. «Бәхетсез егет» // Сов. Татария. 29 январь.
8. Исәнбәт Н. Театр һәм драматургиябез үсеш юлында // Сов. Татарстаны. 1958. 14 октябрь.
9. Исәнбәт Н. Бөек артистка һәйкәл // Габдулла Кариев турында истәлекләр. Казан. 1967. Б. 164.
10. Баженов Н. Казанская история в 3 ч. Ч. 2. Казань: типография университета, 1847. 150 с.
11. Рыбушкин М. С. Краткая история города Казани: Ч. 1–2 / соч. адъюнкта М. Рыбушкина. Казань: тип. Л. Шевиц, 1848–1849 (обл. 1850). 2 т.; 22.
12. Театр в Казани // Казанские губернские ведомости. 1849. № 40. 379–384 с.
13. Первый шаг. Казань. 1876. 594 с.
14. Письма Г. Н. Потанина в 2 т. Т. 2. Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1988. 344 с.
15. Шамуков Г. Нәкый Исәнбәт. Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. 76 б.
16. Ханзафаров Н. Нәкый Исәнбәт драматургиясе. Казан: Татар. кит. нәшр., 1982. 192 б.
17. Пыляев М. И. Полубарские затей // Замечательные чудачки и оригиналы. 1898. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B8_\(%D0%9F%D1%8B%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D0%B2\)](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B1%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D0%B7%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B8_(%D0%9F%D1%8B%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D0%B2)) (дата обращения: 12.10.2022)
18. Херасков М. П. Творения М. Хераскова: Вновь исправленные и дополненные. М.: Унив. тип. у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1796–1803. 336 с.
19. Глинка С. Н. Сумбека, или Падение Казанского царства. Трагедия в пяти действиях / Сочинение Сергея Глинки. М.: В типографии Платона Бекетова, 1806. 79 с.
20. Грузинцов А. Н. (ок. 1779 – не позднее 1821). Покоренная Казань или Милосердие царя Иоанна Васильевича IV проименованного Грозным: Трагедия в пяти действиях в стихах. СПб.: Императорская тип., 1811. 61 с.
21. Рыбушкин М. С. Иоанн, или Взятие Казани: Трагедия в пяти действиях, в прозе / М. С. Рыбушкин. Казань: В Университетской типографии, 1814. 110 с.
22. Грозный // Сочинения Державина: в 9 т. / с объясн. примеч. и предисл. Я. Грота. СПб.: изд. Имп. Акад. Наук: в тип. Имп. Акад. Наук, 1864–1883. Т. 4. 863 с.
23. Завьялова А. И. Иван Грозный в творчестве русских писателей второй половины XVIII – начала XIX вв. // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. № 4. С. 136–145.
24. Завьялова А. И. К вопросу о «Казанской истории» как источнике поэмы М.М. Хераскова «Россияда» // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки, 2020. Т. 162. Кн. 5. С. 272–280.
25. Завьялова А. И. «Иоанн, или Взятие Казани» М. С. Рыбушкина: история публикации пьесы и ее литературные источники // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2022. № 1. С. 35–40.
26. Исхаки Г. Нищенка. Мулла-бабай / пер. А. И. Киллевой-Бадюгиной. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 352 с.
27. Камал Г. Беренче театр // Г. Камал. Сайланма эсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2004. Б. 50–66.
28. Еникеев А. Во имя искусства // Советская культура. 1957. 23 мая.

XIX ГАСЫРДА ТАТАРЛАР ҺӘМ КАЗАН ШӘҺӘРЕНЕҢ РУС ТЕАТРЫ

Миләүшә Мөхәммәтжан кызы Хәбетдинова,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
mileuscha@mail.ru.

Мәкаләдә татарларның беренче тапкыр Казандагы рус театрына килү тарихы мәсьәләсе карала. Татар тикшеренүчеләре арасында бу теманы беренчеләрдән булып, 1962 елда Казахстанның «Казакъ әдәбияты» газетасында басылган мәкаләсендә Н. Исәнбәт күтәрә. Мәкалә авторы энциклопедист галимнең татар театры тарихына багышланган ике язмасын фәнни әйләнешкә кертә: «Татар театры 25 ел эчендә» (1946/1947), «Татар театрының милли үзенчәлеге турында» (1956). Н. Исәнбәт «XIX гасырда татар һәм рус театры» темасын эшләгәндә, Н. Баженовның «Казан тарихы» (1847) хезмәтенә, «Беренче адым» (1876) әдәби-нәфис жыентыгына таяна. Мәкаләдә әлеге темага кагылышлы чыганаclar даирәсе «Казанские губернские ведомости» (1836–1917) һәм «Камско-Волжская газета» (1872–1874) басмаларында чыккан язмалар, Н.С. Рыбушкин, Ф.Ф. Вигель, М.И. Пыляев хезмәтләре хисабына шактый киңәйдә. Әлеге чыганаclar XIX гасырның беренче дистә елында ук Казан алпавыты П. Есиповның халык театрында (1802–1814) татарлар өчен билет саткан акчалар хисабына пәрделәр белән капланган махсус ложалар булдырыла. Аның театры репертуарында Казан егыллу һәм Сөембикә-ханбикә белән бәйле татар темасына берничә әсәр дә була. Вольтерның «Мөхәммәт» трагедиясенә премьерасының уңышсызлыгы татарларның театрға йөрүенә тискәре йогынты ясый. Рус театрының янгыннан соң төзелгән бинасында да агач рәшәткәләр артында мөселманнар өчен махсус ложалар булуы билгеле. 1874 елгы янгыннан соң төзелгән яңа бинада әлеге ложалар юкка чыга, бу исә рус этнографларына татар тамашачылары театрда үзләрен уңайсыз хис итмәгән дип нәтижә ясарга мөмкинлек бирә. Мәкаләдә XIX гасырның беренче яртысында рус язучыларының татар темаларына язган әсәрләр исемлегә дә системага салына.

Төп төшенчәләр: театр, татарлар, Казандагы Рус театры, татарлар өчен ябык ложалар, рус театрларының татар репертуары

Казань, Площадь Театральная.

Personalia

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-155-163

**INVESTING THE WARMTH OF HER SOUL...
(THE 90TH ANNIVERSARY OF RESEDA GANIYEVA)**

Alfat Magsumzyanovich Zakirzyanov,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art,
the Science Academy of the Republic of Tatarstan,
12 K. Marks Str., Kazan, 420111, Russian Federation,
alfat_zak@mail.ru.

Ganieva Reseda Kadyrovna (1932–2020) was a literary critic, teacher and scientific mentor. In 1952–1958, she studied at the Faculty of the Tatar Language and Literature of Kazan State University; in 1958–1962, she did a postgraduate course at Moscow University at the Department of Peoples of the USSR. In 1962–2011,

Ганиева Резеда Кадыйр кызы (1932–2020) – әдәбият галиме, педагог, фәнни остаз. 1952–1958 елларда КДУның татар теле һәм әдәбияты бүлегендә, 1958–1962 елларда Мәскәү университетының СССР халыклары кафедрасы каршындагы аспирантурада укый.

Р. Ганиева 1962–2011 елларда

Ганиева Резеда Кадыйровна (1932–2020) – литературовед, педагог, научный наставник. В 1952–1958 гг. училась на факультете татарского языка и литературы Казанского государственного университета, в 1958–1962 гг. – в аспирантуре Московского университета при кафедре народов СССР. В 1962–2011 гг. Р. Ганиева

R. Ganieva was engaged in pedagogical and scientific work at the Department of Tatar Literature of Kazan University. In 1964, she received a Candidate of Philology degree, in 1992 she was awarded a Doctor of Philology degree. She was a professor of Kazan State University (now KFU) (1993) and a professor in the Department of Tatar Literature (1993).

Her sphere of scientific interests included Literature of the Middle Ages and Modern Times, Eastern Classics, Literature of the Peoples from the Ural-Volga Region, Tukay Studies and Iskhak Studies. She was an Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (1994).

Казан университетының татар әдәбияты кафедрасында педагогик һәм гыйльми эшчәнлек белән шөгыльләнә. 1964 елда филология фәннәре кандидаты, 1992 елда филология фәннәре докторы гыйльми дәрәжәсенә ия була. Казан дәүләт университеты (хәзер КФУ) профессоры (1993).

Фәнни хезмәтләре Урта гасыр һәм яңа заман татар әдәбияты, Шәрәк классикасы, Идел - Урал буе, төрки халыклар әдәбиятлары, Тукай турындагы гыйльми, Г. Исхакый фәне һәм башка тармакларга карый. Татарстан Республикасының атказанган фән эшлеклесе (1994).

занималась педагогической и научной деятельностью на кафедре татарской литературы Казанского университета. В 1964 г. снискала степень кандидата филологических наук, в 1992 г. ей присудили степень доктора филологических наук. Профессор Казанского государственного университета (ныне КФУ) (1993), профессор кафедры татарской литературы (1993).

Сфера научных интересов: литература Средневековья и Нового времени, восточная классика, литература народов Урало-Поволжья, тукаеведение, исхакиеведение.

Заслуженный деятель науки РТ (1994).

From the 1960s, Prof. Reseda Ganieva, an Honored Scientist of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, conducted serious research in the field of Tatar literary criticism and made a great contribution to clarifying its methodology, principles and methods, identifying new areas of research; she received wide recognition as a researcher of the literatures of the Volga and Ural peoples. The date of her 90th anniversary, her life and creative path, her personal qualities and scientific achievements are an opportunity to look back and determine their value in the past and in modern literary science.

R. Ganieva was born in the village of Maly Sherdan, the Zelenodolsky District, outside Kazan on November 13, 1932. When the Great Patriotic War broke out and her father Gabdelkadir went to the front, she was less than 9 years old. They were the first in the village to hear the sad news about their father's death in one of the bloody battles for Leningrad. Widowed with four children, her mother, Khabira, did everything to protect her children from starvation, to give them an education and a profession. Being the eldest daughter, Reseda had to go through hardships of life at an early age. The bright teenage girl set big goals, never succumbing to difficulties. After graduating from a seven-year school in her native village, she entered the Kazan Pedagogical School and was recognized as one of its best students. All her life she remembered with nostalgia her teachers at the Pedagogical School, Zifa and Nail Gubaidullins, who helped her with advice during her school years; Vali Khaziev, Raziya Bayazitova and others, her mentors, who admired her as while she was their student.

With a diploma from the Pedagogical School, for several years, she taught at schools in Kazan and Mulma, the village in the Vysokogorsky District. During this period, she studied in absentia at the Department of the Tatar Language and Literature of Kazan State University. On the advice of her mentor, Prof. I. Nurullin, she entered the graduate school at the Department of Literature of the Peoples of the USSR at Moscow University and began to study the theme of satire in G. Tukay's work. Here, R. Ganieva discovered a new world. Listening to the lectures, delivered by her scientific adviser Madina Iskanderovna Bogdanova, as well as the famous scientists of the department I. Braginsky, Kh. Ker-Ogly, A. Klimovich, R. Bikmukhametov, A. Zainetdinov, Sharaf and others, and being in constant communication with them expanded her scientific horizons and range of interests. Thanks to her fellow students and the study of Bashkir, Chuvash, Kyrgyz, Azerbaijani, Komi and Yakut literatures, she was able to conduct her further research.

Having successfully completed her postgraduate studies in 1962, R. Ganieva began her work in the Department of Tatar Literature at Kazan State University. Here, she went from an assistant professor to a full professor. Over 50 years of her work in the department, Reseda Kadyrovna became a prominent scholar who was engaged in contextual and comparative studies of various periods of the Tatar literature history. She researched Eastern and Arabic literature, giving scientific and theoretical substantiation of traditions and innovations in verbal art. She also explored the methods used in teaching Tatar

literature, the terms and concepts, revealing the inner nature of literary trends, and studied the features characterizing the artistic thinking of dozens of writers.

Reseda Ganieva was a teacher and mentor who greatly influenced the lives of thousands of students. Her lectures and seminars were a school in their own right. Rezeda Kadyrovna's love for the art of the word, her deep knowledge and comprehension of its innermost secrets aroused in her students genuine interest in scientific research. She was an experienced and highly qualified lecturer. Even in the times when the pressure of Soviet ideology was strong, she taught her students the skills of spiritual freedom, the objective approach to literary phenomena, free from any bias when studying and evaluating literature.

The personal qualities of R. Ganieva were reflected in her scientific research. She stood out among her colleagues for her integrity and factuality. Her works had a firm scientific and theoretical basis, characterized by richness of the factual material and deep respect for her predecessors' achievements, which accounts for the great value of her scientific work today.

The young scientist began her first scientific study with the work about Tukay. She successfully defended her PhD thesis devoted to the study of the great poet's satirical works in the context of the literary movement of that time. Her study "Satirical Works of G. Tukay" (1964) was a serious scientific novelty in Tatar literary criticism [1]. The author focused on the disclosure of the aesthetic value of Tukay's works. Her findings concerning the history of the poet's writing, the conditions that influenced his work, as well as the impact of Eastern and Arabic literature on Tukay's thoughts aroused great interest in the literary community. It should be noted that the theme of Tukay remained the focus of R. Ganieva's attention throughout her life [2, p. 171]. R. Ganieva wrote that the poet was the one who radically changed Tatar poetry, raised it to the level of world literature, and had a huge impact on late Tatar literature, on the art of the Turkic word. "The scholar upheld the greatness of Tukay's work, exploring its ideological and semantic depth, philosophical and aesthetic nature and the figurative embodiment of poetic thinking, which ensured the revival and development of Tatar poetry at a new level" [3, p. 158], writes T. Gilazov.

Whatever period of national verbal art Rezeda Kadyrovna studied later, she connected it with the

great Tukay, for the poet worked on the literary and aesthetic values of the centuries-old Turkic-Tatar literature, which, like the traditions of Tukay, served as a source of inspiration for poets of different generations, a model of artistic skills. R. Ganieva considered Tukay to be a folk poet who creatively absorbed the achievements of Eastern and Russian-European literature, developed in our national traditions, in our native land, and this conception opened the way to numerous new studies. In her work "The Spiritual World of Tukay" (2002) [4], as well as in dozens of articles in the "Encyclopedia of Gabdulla Tukay" (2016) [5], the poet's work is assessed in the context of public life, Islam, the Tatar Renaissance and the changes that took place in the literary process of that time, its significance for the national culture of its time and modernity.

The study of the enormous creative heritage of the national poet aroused R. Ganieva's interest in the theory of literature. In the 1970s–1980s, the search for new ways of studying verbal art began in the country, and the interest in literary trends, principles, methods, genres and styles was on the increase. The scholar's research on the characteristic features of Tukay's artistic thinking led her to the scientific issue of creative methods used in Turkic literature. As a result, "The Creative Method of Tukay (in relation to the evolution of romantic tendencies)" (1972) [6], "Issues of the Creative Method in Turkic Literature" (1979) [7] and other works enriched and complemented the studies of N. Gulyaev, Kh. Gusman, I. Nurullin, J. Nigmatullina, et al.

A special place in R. Ganieva's studies is occupied by her studies of the art of the word in the early twentieth century. The scholar, following the views of Z. Validi, G. Sagdi, G. Nigmati, considered this period to be the second Renaissance of Tatar literature, that is, the continuation of the Turkic Renaissance traditions, formed in new conditions under the strong influence of the Eastern Renaissance. Linking its beginnings with the activities of the enlightenment movement and its prominent representatives K. Nasyri, Sh. Marjani, she examined the work of the major figures of Tatar literature in the early twentieth century: F. Amirkhan, G. Ibragimov, N. Dumavi, Sh. Kamal, S. Ramiev, Sh. Babich and others. In this regard, the beginning of the twentieth century put an end to many discussions, indicating the main features of Tatar verbal art, in particular, that Enlightenment realism gave way to critical realism, Eastern romanticism was replaced by

European romanticism; in addition to these, classical trends, such trends of modernism as symbolism, existentialism, expressionism, impressionism and acmeism were also typical of this period.

The scholar's research, relating to the early the 20th century, is complemented by the works devoted to G. Iskhaki. After ideological and political restrictions on the studies of the past were removed, R. Ganieva, together with the students, took up research into the textological and literary-aesthetic aspects of Iskhaki's work, the author who became "an outstanding prose writer, playwright, publicist and leader of the national liberation movement" [p. 8, 6]. Her colleagues, I. Nurullin, G. Makhmutov, L. Gainanova, A. Sakhapov, F. Musin, Kh. Minnegulov, M. Khasanov, A. Akhmadullin, F. Galimullin and others, continuing research in this area, interpreted G. Iskhaki's work as an integral phenomenon in the context of centuries-old traditions of Tatar literature. In the course curriculum "The Work of Gayaz Iskhaki" for students of Tatar literature, R. Ganieva, conducting a detailed study and evaluation of his numerous works, highlighted the periods of "enlightenment", "tanchylyk (the period when he was fascinated by revolutionary ideas)", "nationalism", "emigration", indicating the qualitative changes that determined the essence of each period. The conceptual novelty of G. Iskhaki's work and the methods for studying it, emphasized in this curriculum, are scientific findings that are still valued today [9, p. 260].

The work of R. Ganieva "Eastern Renaissance and the poet Kul Gali" (1988) [10] and the doctoral dissertation "Eastern Renaissance and its traditions in Turkic literatures", defended on its basis in 1992 [11], enriched Tatar literary studies with new scientific ideas and results. Studying the features of the Eastern Renaissance, the scholar points to the strong influence of this artistic period on the Turkic Renaissance. In her opinion, "The Legend of Yusuf" by Kul Gali was a poem created under the influence of Arab-Muslim philosophy [12, p. 180]. She emphasized that the Bulgar writer, relying on the philosophy of monotheism (at-Tawhid), depicted a person in the center of the universe. She came to the conclusion that the connection between the inner and outer beauty of the personality, their feelings and mind were a synthesis of moral and Sufi views. Evaluating Kul Gali's famous story as a work that marked the beginning of the Tatar revival, she noted its rich traditions.

The monographs of Reseda Kadyrovna "Tatar Literature: Traditions and Relationships" (2002) [13], "Traditions of the Eastern Renaissance in the Turkic Literatures of the Middle Ages and Modern Times" (2014) [14], which became a continuation of the abovementioned studies, reveal the development of national verbal art in close relationship with the literatures of the Turkic peoples. R. Ganieva explored, in terms of traditions and socio-social contradictions of that time, the spiritual heritage of such writers as Mukhammadyar, Maulya Kuli and G. Utyz Imani who were out of sight of the contemporary literary community. In his poems, Muhammadyar, the 16th century poet, highlighted the signs of the Turkic Renaissance, elevated the human personality, defending the justice of the relationship between the judge and the people and other universal values. Noting the inconsistency of the works by M. Kulyi, who lived and worked in the 17th century, she discovered that universal ideals were hidden behind his religious and Sufi views. In his works, along with an idea of brevity of life and a warning about inevitability of death, she found such motifs as patience and generosity, a desire for family happiness, and the glorification of the farmer's work. G. Utyz-Imani was regarded as a supporter of the need for religious and secular education. According to R. Ganieva, this writer's work was also a contradictory one, he put religious science above secular science and through it, he called for knowing the world, for the improvement of the reader's morality and patience.

Along with her research into the works of the Tatar writers from different eras (Y. Balasaguni, Mukhammadyar, M. Kuly, G. Utyz-Imani, K. Nasyri, R. Fakhretdin, G. Tukay, G. Iskhaki, F. Amirkhan, Sh. Babich, G. Taktash, H. Tufan, M. Jalil, S. Hakim, R. Gatash, M. Mirza), R. Ganieva made a significant contribution to the study of the heritage of outstanding Turkic and Slavic writers of the peoples from the Volga and Ural regions. Her articles, devoted to the work of Ukrainian T. G. Shevchenko, Russian M. M. Kheraskov, Azerbaijanis Vagif, Vazekh and Sabir, Kazakh Abai, Turkmen Makhtumkuli, Chuvash M. Sespel and others, express deep respect for the verbal art of these peoples. The scholar enriched the study and comparative- historical evaluation of literature with new ways and methods.

"She was a mentor who created her own scientific school in the field of the Eastern cultural movement revival, developed new creative methods in literary studies and established new

interliterary relations" [15, p. 175], she brought numerous students, graduate students and colleagues to the world of science, and they willingly shared her deep knowledge. R. Ganiyeva, her way of life and personal qualities, was an example of a real teacher, mentor and personality. The numerous works of the scholar, characterized by scientific and theoretical depth, rich philosophical and aesthetic content, raised the Tatar literary science to a new level, laying the foundations for new research, today they are an important spiritual heritage.

References

1. Ganiyeva, R. (1964). *Satiricheskoye tvorchestvo G. Tukaya* [Satirical Works of G. Tukay]. Kazan', izd-vo KGU. (In Russian)
2. Yusupova, N. M. (2017). *Zhizn', posvyashchennaya nauke* [Life Dedicated to Science]. Volga. No. 11, pp. 66–67. (In Russian)
3. Gilazov, T. Sh. (2008). *Osnovnye tendentsii razvitiya tukayevedeniya na rubezhe XX – XXI vekov* [The Main Tendencies of Tukay's Poetry Studies at the Turn of the 20th – 21st Centuries]. Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Tom 150, Kniga 8, Seriya Gumanitarnye nauki, pp. 42–47. (In Russian)
4. Ganiyeva, R. (2002). *Dukhovnyi mir poeta (po materialam entsiklopedicheskogo slovaryaspravochnika "Gabdulla Tukay")* [Spiritual World of the Poet (based on the encyclopedic dictionary-reference book "Gabdulla Tukay")]. Kazan', Istoriya. (In Russian)
5. *Gabdulla Tukay. Entsiklopediya* (2016) [Gabdulla Tukay. Encyclopedia]. Sost. Z. Z. Ramiyev. 864 p. Kazan', Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova. (In Russian)
6. Ganiyeva, R. (2002). *Tvorcheskii metod Tukaya (k evolyutsii romanticheskikh tendentsii)* [Tukay's Creative Method (on the evolution of romantic tendencies)]. *Dukhovnyi mir poeta (po materialam entsiklopedicheskogo slovaryaspravochnika "Gabdulla Tukay")*. Pp. 65–85. Kazan', Istoriya. (In Russian)
7. Ganiyeva, R. (1979). *Voprosy metoda tvorchestva v tyurkskoi literature* [Issues of the Method of Creativity in Turkic Literature]. Aktual'nye voprosy sovremennogo tatarskogo literaturovedeniya. Pp. 97–105. Kazan'. (In Russian)
8. Ganiyeva, R. K. (2005). *Tvorchestvo Gayaza Iskhaki* [Gayaz Iskhaki's Work]. Kazan', Kazanskii gosudarstvennyi universitet. (In Russian)
9. Zakirzyanov, A. M. (2011). *Velikaya doch' Maloi Shygyrdan* [The Great Daughter of Maloy Shygyrdan]. *Dukhovnaya opora: literaturno-kriticheskiye stat'i*. Pp. 256–261, Kazan', Tatar.kit.izdaniye. (In Russian)
10. Ganiyeva, R. K. (1988). *Vostochnyi Renessans i poet Kul Gali* [Eastern Renaissance and the Poet Kul Gali]. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)
11. Ganiyeva, R. (1992). *Vostochnyi Renessans i yego traditsiya v tyurkskikh literaturakh: diss ... dokt. filol. nauk* [Oriental Renaissance and Its Tradition in Turkic Literatures: Doctoral Thesis]. (In Russian)
12. Sayapova, A. M. (2017). *Yubilei uchitelya* [Jubilee of the Teacher]. Filologiya i kul'tura. No. 4, pp. 255–256. (In Russian)
13. Ganiyeva R. (2002). *Tatarskaya literatura: traditsii, svyazi* [Tatar Literature: Traditions and Connections]. Kazan', izd-vo universiteta. (In Russian)
14. Ganiyeva, R. (2014). *Traditsii Vostochnogo Renessansa v tyurkskikh literaturakh Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Traditions of the Eastern Renaissance in Turkic Literatures of the Middle Ages and Modern Times]. Kazan', izd-vo "Nauka" AN RT. (In Russian)
15. Zagidullina, D. F. (2017). *Miry, otkrytyye uchenym* [Worlds, Discovered by Scientists]. Ogni Kazani. No. 11, pp. 171–176. (In Russian)

КҮҢЕЛ ЖЫЛЫСЫН САЛЫП... (РЕЗЕДА ГАНИЕВАНЫҢ ТУУЫНА 90 ЕЛ)

Әлфәт Мәгъсүмжан улы Закиржанов,

ТР ФАнең Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты,
Россия, 420111, Казан ш., К. Маркс ур., 12 нче йорт,
alfat_zak@mail.ru.

XX гасырның 60 елларыннан башлап, татар әдәбият белеме өлкәсендә житди тикшеренүләр алып барган, аның методологиясен, принцип-методларын ачыклауга, яңа эзләнү юнәлешләрен билгеләүгә зур өлеш керткән, үзенә хезмәтләре белән Идел – Урал бие һәм төрки халыкларның әдәбиятлары фәнендә киң танылу

алган галимнәрнең берсе – Татарстан Республикасының атказанган фән эшлеклесе, филология фәннәре докторы, профессор Резеда Кадыйр кызы Ганиева. Галимәнең тууына 90 ел тулу датасы, аның тормыш һәм ижат юлын, шәхес сыйфатларын, фәнни табышларын тагын бер кат күздән кичереп, аларның үз вакытында

һәм бүгенге көн әдәбият фәнендә кыйммәтен билгеләү мөмкинлегә бирә.

Р. К. Ганиева 1932 елның 13 ноябрендә Казан артындагы Яшел Үзән районы Кече Шырдан авылында туа. Бөек Ватан сугышы башланып, әтисе Габделкадыйр фронтка киткәндә, аңа 9 яшь тулмаган була. Ленинград өчен барган канлы сугышларның берсендә әтисенң һәлак булуы турындагы кайгылы хәбәр авылларында беренче булып аларга килә. Дүрт бала белән тол калган Хәбирә апа балаларын ач үлемнән саклап калу, укуту, һөнәрле итү өчен барысын да эшли. Олы кыз буларак Резедага бик иртә тормыш «арба»сын тартырга туры килә. Үткен, чая яшүсмер, авырлыкларга баш имичә, зур максатлар куеп укый. Туган авылында жидееллык мәктәпне тәмамлаганнан соң, Казан педагогия училищесына укырга керә һәм иң алдынгы укучыларның берсе булып таныла. Мәктәп елларында киңәш-табышлары белән ярдәм иткән укучылары Зифа һәм Наил Гобәйдуллиннарны, училищедә укыганда шәхес һәм остаз буларак соклану уяткан Вәли Хәжиевны, Разия Баязитованы һ.б.ларны гомере бие сагынып искә ала.

Педагогия училищесы дипломы белән берничә ел Казан һәм Биектау районы Мүлмә авылы мәктәбендә балалар укыта. Шул чорда Казан дәүләт университетының татар теле һәм әдәбияты бүлегендә читтән торып белем ала. Остазы профессор И. Нуруллин киңәше белән Мәскәү университетының СССР халыклары әдәбияты кафедрасы каршындагы аспирантурага укырга керә һәм Г. Тукай ижатында сатира темасын өйрәнә башлый. Монда Р. Ганиева үзе өчен яңа дөнья ача. Фәнни житәкчесе Мәдинә Искәндәр кызы Богданова, шулай ук кафедраның танылган галимнәре И. С. Брагинский, Х. Г. Кер-Оглы, А.И. Климович, Р. Г. Бикмөхәммәтов, А. А. Шәрәф һ.б. лекцияләрен тыңлау, даими аралашу аның фәнни офыкларын, кызыксынуларын киңәйтә. Үзе белән бергә укыган аспирантлар ярдәме белән башкорт, чуваш, кыргыз, азәрбайжан, коми, якут әдәбиятларын өйрәнү дә киләчәк тикшеренүләренә нигез була.

Аспирантураны уңышлы тәмамлап, Р. К. Ганиева 1962 елда Казан дәүләт университетының татар әдәбияты кафедрасына эшкә алына. Монда ул ассистенттан алып профессор дәрәжәсенә кадәр хезмәт юлы үтә. Кафедрада 50 елга якын эшләү дәверендә Резеда Кадыйр кызы татар әдәбияты тарихының төрле чорларын, Шәрык һәм Гарәб әдәбиятлары

контекстында һәм чагыштырма планда тикшергән, сүз сәнгатендәге традицияләргә һәм яңачалыкларны, термин-төшенчәләргә фәнни-теоретик нигезләгән, татар әдәбиятындагы әдәби юнәлеш, агым, методларның эчке хасиятләрен ачып, дистәләгән әдипнең сәнгати фикерләү үзенчәлеген өйрәнгән зур галимә булып таныла.

Резеда Ганиева – меңләгән студентларның тормышта үз урыннарын табуына зур өлеш кертән укытучы-остаз да. Аның лекция-семинарлары үзе бер мәктәп булып тора. Резеда Кадыйр кызының сүз сәнгатенә мөхәббәте, аны яхшы белү һәм эчке серләренә төшенү омтылышы укучыларында да фәнни тикшеренү эшенә кызыксыну уята. Ул югары дәрәжәдәге оста лектор. Совет идеологиясе басымы көчле булган чорларда да шәкертләрендә рухи ирек, әдәби күренешләргә объектив якын килү, әдәбиятны һәр төр конъюнктурадан азат итеп өйрәнү һәм бәяләү күнекмәләре тәрбияли.

Р. Ганиеваның шәхси сыйфатлары фәнни тикшеренүләренә дә йогынты ясый. Ул коллегалары арасында принципиальгә, фактларга һәм дәлилләргә нигезләнүе белән аерылып тора. Хезмәтләренә фәнни-теоретик нигезенә ныклыгы, фактик базасының байлыгы, үзенә кадәрге галимнәргә тирән хөрмәте гыйльми эшчәнлегенә кыйммәтен бүген дә саклый.

Яшь галимә тәүге фәнни тикшеренүләрен Тукай ижаты белән башлап җибәрә. Бөек шагыйрьнең сатирик эсәрләрен шул чор әдәби хәрәкәте яссылыгында өйрәнүгә багышланган кандидатлык диссертациясен уңышлы яклай. «Сатирическое творчество Г. Тукая» («Г. Тукайның сатирик ижаты») (1964) хезмәте татар әдәбияты белеме фәненә җитди фәнни яңалык алып килә [1]. Автор үз игътибарын Тукай эсәрләренә эстетик кыйммәтен ачуга юнәлтә. Аларның язылу тарихын, шагыйрь каләменә йогынты ясаган шартларны, шулай ук Шәрык һәм Гарәб әдәби фикеренә Тукайга тәэсирен ачудагы табышлары әдәби жәмәгатьчелектә зур кызыксыну уята. Өйтергә кирәк, Тукай темасы галимәнең гомерлек юлдашы булып кала [2, 171 б.]. Р. Ганиева шагыйрьне татар поэзиясен тамырдан үзгәртеп, дөнья әдәбияты дәрәжәсенә күтәргән, үзеннән соңгы татар әдәбиятына, төрки халыклар сүз сәнгатенә гаять зур йогынты ясаган әдип дигән нәтиҗә ясый. «Галимә үз игътибарын, яңа кимәлдә иҗат итеп, татар шигъриятенә яңарышын һәм үсешен тәмин иткән Тукай

ижатының фикри-мәгънәви тирәнлеген, фәлсәфи-эстетик табигатен һәм шигъри фикерләвенен сурәтле-бизәклә гәүдәләнешен тикшереп, аның бөеклеген һәм даһилыгын раслауга юнәлтә» [3, с. 44], – дип яза Т. Гыйлажев.

Резеда Кадыр кызы алга таба милли сүз сәнгатенен кайсы гына чорын өйрәнсә дә, аны бөек Тукайга китереп тоташтыра, чөнки шагыйрь күпгасырлык төрки-татар әдәбиятындагы әдәби-эстетик кыйммәтләренә фокус рәвешендә үз ижатында туплаган булса, соңрак алар, Тукай традицияләре буларак, төрле буын шагыйрьләренә илһам чыганагы, сәнгати осталык үрнәге булып хезмәт итә. Р. Ганиева Тукайны, шәрык һәм рус-европа әдәбиятлары казанышларын ижади үзләштереп, милли традицияләребездә, үз жирлегебездә формалашкан халыкчан шагыйрь дип санып һәм аның элгә концепциясә күпсанлы яңа тикшеренүләргә юл ача. Галимәнең «Тукайның рухи дөнъясы» (2002) [4] хезмәтендә, шулай ук «Габдулла Тукай энциклопедиясе»нә (2016) [5] язылган дистәләрчә мәкаләсендә шагыйрь ижаты ижтимагый яшәеш, ислам дине, татар Яңарышы һәм шул чор әдәби процессында барган үзгәрешләр контекстында бәяләнә, үз чоры һәм бүгенге милли мәдәният өчен әһәмияте билгеләнә.

Халык шагыйренен гаять бай ижат мирасын тикшерү Р. Ганиеваның әдәбият теориясә белән кызыксынуга китерә. 1970–1980 елларда ил күләмендә сүз сәнгатен өйрәнүнең яңа юлларын эзләү, әдәби юнәлеш-агымнар, принцип-методлар, жанр-стильләр белән кызыксыну арта. Тукайның сәнгатьчә фикерләү үзенчәлегә белән кызыксыну галимәнең игътибарын төрки әдәбиятлардагы ижат методлары фәнни проблемасына юнәлтә. Нәтижәдә «Тукайның ижат методы (романтик тенденцияләр эволюциясенә карата)» (1972) [6], «Төрки әдәбиятларда ижат методы мәсьәләләре» (1979) [7] һ.б. хезмәтләре Н. Гуляев, Х. Госман, И. Нуруллин, Й. Нигъмәтуллина һ.б. тикшеренүләрен баста һәм тулыландыра.

Р. Ганиева хезмәтләрендә XX йөз башы сүз сәнгате аерым урын алып тора. Галимә, Ж. Вәлиди, Г. Сәгъди, Г. Нигъмәти карашларын дәвам итеп, бу дәверне татар әдәбиятындагы икенче Яңарыш чоры, ягъни Шәрык Яңарышының көчле йогынтысында формалашкан төрки Яңарышы традицияләренен яңа шартларда дәвам ителешә дип карый. Башлангычын мәгърифәтчелек хәрәкәте, аның күренекле

вәкилләре К. Насыри, Ш. Мәржани эшчәнлегә белән бәйләп, XX йөз башы татар әдәбиятының төп көчләре булган Ф. Әмирхан, Г. Ибраһимов, Н. Думави, Ш. Камал, С. Рәмиев, Ш. Бабич һ.б. ижатын Яңарышка нисбәтле тикшерә. Шуларга бәйлә XX йөз башы татар сүз сәнгатенен төп хасиятләрен, аерым алганда, мәгърифәтчелек реализмының үз урынын тәнкыйди реализмга бирүен, Шәрык романтизмының Европа романтизмы белән алышынуын, элгә классик юнәлешләрдән тыш бу чорда модернизмның символизм, экзистенциализм, экспрессионизм, импрессионизм, акмеизм кебек агымнарының үзенчәлекләре, тасвирий алымнары һәм образлары кулланылышын дәлилләп, күп кенә бәхәсләргә нокта куя.

Галимәнең XX йөз башына караган эзләнүләре Г. Исхакый ижаты белән тулылана. Жәмгыятьтә фикер төрлеләгенә юл ачылып, үткәннәргә карата идеологик һәм сәяси чикләүләр алып ташлангач, Р. Ганиева студентлары белән бергә, «яңа заман татар Ренессанс әдәбиятының нигез ташларын салучы атаклы прозаик, драматург, публицист һәм милли азатлык хәрәкәте юлбашчысы» [8, 6 б.] булган әдип ижатын текстологик һәм әдәби-эстетик яссылыкта тикшерүгә алына. Хезмәттәшләре И. Нуруллин, Н. Мәхмүтов, Л. Гайнанова, Ә. Сәхапов, Ф. Мусин, Х. Миңнегулов, М. Хәсәнов, А. Әхмәдуллин, Ф. Галимуллин һ.б. бу өлкәдәге эзләнүләрен дәвам итеп, Г. Исхакый ижатын бербөтен күренеш буларак күпгасырлык татар әдәбияты традицияләре контекстында шәрехли. Студентлар өчен эзерләнгән «Гаяз Исхакый ижаты» («Творчество Гаяза Исхаки») (2005) программасында күпсанлы эсәрләренә жентекле өйрәнү һәм бәяләү аша әдип ижатында «мәгърифәтчелек», «таңчылык», «милләтчелек», «мөһажирлек» чорларын аерып чыгара, һәрберсенен асылын билгеләгән сыйфат үзгәрешләренә туктала. Г. Исхакый ижатының элгә программада ассызыклап күрсәтелгән концептуаль яңалыгы һәм аны өйрәнү юллары бүген дә кыйммәтен югалтмаган фәнни табышлар булып тора [9, 260 б.].

Р. Ганиеваның «Восточный Ренессанс и поэт Кул Гали» (1988) [10] хезмәте һәм шуның нигезендә 1992 елда якланган «Шәрык Ренессансы һәм төрки халыклар әдәбиятларында аның традицияләре» («Восточный Ренессанс и его традиции в тюркских литературах») [11] докторлык диссертациясә татар әдәбияты турындагы

фәнне яңа гыйльми күзаллаулар һәм нәтижеләр белән бапта. Галимә, Шәрык Яңарышы үзенчәлекләрен өйрәнү аша, әлеге сәнгати күренешнең төрки Яңарышка көчле йогынты ясауын дәлилли һәм Кол Галинең «Кыйссаи Йосыф» әсәрен гарәп-мөселман фәлсәфәсе тәэсирендә иҗат ителгән поэма буларак тикшерә [12, с. 180]. Болгар чоры әдипенең бераллалык (эт-Тәүхид) фәлсәфәсенә таянып, кешене галәм үзәгенә куеп сурәтләвен ассызыклай. Шәхеснең эчке һәм тышкы матурлыгын, хисе һәм акылы бәйләнешен эхлакый һәм суфичыл карашлар синтезы буларак каравы турындагы нәтижәгә килә. Кол Галинең атаклы кыйссасын татар Яңарышын башлап жибәрүче әсәр төсендә бәяләп, аның гаять бай традицияләргә нигез салуын билгели.

Резеда Кадыйр кызының югарыдагы эзләнүләренең дәвамы буларак дөнья күргән «Татар әдәбияты: традицияләр, багланышлар» (2002) [13], «Традиции Восточного Ренессанса в тюркских литературах Средневековья и Нового времени» (2014) [14] монографияләре, күпгасырлык татар әдәбиятын иңләп алып, милли сүз сәнгатенең үсешен төрки халыкларның әдәбиятлары белән тыгыз, үзара йогынтылы бәйләнештә ачалар. Р. Ганиева ул чорда әдәби жәмәгәтчелек күзеннән читтәрәк калып килгән Мөхәммәдъяр, Мәүла Колый, Г. Утыз Имәни кебек әдипләр рухи мирасын традицияләргә һәм чорның иҗтимагый-социаль каршылыкларына нисбәтле тикшерә. XVI гасыр шагыйре Мөхәммәдъяр поэмаларында төрки Яңарыш билгеләрен аерып чыгара, кеше шәхесен зурлавы, хөкемдар һәм халык мөнәсәбәтенең гаделлеккә нигезләнүе һәм башка гомумкешелек кыйммәтләренә яклавы белән аның олы гуманист булуын дәлилли. XVII гасырда яшәп иҗат иткән М. Колый иҗатының каршылыклы булуын билгеләп, әдипнең дини-суфичыл карашлары артында гомумкешелек идеаллары ятуын ача. Әсәрләрендә гомер кыскалыгы, үлемнең якынлыгы турындагы кисәтү белән бергә, сабыр һәм юмарт булу, гаилә бәхетенә омтылу, игенче хезмәтен зурлау кебек мотивлар урын алуын күрсәтә. Г. Утыз Имәнине исә галимә дини һәм дөньяви белем кирәклеген яклап чыгучы буларак бәяли. Аның фикеренчә, әдип иҗаты әле каршылыклы, ул дөньяви гыйлемнән бигрәк дини гыйлемне алга куя, аның аша дөньяны танып белүгә, укучы эхлагын савыктыруга, сабырлыкка чакыра.

Р. Ганиева татар әдәбиятының төрле чорларына караган әдипләр (Й. Баласагунлы, Мөхәммәдъяр, М. Колый, Г. Утыз Имәни, К. Насыйри, Р. Фәхретдин, Г. Тукай, Г. Исхакый, Ф. Әмирхан, Ш. Бабич, Н. Такташ, Х. Туфан, М. Жәлил, С. Хәким, Р. Гаташ, М. Мирза) иҗаты белән бергә, төрки, славян, Идел-Урал бие халыклары әдәбиятларының танылган әдипләре мирасын өйрәнүгә дә җитди өлеш кертә. Галимәнең украинлы Т. Г. Шевченко, рус М. М. Херасков, азәрбайжанлы Вагиф, Вазех һәм Сабир, казакъ Абай, төрекмән Мәхтүмколы, чуваш М. Сеспель һ.б. иҗатларына багышланган язмаларында әлеге халыклар сүз сәнгатенә тирән хөрмәте чагыла, аларда иҗат әһелләре чагыштырма планда өйрәнелә. Галимә әдәбиятларны чагыштырма-тарихи планда өйрәнүне һәм бәяләнүне яңа юллар һәм алымнар белән дә бапта.

«Шәрык мәдәниятендә Яңарыш хәрәкәте, әдәбиятта иҗат методлары, яңа күренешләр һәм әдәбиятара багланышлар өлкәсендә үз фәнни мәктәбен булдырган остаз» [15, 175 б.] күпсанлы студентларны, аспирантларны, хезмәтгәшләрен фән дөньясына алып керә, тирән белем белән бик теләп уртаклаша. Хезмәтенә күңел жылысын салып, аның халкыбызга кирәклеген тирән аңлап эш итүе белән шәкертләрендә ачык тормыш позициясе, миһербанлык, ярдәмчеллек сыйфатларын тәрбияли. Р. Ганиева үзенә яшәү рәвеше, кешелек сыйфатлары белән чын Укытучы, Остаз, Шәхес булу үрнәген күрсәтте. Галимәнең фәнни-теоретик тирәнлегә, фактик байлыгы, фәлсәфи-эстетик эчтәлегә белән характерланган күпсанлы хезмәтләре татар әдәбият фәнен яңа биекләккә күтәрде, яңа тикшеренүләргә нигез салды һәм алар бүген дә гаять әһәмиятле рухи мирас булып тора.

Әдәбият

1. Ганиева Р. Сатирическое творчество Г. Тукая. Казань: Изд-во КГУ, 1964. 84 с.
2. Йосыпова Н.М. Фәнгә багышланган гомер // Идел. 2017. № 11. Б. 66–67.
3. Гилязов Т. Ш. Основные тенденции развития тукаеведения на рубеже XX–XXI веков // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 150. Книга 8. Серия Гуманитарные науки. 2008. С. 42 – 47.
4. Ганиева Р. Шагыйрьнең рухи дөньясы («Габдулла Тукай» энциклопедик сүзлек-белешмәсенә әзерләнгән материаллардан). Казан: ТАРИХ, 2002. 112 б.

5. Габдулла Тукай. Энциклопедия / [баш мөх. З. З. Рәмиев]. Казан: Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, 2016. 864 б.
6. Ганиева Р. Тукайның иҗат методы (романтик тенденцияләр эволюциясенә карата) // Шагыйрьнең рухи дөньясы («Габдулла Тукай» энциклопедик сүзлек-белешмәсенә әзерләнгән материаллардан). Казан: ТаРИХ, 2002. Б. 65–85.
7. Ганиева Р. Төрки әдәбиятларда иҗат методы мәсьәләләре // Хәзерге татар әдәбияты белеменең актуаль мәсьәләләре. Казан, 1979. Б. 97–105.
8. Ганиева Р. К. Гаяз Исхакий иҗаты. Творчество Гаяза Исхаки. Казань: Казанский государственный университет, 2005. 38 с.
9. Закирҗанов Ә. М. Кече Шырдыңның олуг кызы // Рухи таяныч: әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Б. 256–261.
10. Ганиева Р. К. Восточный Ренессанс и поэт Кул Гали. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 172 с.
11. Ганиева Р. К. Восточный Ренессанс и его традиции в тюркских литературах: дис. ... докт. филол. наук, 1992. 325 с.
12. Саяпова А. М. Юбилей учителя // Филология и культура. 2017. № 4. С. 255–256.
13. Ганиева Р. Татар әдәбияты: традицияләр, багланышлар. Казан: Университет нәшрияты, 2002. 272 б.
14. Ганиева Р. Традиции Восточного Ренессанса в тюркских литературах Средневековья и Нового времени. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2014. 272 с.
15. Заһидуллина Д. Ф. Галимә ачкан дөньялар // Казан утлары. 2017. № 11. Б. 171–176.

THEATRE EXPERT WITH AN AMAZING FATE (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF ILTANI ILYALOVA)

Aigul Rustemovna Salikhova,

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art SA RT,
12 K. Marks Str., Kazan, 420111, Russian Federation,
salikhova.teatre@list.ru.

Ilyalova Iltani Iskhakovna (1932) was a theatre critic, an Honored Art Worker of the TASSR (1983) and an Honored Art Worker of the Russian Federation (2000). She was a laureate of the theatre awards “Tantana” (2020) named after D. Sirazieva (2005) and the Literary Prize named after J. Validi (2012).

Илялова Ильтани Исхак кызы (1932) – театр сәнгате белгече, тәңкыйтьче. ТАССРның атказанган сәнгать эшлеклесе (1983). Русиянең атказанган сәнгать эшлеклесе (2000). «Тантана» (2020), Д. Сиражиев исемендәге театраль премияләре лауреаты (2005), Ж. Валиди исемендәге әдәби премия лауреаты (2012).

Илялова Ильтани Исхаковна (1932) – театровед, критик. Заслуженный деятель искусств ТАССР (1983). Заслуженный деятель искусств РФ (2000). Лауреат театральных премий «Тантана» (2020), им. Д. Сиразиева (2005), Литературной премии имени Дж. Валиди (2012).

This year, Iltani Iskhakovna Ilyalova, a well-known Tatar theatre critic, a professor at Kazan University of Culture and Arts, Candidate of History of Arts, Honored Art Worker of the TASSR, Honored Art Worker of the Russian Federation, celebrates her 90th anniversary. Iltani Ilyalova devoted her whole life to the study and promotion of theatrical art in Tatarstan, she is the author of numerous books and articles on this topic. She has lived a bright, eventful life, rich in impressions, professional achievements, warm friendly and professional communication. Iltani Ilyalova is a representative of the generation that went through a terrible war, but they have preserved their love for life and faith in goodness. Together with the whole of the country, she experienced the ups and downs, the joys and sorrows. This is what has given her a

charge of vitality, stamina and optimism, which has helped her to cope with adversity and, despite all the hardships, remain true to her calling for many years.

Iltani Ilyalova was born on February 8, 1932 in Sverdlovsk (now Ekaterinburg) to a theatrical family. Her father – Iskhak Ilyalov was an actor and director of the Tatar and Uzbek theatres, her mother – Khadzhar Baimuratova (later Ilyalova) was a singing dramatic actress. Nomadic way of life brought them to different cities: Kazan, Ufa, Astrakhan, Troitsk, Samarkand... In 1935, the Ilyalovs family moved to Tashkent, where she devoted herself to selfless service to the performing arts. The childhood of little Iltani (by the way, she was named after one of the heroines played by her mother) passed behind the scenes. The perfor-

mances, based on the works of world classics, made an indelible impression on her – “Hamlet” by W. Shakespeare, “Intrigue and Love” by F. Schiller, “Princess Turandot” by K. Gozzi. The magical, fabulous world behind the scenes fascinated her, and Iltani, of course, dreamed of becoming an actress, particularly because she had experience of performing on stage. As a “theatrical child” she played several children’s roles on the stage of the Uzbek theatre. But life took her along a slightly different path, and she did not have a chance to become an actress. In 1950, a capable and hardworking girl entered the Faculty of Theatre Studies at the Tashkent Institute of Theatre Arts. She studied with enthusiasm, getting only excellent marks, and was actively engaged in social work. She was very lucky with her teachers: they were brilliant specialists, outstanding figures of theatre studies, who had been exiled from Moscow to Tashkent for “cosmopolitanism” – A. Efros and G. Boyadzhiev [1, p. 254].

After graduating from the institute, Iltani Ilyalova worked for two years as an inspector of the Art Department at the Ministry of Culture of Uzbekistan. In 1957–1958, she taught history of foreign theatre at the Tashkent Institute of Theatre Arts. Among her first students were prominent figures of theatrical art: the famous Uzbek ballerina Galia Izmailova (Tatar by nationality), the singer Batyr Zakirov and Eduard Arslanov, who worked for a long time as the chief director of the Kazan V. Kachalov Drama Theatre.

In the summer of 1957, Iltani Ilyalova, as a member of the Uzbek delegation, came to Moscow for the World Youth and Students’ Festival. The cheerful atmosphere of the capital, the great festival and the spirit of renewal made a huge impression on the girl and inspired her to enter the graduate school of GITIS in Moscow, the Department of Foreign Theatre History. As I. Ilyalova recalls, the luminaries of theatrical science S. Mokulsky, G. Boyadzhiev, G. Goyan and B. Aseev were her examiners [1, p. 28]. The years of study (1958–1961) were memorable for an unprecedented social upsurge. It was the time when the cultural life of the country, including theatrical art, noticeably revived. New aesthetic trends that affected dramaturgy and directing entered the wide arena, bringing about unusual forms and fresh stage ideas. In addition, the “Iron Curtain” was slightly raised, foreign theatres were beginning their tours in Moscow: “Shakespeare Memorial”, “Old Vic” from England, “Comedie Francaise”, “Old Dovecote Theater” from France, “Berliner Ensemble”,

“Hamburg” from Germany, “Piccolo Teatro” from Italy, “Kabuki” from Japan. All these aroused her burning interest, energized and inspired the young art critic. It is interesting to note that M. Salimzhanov studied in Moscow (at the directing department of GITIS) at the same time, he was one of the students of the Tatar national studio at the Shchepkinsky school – the future famous maitres on the Kamal theatre stage, the so-called “first Shchepkinites”.

The years of study in the graduate school were not easy, but interesting and fruitful. First, under the guidance of S. Mokulsky, Iltani Ilyalova worked on the research theme “Dramaturgy by V. Hugo and its stage embodiment on the Russian stage”. Due to the death of her supervisor, this study was not completed. Later, she began to study the work of the Uzbek stage luminary, People’s Artist of the USSR Nabi Rakhimov. The work was written and even published in Tashkent in 1961 [2], but the topic was unexpectedly recognized to be “non-dissertational”. And only the third dissertation “Foreign Drama on the Stage of the Uzbek Theatre named after Khamza (1918–1962)” was finally successfully presented in 1965 [3]. All these difficulties had their positive effect: as a result of her painstaking work, Iltani Ilyalova’s professional skills improved and her horizons expanded.

Upon graduating in 1961, Iltani Ilyalova successfully worked at the USSR Ministry of Culture as a dramaturgy reviewer in the theatre department. However, in those years, it was almost impossible to stay in Moscow without a residence permit. In 1963, Iltani Ilyalova was forced to leave. She moved to the city of Kazan, which was not a stranger to her. Her arrival was largely facilitated by a good friend of her parents, the People’s Artist of the USSR Khalil Abzhailov [1, p. 250].

At first, she was sad to leave the already beloved Moscow with its theatres, the established circle of friends and colleagues. But very quickly Kazan became her close friend. Here, with the advent of a young generation, thinking in a new way, cultural life was turbulent. The passionate and restless Marsel Salimzhanov began his directorial career; under his leadership bright, convincing works of actors were created, revealing the creative potential of the young Shchepkinsky school graduates: R. Tazetdinova, R. Sharafeeva, A. Shakirova, N. Dunaeva, G. Isangulova, N. Ikhsanova, F. Akhtyamova, M. Khairullina and F. Khamitova. A lively modern dramaturgy came to the stage – the works of A. Gilyazov, Sh. Khusainov, I. Yuzeev, T. Minnullina, R. Batulla ... Iltani Ilyalova found

herself within a circle of peers, sharing the same spirit and mentality, always being in the thick of things, they actively and enthusiastically joined the theatrical life of the city. In 1964–1968, she was the head of the arts department of the Ministry of Culture of the TASSR; she was an art critic, wrote articles and discussed performances.

Soon, there was an opportunity to continue her scientific activities. In the sixties, a new stage in the development of Tatar theatre studies began. Gradually, a group of professional theatre critics was formed, who combined regular contributions to the media publications with scientific theoretical research work. Therefore, it was natural that their work was characterized by a deeper and more analytical approach to the issues of theatre and dramaturgy, a more thorough analysis of plays, acting, director's decisions, artistic and musical designs of performances. The opening of the Art Department on the basis of the Folklore Sector at the Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov (Kazan branch of the USSR Science Academy) in 1968 was a milestone event in the development of Tatar art criticism. The department conducted its activities in three areas: theatrical art, musical culture, arts and crafts, and fine arts of the Tatar people. F. Gizzatullin, Ph.D. in Philology, was appointed head of the department. The art critics F. Valeev, M. Nigmedzyanov, Kh. Gubaidullin, Kh. Makhmutov, D. Gimranova and Z. Saydasheva were invited to work in the department. The Candidate of Science Iltani Ilyalova held a worthy place in this team as one of the leading specialists.

At that time, the main requirement and principle of scientific research was the preservation of continuity and traditions, laid down by the luminaries of national culture. The employees were supposed to know everything that had been created by their predecessors, to study the periodical press of the pre-revolutionary times and subsequent periods, archival and museum funds and collect memoirs of the cultural figures of the older generation. Thus, fundamental scientific works, devoted to the history and theory of national art, were created based on systematic work.

An important milestone in Tatar theatre studies was the book "Soviet Tatar Theatre" [4], published in 1975, prepared by employees of the Art Sector of the Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan branch of the USSR Science Academy. For the first time, along with the history of the TSAT (the Tatar State Academic Theatre) named after G. Kamal, it included chapters on the Republican Mobile Theatre (now

the Tatar Drama and Comedy Theatre named after K. Tinchurin), Menzelinsk and Almetyevsk theatres. Iltani Ilyalova is the author of two large sections: "The Tatar Academic Theater during the Second World War" [4, p. 162-180] and "Modern Academic Theatre" [4, p.245-297]. I. Ilyalova took an active part in other types of team work. In 1980, she wrote a series of essays about Russian and Tatar actors for the book "People's Artists" [5, p. 17-24, 33-40, 83-90, 99-102, 118-122, 196-199, 205-207, 273-276, 312-317, 336-338, 339-342]. In 1988, the book by H. Makhmutov, I. Ilyalova, B. Gizzat "The Pre-October Tatar Theatre" [6] was published, which traces the historical path of pre-revolutionary stage art in detail and examines the main stages of its formation, covering the most important theatrical events and achievements. In 1991, Iltani Ilyalova, in collaboration with I. Ingvar, published the book "Russian Theatre in Kazan" [7]. A two-volume album, released in 2009, was dedicated to the history of the Tatar theatre and became a great contribution to Tatar theatre studies. The first volume of the publication with illustrations includes more than 100 articles about the iconic, legendary performances of the Kamal Theatre throughout its history. The second volume provides information about the personalities of the Tatar theatre (directors, actors, artists, etc.), the geneology of the Tatar theatre, Tatar theatres in the republic and abroad, about their repertoire, tours, reviews and the festivals of the TSAT named after Kamal [8].

Iltani Ilyalova is the author of a large number of monographs, albums and reference publications: "The Art of Acting in the Modern Tatar Theatre" [9], "Interethnic Relations of the Tatar Theatre" [10], "The Kamal Theatre" [11], "Marsel Salimzhanov" [12], "Shaukat Biktimirov" [13], "Fuad Khalitov" [14], "The Karim Tinchurin Theatre" [15], "Nail Ayupov" [16], "Rashid Zagidullin" [17], "The Repertoire of the Tatar Academic Theatre named after Galiasgar Kamal: 1906–1996" [18], reference publications dedicated to the actors of this theatre ([19], [20], [21]) and many other works.

I. Ilyalova does not neglect the practical work of a theatre critic, promptly responding to premieres and other significant events in cultural life. Reviews, creative portraits, festival and tour reviews, historical essays appear in the periodical press and articles of various genres and subjects on the Internet [22], [23], [24]. She is not limited only to Tatar stage art: various republican and visiting theatres attract her professional attention. It should

be noted that a direct, honest response from a knowledgeable and principled critic is always very important for creative teams. Being in demand as a professional, she is still engaged in active work. The abundance and variety of aesthetic impressions help her to stay in good shape, not to lose interest in life.

She always generously shares her rich life experience and professional knowledge with students. Since 1967, along with her activities at ILLC, she has been teaching theatre history at the Theatre School, and since 1997, at the University of Culture and Art. It is not surprising that today many theatre workers consider her to be their mentor and convey warm feelings to her.

A new book by Iltani Ilyalova, "All My Life with the Theatre", was published in 2021 [1]. It includes her memories of childhood and youth, of mentors, friends and colleagues, of joys and sorrows, of hardships and professional achievements. The book also contains essays on the best representatives of the Tatar stage art, reviews of milestone, extraordinary performances. It is written in a lively language, it is easy and interesting to read. The book presents a large number of facts and valuable information; what is more, it has the warmth of her caring soul. The sincere love of the theatre critic for her work, her positive attitude to life, work, people, something that we are sorely lacking in the modern world, is captivating. Iltani Ilyalova is widely known in the republic. Many articles are devoted to her amazing fate and her numerous works ([26], [27], [28], [29], [30], [31], [32], [33], [34], [35], [36], [37], [38], [39], [40], [41], [42]). Her many years of versatile creative activities is an excellent example and source of inspiration for all lovers of theatrical art.

References

1. Ilyalova, I. I. (2021). *Vsyu zhizn' s teatrom: ocherki, vospominaniya* [All My Life with the Theater: Essays, Memoirs]. Avt.-sost. I. Ilyalova. 304 p. Kazan', izd-vo "Ak bure". (In Russian)
2. Ilyalova, I. I. (1962). *Nabi Rakhimov: monografiya* [Nabi Rakhimov: A Monograph]. 167 p. Tashkent, Uzgosisdat. (In Russian)
3. Ilyalova, I. I. (1965). *Zarubezhnaya dramaturgiya na stsene Uzbekskogo teatra im. Khamzy. 1918–1962: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya* [Foreign Drama on the Stage of the Uzbek Theater Named after Hamza. 1918–1962: Ph.D. Thesis Abstract]. Alma-Ata, 20 p. (In Russian)
4. *Sovetskii tatarskii teatr: ocherki* (1975) [Soviet Tatar Theater: Essays]. P. 496. Kazan', Tat. Knizhn. Izd. (In Russian)
5. *Narodnye artisti: Ocherki*. (1980) [People's Artists: Essays]. Sbornik. Sostaviteli I. Ilyalova, G. Kantor. 592 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
6. *Dooktyabr'skii tatarskii teatr. Khanuz Makhmutov, Iltani Ilyalova, Baiyan Gizzat* (1988) [Pre-October Tatar Theater. Khanuz Makhmutov, Iltani Ilyalova, Bayan Gizzat]. AN SSSR, Kazan. fil., In-t yaz., lit. i istorii im. G. Ibragimova. 397 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
7. *Russkii teatr v Kazani: (Sov. period): O Kazan. bol'shom dram. Teatre im. V. I. Kachalova* (1991) [Russian Theater in Kazan: (Soviet period): About Kazan. Big Dram. Theatre Named after V. I. Kachalov]. I. Ingvar, I. Ilyalova. 284 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
8. *Tatarskii gosudarstvennyi teatr imeni Galiaskara Kamala. Sto let* (2009) [The Tatar State Theatre Named after Galiaskar Kamal]. V dvukh tomakh. Kazan'. (In Russian)
9. Ilyalova, I. I. (1978). *Akterskoe iskusstvo sovremennogo tatarskogo teatra: monografiya* [The Art of Acting in the Modern Tatar Theater: A Monograph]. 143 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo, (In Russian)
10. Ilyalova, I. I. (1985). *Mezhnatsional'nye svyazi tatarskogo teatra: monografiya* [Interethnic Relations of the Tatar Theater: A Monograph]. 240 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
11. Ilyalova, I. I. (1986). *Teatr imeni Kamala* [The Theatre Named after Kamal]. 327 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
12. Ilyalova, I. I. (1993). *Marsel' Salimzhanov* [Marsel' Salimzhanov]. 214 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
13. Ilyalova, I. I. (1993). *Shavket Biktimerov* [Shavket Biktimerov]. P. 167. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
14. Ilyalova, I. I. (2006). *Fuad Khalitov* [Fuad Khalitov]. 36 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
15. Ilyalova, I. I. (2002). *Teatr imeni Karima Tinchurina* [The Theatre Named after Karim Tinchurin]. 278 p. Kazan', Idel-Press. (In Russian)
16. Ilyalova, I. I. (2005). *Nail' Ayupov* [Nail' Ayupov]. 75 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
17. Ilyalova, I. I. (2014). *Rashid Zagidullin* [Rashid Zagidullin]. 159 p. Kazan, Kazan-Kazan'. (In Russian)
18. Ilyalova, I. I. (1996). *Repertuar Tatarskogo akademicheskogo teatra imeni Galiaskara Kamala: 1906–1996* [Repertoire of the Tatar Academic Theater named after Galiaskar Kamal: 1906–1996]. 46 p. Kazan', Tatar. gazetno-zhurnal'noe izd-vo. (In Russian)
19. Ilyalova, I. I. (2005). *Aktery teatra Kamala: Biograficheskii spravochnik* [Actors of the Kamal Theatre: A Biographical Guide]. Izdanie 2. G. Kamal teatry artistlary: biografik beleshmölek. 2 basma. 334 p. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Russian)
20. Ilyalova, I. I. (1996). *G. Aktery teatra Kamala: Biograficheskii spravochnik* [Actors of the Kamala Theatre: A Biographical Guide]. 249 p. Kazan, Tatar. kn. izd-vo. (In Tatar, in Russian)

21. Ilyalova, I. I. (1996). *Tatarskii gosudarstvennyi akademicheskii teatr im. G. Kamala: fotoal'bom* [Tatar State Academic Theatre Named after G. Kamal: A Photo to Album]. 191 p. Kazan', Tatar. gazeta-zhurnal izd. (In Tatar, in Russian)
22. *Narodnye artisty* (2011) [People's Artists]. Sost. I. Ilyalova. 391 p. Kazan', izd-vo Məgarif-Vakyt. (In Russian)
23. Ilyalova, I. I., Khabutdinova M. M. (2016). *Svoeobrazie stsenicheskoi interpretatsii povesti F. M. Dostoevskogo "Dyadyushkin son" na tatarskoi stsene* [The Features of the Stage Adaptations of the Story "Uncle's Dream" by F. Dostoyevsky on the Tatar Stage]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 4 (46), pp. 207–212. (In Russian)
24. Ilyalova, I. I. (2015). *P'esy U. Shekspira na stsene tatarskikh teatrov v sovremennom prochtenii* [Modern Interpretations of William Shakespeare's Plays in Tatar Theatres]. *Tatarica*. No. 1 (4), pp. 145–162. (In Russian)
25. Ilyalova, I. I. (2016). *Sovremennoe zvuchanie mirovoi klassiki na tatarskoi stsene* [Sounds of Modern World Classics on the Tatar Stage]. *Tatarica*. No.1 (16), pp. 137–162. (In Russian)
26. Makhmutov, Kh. (1978). *Akter i ego trud* [Actors and Their Work]. *Sov. Tatariya*. 6 avg. (In Russian)
27. Ageeva, L. (1981). *Istoriya kul'tury v litsakh* [Faces as History of Culture]. *Vech. Kazan'*. 28 dek. (In Russian)
28. Gimranova, D. (1985). *Mezhpokolencheskie svyazi tatarskogo teatra* [Intergenerational Ties of the Tatar Theater]. *Sov. Tatariya*. 23 okt. (In Russian)
29. Ingvar, I. (1986). *Ariadnina nit'* [Ariadne's Thread]. *Sov. Tatariya*. 14 sent. (In Russian)
30. Bazhanova, V. (1986). *Druzhba teatrov* [Friendship of Theatres]. *Kazan utlary (ogni Kazani)*. No. 11, pp. 50–52. (In Russian)
31. Жіһаншина, Р. (1986). *Teatrybyzga bagyshlangan khezmet* [Work Dedicated to Our Theater]. *Sots. Tatarstan*. — 20 sent. (In Tatar)
32. Gyləjev, A. (1992). *Il'taniny il tanyi* [The World Recognizes Iltani]. *Sots. Tatarstan*. 7 fevr. (In Russian)
33. *Shakirzyanov Teatr – obitel' schast'ya* (1997) [Shakirzyanov Theater as the Abode of Happiness]. *KRIS*. 3 sent. (In Russian)
34. Gosmanov, M. (1998). *Teatrybyznyñ əhəmiyate khakynda* [On the Importance of Theater]. *Kazan utlary (Ogni Kazani)*. No. 6, pp. 112–115. (In Tatar)
35. Galeev, V. (1999). *Glavnaya slozhnost' dlya kritika – ostavat'sya chestnym* [The Main Difficulty for a Critic is to Remain Honest]. *Kazanskіe vedomosti*. 15 sent. (In Russian)
36. Blagov, Yu. (2002). *V soavtorstve so vremenem* [In Collaboration with Time]. *Respublika Tatarstan*. 7 fevr. (In Russian)
37. Gil'mutdinova, Z. (2002). *Mine teatr həm studentlarym yashətə* [Theater and Students Make Me Live]. *Səkhənə (Stsena)*. No. 2. (In Tatar)
38. Safiullin, Ə. (2002). *Gomerenen iñ ıñyşly chagy* [The Most Successful Time of My Life]. *Vatanyñ Tatarstan (Rodina Tatarstan)*. 8 fevr. (In Tatar)
39. Safiullin, Yu. (2002). *Il'taniny il tanyi* [The World Recognizes Iltani]. *Mədəni žomga (Kul'turnaya pyatnitsa)*. 8 mart. (In Tatar)
40. Gil'mutdinova, Z. (2013). *Yañı kitap* [A New Book]. *Səkhənə (Stsena)*. No. 5, p. 1. (In Tatar)
41. Blagov, Yu. (2013). *Bez grifa sekretnosti* [Nonclassified]. *Respublika Tatarstan*. 26 fevr. (In Russian)
42. Timerbaeva, R. (2017). *Teatr – minem tormysh rəveshem* [Theater is My Way of Life]. *Səkhənə (stsena)*. No. 2, pp. 34–37. (In Tatar)

ТЕАТРОВЕД УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЛЬТАНИ ИЛЯЛОВОЙ)

Айгуль Рустэмовна Салихова,

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ,
Россия, 420111, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12,
salikhova.teatre@list.ru.

В этом году отметила свой 90-летний юбилей Ильтани Исаковна Илялова – известный татарский театровед, профессор Казанского университета культуры и искусств, кандидат искусствоведения, заслуженный деятель искусств ТАССР, заслуженный деятель искусств РФ. Ильтани Исаковна всю свою жизнь посвятила изучению и пропаганде театрального искусства Татарстана, она автор многочисленных книг и статей на эту тему. За ее плечами – яр-

кая, насыщенная жизнь, богатая глубокими впечатлениями, трудовыми свершениями, теплым дружеским и профессиональным общением. Ильтани Илялова – представительница поколения, прошедшего через страшную войну, но не утратившего любви к жизни и веры в добро. Вместе со всей страной она переживала взлеты и падения, радости и горести. Именно это дало ей заряд жизненной силы, стойкости и оптимизма, который на протяжении многих лет

помогает справляться с невзгодами и, несмотря на все трудности, оставаться верной своему призванию.

Ильтани Илялова родилась 8 февраля 1932 года в Свердловске (ныне – Екатеринбург) в театральной семье. Отец – Исхак Губайдуллин Илялов был актером и режиссером татарского и узбекского театров, мама – Хаджар Юсуповна Баймуратова (впоследствии Илялова) – поющая драматическая актриса. Кочевая жизнь забрасывала их в разные города: Казань, Уфу, Астрахань, Троицк, Самарканд... В 1935 году семья Иляловых переехала в Ташкент, где посвятила себя самоотверженному служению сценическому искусству. Детство маленькой Ильтани (кстати, ее назвали в честь одной из героинь, сыгранных мамой) прошла за кулисами. Неизгладимое впечатление произвели на нее спектакли по произведениям мировой классики – «Гамлет» В. Шекспира, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Принцесса Турандот» К. Гоцци. Волшебный, сказочный мир закулисы завораживал, и Ильтани, конечно же, мечтала стать актрисой, тем более что опыт выступления на сцене у нее был. Как «театральный ребенок» она сыграла несколько детских ролей на сцене узбекского театра. Но жизнь пошла немного другим путем, и актрисой стать не довелось. В 1950 году способная и трудолюбивая девушка поступила в Ташкентский институт театрального искусства на театроведческий факультет. Училась с воодушевлением, на одни пятерки, активно занималась общественной работой. Ей очень повезло и с педагогами: это были блестящие специалисты, выдающиеся деятели отечественного театроведения, высланные из Москвы в Ташкент за «космополитизм», – А. М. Эфрос, Г. Н. Бояджиев [1, с. 254].

После окончания института Ильтани Илялова два года проработала инспектором Управления искусства в Министерстве культуры Узбекистана. В 1957–1958 годах в Ташкентском институте театрального искусства преподавала историю зарубежного театра. Среди ее первых учеников – видные деятели театрального искусства: известная узбекская балерина Галия Измайлова (татарка по национальности), певец Батыр Закиров, работавший долгое время главным режиссером казанского театра им. В. Качалова Эдуард Арсланов.

Летом 1957 года в составе узбекской делегации Ильтани Илялова попала в Москву на Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Жизнерадостная атмосфера столицы, большого

праздника, дух обновления произвели на девушку огромное впечатление и вдохновили на поступление в аспирантуру ГИТИСа в Москве, на кафедру истории зарубежного театра. Как вспоминает И. Илялова, вступительные экзамены у нее принимали светила театроведческой науки С. С. Мокульский, Г. Н. Бояджиев, Г. И. Гоян, Б. Н. Асеев [Там же, с. 28]. Годы учебы (1958–1961) запомнились небывалым общественным подъемом. Это было время, когда культурная жизнь страны заметно оживилась, в том числе и театральная. На широкую арену выходили новые эстетические веяния, затронувшие драматургию и режиссуру, рождались необычные формы и свежие сценические идеи. Кроме того, приоткрылся «железный занавес», в Москву стали приезжать зарубежные театры: «Шекспировский мемориальный», «Олд Вик» из Англии, «Комеди Франсез», «Театр старой голубятни» из Франции, «Берлинер ансамбль», «Гамбургский» из Германии, «Пикколо театро» из Италии, «Кабуки» из Японии. Все это вызывало жгучий интерес, заряжало энергией и позитивом. Интересно, что в это же время в Москве учились М. Салимжанов (на режиссерском факультете в ГИТИСе), студенты татарской национальной студии при Щепкинском училище – будущие прославленные мастера камаловской сцены, так называемые «первые щепкинцы».

Годы учебы в аспирантуре были непростыми, но интересными и плодотворными. Сначала под руководством С. С. Мокульского Ильтани Илялова работает над темой «Драматургия В. Гюго и ее сценическое воплощение на русской сцене». По причине смерти научного руководителя это исследование не было завершено. Затем она приступила к изучению творчества корифея узбекской сцены, народного артиста СССР Наби Рахимова. Работа была написана и даже издана в Ташкенте в 1961 году [2], но тему неожиданно признали «недиссертательной». И лишь третья по счету диссертация «Зарубежная драматургия на сцене узбекского театра имени Хамзы (1918–1962)» была наконец-то успешно защищена в 1965 году [3]. Все эти сложности имели и положительную сторону: в результате кропотливой работы росло профессиональное мастерство, расширялся кругозор.

По окончании аспирантуры в 1961 году Ильтани Илялова успешно работает в Министерстве культуры СССР рецензентом по драматургии в отделе театра. Однако в те годы остаться в Москве, не имея прописки, было

практически невозможно. В 1963 году Ильтани Илялова была вынуждена уехать. Она переезжает в нечужой для себя город Казань. Этому в немалой степени способствовал добрый знакомый ее родителей, народный артист СССР Халил Абжалилов [1, с. 250].

Поначалу отъезд из любимейшей уже Москвы, расставание со столичными театрами, сложившимся кругом друзей и коллег воспринимался с грустью. Но очень быстро Казань стала своей. Здесь тоже с приходом молодого, мыслящего по-новому поколения кипела и бурлила культурная жизнь. Начиная свою режиссерскую карьеру страстный и неугомонный Марсель Салимжанов, под его руководством создавались яркие, убедительные актерские работы, раскрывался творческий потенциал молодых тогда выпускников Щепкинского училища: Р. Тазетдинова, Р. Шарафеева, А. Шакирова, Н. Дунаева, Г. Исангуловой, Н. Ихсановой, Ф. Ахтямовой, М. Хайруллиной, Ф. Хамитовой. На сцену пришла живая современная драматургия – произведения А. Гилязова, Ш. Хусаинова, И. Юзеева, Т. Миннуллина, Р. Батуллы... Ильтани Илялова оказалась в кругу близких по возрасту, духу и менталитету людей, в гуще событий, активно и с удовольствием включилась в театральную жизнь. В 1964–1968 годах она – руководитель отдела искусств Министерства культуры ТАССР, действующий критик, пишет статьи, обсуждает спектакли.

Вскоре появилась возможность продолжить свою научную деятельность. В шестидесятые годы начался новый этап в развитии татарского театроведения. Постепенно формируется группа профессиональных критиков-театроведов, которые совмещают регулярные выступления в средствах массовой информации с научной теоретической исследовательской работой. Поэтому естественно, что для них характерен более глубокий и аналитический подход к вопросам театра и драматургии, более подробный разбор пьес, актерской игры, режиссерского решения, художественного и музыкального оформления спектаклей. Этапным событием в области развития татарского искусствоведения следует считать открытие в 1968 году отдела искусства на базе сектора фольклора Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Отдел начал вести свою деятельность по трем направлениям: театральное искусство, музыкальная культура, декоративно-прикладное и изобразительное искусство татарского народа. Заведующим отделом был назна-

чен кандидат филологических наук Ф. Н. Гиззатуллин. Для работы в отделе были привлечены искусствоведы Ф. Х. Валеев, М. Н. Нигмедзянов, Х. Г. Губайдуллин, Х. К. Махмутов, Д. А. Гимранова, З. Н. Сайдашева. Ильтани Илялова заняла достойное место в этом коллективе в качестве одного из ведущих, остропрофессиональных специалистов, кандидата наук.

В научных исследованиях того времени главным требованием и основным принципом являлось сохранение преемственности, традиций, заложенных корифеями национальной культуры. От сотрудников требовалось знание всего того, что было создано их предшественниками, изучения материалов периодической печати дореволюционного и последующего периодов, архивных и музейных фондов, ведения собирательской работы у информаторов – деятелей культуры старшего поколения. На основе систематической работы были созданы фундаментальные научные труды, посвященные истории и теории национального искусства.

Важной вехой в татарском театроведении стала выпущенная в 1975 году книга «Татар совет театры» [4], подготовленная сотрудниками сектора искусства Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. В ней впервые, наряду с историей ТГАТ им. Г. Камала, были включены главы по Республиканскому передвижному (ныне Татарский театр драмы и комедии им. К. Тинчурина), Мензелинскому и Альметьевскому театрам. Ильтани Илялова – автор двух больших разделов: «Татарский академический театр в годы ВОВ» [4, с. 162–180] и «Современный академический театр» [4, с. 245–297]. Активное участие принимала И. Илялова и в других коллективных трудах. В 1980 году она написала ряд очерков о русских и татарских актерах для книги «Народные артисты» [5, с. 17–24, 33–40, 83–90, 99–102, 118–122, 196–199, 205–207, 273–276, 312–317, 336–338, 339–342]. В 1988 году вышла книга Х. Махмутова, И. Иляловой, Б. Гиззата «Доктябрьский татарский театр» [6], где подробно прослеживается исторический путь дореволюционного сценического искусства, рассматриваются основные этапы в его формировании, важнейшие театральные события и достижения. В 1991 году Ильтани Илялова в соавторстве с И. Ингваром выпустила книгу «Русский театр в Казани» [7]. Большим вкладом в татарское театроведение стал вышедший в 2009 году двухтомный альбом, посвященный истории татарского театра. В пер-

вый том издания вошли более 100 статей о знаковых, легендарных спектаклях Камаловского театра за всю его историю с иллюстрациями. Во втором томе даны сведения о персоналиях татарского театра (режиссерах, артистах, художниках и т. д.), генеологии татарского театра, о татарских театрах в республике и за ее пределами, о репертуаре, гастрольях, смотрах и фестивалях ТГАТ им. Камала [8].

Ильтани Илялова – автор большого числа монографий, альбомов и справочных изданий: «Актерское искусство современного татарского театра» [9], «Межнациональные связи татарского театра» [10], «Театр имени Камала» [11], «Марсель Салимжанов» [12], «Шаукат Биктимиров» [13], «Фуад Халитов» [14], «Театр имени Карима Тинчурина» [15], «Наиль Аюпов» [16], «Рашид Загидуллин» [17], «Репертуар татарского академического театра имени Галиасгара Камала: 1906–1996» [18], справочные издания, посвященные актерам этого театра ([19], [20], [21]) и многие другие.

Не остается в стороне И. Илялова от живой работы театрального критика, оперативно откликаясь на премьеры и другие значимые события культурной жизни. Рецензии, творческие портреты, обзоры фестивалей, гастролей, исторические очерки появляются в периодической печати и интернете статьи самых разных жанров и тематики [22], [23], [24]. Она не ограничивается только татарским сценическим искусством: разные республиканские и приезжие театры привлекают ее профессиональное внимание. Нужно отметить, что непосредственный, честный отклик знающего и принципиального критика для творческих коллективов всегда очень важен и нужен. Востребованность, активная работа, обилие и разнообразие эстетических впечатлений помогает оставаться в тоне, не терять интереса к жизни.

Свой богатый жизненный опыт и профессиональные знания она всегда щедро отдавала студентам. С 1967 года наряду с деятельностью в ИЯЛИ начала преподавать историю театра в театральной училище, а с 1997 – в университете культуры и искусства. Неудивительно, что сегодня очень многие деятели театра считают ее своим наставником и питают к ней теплые чувства.

В 2021 году вышла в свет новая книга Ильтани Иляловой «Всю жизнь с театром» [1]. В нее вошли ее воспоминания о детстве и юности, о наставниках, друзьях и коллегах, о радостях и горестях, о жизненных трудностях и

профессиональных достижениях. Книга также содержит очерки о лучших представителях татарского сценического искусства, рецензии на этапные, неординарные спектакли. Она написана живым языком, легко и с интересом читается. Перед нами не только большое количество фактов и сведений, но и тепло неравнодушной души. Подкупает искренняя любовь театроведа к своему делу, позитивное отношение к жизни, к работе, к людям, то, чего в современном мире нам сейчас катастрофически не хватает. Ильтани Илялова широко известна в республике. Ее яркой судьбе и многочисленным трудам посвящено немало статей ([26], [27], [28], [29], [30], [31], [32], [33], [34], [35], [36], [37], [38], [39], [40], [41], [42]). Ее многолетняя разносторонняя творческая деятельность является прекрасным примером и источником вдохновения для всех любителей театрального искусства.

Литература

1. Илялова И. И. *Всю жизнь с театром: очерки, воспоминания* / авт.-сост. И. Илялова. Казань: изд-во «Ак буре», 2021. 304 с.
2. Илялова И. И. *Наби Рахимов: монография*. Ташкент: Узгосиздат, 1962. 167 с.
3. Илялова И. И. *Зарубежная драматургия на сцене Узбекского театра им. Хамзы. 1918–1962: автореф. дис. ... канд. искусствоведения*. Алма-Ата, 1965. 20 с.
4. *Татар совет театры: очерктар*. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 496 б.
5. *Народные артисты: Очерки. Сборник* / Составители И. Илялова, Г. Кантор. Казань: Татар. кн. изд-во, 1980. 592 с.
6. *Дюктябрьский татарский театр* / Хануз Махмутов, Ильтани Илялова, Байян Гиззат; АН СССР, Казан. фил., Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 397 с.
7. *Русский театр в Казани: (Сов. период): О Казан. большом драм. Театре им. В. И. Качалова / И. Ингвар, И. Илялова*. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 284 с.
8. *Татарский государственный театр имени Галиаскара Камала. Сто лет. В двух томах*. Казань, 2009.
9. Илялова И. И. *Актерское искусство современного татарского театра: монография*. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. 143 с.
10. Илялова И. И. *Межнациональные связи татарского театра: монография*. Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. 240 с.
11. Илялова И. И. *Театр имени Камала*. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 327 с.
12. Илялова И. И. *Марсель Салимжанов*. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. 214 с.

13. *Илялова И. И.* Шәүкәт Биктимеров. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 167 б.
14. *Илялова И.И.* Фуад Халитова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 36 б.
15. *Илялова И. И.* Театр имени Карима Тинчурина. Казань: Идел-Пресс, 2002. 278 с.
16. *Илялова И. И.* Наиль Аюпов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 75 б.
17. *Илялова И.И.* Рашид Загидуллин. Казан: Казан-Казань, 2014. 159 с.
18. *Илялова И. И.* Репертуар Татарского академического театра имени Галиасгара Камала: 1906–1996. Казань: Татар. газетно-журнальное изд-во, 1996. 46 с.
19. *Илялова И. И.* Актеры театра Камала: Биографический справочник. Издание 2. Г. Камал театры артистлары: биографик белешмәлек. 2 басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 334 б.
20. *Илялова И. И.* Г. Камал театры артистлары: биобиблиографик белешмәлек. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. 249 б. (Татар һәм рус телләрендә.)
21. *Илялова И. И.* Г. Камал исемендәге Татар дәүләт академия театры: фотоальбом. Казан: Татар. газета-журнал нәшр., 1996. 191 б. (Татар һәм рус телләрендә.)
22. Народные артисты / сост. И. Илялова. Казань: изд-во Мәгариф-Вакыт, 2011. 391 с.
23. *Илялова И. И., Хабутдинова М. М.* Своеобразие сценической интерпретации повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» на татарской сцене // Филология и культура. Philology and Culture. 2016 № 4 (46). С. 207–212.
24. *Илялова И. И.* Пьесы У. Шекспира на сцене татарских театров в современном прочтении // Tatarica. 2015. № 1 (4) 145–162 б
25. *Илялова И. И.* Современное звучание мировой классики на татарской сцене // Tatarica. 2016. №1 (16). 137–162 б.
26. *Махмутов Х.* Актер и его труд // Сов. Татария. 1978. 6 авг.
27. *Агеева Л.* История культуры в лицах // Веч. Казань. 1981. 28 дек.
28. *Гимранова Д.* Межпоколенческие связи татарского театра // Сов. Татария. 1985. 23 окт.
29. *Ингвар И.* Ариаднина нить // Сов. Татария. 1986. 14 сент.
30. *Бажанова В.* Театрлар дуслыгы // Казан утлары. 1986. № 11. 50–52 б.
31. *Жиһанишина Р.* Театрыбызга багышланган хезмәт // Соц. Татарстан. – 1986. – 20 сент.
32. *Гыйләҗев А.* Ильтанины ил таный // Соц. Татарстан. 1992. 7 февр.
33. Шакирзянов Театр – обитель счастья // КРИС. 1997. 3 сент.
34. *Госманов М.* Театрыбызның әһәмияте хакында // Казан утлары. 1998. № 6. 112–115 б.
35. *Галеев В.* Главная сложность для критика – оставаться честным // Казанские ведомости. 1999. 15 сент.
36. *Благов Ю.* В соавторстве со временем // Республика Татарстан. 2002. 7 февр.
37. *Гильмутдинова З.* Мине театр һәм студентларым яшәтә // Сәхнә. 2002. № 2.
38. *Сафиуллин Ә.* Гомеренең иң уңышлы чагы // Ватаным Татарстан. 2002. 8 февр. 38.
39. *Сафиуллин Ю.* Ильтанины ил таный // Мәдәни жомга. 2002. 8 март.
40. *Гильмутдинова З.* Яңа китап // Сәхнә. 2013 №5. С. 1
41. *Благов Ю.* Без грифа секретности // Республика Татарстан. 2013. 26 февр.
42. *Тимербаева Р.* Театр – минем тормыш рәвешем // Сәхнә. 2017. № 2. С. 34–37

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-173-181

THE EMINENT SCHOLAR OF LITERATURE AZAT GILMUULLOVICH AKHMADULLIN

Flera Sagitovna Sayfulina,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,

fsaifulina@mail.ru

Akhmadullin Azat Gilmullovich (10.13.1932–12.08.2021) was a literary critic, theater connoisseur, art critic and a public figure.

He graduated from Kazan University in 1956 and began his teaching career at the Tobolsk Pedagogical Institute (1956–1958). Later, he worked for the Radio Committee of the TASSR (1961–1963). A. Akhmadullin defended his Ph.D. thesis in 1964, his doctoral dissertation in 1984, and in 1988 he became a professor, then a corresponding member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (1994). In 1963–1981, he worked at the Institute of Language, Literature and History (now the Institute of Language, Literature and Art), from 1972 he was a deputy director.

From 1981 he was a professor of Kazan University and until 1999 he headed the Department of Tatar Literature. At the same time, in 1999–2004, he taught a course at Kazan Pedagogical University, in 2000–2004 he was the Head of the Department of Tatar Literature.

Әхмәдуллин Азат Гыйльмулла улы (13.10.1932–08.12.2021) – әдәбият галиме, театр белгече, тәнкыйтьче, жәмәгать эшлеклесе.

Казан университетын 1956 елда тәмамлагач, Тубыл (Тобольск) дәүләт педагогия институтында укыта (1956 - 1958). ТАССР Радиокомитетында 1961 - 1963 елларда эшли. А. Әхмәдуллин 1964 елда кандидатлык, 1987 елда докторлык диссертациясен яклый һәм 1988 елда филология фәннәре докторы гыйльми дәрәжәсенә һәм профессор вазифасына ия була. ТР ФАнең мөхбир әгъзасы (1994). 1963-1981 елларда СССР Фәннәр Академиясенә Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм тарих институтында (хәзер: Тел, әдәбият һәм сәнгать институты) эшли. 1972дән директор урынбасары. 1981 - 1999 елларда Казан дәүләт университетында, 2000 - 2004 елларда, төп эш урыныннан аерылмыйча, Казан дәүләт педагогия университетында татар әдәбияты

Ахмадуллин Азат Гильмуллович (13.10.1932–08.12.2021) – литературовед, знаток театра, критик, общественный деятель.

Выпускник Казанского университета (1956). Преподавал в Тобольском педагогическом институте (1956–1958). Работал в Радиокомитете ТАССР (1961–1963). Защитил кандидатскую диссертацию в 1964 г., докторскую диссертацию – в 1984 г., в 1988 г. получил звание профессора. Член-корреспондент АН РТ (1994). В 1963–1981 гг. работал в Институте языка, литературы и истории (ныне Институт языка, литературы и искусства), с 1972 г. – заместитель директора.

С 1981 г. профессор Казанского университета, до 1999 г. заведующий кафедрой татарской литературы. Одновременно, в 1999–2004 гг., преподавал в Казанском педагогическом университете, в 2000–2004 гг. – заведующий кафедрой татарской литературы. В 2000–2012 гг. – профессор Казанского федерального университета.

From 1974 he was a member of the Union of Writers of the Republic of Tatarstan.

His scientific interests included the history and theory of Tatar drama, stage art, criticism, theory and methodology of literature, and methods of teaching literature.

Azat Akhmadullin was an Honored Worker of Arts of the TASSR (1982), Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (2002), laureate of the International Prize named after Kul Gali, laureate of the J. Validi Prize of the Union of Writers of the Republic of Tatarstan, laureate of the K. Nasyri Prize of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, Honored Worker of Higher Professional Education, Honored Professor of Kazan University and a laureate of the State Prize of the Republic of Tatarstan (2017).

кафедрасы мәдире вазифасын башкара. 2000 – 2012 елларда Казан федераль университеты профессоры.

1974 елдан ТР Язучылар берлеге әгъзасы.

Татар драматургиясе тарихы һәм теориясе, сәхнә сәнгате, тәнкыйть, әдәбият теориясе һәм методологиясе, татар әдәбиятын укыту методикасы гыйльми эшчәнлегенә төп тармакларын билгели.

ТАССРның атказанган сәнгать эшлеклесе (1982), ТРның атказанган фән эшлеклесе (2002), Россия Гуманитар фәннәр академиясенә хакыйкый әгъзасы, Кол Гали исемендәге Халыкара бүләк лауреаты (2004), Казан университетының атказанган профессоры, ТРның Дәүләт премиясе лауреаты (2017), күпсанлы мактау грамоталары һәм премияләре иясе

С 1974 г. член Союза писателей РТ.

Основные направления научной деятельности – история и теория татарской драматургии, сценическое искусство, критика, теория литературы и методология, методика преподавания литературы.

Заслуженный деятель искусств ТАССР (1982), заслуженный деятель науки РТ (2002), лауреат международной премии им. Кул Гали, лауреат премии Дж. Валиди Союза писателей РТ, лауреат премии им. К. Насыри Министерства образования и науки Республики Татарстан, почетный работник высшего профессионального образования, почетный профессор Казанского университета, лауреат Государственной премии РТ (2017).

Azat Gilmullovich Akhmadullin (1932–2021) was a literary critic, stage art expert and critic, the founder of the conceptual studies of the Tatar drama history and a teacher-methodologist who created his own scientific school and trend in Tatar literary criticism.

Azat Akhmadullin was born in the village of Bogatye Saby, the Sabinsky District of Tatarstan, on October 13, 1932. After graduating from high school, he taught physics and mathematics for a year at a seven-year school in the village of Shekshi. In 1951–1956, he received higher education at the Department of the Tatar Language and Literature of Kazan State University, from which he graduated with honors. For some time he worked as an editor in the editorial office of scientific and technical literature of the Tatar Book Publishing House.

He began his teaching career at the Tobolsk State Pedagogical Institute of the Tyumen Region, where he taught a course in 1956–1958. After working for two years in the system of higher education, Azat Akhmadullin returned to Kazan with a key decision to link his future life with literature. In 1958–1961, he studied at the graduate school of the Kazan branch of the USSR Academy of Sciences, after which he worked as the editor-in-chief of the Department of Literary and Artistic Broadcasting in the Tatar Radio Committee.

The scientific and pedagogical activities of Azat Akhmadullin were mainly aimed at the

development of Tatar science and the preparation of national personnel in three republican organizations: the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Science Academy, Kazan State University and the Kazan State Pedagogical Institute.

A. Akhmadullin began his scientific research in 1963 at the Institute of Language, Literature and History (now: Language, Literature and Art) named after G. Ibragimov as a junior researcher. In 1964, he defended his Ph.D. thesis “Dramaturgy of Fathi Burnash” [1] under the scientific supervision of M. Gainullin and continued his work as a senior researcher. Here, the young scientist showed a talent for organising scientific work: from 1965 he worked as the scientific secretary of the Institute, in 1972 he became deputy director of the Institute responsible for scientific work.

In 1981, A. Akhmadullin was offered the position of the head of the Tatar Literature Department at Kazan State University, where he worked until 1999. From 2000 until his retirement in 2012, he was professor in the Department of Tatar Literature at Kazan State University (since 2011 it has been Kazan Federal University). In 1999–2004, simultaneously with teaching at Kazan Pedagogical University, he headed the Department of Tatar Literature in 2000–2004.

Adhering to the chosen scientific trend, Azat Akhmadullin defended his doctoral dissertation, devoted to the study of the development stages and

features of Tatar dramaturgy [2], at the Kazakhstan (Alma-Ata) Academy of Sciences in 1987; in 1988 he received the academic title of professor. In 1994, he was elected a corresponding member of the Tatarstan Republic Academy of Sciences.

A. Akhmadullin is rightfully considered to be the founder of the new scientific trend in the Tatar performing arts studies. The main scientific works of the scholar are devoted to a systemic study of the Tatar drama development on a conceptual basis. The research, which began with a monographic study of the outstanding playwright Fathi Burnash's work, led the scholar to literary criticism. "Every creative person unites his literary and scientific activity into one entity", writes T. Gilyazov. "Two complementary scientific trends of this intellectual activity can be distinguished. One of them is the study of F. Burnash's work, the other is Tatar dramaturgy" [3, p. 198]. Starting with this work, Azat Akhmadullin had come a long way, consisting of scientific discoveries, before he became a famous Tatar literary critic who made great contributions to the study of the Tatar literature history. The scholar repeatedly returned to F. Burnash's works, written in the 1940s, he achieved outstanding results studying his creative work and returned to literature the name of a person with a difficult fate, the author who carried out versatile activities in the field of dramaturgy, poetry, prose, journalism and translation [4], [5].

Numerous scientific articles of the scholar, devoted to topical issues of the Tatar theatrical art development in the 1960–1980s, were published in separate collections [6], [7]. Innovations in the work of playwrights in this particular genre of literature, the methods for the stage embodiment of a modern hero, the authenticity of life and its representation in a literary work and the views on such topical issues as stage genres allow us to imagine the qualitative development of the dramaturgy in that era.

In the monograph "Kunelne uyatir: khezerge tatar dramaturgiyasi" ("Awakening Our Hearts: Modern Tatar Dramaturgy"), published at the beginning of the 21st century (2007) [8], the researcher studies Tatar dramaturgy of the second half of the 20th century in a broad sense, considering national stage art as an integral process. In this major work, the author proves with convincing evidence that works, revealing the essence of the Soviet society developments and reflecting the artistic authenticity trend, appeared back in the 1960s and 1970s.

A. Akhmadullin, highlighting the trend of "the problem of finding a hero" that formed in the dramaturgy during the difficult period of "Stagnation", exemplifies it with creative searches and individual findings in the works of outstanding playwrights and reveals the essence of the "conflict-free theory", which influenced the dramaturgy of that period.

He explains the reason for the revival of national drama after the "Khrushchev's thaw" by the increased attention to stage conventions, to plays written with reference to conventional metaphorical images. The analysis of the qualitative development and change of stage art in this work is carried out in a wide literary context, due to the activities of numerous playwrights who contributed to Tatar dramaturgy during this period (Kh. Vakhit, Yu. Aminov, T. Minnullin, I. Yuzeev, A. Gilyazov, R. Mingalim, Z. Hakim, R. Hamid, Yu. Safiullin, M. Karimov, M. Karimov, M. Gilyazov and others). The research is conducted in a comparative aspect (the authors who worked in different periods of Tatar drama based on Russian drama), which allows us to perceive the monograph as the result-conclusion of a certain period of the scholar's activity.

The most significant works of A. Akhmadullin were published in the 1970–1990s. His studies of the work by the major figures of Tatar dramaturgy: G. Kamal, G. Iskhaki, F. Amirkhan, M. Fayzi, K. Tinchurin, F. Burnash, T. Gizzat, N. Isanbet, R. Ishmurat, T. Minnullin and others, laid the foundations for the scientific conception underlying Tatar dramaturgy studies. The scholar continued his research in this direction in his monograph "Tatar Dramaturgy: History and Problems" [9]. "This fundamental work highlights the history of Tatar drama from new ideological and aesthetic positions, evaluates each of the scientific and artistic stages, reveals their features, analyses the most important works that occupy a special place in the history of drama" [10] – writes T. Galiullin. This serious monographic work, based on scientific foundations, studies the trends in the formation and development of Tatar stage literature up to the beginning of the 21st century and emphasizes its main themes and problems, revealing the specifics of each of the development stages and evaluating the numerous works that determined the emergence of Tatar dramaturgy.

A. Akhmadullin's study is an important contribution to scientific research in this area: the scholar, taking into account the specific nature of dramatic scripts as works of both performing arts

and literature, evaluates them based on a synthesis of approaches to the art of theater and literary criticism. Drama as a special kind of literature is studied by scientists in terms of the literary-historical approach as a developing unique integral system. Thus, Azat Akhmadullin created the national conception of the Tatar drama original development [11].

Another aspect of Azat Akhmadullin's lifelong fruitful work is the preparation of highly qualified national personnel who would guide young people on their path of science. The scholar's activity in this direction is mainly connected with the study of certain stages of the drama development, the creative work of the authors who have enriched the performing arts and topical issues of Tatar drama. His first graduate student Nazim Khanzafarov's dissertation on the topic "Naki Isanbet's Dramaturgy" (1975) [12] revealed the essence of the activity of the folklorist who made a great contribution to the Tatar drama development. This work served as the basis for the young scientist's further scientific research. His disciple's monograph "Tatar Comedy (Its Origins and Development)" became his doctoral work, which traced, in a wide literary context, the Tatar comedy development from its classical examples to the end of the 20th century [13]. Prof. Akhmadullin was a scientific supervisor of a number of candidate dissertations by young scholars who entered the scientific arena: L. M. Samigullina [14], G. A. Shakirova [15], L. M. Shaekhova [16], A. S. Sharipova [17]. Their works, which are serious research making conceptual scientific discoveries, are devoted to the complex issues of Tatar dramaturgy, not yet recognized as objects of scientific research. Among the dissertation research, carried out under the guidance of Azat Akhmadullin, are the scientific works devoted to Rizaeddin Fakhрутдинov, a scientist and a writer-educator [18], the prose writer Garif Akhunov [19] and Fail Shafigullin [20].

Another field of the scholar's activity, which attracted the literary community's attention, was his critical work on the issues related to the Tatar art of theater and the literary process as a whole. Not a single new work, seen in Tatar theaters, goes unnoticed by critics: A. Akhmadullin's theater reviews were distinguished by their detailed analysis and meaningful assessments. His reviews were perceived as a chronicle of the Tatar stage life; his comments on various genres and his critical articles, which made a significant contribution to the development of theater

criticism, were subsequently published in the form of thematic collections [21], [22], [23].

A. Akhmadullin's great contribution to the preparation of scientific personnel for this significant branch of literary criticism was his scientific supervision of dissertations on the history of Tatar literary criticism and its complex methodological problems. The Ph.D. thesis completed by T. Sh. Gilazov in this area (1992) [24] of scientific research and his active work in subsequent years can be perceived as a new achievement of Tatar literary criticism.

From the 1970s, Azat Akhmadullin was actively engaged in writing textbooks on Tatar literature and creating teaching aids for secondary schools. With the beginning of social transformations, he set about compiling new Tatar literature curricula for the middle and upper classes and gathered a team of authors to write new textbooks; this responsible work was successfully fulfilled. For the years of fruitful work in this area, the scholar was awarded the K. Nasyri Prize of the Tatarstan Republic Ministry of Education in 1999.

Azat Akhmadullin was a member of the Writers' Union of Tatarstan; from 1974 to 1999 he was a member of the Writers' Union Board and its Presidium, for sixteen years he chaired the Board of the Tatarstan branch of the Literary Fund. The laureate of the Zamal Validi Prize of the Union of Writers (2007), Azat Akhmadullin, was devoted to literature and stage art until the end of his life and came a long and fruitful way along this path.

References

1. Akhmadullin, A. G. (1963). *Dramaturgiya Fatkhi Burnasha: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk* [Dramaturgy by Fathi Burnash: Ph.D. Thesis]. Kazan', 273 p. (In Russian)
2. Akhmadullin, A. G. (1986). *Zarozhdenie i formirovanie sotsialisticheskogo realizma v tatarskoi dramaturgii: dissertatsiya ... doktora filologicheskikh nauk* [The Origin and Formation of Socialist Realism in the Tatar Dramaturgy: Doctoral Thesis]. Kazan', 385 p. (In Russian)
3. Gilazov, T. (2005). *Literaturnoe nasledie: istoriya i sovremennost'* [Literary Heritage: History and Modernity]. 205 p. Kazan', Tatar.knizh.izd. (In Russian)
4. Akhmadullin, A. G. (1967). *Fatkhi Burnash: zhizn' i tvorchestvo* [Fathi Burnash: Life and Work]. 173 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
5. Akhmadullin, A. G. (1988). *Fatkhi Burnash: zhizn' i tvorchestvo* [Fathi Burnash: Life and Work]. 2 izd. 176 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
6. Akhmadullin, A. G. (1976). *Kak opisan' tebya, Sovremennik?: Ob aktual'nykh problemakh sovremennoi tatarskoi dramaturgii* [How to Describe You, My Contemporary?: On Topical Issues of Modern

- Tatar Dramaturgy]. 151 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
7. Akhmadullin, A. G. (1980). *Stsenicheskaya literatura i zhizn'* [Stage Literature and Life]. Literaturno-kriticheskie stat'i. 303 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
8. Akhmadullin, A. G. (2007). *Razbudit serdtsa: sovremennaya tatarskaya dramaturgiya: Monografiya* [Awakening Our Hearts: Modern Tatar Dramaturgy: A Monograph.]. 223 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
9. Akhmadullin, A. G. (2012). *Tatarskaya dramaturgiya: istoriya i problema* [Tatar Dramaturgy: History and Problem]. 511 p. Kazan', Tatar.kn.izd-vo. (In Russian)
10. Galiullin, T. N. (2012). *Slovo ob uchenom i kritike* [A Few Words about the Scholar and the Critic]. Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. No. 3 (29), pp. 318-319. (In Russian)
11. Gilazov, T. Sh., Kayumova, G. F. *Naychnaya shkola Azata Gil'mullovicha Akhmadullina* [Scientific School of Azat Gilmullovich Akhmadullin] Filologiya i kul'tura. Philology and Culture. 2022. No. 4(64), pp. 122-129. (In Russian)
12. Khanzafarov, N. G. (1975). *Dramaturgiya Naki Isanbeta: avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [Naki Isanbet's Dramaturgy: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 19 p. (In Russian)
13. Khanzafarov, N. g. (1996). *Tatarskaya komediya (Istoki i razvitie): avtoreferat diss. na sois. ... d-ra. filol. nauk* [Tatar Comedy (Its Origins and Development): Doctoral Thesis Abstract]. Kazan', 64 p. (In Russian)
14. Samigullina, L. M. (2004). *Kontseptsii geroya v period zarozhdeniya i stanovleniya tatarskoi dramaturgii (1887-1910): avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [Conceptions of the Hero in the Period of the Birth and Formation of Tatar Dramaturgy (1887-1910 Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 22 p. (In Russian)
15. Shakirova, G. A. (2000). *Dramaturgiya Tufana Minnullina 80-90-kh godov (Tematika i problematika. Zhanrovaya raznovidnost'. Metodika obucheniya v shkole): avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [Dramaturgy by Tufan Minnullin in the 1980s and 1990s (Themes and Problems. Genre Variety. Methods of Teaching at School): Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 19 p. (In Russian)
16. Shaekhov, L. M. (2012). *Tragediya v stikhakh v tatarskoi dramaturgii: zarozhdenie i razvitie: avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [Verse Tragedy in Tatar Dramaturgy: the Origin and Development: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 22p. (In Russian)
17. Sharipova, A. S. (2007). *Moral'no-ehricheskaya kontseptsiya v dramaturgii Yunusa Aminova: avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [Moral and Ethical Conception in the Dramaturgy of Yunus Aminov: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 29 p. (In Russian)
18. Dautov, G. (2001). *F. R. Fakhrutdinov-pisatel' i literaturoved: avtoreferat diss. na sois... kand. filol. nauk* [Fakhrutdinov as a Writer and Literary Critic: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 19 p. (In Russian)
19. Gaifullina, F. A. (2003). *Proza Garifa Akhunova (ehvolyutsiya tvorchestva): avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [Garif Akhunov's Prose (evolution of his creative work): Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 26 p. (In Russian)
20. Shafigullina, R. F. (2000.). *Kontseptsii lichnosti v tvorchestve Faiya Shafigullina: avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [The Concept of Personality in Fayil Shafigullin's Work: Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 19 p. (In Russian)
21. Akhmadullin, A. G. (1993). *Na puti k spravedlivosti* [On the Way to Justice]. Stat'i. 255 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
22. Akhmadullin, A. G. (2002). *Kogda rasshiyayutsya gorizonty* [When Horizons Expand]. Literaturno-kriticheskie stat'i. 239 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
23. Akhmadullin, A. G. (2018). *Na puti vozrozhdeniya* [On the Way to Revival]. Nauchnye stat'i. 206 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)
24. Gilazov, T. Sh. (1992). *Osnovnye tendentsii razvitiya tatarskoi literaturnoi kritiki v 20-30-e gody (problema metoda i geroya): avtoreferat diss. na sois. ... kand. filol. nauk* [The Main Development Trends of Tatar Literary Criticism in the 1920s and 1930s (the problem of method and hero): Ph.D. Thesis Abstract]. Kazan', 25 p. (In Russian)

КҮРЕНЕКЛЕ ӘДӘБИЯТ ГАЛИМЕ АЗАТ ГЫЙЛЬМУЛЛА УЛЫ ӘХМӘДУЛЛИН

Флера Сәгыйть кызы Сәйфулина,

Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
fsaifulina@mail.ru

Татар жәмәгәтчелегендә Азат Гыйльмулла улы Әхмәдуллин (1932–2021) – әдәбият галиме,

сәхнә сәнгате белгече һәм тәнкыйтьче, татар драматургиясе тарихын концептуаль нигездә

өйрәнәп, татар әдәбият белеме фәненең әлегә юнәлешендә үзенә фәнни мәктәп булдырган остаз, педагог-методист буларак танылу алган зыялы шәхес.

Азат Әхмәдуллин 1932 елның 13 октябрендә Татарстанның Саба районы Байлар Сабасы авылында дөньяга килә. Урта мәктәпне тәмамлаганнан соң, бер ел Шекше авылы жидееллык мәктәбендә физика һәм математика укыта. 1951–1956 елларда Казан дәүләт университетының татар теле һәм әдәбияты бүлегендә югары белем ала, аны кызыл диплом белән тәмамлый. Берникадәр вакыт Татарстан китап нәшриятының фәнни-техник әдәбият редакциясендә мөхәррир булып эшли.

Педагогик эшчәнлеген Төмән өлкәсенең Тубыл (Тобольск) дәүләт педагогия институтында башлап җибәрә, монда 1956–1958 елларда студентларга белем бирә. Ике ел югары мәктәп системасында эшләгән Азат Әхмәдуллин Казанга килчәк тормышын әдәбият фәне белән бәйләү турындагы ныклы карар белән кайта. 1958–1961 елларда СССР Фәннәр академиясенең Казан филиалында аспирантурада укый, аны тәмамлагач, Татарстан Радиокомитетында әдәби-сәнгать тапшырулары бүлегенә баш мөхәррир булып эшли.

Азат Гыйльмулла улының гыйльми-педагогик эшчәнлегенә нигездә Республиканың татар фәнен үстерү һәм милли кадрлар әзәрләү юнәлешендәге өч өшмә: ТР Фәннәр Академиясенең Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты, Казан дәүләт университеты, Казан дәүләт педагогия институтлары белән бәйләнгән.

Фәнни эшчәнлеген А. Әхмәдуллин 1963 елда Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм тарих институтында (хәзер: Тел, әдәбият һәм сәнгать) кече гыйльми хезмәткәр буларак башлый, 1964 елда М. Х. Гайнуллин җитәкчелегендә «Фәтхи Бурнаш драматургиясе» [1] дигән темага кандидатлык диссертациясе яклый һәм өлкән гыйльми хезмәткәр вазифасында эшен давам итә. Монда яш галимнең фәнни эшенә оештыру сәләте ачыла: ул 1965 елдан институтның гыйльми сәркәтибе, 1972 елдан институт директорының фәнни эшләр буенча урынбасары булып эшли.

А. Әхмәдуллин 1981 елда Казан дәүләт университетына татар әдәбияты кафедрасының мөдире итеп эшкә күчәргә һәм 1999 елга кадәр эшли. 2000 елдан алып лаеклы ялга киткәнчә (2012), Казан дәүләт университетының (2011 елдан Казан федераль университеты) татар

әдәбияты кафедрасы профессоры. 1999–2004 елларда Казан педагогия университетында белем бирү белән бергә 2000–2004 елларда татар әдәбияты кафедрасы мөдире вазифасын да башкара.

Азат Гыйльмулла улы 1987 елда Казахстанның Фәннәр Академиясендә (Алма-Ата шәһәре) татар драматургиясенең үсеш этаплары һәм үзенчәлекләрен өйрәнүгә багышланган докторлык диссертациясен яклый [2], 1988 елда профессор дәрәжәсен ала. 1994 елда Татарстан Фәннәр Академиясенең мөхбир әгъзасы итеп сайлана.

А. Әхмәдуллин – хаклы рәвештә татар сәхнә сәнгате фәнни нигездә өйрәнү юнәлешен башлаучы дип санала. Галимнең төп гыйльми хезмәтләре татар драматургиясә үсешен концептуаль нигездә системалы рәвештә өйрәнүгә багышланган. Күренекле драматург Фәтхи Бурнаш ижатын монографик планда өйрәнүдән башланган тикшеренүләр галимне әдәбият фәненә алып керә. «Һәр иҗат кешесенең әдәби-гыйльми эшчәнлеген бер үзәк тирәсенә җыя, жан жылысы белән яратып эшли торган өлкәсе була, – дип яза Т. Гыйлажев. – Әлегә зыялы затның бер-берсен тулыландыручы ике фәнни юнәлешен билгеләргә мөмкин. Аның берсе – Ф. Бурнаш ижатын барлау һәм өйрәнү, икенчесе – татар драматургиясе» [3, 198 б.]. Шушы хезмәттән башлап, татар әдәбияты тарихын өйрәнүгә зур өлеш керткән күренекле татар әдәбияты галиме дәрәжәсенә ирешкәнчә, Азат Гыйльмулла улы фәнни ачышлардан торган олы тормыш юлы уза. Ф. Бурнаш ижатына галим кат-кат әйләнеп кайта, XX гасырның 40 елларына кадәр драматургия, шигърият, проза, публицистика, тәржемәчелек өлкәсендә күпкырлы эшчәнлек алып барган катлаулы язмышлы шәхес ижатын өйрәнү һәм исемен әдәбиятка кайтару юнәлешендә күп эш башкара [4], [5].

Галимнең 1960–1980 елларда татар театр сәнгате үсешен, драматургиянең актуаль мәсьәләләренә багышлап язылган күпсанлы фәнни мәкаләләре аерым җыентыклар булып дөнья күрә [6], [7]. Алардагы әдәбиятның әлегә үзенчәлекле жанрында эшләүче драматурглар ижатындагы яңалык-үзенчәлекләр, замана героен сәхнә эсәрендә тудыру алымнары, тормыш дәрәжәгә һәм аның әдәби эсәрдә тергезелүе, сәхнә жанрлары кебек актуаль мәсьәләләргә мөнәсәбәтле фикерләр чор драматургиясенең сыйфат үсешен күзалларга мөмкинлек бирә.

XXI гасыр башында дөнья күргән «Күңел-ләрне уятыр: Хәзерге татар драматургиясе» монографиясендә (2007) [8] галим XX гасырның икенче яртысы татар драматургиясен киң планда, милли сәхнә сәнгатен бербөтен процесс рәвешендә өйрәнә. Әлеге саллы хезмәттә автор совет жәмгыятендә хөкем сөргән хәлләрнең асылын ачкан, сәнгать дәрәҗәсиз ирешү юнәлешен чагылдырган эсәрләрнең узган гасырның 60–70 елларында ук башлануын нигезле дәлилләр белән раслый. «Торгынлык чоры» дип бәйләнгән катлаулы чор драматургиясендә формалашкан «герой эзләү проблемасы» тенденциясен аерып чыгарып, аны шул заманның күренекле драматурглары эсәрләрендәге ижади эзләнүләр һәм аерым табышлар аша раслый, әлеге чор драматургиясенә тәэсир иткән «конфликт-сызлык теориясе»нең асылын ача.

«Хрущев жепшеклеген»нән соң милли драматургиядәге жанлануның сәбәбен сәхнә шартлылығына, шартлы-метафорик образларга мөрәҗғәгать итеп язылган пьесаларга игътибар арту белән аңлата. Әлеге хезмәттә сәхнә сәнгатендәге сыйфат үсеш-үзгәреше галим тарафыннан киң әдәби контекстта, шушы чор татар драматургиясенә өлеш керткән күпсанлы драматурглар эшчәнлеген аша (Х. Вахит, Ю. Әминов, Т. Миңнуллин, И. Юзиев, А. Гыйләжев, Р. Мингалим, З. Хәким, Р. Хәмид, Ю. Сафиуллин, М. Гыйләжев һ.б.) чагыштырма аспектта (татар драматургиясенә төрле чорларында ижат иткән авторлар ижаты, рус драматургиясе мисалында) ача һәм бу монографияне галим эшчәнлегенә аерым бер чорына нәтиҗә-йомгак төсәндә кабул итәргә мөмкинлек бирә.

А. Әхмәдуллинның иң әһәмиятле хезмәтләре 1970–1990 еллар арасында дөнья күрә. Аның татар драматургиясенә үзәк фигуралары булган Г. Камал, Г. Исхакый, Ф. Әмирхан, М. Фәйзи, К. Тинчурин, Ф. Бурнаш, Т. Гыйззәт, Н. Исәнбәт, Р. Ишморат, Т. Миңнуллин һ.б. ижаты буенча киңкырлы эзләнүләре татар драматургиясен өйрәнүнең фәнни концепциясенә нигез сала. Бу юнәлештәге системалы эшчәнлеген галимнең «Татар драматургиясе: тарих һәм проблемалар» (2012, рус телендә, «Татарская драматургия: история и проблемы» [9] монографиясендә урын алды. «Бу фундаменталь хезмәттә татар драматургиясе тарихы яңа идея-эстетик карашлардан чыгып яктыртыла, фәнни-сәнгати этапларының һәрберсенә бәя бирелеп,

үзенчәлекләре ачыла, драматургия тарихында үзенчәлекле урын алган мөһим эсәрләргә анализ ясала» (сүзгә-сүз тәрҗемә. – Ф. С.) [10] – дип яза Т. Галиуллин. Житди монографик хезмәттә татар сәхнә әдәбиятының формалашу һәм үсеш тенденцияләре XXI гасыр башына кадәр фәнни нигездә өйрәнелә; төп тема һәм проблемалары асызыклана, үсеш этапларының һәрберсенә үзенчәлекле ачыклана; татар драматургиясенә йөзән билгеләүче күпсанлы эсәрләргә бәя бирелә.

А. Әхмәдуллин хезмәтләренә фәнни әһәмиятте шуның белән билгеләнә: галим драма эсәрләренә бер үк вакытта сәхнә сәнгате дә, әдәби эсәр дә буларак үзенчәлекле табигатен исәпкә алып, аларны бәйләгәндә, театр сәнгате һәм әдәбият белеме өлкәсенә кагылышлы карашлар синтезында эш итә. Әдәбиятның үзенчәлекле төре буларак драма галим тарафыннан үсештә булган үзенчәлекле бербөтен система буларак әдәби-тарихи ясалыкта өйрәнелә. Азат Әхмәдуллин, шул рәвешле, татар драматургиясенә оригиналь үсеште турында милли тәгълимат булдыра [11].

Азат Гыйльмулла улының күпеллек нәтиҗәле эшенә тагын бер юнәлеш – квалификацияле милли кадрлар әзерләүдән гыйбарәт. Галимнең әлеге юнәлештәге эшчәнлегенә дә, нигездә, драматургиянең аерым үсеш этапларын, сәхнә сәнгатен баеткан аерым шәхесләр ижатын, татар драматургиясенә актуаль мәсәләләр өйрәнү белән бәйле. Беренче аспиранты Назим Ханзафаровның «Нәкый Исәнбәт драматургиясе» (1975) [12] темасына язылган диссертациясе татар драматургиясе үсешенә зур өлеш керткән фольклорчы-галимнең бу өлкәдәге эшчәнлегенә асылын ача һәм яшәү галимнең киләчәктәге фәнни эзләнүләренә төплә нигез дә булып тора. Шәкертенең татар комедиясенә классик үрнәкләрдән алып XX гасырның ахырына кадәргә үсешен киң әдәби контекстта күзәткән «Татар комедиясе (тамырлары һәм үсеше)» монографик хезмәтте дә, А. Әхмәдуллинның хәрхаклы фатихасы белән дөнья күрә, докторлык эшенә әверелә [13]. Галим житәкчелегендә бер-бер артлы фән аренасына чыккан яшьләрнең кандидатлык диссертацияләре дә (Л. М. Сәмигуллина [14], Г. Ә. Шакирова [15], Л. М. Шәехов [16], А. С. Шәрипова [17]) – татар драматургиясенә әлегә кадәр фәнни эзләнү объектын итеп алынмаган катлаулы мәсәләләр ачыклауга багышланган,

үзәгендә житди эзләнүләр һәм концептуаль фәнни ачышлардан торган хезмәтләр. Азат Әхмәдуллин житәкчелегендә башкарылган диссертацион эзләнүләр арасында галим һәм мәгърифәтче язучы Ризәддин Фәхрәтдинов [18], прозаик Гариф Ахунов [19], Фаил Шәфигуллин [20] эшчәнлегенә багышланган фәнни хезмәтләр дә бар.

Галим эшчәнлегенә әдәби жәмәгәтчелекнең игътибарын жәлеп иткән тагын бер тармагын – татар театр сәнгате, гомумән, әдәби барыш белән бәйлә мәсәләләргә кагылышлы тәнкыйди эшчәнлегә тәшкил итә. Татар театрларында дөнья күргән һәрбер яңа эсәр тәнкыйтче карашыннан читтә калмый: А. Әхмәдуллинның театр рецензияләре тәфсиллә анализ, төплә бәя белән аерылып тора. Аның бәяләмәләре татар сәхнә тормышының елъязмасы кебек кабул ителә; театр тәнкыйтен үстерүгә әһәмиятле өлеш керткән төрле жанрлардагы язмалары, тәнкыйди мәкаләләре алга таба тематик жыентыклар булып дөнья күрә [21], [22], [23].

Галим житәкчелегендә татар әдәби тәнкыйте тарихы, аның катлаулы методик проблемаларына багышланган диссертация язылу – А. Әхмәдуллинның әдәбият гыйлеменең әлегә әһәмиятле тармагы өчен фәнни кадрлар әзерләү юнәлешенә керткән зур өлеш буларак бәяләнә. Т. Ш. Гыйләжевның бу юнәлештә башкарылган кандидатлык диссертациясе (1992) [24] һәм аннан соңгы еллардагы актив эшчәнлегә – татар әдәбият гыйлемендә яңа сүз буларак кабул ителә ала.

Азат Әхмәдуллин узган гасырның житмешенче елларыннан бирле урта мәктәпләр өчен татар әдәбиятыннан дәреслекләр язучу, уку-укыту әсбаплары төзү өлкәсендә дә актив эшли. Жәмгыятьтә үзгәртеп кору чоры башлангач, ул урта һәм югары сыйныфлар өчен татар әдәбиятыннан яңа уку программалары төзүгә алына, яңа дәреслекләр язучу өчен авторлар коллективы туплап, бу җаваплы эш белән уңышлы житәкчелек итә. Бу өлкәдәге күпеллык нәтижәле хезмәте 1999 елда ТР Мәгариф министрлыгының К. Насыри исемендәге премия белән бәяләнә.

Азат Гыйльмулла улы Татарстан Язучылар берлегә әгъзасы, 1974 елдан 1999 елга кадәр Язучылар берлегә идарәсе һәм аның президиумы әгъзасы, уналты ел буена Әдәбият фондының Татарстан бүлегә идарәсе рәисе булып эшли. Язучылар берлегенә Жамал Вәлиди исемендәге премия лауреаты (2007)

Азат Әхмәдуллин гомеренә ахырына кадәр әдәбият фәннә, сәхнә сәнгатенә тугрылыклы булды һәм шушы юлда игелекле һәм югары нәтижәле юл узды.

Әдәбият

1. *Ахмадуллин А. Г.* Драматургия Фатхи Бурнаша: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1963. 273 с.
2. *Ахмадуллин А. Г.* Зарождение и формирование социалистического реализма в татарской драматургии: дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1986. 385 с.
3. *Гыйләжев Т.* Әдәби мирас: тарих һәм заман. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 205 б.
4. *Әхмәдуллин А. Г.* Фәтхи Бурнаш: тормыш юлы һәм ижаты. Казан: Татар. кит. нәшр., 1967. 173 б.
5. *Әхмәдуллин А. Г.* Фәтхи Бурнаш: тормыш юлы һәм ижаты. 2 басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 176 б.
6. *Әхмәдуллин А. Г.* Ничек сурәтләргә сине, замандаш?: Бүгенге татар драматургиясенә актуаль проблемалары турында. Казан: Татар. кит. нәшр., 1976. 151 б.
7. *Әхмәдуллин А. Г.* Сәхнә әдәбияты һәм тормыш. Әдәби тәнкыйт мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 303 б.
8. *Әхмәдуллин А. Г.* Күңелләргә уятыр: Хәзерге татар драматургиясе: Монография. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 223 б.
9. *Ахмадуллин А. Г.* Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 511 с.
10. *Галиуллин Т. Н.* Слово об ученом и критике // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 3 (29). С. 318–319.
11. *Гилазов Т. Ш., Каюмова Г. Ф.* Научная школа Азата Гильмулловича Ахмадуллина. Филология и культура. Philology and Culture. 2022. №4(64). С. 122–129.
12. *Ханзафаров Н. Г.* Драматургия Наки Исанбета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1975. 19 с.
13. *Ханзафаров Н. Г.* Татарская комедия (Истоки и развитие). автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 1996. 64 с.
14. *Самигуллина Л. М.* Концепция героя в период зарождения и становления татарской драматургии (1887–1910): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 22 с.
15. *Шакирова Г. А.* Драматургия Туфана Миннуллина 80–90-х годов (Тематика и проблематика. Жанровая разновидность. Методика изучения в школе): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000. 19 с.
16. *Шаехов Л. М.* Трагедия в стихах в татарской драматургии: зарождение и развитие: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с.

17. Шарипова А. С. Морально-этическая концепция в драматургии Юнуса Аминова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 29 с.

18. Даутов Г. Ф. Р. Фахрутдинов – писатель и литературовед: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2001. 19 с.

19. Гайфуллина Ф. А. Проза Гарифа Ахунова (эволюция творчества): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 26 с.

20. Шафигуллина Р. Ф. Концепция личности в творчестве Фаиля Шафигуллина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2000. 19 с.

21. Әхмәдуллин А. Г. Дәрәсләккә ирешү юлында. Мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. 255 б.;

22. Әхмәдуллин А. Г. Офыклар киңәйгәндә. Әдәби тәнкыйть мәкаләләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. 239 б.

23. Әхмәдуллин А. Г. Яңарыш юлында: фәнни мәкаләләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2018. 206 б.

24. Гилязов Т. Ш. Основные тенденции развития татарской литературной критики в 20-30-е годы (проблемы метода и героя): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1992. 25 с.

Reviews

Бәяләмә һәм күзәтүләр

Рецензии и обзоры

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-182-188

**REVIEW OF ILGIZ KADYROV'S BOOK "TATAR WEDDING SONGS:
THE SIBERIAN AREA" (KAZAN, 2021. 188 p.)**

Saviya Gimaltdynovna Samitova,
Kazan National Research Technological University,
68 K. Marx Str., Kazan, 420015, Russian Federation,
savilas@yandex.ru.

The article reviews the book "Tatar Wedding Songs: The Siberian Area" (Kazan, 2021. 188 p.) by Ilgiz Kadyrov. The article provides information about the structure of the book, highlights the value and significance of the collection in the cultural life of the Tatar people. The book is based on the materials of Ilgiz Kadyrov's expeditions to the Tyumen, Tomsk, Omsk and Novosibirsk Regions of the Russian Federation in 1967–1973, to the regions where the Siberian Tatars live compactly. The book presents excellent examples of the Siberian Tatars' wedding songs not included in the folklore practice. The collection will be of interest to teachers and composers, as well as connoisseurs of Tatar folk music.

Key words: Siberian area, Tatar folk songs, wedding songs, culture

The G. Ibragimov's Language, Literature and Art Institute of the Tatarstan Republic Academy of Sciences published the book "Tatar Wedding Songs: The Siberian Area" [1]. For everyone who is not indifferent to the spiritual heritage of the Tatar people, it is a great achievement: the long-term work of Ilgiz Kadyrov, a national musicologist and an Honoured Worker of Culture of Tatarstan, has been published as a book. The scientific editor of the book is Ilsiyyar Zakirova, Doctor of Philology, the chief researcher in the Department of Folk Art at the G. Ibragimov's Language, Literature and Art Institute; the computer notation of the songs has been carried out by Naila Nurgayanova, a senior researcher in the Arts Department of the same in-

stitute. Both experts took part in numerous scientific expeditions to the regions of Siberia where the Tatars live, studying their cultural heritage.

The book is addressed to folklorists and musicologists, teachers and students of higher and secondary educational institutions, to everyone who is interested in folk songs.

In 1967–1972, the Tatar musicologist and folklorist Ilgiz Kadyrov went on numerous scientific expeditions, collected and studied the samples of the Siberian Tatars' musical creative art. The scholar was interested in folk songs, performers, instrumental music and folk musical instruments. Ilgiz Kadyrov recorded folk melodies in accordance with all scientific requirements: he wrote

down who was the performer of each song, where he was born and lived, and added interesting information about his informants. The heritage of folk songs and music was recorded on audio cassettes. Later, Ilgiz Kadyrov repeatedly listened to these recordings, notated the melodies of the songs and deciphered the lyrics. The book consists of two large parts. The first part provides information about the history and ethnography of the Siberian Tatars. This part contains paragraphs about the history of collecting the Siberian Tatars' folk and wedding songs. The second part presents folk songs, performed during the wedding ceremony.

In the introductory part to the book, entitled "One Word", the author writes about his work: "I am a collector of musical and poetic creative works of the Siberian Tatars. In 1968–1977, while working at the G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and History, I went on nine scientific expeditions to the Omsk, Tyumen, Novosibirsk, Tomsk and Kemerovo regions, and was lucky to record more than 500 songs and melodies with the aim of preserving them for science and people. This is our unique treasure".

All his life, Ilgiz abyi was interested in folk songs of the Siberian Tatars. He repeatedly returned to this music treasury, spoke on radio, television, in newspapers and magazines, at scientific conferences, trying to popularize them.

It should also be noted that these records represent unique findings; if the records were not preserved, it would be impossible to learn about them. The author was lucky to record Siberian songs on a tape recorder and to pass them on to our Siberian countrymen today – to the heirs of Khan Kuchum.

The article "Brief Historical and Ethnographic Information", included in the book and based on the works of historians, provides detailed and interesting information about the history of the Western Siberia Tatars, about the period of the Siberian Khanate, about the struggle of the Tatar people for the preservation of their statehood and their way of life. The articles, included in this part of the book, give an idea of the stages of the formation of the Siberian Tatars as an ethnonym-group, the boundaries of their territory. Ilgiz Kadyrov substantiates his observations with the works of the scientists who studied the Siberian Tatars: L. P. Potapova, S. V. Bakhrushin, V. V. Khramov, N. M. Yardintsev, N. F. Katanov, G. F. Miller, V. V. Radlov and D. G. Tumasheva. It is noteworthy that this collection, despite its profound scientific information, is written in a lan-

guage accessible for the readers who are not experts in this field.

In the book "Tatar Wedding Songs: The Siberian Area", you can find answers to many questions about the Siberian Tatars. The article "The History of Collecting the Siberian Tatars' Folk Songs" highlights the activities of expeditions, which went to study the folklore and ethnography of the Siberian Tatars. The rich musical culture of the West Siberian Tatars, who constituted a significant ethnic group of the Tatar people, has not been sufficiently studied. Due to the fact that this region, as a cultural center of the Tatar people, is far from Kazan, real scientific work on the collection and study of musical folklore, especially the songs of the Tatars living outside Tatarstan, began only in the 1960s. It is known that in the pre-October works, there are very few materials reflecting the history, ethnography, language and folklore of this region. In this regard, Ilgiz Kadyrov highly appreciates the work of Academician V. V. Radlov "The Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes" [2], calling it a unique source for studying the language and oral folk art of the Siberian Tatars. V. V. Radlov, who collected samples of folk art with great difficulty, was one of the first to convey the richness of the Siberian Tatars' spiritual culture to the whole world. In his book "The Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes" [2], published in St. Petersburg in 1872, the scholar noted that those ancient melodies were preserved only in the memory of white-bearded old people and expressed concern about their possible loss in the near future.

Ilgiz Kadyrov did not fail to mention a single article, devoted to the songs of the Siberian Tatars. For example, in the article with the initials I. Yu., the world of the Siberian Tatars' music is described as follows: "Despite the fact that music is prohibited under Sharia law, the Siberian Tatars do not consider it a sin to sing a song from time to time, especially en route. On the one hand, they are right: their songs cannot be attributed to the musical sphere. They have no melody. The Tatars do not sing, their music stretches out monotonously like a road, and this song can last for ten kilometers. They sing about wide fields, an evil wife and a vigorous horse. In their songs, we can learn about the separation from a good father and about life in captivity" [1, p. 19].

The author highly appreciates the activity of the Tatar composer A. S. Klyucharov in this area. In addition, he dwells on the controversial issues related to the book "People's Pearls" by Jaudat

Fayzi [3]. He expresses his expert opinion on this matter.

It is necessary to mention another important aspect of the book. The lyrics, contained in this work, are reproduced with the preservation of the dialectal features of the Siberian Tatars' speech. The author comments on individual dialect lexemes. The texts with well-preserved dialectal features were translated into the literary language by the scientific editor, Doctor of Philology Ilsiyyar Zakirova: at the end of the songs, additional stanzas in the literary language are given. This facilitates the perception of texts even for those who are not familiar with certain dialectal features. For example:

Turchainy iektem tus belen ei,
Ielertem koskei pos pellen.
Peishembe aksham ash iskitsem,
Utyrtym matyry kys belen.
*Turchainy zhiktem dus belen ei,
Zhildertem kozge bos belen.
Penzheshembe aksham ash ashadym,
Utyrdym matur kyz belen. [1, p. 130-131]*
A saddled little horse with a friend, oh¹
Rushed when the autumn ice appeared.
Had dinner on a Thursday night,
Spent time with a nice girl.

In this sense, the work is significant in terms of lexicological research. The words that have gone out of use can be found in such songs as “Kiyau Tipsau”, “Kuch Zhyry”, etc. By the way, it is worth noting that the rites themselves are not practiced any longer, and no information about them can be found at present.

The collection includes 88 songs, united under the title “Wedding Songs”. Many of these wedding songs are forgotten. The scholar's aim is to return these songs to the people, to breathe new life into the national melody. The songs, presented in the collection, refer to various stages of the wedding ceremony.

The song “Kiyau tipsau” is performed while seeing the groom off to the bride's house; “Ishek bavy” is sung at the meeting on the threshold of the bride's house; “Ai ellerlep kiyaune kergezu” or “Yaltyr aityu” can be heard at the stage of introducing the groom to the bride's house. The author recorded them in numerous versions from the Tatars of the Tyumen, Tobolsk, Sazan, Baraba, Tomsk and Kemerovo regions.

The author divides the songs, collected in the book, into the following groups: the songs of wed-

ding ceremonies, the songs accompanying the bride and saying farewell to her, the songs performed with honors and praises of certain people, the songs performed while treating guests and the comic theatrical songs. The collection provides detailed information about the recording history of each song, about the regions in which it occurred, about the musical sound and lyrical tones, presenting numerous versions of the songs and notes for each version.

Even more interesting is the fact that the book is supplemented with photographs from I. Kadyrov's personal archive. This creates the atmosphere of that era; the photographs depict not only the informants of the last century, but also ethnographically interesting information.

In conclusion, I would like to say that on the one hand, this collection is a truly unexpected work; on the other, it is a long-awaited study. It is also symbolic that it was published in this way, as the language, music, culture and traditions of our people will never disappear. This book takes us back to the past, makes us think about how we speak our native language, how proud we are of our nation, how we preserve our national traditions.

References

1. Kadyrov, I. Sh. (2021). *Tatarskiye svadebnyye pesni: Sibirskiy areal* [Tatar Wedding Songs: The Siberian Area]. I. Sh. Kadyrov. 188 p. Kazan'. (In Russian)
2. Radlov, V. V. (1872). *Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi. Narechiye barabintsev, tarskikh, tobol'skikh i tyumenskikh tatar* [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in South Siberia and the Dzungar Steppe. The Dialect of the Baraba, Tara, Tobolsk and Tyumen Tatars]. St. Petersburg. (In Russian)
3. Fayzi, Z. (1971). *Narodnaya zhemchuzhina: fol'klor sovremennoi muzyki tatarskogo naroda: s notami i istoricheskimi kommentariyami* [Folk Pearl: Folklore of the Tatar People's Modern Music: With Notes and Historical Comments]. Z. Fayzi. 288 p. Kazan', Tatar. knizh. izd. (In Russian)

¹ We provide here a word for word translation of the recorded text.

ИЛГИЗ КАДЫЙРОВНЫҢ «ТАТАР ХАЛКЫНЫҢ ТУЙ ЖЫРЛАРЫ: СЕБЕР АРЕАЛЫ» КИТАБЫНА (КАЗАН, 2021. 188 Б.) БӘЯЛӘМӘ

Сәвия Гималтын кызы Сәмитова,

Казан милли тикшеренү технология университеты,
Россия, 420015, Казан ш., К.Маркс ур., 68 нче йорт,
savilas@yandex.ru.

Мәкалә Илгиз Кадыйровның «Татар халкының туй жырлары: Себер ареалы» китабына (Казан, 2021. 188 б.) рецензия характерын йөртә. Мәкаләдә жыентыкның структурасы турында мәгълүмат бирелә, бу чыганакның татар халкының мәдәни тормышында кыйммәтә һәм әһәмиятә ассызыклана. Хезмәт И. Кадыйровның 1967-72 елларда Себер татарлары тупланып яшәгән төбәкләргә, Төмән, Томск, Омск, Новосибирск өлкәләренә чыккан экспедицияләренән материаллары буенча төзелгән. Хезмәттә себер татарларының хәзерге фольклор практикасыннан төшеп калган туй жырларының үрнәкләре урын алган. Жыентык педагогларга да, композиторларга да, татар халык музыкасын яратучыларга да кызыклы булачак.

Төп төшенчәләр: Себер ареалы, татар халык жыр фольклоры, туй жырлары, мәдәният

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенң Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтында дөнья күргән «Татар халкының туй жырлары. Себер ареалы» китабын зур канәгатьләнү хисе белән укыдым [1]. Халык музыкасы белгече, ТРның атказанган мәдәният хезмәткәре Илгиз Кадыйровның күпеллек хезмәтенә шул рәвешле китап булып укучыларга барып ирешүе татар халкының рухи мирасына битараф булмаган һәркем өчен шатлыклы яңалык булды. Жыентыкның фәнни редакторы Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының халык ижаты бүлегә баш фәнни хезмәткәре, филология фәннәре докторы Илсәяр Закирова, жырларга компьютерда нотацияне шушы ук Институтның сәнгать бүлегә өлкән фәнни хезмәткәре Найлә Нургаянова ясаган. Ике белгеч тә – Себернең татарлар яшәгән регионнарында күпсанлы фәнни экспедицияләрендә катнашкан, себер татарларының мәдәни мирасын өйрәнгән, бу турыда хезмәтләре белән билгеле галимнәр.

Китап фольклор һәм музыка белгечләренә, югары һәм урта уку йортлары укытучыларына һәм укучыларына, халык жырлары белән кызыксынучыларга адреслана.

Татар музыкасы һәм фольклор белгече Илгиз Кадыйров, 1967–1972 елларда күпсанлы фәнни экспедицияләргә чыгып, Себер татарларының музыкаль ижатын туплый, өйрәнә. Галимне халык жырлары да,

башкаручылар да, инструменталь музыка да, халык музыкасы уен кораллары да кызыксындыра. Автор-төзүче халык көйләрен бөтен фәнни таләпләргә туры китереп язып ала, һәр жырның башкаручысы кем булуын, аның кайда тууын һәм яшәвен генә түгел, ә информантлары турында кызыклы мәгълүматларны да теркәп бара. Халыкның жыр-музыка мирасы аудио тасмаларга теркәлә. Соңрак Илгиз Кадыйров бу язмаларны кат-кат тыңлап, жырларның көйләрен нотага сала, сүзләренә расшифровка ясый.

Китап зур ике өлештән тора. Беренче өлешендә Себер татарларының тарихы һәм этнографиясе турында мәгълүмат бирелә. Себер татарларының халык жырларын жыно тарихы һәм Себер татарларының туй жырлары турында параграфлар да шушы өлештә урнаштырылган. Икенче өлештә туй йоласы вакытында башкарыла торган халык жырлары бирелгән.

Автор китаптагы «Бер кәлимә сүз» дигән кереш мәкаләсендә үзенә эшчәнлегенә турында: «Мин – себер татарларының музыкаль-поэтик ижатын жыючы. 1968–1977 елларда, Г. Ибраһимов исем. Тел, әдәбият һәм тарих институтында эшләгән дәвердә, Омск, Төмән, Новосибирск, Томск һәм Кемерово өлкәләренә тугыз фәнни экспедициядә булып, миңа шул экспедицияләр вакытында 500дән артык жыр һәм көйләр язып алу, аларны фән һәм халык

өчен саклап калу бәхете насып булды. Бу уникаль хәзинә» [1], – дип яза.

Илгиз абый Себер татарларының халык жырлары белән гомере буге кызыксына, бу хәзинәгә кат-кат әйләнеп кайтып, радиотелевидение һәм газета-журналлар аша, фәнни конференцияләрдә чыгышлар ясый, аларны популярлаштырырга тырыша.

Шунысын да әйтергә кирәк: әлеге язмалар уникаль байлык, чөнки борынгы халык жырларын, язмаларын бүген очрату да мөмкин түгел. Авторга Себер моңнарын магнитофонга язып алырга, һәм бүген аларны Себердә яшәүче милләттәшләребезгә – Күчем ханның варисларына тапшыру насып булды.

Китапка кергән «Кыскача тарихи-этнографик мәгълүмат» дигән мәкалә, тарихчы галимнәр хезмәтләренә таянып, Көнбатыш Себер татарларының тарихы, Себер ханлыгы чоры, татар халкының дәүләтчелеген саклап калу өчен көрәше, тормыш-көн күреше турында тирән һәм кызыклы мәгълүмат бирә. Китапның бу өлешендә урын алган мәкаләләр Себер татарларның этноним-төркем буларак формалашу этапларын, территориясенә чикләрен күзалларга мөмкинлек бирә.

И. Кадыйров үз күзәтүләрен Себер татарларын өйрәнгән галимнәр Л. П. Потапов, С. В. Бахрушин, В. В. Храмова, Н. М. Ярдинцев, Н. Ф. Катанов, Г. Ф. Миллер, В. В. Радлов, Д. Г. Тумашева фикерләре белән ныгытып бара. Шунысы игътибарга лаек: әлеге жыентык бик тирән фәнни мәгълүмат белән эш итүгә карамастан, бу өлкәдә белгеч булмаган укучылар өчен дә аңлаешлы телдә язылган.

«Татар халкының туй жырлары. Себер ареалы» китабында себер татарлары турында күп сорауларга җавап табып була. «Себер татарларының халык жырларын жыю тарихы» мәкаләсендә бу кавемнең фольклорын һәм этнографиясен өйрәнү максатыннан оештырылган экспедицияләрнең эшчәнлегенә яктыртыла. Татар халкының шактый зур этник төркем тәшкил иткән Көнбатыш Себер татарларының бай музыкаль мәдәнияте аз өйрәнелгән. Аның сәбәпләрен күрсәтеп, автор, бу регионның татар халкының мәдәни үзгә булган Казаннан ерак булуын, музыкаль фольклорны, бигрәк тә Татарстаннан читтәгә өлкәләрдә яшәүче татарларның көй-жырларын чын-чыннан фәнни нигездә җыйнау һәм тикшерү эшләренә бары тик 1960 еллар тирәсендә генә юлга салынуын яза. 1917 елгы Октябрь революциясенә кадәр басылган

хезмәтләрдә бу төбәкнең тарихы, этнографиясе, теле һәм фольклоры чагылдырылган материалларның бик аз булганлыгы мәгълүм. Бу яктан Илгиз Кадыйров академик В. В. Радловның «Төрки кабиләләренә халык әдәбияты үрнәкләре» хезмәтенә [2] югары бәя биреп, аны Себер татарларының телен һәм халык авыз ижатын өйрәнү өчен тиндәше булмаган чыганаҡ, дип искә ала. Халык ижаты үрнәкләрен зур кыенлык белән туплаган В. В. Радлов, беренче булып, Себер татарларының рухи культура байлыгын бөтен дөньяга җиткерә. Галим 1872 елда Санкт-Петербургта басылып чыккан «Төрки кабиләләренә халык әдәбияты үрнәкләре» дигән китабында [2] борынгы көйләрнең бары тик ак сакаллы картлар хәтерендә генә сакланып калуын искәртә, якин киләчәктә аларның югалачагына борчылуын белдерә.

И. Кадыйров игътибарыннан себер татарлары жырларына багышланган бер генә мәкалә дә читтә калмый. Мәсәлән, И. Ю. инициаллары белән басылган мәкаләдә себер татарларының моң дөньясы түбәндәгечә яктыртылган: «Шәригать законнары буенча музыка тыелса да, Себер татарлары вакыт-вакыт, бигрәк тә юл йөргәндә, жыр сузуны гонаһка санамыйлар. Бер яктан, алар хаклы да: аларның жырлавын музыка өлкәсенә кертергә берничек тә мөмкин түгел. Аңаңчеллек законнары аларга бөтенләй ят нәрсә. Татар жырламый, ә бары тик бара торган юлы кебек озын һәм бертөрле итеп суза бирә, һәм жыр аңа тулы ун чакрымга җитә. Ул киң кырлар, усал хатын һәм көр аты турында жырлый. Аның жырында мәрхәмәтле әтисе белән аерылу һәм әсирлек турында ишетергә мөмкин» [1, б. 19].

Автор татар композиторы А. С. Ключаровның бу өлкәдә эшчәнлегенә зур бәя бирә. Шулай уңайдан Жәүдәт Фәйзинен «Халык жәүһәрләре» китабы [3] белән бәйлә бәхәслә мәсьәләләргә дә читләтеп үтми. Бу мөнәсәбәткә карата үзен белгеч буларак фикерен җиткерә.

Китапның тагын бер әһәмиятенә тукталу кирәк. Бу хезмәттә урын алган жыр текстлары себер татарларының диалекталь сөйләм үзенчәлекләрен саклап бирелә. Автор аерым диалекталь лексемаларга аңлатма биреп бара. Диалекталь үзенчәлекләре яхшы сакланган текстлар хезмәтнең фәнни редакторы филология фәннәре докторы Илсәяр Закирова тарафыннан әдәби телгә күчәрелеп, жыр ахырына өстәмә рәвештә әдәби телдәге строфалар да бирелә. Бу диалекталь

үзенчәлекләре белмәгән кешегә дә, текстларны кабул итүне җиңелләштерә. Мәсәлән:

Турчайный йектем тус белән әй,
Йелтертем көсгей пос пеллән.
Пәйшәмбеи акшам аш искицем,
Утыртым матуры кыс белән.

*Турчайны җиктем дус белән әй,
Җилдердем көзгә боз белән.
Пәнҗешәмбе акшам аш ашадым,
Утырдым матур кыз белән* [1, б. 130–131].

(Турчай – кечкенә ат)

Бу яктан хезмәт лексикология кысаларында да әһәмияткә ия. Көндәлек кулланылыштан күптән төшкән сүзләргә әлегә җыентыкта урын алган «Кияү типсәү», «Күч жыры» һәм башка җырларда очратырга мөмкин. Сүз уңаеннан шуны да әйтеп китү урынлы булыр: бу йолалар үзләре дә әйләнештән төшеп калган, хәзерге вакытта алар турында мәгълүмат табып булмый.

Җыентыкта «Туй җырлары» атамасы астында 88 җыр тупланган. Әлегә туй җырларының күбесе – онытылган җырлар. Галимнең максаты – бу җырларны яңадан халыкка кайтару, милли моңга яңа сулыш өрү. Җыентыкта урын алган җырлар туй йоласының төрле этапларына карый.

Кияүне кыз өенә озаткан вакытта башкарыла торган «Кияү типсәү», кыз йортының капкасында каршы алган вакытта «Ишек бавы», кияүне кәләш янына кертү этабында «Ай әлләрләп кияүне кергезү» яки «Ялтир әйтү» һәм башка йолалар вакытында башкарыла торган җырларны автор Төмән, Тубыл, Саз ягы, Бараба, Томск һәм Кемерово өлкәләрендә яшәгән милләттәшләребездән күп санлы вариантларда язып ала.

Автор китапта тупланган җырларны түбәндәгә төркемнәргә бүлә: туй йолалары

җырлары, кыз озату һәм аның белән хушлашу җырлары, аерым кешеләргә зурлап һәм мактап башкарыла торган җырлар һәм кунакларны сыйлаган вакытта башкарыла торган җырлар, шаян, театральләшкән җырлар. Җыентыкта урын алган һәр җырның язып алыну тарихы, кайсы төбәкләрдә очравы, музыкаль яңгырашы һәм лирик төсмерләре турында тәфсилле информация бирелә, җырларның күп санлы вариантлары, һәр вариантының ноталары тәкъдим ителә.

Китапның И. Кадыровның шәхси архивынан алынган фотосурәтләр белән баetylуы, аны тагын да кызыктырак итә. Бу шул чор атмосферасын тудыра, фотоларда узган гасырның информантлары гына түгел, этнографик яктан кызыклы мәгълүмат та саклана.

Йомгаклап шуны әйтәсе килә: бу җыентык, чын мәгънәсендә, бер яктан – көтелмәгән, икенче яктан – көтеп алынган хезмәт. Аның нәкъ менә шушы калыпта басылуы да символик мәгънәгә ия – халыкның теле, көе-моңы, мәдәнияте, традицияләре беркайчан да югалмаячак. Бу китап безне яңадан туган телебездә тартынмыйча сөйләшкән, милләтебез белән горурланган, милли гореф-гадәтләребезне саклаган үткәнебезгә алып кайта, уйланырга мәҗбүр итә.

Әдәбият

1. *Кадыров И. Ш.* Татар халкының туй җырлары: Себер ареалы. Казан, 2021. 188 б.
2. *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872.
3. *Фәйзи Ж.* Халык жәүһәрләре: татар халкының хәзерге заман музыка фольклоры: ноталар һәм тарихи аңлатмалар белән. Казан: Татар. кит. нәшр., 1971. 288 б.

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ИЛЬГИЗА КАДЫЙРОВА «ТАТАРСКИЕ СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ: СИБИРСКИЙ АРЕАЛ» (КАЗАНЬ, 2021. 188 С.)

Савия Гималтыновна Самитова,

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Россия, 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, д. 68,
savilas@yandex.ru.

Статья носит характер рецензии на книгу Ильгиза Кадырова «Татар халкының туй җырлары: Себер ареалы» («Татарские свадебные песни: Сибирский ареал» (Казань, 2021. 188

с.). В ней приводятся сведения о структуре книги, подчеркивается ценность и значение сборника в культурной жизни татарского народа. Книга составлена по материалам экспедиций Ильгиза Кадыйрова в Тюменскую, Томскую, Омскую, Новосибирскую области РФ в 1967–1973 гг., в те регионы, где компактно проживают сибирские татары. В книгу включены ярчайшие образцы свадебных песен сибирских татар, ныне ушедших из фольклорной практики. Сборник будет интересен как педагогам и композиторам, так и ценителям татарской народной музыки.

Ключевые слова: Сибирский ареал, татарский народный песенный фольклор, свадебные песни, культура.

REVIEW OF THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE TATAR LANGUAGE” (2015-2021)

Alfiya Shavketovna Yusupova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
alyusupova@yandex.ru.

This paper reviews the six-volume explanatory dictionary of the Tatar language (“Tatar telenen anlatmaly suzlege”; 2015–2021). Continuing the best traditions of Tatar and Russian lexicography, a team of scientists from the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, compiled a new fundamental explanatory dictionary of the Tatar language. The dictionary includes current vocabulary and phraseological units of the modern Tatar literary language, terms and names from various fields of science and their interpretations. Neologisms are also found here, those formed with the help of the word-formation means of the Tatar language, as well as historicisms and borrowed words, actively used in the general literary language. The dictionary contains about 70 thousand words and 10 thousand phraseological units.

Key words: lexicography, Tatar language dictionaries, vocabulary, terminology, lexicology, explanatory dictionary

The work reviews the “Explanatory Dictionary of the Tatar Language”, compiled by the scientists of the Lexicography Department of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences. This six-volume fundamental work differs from previous explanatory dictionaries in its volume, content, completeness, detail and richness of illustrative material. The six-volume dictionary, which explains 70,000 words and 10,000 phraseological units, is a very relevant and significant work, accurately and fully presenting the vocabulary of the modern Tatar language.

Published after the three-volume “Explanatory Dictionary of the Tatar language” (1977-1981), this much-needed academic dictionary takes into account the changing vocabulary, the emergence of new types of units, the enrichment of existing lexemes with new meanings or shades of meaning, the coining of new words, the borrowing of new words, and reflects all the changes in the language, including new lexical units, giving new definitions in accordance with modern requirements.

The staff of the Lexicography Department of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art began the compilation of the dictionary in 2002 under the guidance of Professor F. A. Ganiev and following his instructions. At that time, the dictionary was planned to be published in only four volumes; in the course of work, its volume increased significantly. A large number of authors participated in the compilation of individual

volumes of the dictionary. The main authors who participated in the creation of all volumes were F. I. Tagirova, I. I. Sabitova, F. F. Gaffarova, G. G. Saberoval, E. I. Safina and O. N. Galimova.

Scientific editors of the dictionary were F. F. Gaffarova (volumes I-III), G. G. Saberoval (volumes I-II), F. I. Tagirova (volumes I-VI), R. T. Safarov (volumes III-VI). A. A. Timerkhanov was the Project Manager of Volumes I-V, and R. T. Safarov was responsible for volume VI.

The first volume of the dictionary includes “Introduction”, “List of the used literature and lexicographic sources”, “Information about other sources used in the dictionary”, “Guide for users of the dictionary” and “List of labels and symbols”. Detailed, clearly written information helps to conveniently use all six volumes of the dictionary.

First of all, the work provides definitions of words expressing the basic concepts found in textbooks of secondary schools and universities, the main terms presented in vocabulary minimums and terminological dictionaries, words related to religion, folk beliefs, mythology, rituals, various rites, social and political topics that appear in newspapers and magazines, terms, obsolete words that have come back into use, obsolete words that reflect historical facts and past lifestyles, dialect words that are often found in literature and enrich the literary language. The explanatory dictionary does not include professional words, used only in certain areas of science and technology, local colloquial words that do not enrich the literary

language, slang words, abbreviations consisting of letters and sounds, and proper names.

Words belonging to all parts of speech are taken as a vocabulary unit. When commenting on groups of words, the compilers tried to follow a certain system. For example, adverbs are interpreted in their own way, numerals in a different way; however, the sequence in their interpretation is preserved. Words, formed by means of conversion, and their meanings are listed in the main entry of the dictionary.

The vocabulary includes not only root words, but also various types of artificial words. For example: words formed by addition (ashnachelek, ahanlelek, aylanesh) (affinity, harmony, turnover); compound words (voltmeter, yanbash, bashkisar) (voltmeter, buttock, cutthroat); abbreviated compound words (parovoz, rabfak) (steam locomotive, rabfak); paired words (ayak-kul, ozek-totek, kiem-salym) (leg-hand, intermittent, clothing); compound words (kiek kaz yuly, bala itak) (Milky Way, dress frills), etc. The first or second parts of compound words and especially productive suffixes are given in the dictionary as separate entries (for example, air-, auto-, agro-, -ara, bio-, neo-, etc.).

The result of many years of serious team work, this dictionary was created based on the achievements of all the previously published explanatory dictionaries. Considering an agglutinative-analytical nature of our language, the dictionary pays due attention to compound nouns and compound verbs. The meanings and shades of the meanings of lexemes are explained in great detail with examples from fiction or periodicals. Stylistic and grammatical characteristics of lexemes are given in accordance with the requirements of modern lexicographic science.

In the dictionary, headwords are arranged in alphabetical order with symbols and labels following the headword to describe its part of speech, source language, and stylistic features. Together with the relevant material (definitions, examples, phraseological units) they form a dictionary entry. There are articles with only one explanation and articles with 20-30 explanations. For example, a word with one explanation:

KASHBAU *n. ethn.* A women's headdress with a front part decorated with ribbons or inserts of pearls, coins and precious stones. *A green water lily on a blue lake, I'll take off the kashbau from my hair.* M. Jalil. *Kausaria Fatihovna was presented with a most beautiful ring that glistened*

like a golden kashbau worn by princesses. T. Galiullin.

In a dictionary entry containing several definitions, the definitions are listed one after the other each beginning with a new line:

DISTA (TEN) *n. farsi.* 1) Ten units; a unit of measure consisting of ten units. *There were about a dozen letters from parents.* M. Gafuri.

2) *spoken* Ten years old, life equal to ten years. *My knowledge is also not very good, and my age is approaching the upper part of the sixty-year-old.* G. Bashirov.

3) The name of the penultimate digit in a multi-digit number.

As the words possess not only meanings and shades of meanings that are especially actively used, but also phraseological units and set phrases that include this word, they are followed by phraseological units starting with this word, and are given at the beginning of a new line. For example, the word *mogez* (horn) has nine meanings. Thus, the dictionary entry consists of nine definitions and illustrative material corresponding to all of them. They are followed by five phraseological units associated with the word *mogez* (horn). And the even more frequent word *kuz* (eye) has 22 meanings explained and 449 phraseological units, starting with the word *kuz* (eye). These explanations, examples and set phrases, which help understand the richness of our language, the views and beliefs of our people, provide the most complete information about the word *kuz* (eye).

Unlike other dictionaries, the new dictionary focuses on verbs. Dictionary entries, describing verbs, are distinguished by their breadth and completeness. It is striking that the verbs, used in the Tatar language, are incredibly versatile and can be used in various situations. For example, the dictionary provides 17 meanings of the verb *karau* (to look). In addition, the dictionary has a list of compound verbs, such as *karap alu* (to have a look), *karap beteru* (to finish looking), *karap kuyu* (to look), *karap toru* (to stare), *karap utu* (to look through), *karap chygu* (to look around), *kary bashlau* (to start looking), *kary biru* (to keep looking), each case is explained and examples from literary works are given. There are 54 meanings of the verb *alu* (to take) (plus the functions of its meanings as the noun, copula, auxiliary verb), 64 meanings of the verb *toshu* (to descend) (plus 6 more meanings in the function of the auxiliary verb), 12 compound verbs: *tosha bashlau* (begin to descend); *tosha yazu* (almost to go down); *toshep*

kitu (to go down, fall suddenly, unexpectedly). The polysemy of verbs and their active use in various forms shows how rich our language and speech are.

The six volumes contain many new words not recorded in previous dictionaries. Among them are words coined in the Tatar language on our own territory, as well as words borrowed from foreign languages. For example, **KABULHANA** *n. arab.-far. neol.* Reception for visitors in official places; **KALAMHAK** *n. neol.* Fee, money for authorship; **KUKTERAR** *adj. neol.* Too high, layered; **UZALLY** *adj. neol.* 1. Independent. 2. Adv. independently; **HAYPLY** *adj. neol.* Made popular by aggressive advertising, especially famous; former in vernacular; **CHALLENGE** *n. English neol.* Internet video genre in which the blogger encourages others to imitate their work or behavior, etc.

Another important aspect of the dictionary is commenting on dialectal, obsolete, colloquial words, etc., which are found in the literary language. By presenting all the semantic shades of units that reflect the vitality and national characteristics of the Tatar people, the dictionary expands the scope of this lexical layer (**YASHLAVEK** *n. dial.* Young grass. *He remembered that even next to Vagapov Mustafa's behavior was relaxed, and the "brother" kept teasing him* ('браток'ның әледән-әле аның салты ягына **яшләнек** кыстыруы исенә төште).

T. Galiullin. *Put the mowed young grass into his cart* (Арбасына **яшләнек** чабын салган). A square; **KATKY** *n. dial.* A device attached to the back of the sled for transporting long logs; **LAPSHYK** *adj. dial.* Flaccid muscles and flesh on the body, thinned, lost their density. *If a fat horse overeats, it will be lethargic (lapshyk).* Proverb. *The woman's face was lethargic (lapshyk) and her body was very full.* Sh. Kamal).

The spelling of words is given according to existing traditional rules. The stress is indication based on the same principles. Accent marks in compound and paired words help students of the Tatar language to read these words correctly (*at lau-katlau, yarým-yorty, ký urlau, h i nak zhomla, kyrly-myryly*). In the dictionary there are cases of stress, which does not fall on the last syllable of the word (*iptashlärcha, irenmicha, yarusly, etc.*). The dictionary is designed to be user friendly and prevent errors not only in spelling, but also in pronunciation.

It should be noted that the six-volume dictionary is distinguished by rich and informative content due to its lexical material and explanations. This academic dictionary, containing the complete vocabulary of the Tatar language, will serve as a useful practical guide for specialists in various sciences, translators, radio and television workers, print workers, teachers and in general, for a wide range of readers, being a useful source in the comprehensive study of Tatar as a state language.

«ТАТАР ТЕЛЕНЕҢ АҢЛАТМАЛЫ СҮЗЛЕГЕ»НӘ (2015–2021) БӘЯЛӘМӘ

Әлфия Шәүкәт кызы Юсупова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
alyusupova@yandex.ru.

Рецензиядә татар теленең алты томлык аңлатмалы сүзлегенә бәя бирелә («Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»; 2015–2021). Татар һәм илебез лексикографиясенә иң яхшы традицияләрен дәвам итеп, ТР Фәннәр академиясенә Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты галимнәре коллективы татар теленең яңа фундаменталь аңлатмалы сүзлеген төзегән. Сүзлек үз эченә хәзерге заман татар әдәби теленең актуаль лексикасын һәм фразеологизмнар, фәннең төрле өлкәләренә караган төшенчәләрне һәм атамаларны, аларның аңлатмаларын ала. Анда шулай ук татар теленең үзенә сүз ясалыш ысуллары хисабына барлыкка килгән неологизмнар да, тарихи сүзләр дә, әдәби телдә актив кулланыла торган алынма сүзләр дә урын алган. Сүзлектә 70 меңгә якин сүзгә һәм 10 мең фразеологик берәмлеккә аңлатма бирелә.

Төп төшенчәләр: лексикография, татар теле сүзлекләре, лексика, терминология, лексикология, аңлатмалы сүзлек

Бәяләмәдә Татарстан Фәннәр академиясе Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының лексикография бүлгегә галимнәре төзегән «Татар теленең аңлатмалы сүзлеген»нә анализ ясала. Әлегә алты томлык фундаменталь хезмәт элек төзелгән аңлатмалы сүзлекләрдән үзенек күләме, эчтәлегә, тулылыгы, жентеклелеге һәм иллюстратив материалга бай булуы белән аерылып тора. 70 мең сүз һәм 10 мең фразеологик берәмлеккә аңлатма бирә торган алты томлык сүзлек хәзергә татар теле лексикасын төгәл һәм тулы чагылдыра торган гаять актуаль һәм кирәкле хезмәт ролен үти.

Лексиканың үзгәреш торуын, заманга бәйле рәвештә яңа төр берәмлекләр барлыкка килүен, булган лексемаларның яңа мәгънәләр яки мәгънә төсмерләре белән баюын, яңа сүзләр ясалуын, алынмалар кабул ителүен исәпкә алганда, 1977–1981 елларда дөнья күргән өчтомлык «Татар теленең аңлатмалы сүзлеген»нән соң, телдәге барлык үзгәрешләргә чагылдырган, яңа лексик берәмлекләргә теркәгән, бүгенгә көн шартларына туры килерлек яңа аңлатмалар биргән мондый академик сүзлек бик кирәк иде.

Сүзлек Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының лексикография бүлгегә хезмәткәрләре тарафыннан профессор Ф. Ә. Ганиев житекчелегендә һәм ул эзерләгән инструкция нигезендә 2002 елда төзелә башлаган. Ул вакытта сүзлек дүрт томлык итеп кенә күзалланган, эш барышында күләме шактый арткан. Сүзлекнең аерым томнарын төзүгә бик күп авторларның өлеше кергән. Барлык томнарын да төзүдә катнашкан төп авторлар: Ф. И. Таһирова, И. И. Сабитова, Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Э. И. Сафина, О. Н. Галимова.

Сүзлекнең фәнни редакторлары: Ф. Ф. Гаффарова (I–III томнар), Г. Г. Саберова (I–II томнар), Ф. И. Таһирова (I–VI томнар), Р. Т. Сәфәров (III–VI томнар). I–V томнарның проект житекчесе – А. Ә. Тимерханов, VI томныкы – Р. Т. Сәфәров.

Сүзлекнең беренче томында «Сүз башы», «Файдаланылган махсус әдәбият һәм лексикографик чыганаclar исемлегә», «Сүзлектә файдаланылган башка чыганаclar турында мәгълүмат», «Сүзлектән файдаланучылар өчен бәләшмә» һәм «Шартлы кыскартылмалар исемлегә» китерелә.

Тәфсиллә, аңлаешлы итеп язылган мәгълүмат сүзлекләргә алты томын да күзаллау өчен жирлек һәм алардан файдалану өчен уңайлы ярдәмлек булып тора.

Хезмәттә, беренче чиратта, урта мәктәп һәм югары уку йортлары дәрәҗәләрендә очраган төп төшенчәләргә белдергән сүзләр, лексик минимумнарда һәм терминологик сүзлекләрдә тәкъдим ителгән төп терминнар, дингә, халык ышануларына, мифологиягә, йолаларга, төрле ырымнарда бәйләнешле сүзләр, газета-журналларда урын алган ижтимагый-сәяси терминнар, актив рәвештә яңадан кулланышка кереп бара торган искергән сүзләр, тарихи фактларны һәм электәге тормыш-көн күрешне чагылдырган искергән сүзләр, әдәбиятта еш очраган һәм, киң кулланышка кереп, әдәби телне баетырдай дип табылган диалекталь сүзләргә һ.б. аңлатмалар бирелә. Ә фәннең һәм техниканың аерым тармакларында гына кулланыла торган үтә профессиональ сүзләр, әдәби телне баетмый торган жирле сөйләм сүзләре, жаргон сүзләр, хәрәфләрдән һәм авазлардан торган кыскартылма сүзләр, ялгызлык исемнәре аңлатмалы сүзлеккә бөтенләй кертелмәгән.

Сүзлек берәмлегә итеп, барлык грамматик сүз төркемнәренә караган сүзләр дә алынган. Сүз төркемнәренә аңлатма биргәндә, төзүчеләр билгеле бер системаны сакларга тырышканнар. Мисал өчен, рәвешләр бер төрле, саннар икенче төрле аңлатыла, аларны аңлатуда эзлекчелек саклана һ.б. Конверсия юлы белән барлыкка килгән сүзләр һәм аларның мәгънәләре сүзлектә төп сүз мәкаләсендә күрсәтелә.

Вокабулалар арасында тамыр сүзләр генә түгел, төрле типтагы ясалма сүзләр дә очрый. Мисал өчен: кушымчалау юлы белән ясалган сүзләр (эшнәчелек, аһәңчелек, әйләнеш); саф кушма сүзләр (вольтметр, янбаш, башкисәр); кыскартылган кушма сүзләр (паровоз, рабфак); парлы сүзләр (аяк-кул, өзек-төтек, киём-салым); кушма һәм тезмә сүзләр (киек каз юлы, бала итәк) һ.б. Кушма сүзләрнең беренче яки икенче кисәкләре һәм аеруча продуктив алкушымчалар сүзлектә аерым мәкалә итеп бирелгән (мәсәлән, авиа-, авто-, агро-, -ара, био-, нео- һ.б.).

Зур коллективның күпчеллек житедә хезмәтә булган бу сүзлек моңа кадәр дөнья күргән аңлатмалы сүзлекләргә барлык уңай якларын исәпкә алып төзелгән. Телебезнең агглютинатив-аналитик тел булуын күздә

тотып, сүзлектә тезмә сүзләргә һәм тезмә фигыльләргә тиешле игътибар бирелгән. Лексемаларның мәгънэләре һәм мәгънә төсмерләре бик тәфсилле аңлатылган һәм матур әдәбияттан яки вакытлы матбугаттан мисаллар китерелгән. Лексемаларга стилистик һәм грамматик характеристика да хәзерге лексикография фәне казанышлары яссылыгында бирелгән.

Сүзлектә баш сүзләр алфавит тәртибендә китерелгән һәм баш сүздән соң аның сүз төркемен, чыганаг телен, стилистик үзенчәлекләрен сыйфатлый торган билгеләре куелган. Үзләренә караган материал (аңлатмалар, мисаллар, фразеологик берәмлекләр) белән бергә алар сүзлек мәкаләсен тәшкил итә. Бер генә аңлатмалы вокабулалар да, 20-30 аңлатма китерелгән вокабулалар да очрый. Мисал өчен, бер аңлатмалы сүз:

АШБА *и. этн.* Алгы ягы сәйлән, энжә һәм тәңкәләр, асылташлар белән бизәлгән тасма яки такыясыман хатын-кыз баш киеме. *Зәңгәр күлдә яшел төнбоек, Чәчкәсеннән кашбау ишәрмен.* М. Жәлил. *Йөзекнең иң күркәме, ханшалар кия торган алтын кашбау кебек ялт-йолт килеп торганы Кәүсәрия Фатыйховнага насыйп булды.* Т. Галиуллин.

Берничә аңлатманы үз эченә алган сүзлек мәкаләсендә аңлатмалар бер-бер артлы яңа юлдан санап кителә:

ДИСТӘ *и. фар.* 1) Ун берәмлек; ун данәнә эченә алган санау-хисаплау берәмлеге. *Әти-әниләрәннән килгән бер дистәгә якын хат чыкты.* М. Гафури

2) *сөйл.* Ун еллык, ун елга тигез гомер. *Белем ягы да бик сай инде минем, яшем дә алты дистәнең өске ягына менеп бара.* Г. Бәширов.

3) Күп урынлы санда ахырдан икенче цифр исеме.

Билгеле булганча, телдә аеруча актив кулланыла торган сүзләрнең мәгънэләре һәм мәгънә төсмерләре генә түгел, әлеге сүз кәргән фразеологизмнары, тотрыклы сүзтезмәләре дә күп була. Сүзнең барлык мәгънэләрен дә ачып бетергәннән соң, кызыл юлдан шул сүз белән башланган фразеологик берәмлекләр теркәлгән. Мисал өчен, *мөгез* сүзенең 9 мәгънәсе бар. Димәк, сүзлек мәкаләсе 9 аңлатмадан һәм аларның һәммәсенә туры килерлек иллюстратив материалдан гыйбарәт. Алардан соң *мөгез* сүзе белән бәйләнешле 5 фразеологизм китерелә. Ө тагын да киңрәк

таралган күз сүзенең 22 мәгънәсенә аңлатма һәм күз сүзенә башланган 449 фразеологик берәмлек бирелгән. Әлеге аңлатмалар, мисаллар һәм телебезнең байлыгын, халкыбызның күзаллауларын, ышануларын үзенә туплаган тотрыклы берәмлекләр күз сүзе турында мөмкин булган кадәр тулы мәгълүмат бирә.

Башка сүзлекләрдән аермалы буларак, яңа аңлатмалы сүзлектә фигыльләргә игътибар зур. Фигыль сүз төркемнәрен аңлата торган сүзлек мәкаләләре киңлеге, тулылыгы белән игътибарны жәлеп итә. Татар телендә кулланыла торган фигыльләрнең искиткеч күпмәгънәле булуы һәм төрле очракларда кулланылуы сокландыра. Мисал өчен, *карау* фигыленең 17 мәгънәсе. Моннан тыш, *карап алу, карап бетерү, карап кую, карап тору, карап үтү, карап чыгу, карый башлау, карый бирү* һ.б. тезмә фигыльләр бирелә, һәрберсенә аңлатма һәм әдәби әсәрләрдән мисаллар китерелә. *Алу* фигыленең 54 мәгънәсе (шуңа өстәп, исем мәгънәсе функциясе, бәйләк функциясе, ярдәмче фигыль функциясендәге мәгънэләре), *төшү* фигыленең 64 мәгънәсе (шуңа өстәп, ярдәмче фигыль функциясендә тагын 6 мәгънә), 12 тезмә фигыле бар (*Төшә башлау* Акрынлап төшү; *Төшә язү* Чак кына төшми калу; *Төшеп китү* Кинәт, көтмәгәндә төшү һ.б.). Фигыльләрнең күпмәгънәле булуы һәм төрле формаларда актив кулланылуы телебезнең, сөйләмбезнең ни дәрәжәдә бай булуын күрсәтә.

Алты томлыкта элеккеге сүзлекләрдә теркәлмәгән яңа вокабулалар бик күп. Алар арасында татар теленең үз жирлегендә ясалган сүзләр дә, чит телләрдән алынганнары да очрый. Мәсәлән, **АБ ЛХАНӘ** *и. гар.-фар. неол.* Рәсми урыннарда мөрәҗҗәгать итүчеләрне кабул итү бүлмәсе; **АЛӘМХА** *и. неол.* Гонорар, авторлык акчасы; **Ү ТЕРӘР** *с. неол.* Үтә биек, бик күп катлы; **Ү ЗАЛЫ** *с. неол.* 1. Мөстәкыйль, бәйсез. 2. *рәв. мәгъ.* Мөстәкыйль, бәйсез рәвештә; **ХА ЛЫ** *с. неол.* Агрессив реклама сәбәплә бик нык популярлашкан, аеруча нык танылган; халык телендә булган; **ЕЛЕНД** *и. ингл. неол.* Блогерның үзе башкарган эш-гамәлне икенче берәүләргә кабатларга тәкъдим итүдән гыйбарәт Интернет ролигы жанры һ.б.

Сүзлекнең тагын бер игътибарга лаек ягы – әдәби телдә яки матур әдәбият телендә урын алган диалекталь, искергән, гади сөйләм сүзләренә һ.б. аңлатма бирү. Татар халкының

яшәеш һәм милли үзенчәлекләрен күрсәтә торган берәмлекләрнең барлык семантик төсмерләрен чагылдыру әлеге лексик катламның кулланылыш даирәсен киңәйтә (**ЯШЬЛӘВЕ** и. диал. Яшь үлән. Ваһапов янында да Мостафаның үзен иркән тотуы, «браток»ның әледән-әле аның салпы ягына яшьләвек кыстыруы исенә төшмә. Т. Галиуллин. *Арбасына яшьләвек чабып салган*. Мәйдан; **АТ Ы** и. диал. Чана артына озын бүрәнәләргә ташу өчен тагыла торган жайланма; **ЛА ШЫ** с. диал. Мускуллары, тәннәдәгә ите йомшарган, сәлперәйгән, тыгызлыгын югалткан. *Симез ат артык туйса, лапшык булыр*. Мәкаль. *Хатынның битләре лапшык, гәүдәләре бик тулы иде*. Ш. Камал).

Сүзләрнең орфографиясе гамәлдә булган традицион кагыйдәләргә нигезләнеп бирелгән. Басымны күрсәтү дә шул ук принципларны истә тотып башкарылган. Тезмә, кушма, парлы һ.б. сүзләрдә басымнар куелу татар телен өйрәнүчеләргә сүзләргә дәрәҗә бирә торган

итә (*катлау-катлау, ярым-йорты, кыз урлау, ыйнак өмлә, кырлы-мырлы*). Сүзлектә басымы ахырга төшми торган башка сүзләрнең дә басымын күрсәтү очраклары бар (*иптәшләрчә, иренмичә, яруслы* һ.б.). Бу шулай ук кулланучыларга уңайлы булсын, сүзләрнең язылышында гына түгел, әйтелешендә дә хаталар китмәсен өчен эшләнгән.

Нәтижә ясап, шуны билгеләп үтәргә кирәк: алты томлык сүзлек лексик материалының, аңлатмаларының бай булуы һәм мәгълүматлылыгы белән аерылып тора. Татар теле лексикасын тулы күләмдә туплаган әлеге академик сүзлек төрле фән белгечләре, тәржемәчеләр, радио һәм телевидение, матбугат хезмәткәрләре, укытучылар һәм, гомумән, киң катлау укучылар өчен файдалы гамәли кулланма булып хезмәт итәчәк, татар телен дәүләт теле буларак өйрәнүдә, телне комплекслы тикшерүдә файдалы чыганак булчак.

РЕЦЕНЗИЯ НА 6-ТОМНЫ «ТОЛ ОВЫ С ЛОВАРЬ ТАТАРС ОГО ЯЗЫ А» (АЗА Н: ТӘҺСИ, 2015–2021)

Альфия Шавкетовна Юсупова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
alyusupova@yandex.ru.

В рецензии дана оценка шеститомному толковому словарю татарского языка («Татар теленең аңлатмалы сүзлеге»; 2015–2021). Продолжая лучшие традиции татарской и отечественной лексикографии, коллектив ученых Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН РТ составил новый фундаментальный толковый словарь татарского языка. Словарь включает актуальную лексику и фразеологизмы современного татарского литературного языка, термины и названия из различных областей науки и их толкования. В нем нашли место также неологизмы, образованные за счет собственных словообразовательных средств татарского языка, историзмы, заимствованные слова, активно употребляемые в общелитературном языке. В словаре около 70 тысяч слов и 10 тысяч фразеологических единиц.

л ючевые слова: лексикография, словари татарского языка, лексика, терминология, лексикология, толковый словарь

Scientific Chronicles of the Turkic World

Тәрки дәнъя фәнни хроникасы

Научная хроника тюркского мира

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-195-206

LATEST EVENTS IN THE SECOND HALF OF 2022

On July 3–7, the International Conference “World Treasury of Mother Tongues: Nourish and Cherish. Context, Policies and Practices to Preserve Indigenous Languages” was held in Moscow within the framework of the International Decade of Indigenous Languages and the UNESCO intergovernmental program “Information for All”. High-level experts – scientists, researchers, teachers, heads of large companies, working in the field of linguistic diversity development from more than 50 countries of the world, took part in the work of the International Conference.

The conference was held in a mixed format, representatives of such countries as Armenia, Belarus, Brazil, Vietnam, Ghana, India, Indonesia, Cameroon, Mexico, Mozambique, the Republic of Kyrgyzstan, Syria, the Central African Republic and South Africa took part in a face-to-face format (for more details see: <https://migrantocenter.ru/2022/07/10/international-conference-high/>).

From July 30 to August 2, the 8th Congress of the World Congress of Tatars was held in Kazan. More than 1,500 delegates and guests from 76 regions of the Russian Federation and 35 countries of near and far abroad took part in the work of the congress. This year, the 8th Congress was dedicated to the 30th anniversary of the formation of the World Congress of Tatars. In this regard, the World Congress of Tatars received congratulations from 53 regions of the country. The President of the Russian Federation Vladimir Putin, the leaders of the Udmurt Republic, Dagestan, the Saratov Region, the Krasnoyarsk Territory and other regions sent their best wishes on its 30th anniversary (for more details see: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/botendonya-tatar-kongressynyn-viii-sezdynyn-press-relizy/>).

On August 4, Kazan hosted the International Conference “Epic Constant of Modern Culture: Problems of Preserving and Popularizing National Epics” as part of the business program “Lifestyle - Cultural Code” of the Second Ethno-Fashion Festival of Folk Art and Arts and Crafts. The main organizer of the conference was the Resource Center for Introducing Innovations and Preserving Traditions in the Field of Culture of the Republic of Tatarstan. The Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the World Congress of Tatars and other organizations took an active part in organizing the event. Experts from the Kyrgyz Republic, Kazakhstan, Azerbaijan and regions of Russia were invited to take part in the conference. The event discussed the issues of preserving

the spiritual heritage of the Tatar people (for more details see: <https://tatcultresurs.ru/news/v-kazani-zavershilsya-3-den-ii-etno-fashion-festivalya-stil-zhizni-kulturnyy-kod>).

On August 4, the Turkish Publishing House “Khadzha” (Ankara) published the book “Anthology of Modern Tatar Stories – the 21st Century”. The collection includes stories of thirty new century Tatar writers. The author of the preface to the anthology is Rkail Zaydulla, the chairman of the Union of Writers of Tatarstan. Fatih Kutlu, a member of the Union of Writers of Tatarstan, translated the stories into Turkish. Recently the book has gone on sale in Turkey. This anthology is expected to be published in Russian in Moscow as a project of the Center for Literary Translation at the Union of Writers of Tatarstan (for more details see: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/torkiyade-hezerge-zaman-tatar-hikeyalere-antologiyase-xxi-gasyr-donya-kyrde-%E2%80%8B2/>).

On September 4–9, Kyrgyzstan hosted the International Symposium “Musical and Dance Traditions in the Turkic-Speaking World: Preservation, Renewal and Intercultural Interaction” with the participation of scientists, musicians and folk artists from Turkey, Great Britain, Germany, Azerbaijan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Kazakhstan and Russia. The topics discussed included traditions in a changing world and new trends in research; Turkic epic traditions; the phenomenon of the traditional performer in the culture of the Turkic-speaking peoples; sound and dance in traditional (religious) rituals. Presentations and discussions (round tables) alternated with concerts, workshops and video demonstrations (for more details see: <http://www.antat.ru/ru/iyli/news/15358/>).

On September 9, in Semey, the Republic of Kazakhstan, the International Scientific-Practical Historical-Regional Conference “Tatars of the Irtysh Region: History and Modernity” was organized. The event was attended by V. G. Shaykhraziev, a Deputy Prime Minister of the Republic of Tatarstan, Chairman of the National Council (“Milli Shuro”) of the World Congress of Tatars; D. F. Shakirov, the head of the committee for working with Tatar local historians at the Executive Committee of the World Congress of Tatars, Prof. A. Burganov, scientists, local historians, religious and public figures, representatives of Tatar public organizations and the media of the city of Semey from the Abai Region, the Republic of Tatarstan and the historical regions of the Russian Federation with a compact population of Tatars (for more details see: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/kazahstan-respublikasynda-irtysh-bue-tatarlary-tarih-hem-hezerge-zaman-konferentsiyase-bashlandy/>).

On September 10, Kazan hosted the eighth ethno-confessional festival “A Mosaic of Cultures”. The main organizers of the festival were: the Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan, the Executive Committee of Kazan, the Assembly of the Peoples of Tatarstan and the House of Friendship. On the festival site, the guests got acquainted with an exhibition of handicrafts, an ethno market and traditional confessional sites of the Republic of Tatarstan, as well as a food market. (for more details see: <https://mincult.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/1820017.htm>).

On October 6, 2022, Sh. Marjani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, hosted the All-Russian Scientific Conference “Historical Experience of Training Teachers in Soviet Russia”, timed to coincide with the 100th anniversary of the Eastern Pedagogical Institute. The conference discussed a whole series of issues concerning the history of Soviet higher pedagogical education. Among them were: the state policy in the field of teacher education and its evolution in the 1920s and 1980s, the state of pedagogical institutions in the era of transformations and social upheavals in the 20th century, the features characterizing the teaching staff of pedagogical institutes in various cities of Soviet Russia, the daily life of Soviet students, the role of pedagogical universities in teacher training, etc. (for more details see: <http://tataroved.rf/news/815>).

On October 11–15, 2022, the 5th International Congress of Eurasian Steppes Archeology “Eurasian Steppe Civilization: Man and the Historical and Cultural Environment” was held in the city of Turkestan, the Republic of Kazakhstan. The Congress was attended by researchers and professionals representing various scientific organizations from 28 countries. Within the framework of the plenary and sectional sessions, the participants discussed 213 reports and speeches on topical problems of archeology of the steppe and settled agricultural regions. The materials of the congress were published in five volumes, covering five main thematic areas - the archeology of the early metal era, early and medieval nomads, ancient and medieval cities, as well as the problems of preservation and museumification of Eurasian archaeological heritage (for more details see: <http://archtat.ru/tt/evraziya-dalalaryny-v-halykara-arheologiya-kongressy/>).

On October 27–28, Sh. Marjani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, hosted the International Research Conference “The Social and the National in Soviet Culture”, dedicated to the 65th anniversary of the Decade. The organizers of the scientific symposium were the Ministry of Culture of the Republic of Tatarstan and Sh. Marjani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The speeches and reports of the participants focused on the issues of historiography, morphogenesis, sociogenesis, formogenesis and ethnogenesis of Soviet and national culture, as well as on the forms of interregional communications and popularization of cultural, ideological and spiritual values (for more details see: <http://tataroved.rf/news/828>).

From October 31 to November 3, the International Research Congress “The 18th Faizkhanov Readings: Islam in Russia: Past, Present, Future” was in progress in Moscow. The event was dedicated to the 1100th anniversary of the official adoption of Islam by the peoples of Volga Bulgaria and the 15th anniversary of the “Medina” Publishing House. Its organizers were: the Spiritual Board of Muslims of the Russian Federation, the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences and others. The participants of the congress were familiarized with an 8-volume encyclopedic dictionary “Islam in the Russian Federation” (for more details see: <http://www.antat.ru/ru/ite/news/15521/>).

On November 11–13, the 2nd Congress on Organizational Management was held in Istanbul. The congress was hosted by Arel University in cooperation with the Society for the Management of International Organizations, Istanbul Kent University and Holistence Academy (for more details see: <https://tatar-inform.tatar/news/kazan-galime-istanbuldagy-kongressta-yazma-miras-uzage-escanlege-belan-tanystyrgan-5862885>).

On November 14–19, the 3rd Kazan International Linguistic Summit was held. The grandiose scientific event opened with a conference that brought together over 700 linguists and scientific representatives from 65 cities of Russia and 18 countries of the world. Researchers from Azerbaijan, Belarus, Georgia, Israel, India, Indonesia, Italy, China, CIS countries, France, Thailand and the USA took part in one of the largest philological forums in Russia. Russia was represented by scholars from Moscow, St. Petersburg, Novosibirsk, Kaliningrad, Yekaterinburg, Ulan-Ude and Yakutsk. The forum discussions focused on the issues related to linguistics, language studies and the language policies pursued by nationalities living not only in Russia, but also abroad. Within the framework of the summit, the International Research Conference “Modern Linguistics: From Theory to Practice” was organized on November 14–16. On November 17–19, the Linguistic and Methodological Festival “Language Trends and Methodological Innovations” (hereinafter referred to as the festival) of teachers of Russian, native and foreign languages was held with the participation of the heads of the education system institutions, leading methodologists, teachers-innovators, various teacher associations and societies. During the festival, several methodological work-

shops, seminars, practical and master classes, a fair of methodological ideas, etc. were held (for more details see: kpfu.ru/philology-culture/--2.html).

On November 15–16, Buryat State University named after I. I. Dorji Banzarov (Ulan-Ude, Russian Federation) hosted the International Research Conference on Mongolian and Turkic Linguistics. The conference was dedicated to the memory of Valentin Ivanovich Rassadin, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, founder and the first head of the Philology of Central Asia Department, which celebrated its 30th anniversary in 2022. The following key topics were discussed during the conference: topical issues of modern Mongolian and Turkic philology; problems of comparative historical research of the Turkic-Mongolian area languages; the functioning of the Mongolian and Turkic languages in the intercultural space, etc. (for more details see: <https://mongoloved.ru/meropriyatiya/741-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-po-mongolskomu-i-tyurkskomu-yazykoznaniyu-posvyashchennaya-pamyati-valentina-ivanovicha-rassadina.html>)

On November 17–18, the International Symposium on Children's Literature of the Turkic World was held in the city of Izmir (Turkey). At the symposium, topical problems of children's literature of the Turkic world were discussed: modern Turkic children's literature, the world of childhood in Turkic literature, children's poetry, children's folklore, etc. (for more details see: <https://bit.ly/egetudcesprogram>).

On December 1–3, Ufa hosted the International Research and Practice Conference "The 17th Akmulla Readings". The conference was held as part of the All-Russian Practical Forum "Education Quality Management in the Context of Digital Transformation of Society: Approaches, Technologies, Results". The purpose of the conference was to exchange experiences, consolidate the scientific and pedagogical community in order to solve urgent problems of humanitarian education and enlightenment in the conditions of multiculturalism and multilingualism, as well as the issues of studying, preserving and developing national languages, literatures and cultures (more details on the website: www.bspu.ru.)

On December 14–15, the 7th International Golden Horde Forum "Civilization Significance of the Adoption of Islam by the Volga Bulgaria and the Golden Horde: Integration Processes in the Medieval History of Russia" was held (a face-to-face and a remote format). The International Golden Horde Forum is a scientific event organized by Sh. Marjani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The Forum takes place every two years with the participation of leading Russian and world experts in the field of medieval Turkic-Tatar history. It has long become the main platform for coordinating research work on this issue. In the process of its work, many debatable issues are resolved and conceptual solutions are developed regarding the strategy of further research. In addition, one of the most important goals of the forum is to make a significant scientific contribution to the popularization of the history of the Golden Horde civilization and to the fight against mythologems surrounding the history of the Golden Horde (for more details see: <http://tataroved.rf/news/726>).

The information was submitted by G. A. Nabiullina, Associate Professor of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University.

We give the updated information on the contribution, made by co-author M.U. Uzun, to the preparation of the article "Tatar and Turkish literature in the context of postmodernism of the late 20th- early 21st centuries" // *Tatarica*. 2022. No. 1, pp. 46-74. DOI: 10.26907/2311-2042-2022-18-1-46-74: advisory assistance to the author of the article, A.A. Shamsutova, in the systematization of information on the Turkish literature of postmodernism.

2022 ЕЛНЫҢ И ЯРТЫСЫНДА БУЛГАН ВАКЫЙГАЛАР

3–7 нче июльдә Мәскәүдә Халыкара жирле халыклар телләре унъеллыгы һәм ЮНЕСКОның «Информация для всех» хөкүмәтара программасы кысаларында «Туган телләренң бөтендөнья хәзинәсе: сакларга һәм кадерләргә. Туган телләрен саклау контексты, сәясәте һәм практикасы» темасына Халыкара фәнни-гамәли конференция узды. Конференция эшендә югары дәрәжәдәге экспертлар – галимнәр, тикшерүчеләр, укытучылар, дөньяның 50 дән артык иленнән тел күптөрлелеген үстерү өлкәсендә зур оешма житәкчеләре катнашты. Конференция катнаш форматта узды, көндезге форматта Әрмәнстан, Беларусия, Бразилия, Вьетнам, Гана, Һиндстан, Индонезия, Камерун, Мексика, Мозамбик, Кыргызстан Республикасы, Сирия, Үзәк Африка республикасы, Көнъяк Африка республикасы вәкилләре катнашты. (Тулырак: <https://migrantocenter.ru/2022/07/10/международная-конференция-высокого/>).

30 нчы июльдән 2 нче августка кадәр Казан шәһәрндә Бөтендөнья татар конгрессының VIII Съезды узды. Съезд эшендә Россия Федерациясенң 76 төбәгеннән, 35 якын һәм ерак чит илләрдән 1500 дән артык делегат һәм кунак катнашты. Быел VIII Съезд Бөтендөнья татар конгрессы оешуга 30 ел тулуга багышланган иде. Шул уңайдан Бөтендөнья татар конгрессы илнең 53 төбәгеннән котлау хатларын кабул итте. Оешманы 30 еллыгы белән Россия Федерациясе Президенты Владимир Путин, Удмуртия, Дагстан республикалары, Саратов өлкәсе, Красноярск крае һәм башка төбәкләр житәкчеләре котлады. (Тулырак: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/botendonya-tatar-kongressynyn-viii-sezdynyn-press-relizy/>).

4 нче августта «Тормыш стиле – мәдәни код» дип аталган II Этно-fashion фестиваль кысаларында «Хәзерге культураның эпик даимилеге: милли эпосларны саклау һәм популярлаштыру проблемалары» дип аталган Халыкара конференция узды. Конференциянең төп оештыручысы Татарстан Республикасы мәдәният өлкәсендә инновацияләр кертү һәм традицияләрен саклау ресурс үзәге иде. Чараны оештыруда Татарстан Республикасы Мәдәният министрлыгы, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе, Бөтендөнья татар конгрессы һ.б. оешмалар да актив катнашты. Конференциягә Кыргыз Республикасыннан, Казакъстаннан, Азәрбайжаннан, Россия төбәкләреннән белгечләр чакырылган иде. Чарада татар халкының рухи мирасын саклау мәсьәләләре турында сүз барды. (Тулырак: <https://tatcultresurs.ru/news/v-kazani-zavershilsya-3-den-ii-etno-fashion-festivalya-stil-zhizni-kulturnyy-kod>).

4 нче августта Төркиянең «Һәжә» нәшриятында (Өнкара) «Хәзерге заман татар хикәяләре антологиясе – XXI гасыр» китабы дөнья күрдә. Жыентыкта утыз татар язучысының яңа гасырда ижат ителгән хикәяләре урын алган. Антологиянең кереш сүз авторы – Татарстан Язучылар берлеге рәисе Ркаил Зәйдулла. Хикәяләрен төрек теленә Татарстан Язучылар берлеге әгъзасы Фатих Кутлу тәржемә иткән. Китап шушы көннәрдә Төркиядә сатуга чыкты. Тиздән әлеге антология, Татарстан Язучылар берлеге хозурындагы Әдәби тәржемә үзәге проекты буларак, Мәскәүдә рус телендә нәшер ителер дип көтелә. (Тулырак: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/torkiyade-hezerge-zaman-tatar-hikeyalere-antologiyase-xxi-gasyr-donya-kyrde-%E2%80%8B2/>).

4-9 нчы сентябрьдә Кыргызстанда Төркия, Бөекбритания, Германия, Әзербайжан, Үзбәкстан, Кыргызстан, Казахстан, Россия галимнәре, музыкантлары һәм халык осталары катнашында «Төрки телле дөньяда музыкаль һәм бию традицияләре: саклау, яңарту һәм мәдәниятара багланышлар» Халыкара симпозиумы узды. Симпозиумда үзгәрә торган дөнья традицияләре һәм тикшеренүдә яңа юнәлешләр каралды; төрки эпик традицияләр; төрки халыклар мәдәниятендә традицион башкаручы феномены; традицион (дини) йолаларда тавыш һәм бию. Презентацияләр

һәм дискуссиялар (түгәрәк өстәлләр) концертлар, мастер-класслар һәм видео-демонстрациялар белән чиратлашып барды. (Тулырак: <http://www.antat.ru/ru/iyli/news/15358/>).

9 нчы сентябрьдә Казахстанның Семей шәһәрндә «Иртыш бие татарлары: тарих һәм хәзерге заман» дип исемләнгән Халыкара фәнни-гамәли тарихи-төбәк тарихын өйрәнү конференциясе оештырылды. Чарада Татарстан Республикасы Премьер-министры урынбасары, Бөтендөнья татар конгрессының Милли Шура рәисе В.Г. Шәйхразиев, Бөтендөнья татар конгрессы Башкарма комитеты жетәкчесе Д.Ф. Шакиров, Бөтендөнья татар конгрессы Башкарма комитетының Татар төбәкләрен өйрәнүчеләр белән эшләү комитеты жетәкчесе, профессор А.Ә. Борһанов, галимнәр, туган якны өйрәнүчеләр, дин һәм жәмәгать эшлеклеләре, Абай өлкәсе Семей шәһәренен, Татарстан Республикасы һәм Россия Федерациясендә татарлар күпләп яшәгән тарихи төбәкләрнең татар ижтимагый оешмалары һәм массакүләм мәгълүмат чаралары вәкилләре катнашты. (Тулырак: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/kazakhstan-respublikasynda-irtysh-bue-tatarlary-tarih-hem-hezerge-zaman-konferentsiyase-bashlandy/>).

10 нчы сентябрьдә Казан шәһәрндә «Мәдәниятләр мозаикасы» сигезенче этноконфессиональ фестивале узды. Фестивальнең төп оештыручылары – Татарстан Республикасы Мәдәният министрлыгы, Казан шәһәре Башкарма комитеты, Татарстан Халыклары ассамблеясы һәм Дуслык Йорты. Фестиваль мәйданчыгында кунакларга халык кәсепләре эшләнмәләре күргәзмәсе, этноаркит, Татарстан Республикасының традицион конфессия мәйданчыклары, шулай ук фудмаркит тәкъдим ителде. (Тулырак: <https://mincult.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/1820017.htm>).

6 нчы октябрьдә ТР ФА Ш. Мәржани исемндәге тарих институтында Көнчыгыш педагогия институтының 100 еллыгына багышланган «Совет Россиясендә педагогик кадрлар әзерләүнең тарихи тәҗрибәсе» бөтенроссия фәнни конференциясе узды. Конференциядә совет югары педагогик белем бирү тарихына кагылышлы мәсьәләләр тикшерелде. Алар арасында педагогик белем бирү өлкәсендәге дәүләт сәясәте һәм аның 1920-1980 нчы елларда эволюциясе, XX гасыр үзгәрешләре һәм социаль тәтәрүләр чорында педагогик институтларның торышы, Совет Россиясенең төрле шәһәрләрендә педагогик институтларның укытучылар коллективлары булу үзенчәлекләре, совет студентларының көндәлек тормышы, укытучы кадрларны әзерләүдә педагогик вузларның роле һәм башкалар сораулар бар. (Тулырак: <http://tataroved.pf/news/815>).

11-15 нче октябрьдә Казахстан Республикасының Төркестан шәһәрндә Евразия далалары археологиясенең «Евразия дала цивилизациясе: кеше һәм тарихи-мәдәни мохит» дип аталган Халыкара конгрессы булып узды. Конгресс эшендә 28 илдән килгән төрле фәнни оешмалардан галимнәр һәм белгечләр катнашты. Пленар һәм секция утырышлары кысаларында дала һәм игенчелек районнары археологиясенең актуаль проблемаларына багышланган 200 дән артык доклад һәм чыгышлар тыңланды һәм фикер алышынды. Конгресс материаллары биш төп тематик юнәлешне үз эченә алган Биш томда бастырылды – борынгы металл, урта гасыр күчмәләре, борынгы һәм урта гасыр шәһәрләре археологиясе, шулай ук Евразия археологик мирасын саклау һәм музейфикацияләү проблемалары (Тулырак: <http://archtat.ru/tt/evraziya-dalalaryny-v-halykara-arheologiya-kongressy/>).

27-28 нче октябрьдә ТР ФА Ш. Мәржани исемндәге Тарих институтында декаданың 65 еллыгына багышланган «Совет мәдәниятендә социаль һәм милли» халыкара фәнни конференциясе узды. Фәнни симпозиумны Татарстан Республикасы Мәдәният министрлыгы һәм Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш. Мәржани исемндәге Тарих институты оештырды. Катнашучыларның чыгышлары һәм докладлары Совет һәм милли мәдәниятнең истографиясе,

морфогенезы, социогенез, формогенез һәм этногенез, шулай ук төбәкара коммуникацияләр һәм мәдәни-идеологик һәм рухи кыйммәтләрне популярлаштыру мәсьәләләренә тупланды. (Тулырак: <http://татаровед.рф/news/828>).

31 нче октябрьдән 3 ноябрьгә кадәр Мәскәүдә «XVIII Фәизханов укулары: Россиядә ислам: үткән, хәзерге, киләчәк» Халыкара фәнни конгрессы узды. Чара Идел буе Болгар дәүләте халыклары тарафыннан Ислам динен рәсми кабул итүгә 1100 ел, «Мәдинә»нәшрият йортының 15 еллыгына багышланган иде. Оештыручылар: РФ мөселманның Диния нәзарәте, Россия Фәннәр академиясенең Гомуми тарих институты һ. б. Конгресста катнашучыларга «Россия Федерациясендә Ислам» дип аталган 8 томлы энциклопедик сүзлегә тәкъдим ителде. (Тулырак: <http://www.antat.ru/ru/ite/news/15521/>).

11-13 нче ноябрьдә Истанбулда II Оешмалар белән идарә итү конгрессы үтте. Конгрессны Arel университеты Халыкара оешмалар белән идарә итү жәмгыяте, Istanbul Kent университеты һәм Holistence академиясе белән берлектә үткәрде. (Тулырак: <https://tatar-inform.tatar/news/kazan-galime-istanbuldagy-kongressta-yazma-miras-uzage-escanlege-belan-tanystyrgan-5862885>)

14-19 нчы ноябрьдә III Казан халыкара лингвистик саммиты узды. Зур фәнни вакыйга Россиянең 65 шәһәрненән һәм дөньяның 18 иленнән 700 дән артык лингвистны һәм фәнни вәкилләрне берләштергән конференция белән ачылды. Россиянең иң зур филологик форумнарының берсендә Азәрбайжан, Беларусь, Грузия, Израиль, Һиндстан, Индонезия, Италия, Кытай, БДБ илләре, Франция, Таиланд һәм АКШ тикшерүчеләре катнашты. Россияне Мәскәү, Санкт-Петербург, Новосибирск, Калининград, Улатеринбург, Улан-Удэ, Якутск галимнәре тәкъдим итте. Форумда лингвистика, тел белеме, Россиядә генә түгел, аннан читтә яшәүче милләтләрнең тел сәясәте белән бәйле мәсьәләләре каралды. 14-16 ноябрь көннәрендә саммит кысаларында «Хәзерге лингвистика: теориядән практикага» Халыкара фәнни конференциясе узды. 17-19 ноябрьдә саммит кысаларында «Тел трендлары һәм методик инновацияләр» лингвометодик фестивале узды, анда мәгариф системасы житәкчеләре, әйдәп баручы галим-методистлар, укытучылар-новаторлар, укытучылар ассоциацияләре һәм берләшмәләре катнашты. Фестиваль кысаларында методик остаханәләр, практикумнар, семинарлар, мастер-класслар, методик идеяләр ярминкәләре һ. б. уздырылды. (Тулырак: <https://kpfu.ru/philology-culture/--2.html>).

15-16 нчы ноябрь көннәрендә Доржи Банзаров исемендәге Бурятия дәүләт университетында (Улан-Удэ, Россия) монгол һәм төрки тел белеме буенча халыкара фәнни конференция узды. Конференция 2022 елда 30 еллыгын билгеләп үтче, РАЕН эгъза-корреспонденты, нигез салучы һәм Үзәк Азия филология кафедрасының беренче мөдире, филология фәннәре докторы, профессор Валентин Иванович Рассадин истәлегенә багышланган иде. Конференция эшендә түбәндәге төп темалар каралды: хәзерге монгол һәм төрки филологиянең актуаль мәсьәләләре; төрки-монгол ареалы телләрен чагыштырмача-тарихи өйрәнүнең проблемалары; мәдәниятара киңлектә монгол һәм төрки телләрен кулланылышы һ.б. (Тулырак: <https://mongoloved.ru/meropriyatiya/741-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-po-mongolskomu-i-tyurkskomu-yazykoznaniyu-posvyashchennaya-pamyati-valentina-ivanovicha-rassadina.html>).

17-18 нче ноябрь көннәрендә Измир шәһәрндә (Төркия) төрки дөнья балалар әдәбияты буенча халыкара симпозиум узды. Симпозиумда төрки дөнья балалар әдәбиятының актуаль проблемалары: хәзерге төрки балалар әдәбияты, төрки әдәбиятта балачак дөньясы, балалар шигърияте, балалар фольклоры һ. б. турында фикер алышынды. (Тулырак: <https://bit.ly/egetudcesprogram>).

1-3 нче декабрьдә Уфа шәһәрндә «XVII Акмулла укулары» Халыкара фәнни-гамәли конференциясе булып узды. Конференция «Жәмгыятьнең цифрлы трансформациясе шартларында белем сыйфаты белән идарә итү: алымнар, технологияләр, нәтижәләр» Бөтенроссия гамәли форумы кысаларында үтте. Конференциянең максаты: тәҗрибә уртаклашу, фәнни һәм педагогик жәмәгәтьчелекне мультимәдәният һәм полилингвизм шартларында гуманитар белем бирүнең һәм агартуның актуаль проблемаларын чишүдә, шулай ук милли телләрен, әдәбиятларны һәм мәдәниятләрне өйрәнү, саклау, үстерү мәсьәләләрен консолидацияләү. (Тулырак: www.bspu.ru.)

14-15 нче декабрьдә «Идел буе Болгар һәм Алтын Урда тарафыннан Ислам динен кабул итүнең цивилизация әһәмияте: Россиянең урта гасыр тарихында интеграция процесслары» VII Халыкара Алтын Урда форумы узды. Халыкара Алтын Урда форумы - ул ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының урта гасыр төрки-татар тарихын өйрәнү өлкәсендә әйдәп баручы Россия һәм дөнья белгечләре катнашында ике елга бер тапкыр үткәрелә торган фәнни чарасы. Форум күптәннән әлеге проблема буенча фәнни-тикшеренү эшләрен координацияләү өчен төп майданчыкка әверелде. Аның эш процессында күп бәхәслә мәсьәләләр хәл ителә һәм алга таба тикшеренүләр стратегиясе турында концептуаль карарлар чыгарыла. Моннан тыш, форумның иң мөһим максатларының берсе - Алтын Урда тарихын популярлаштыруга һәм Алтын Урда тарихын әйләндереп алган мифологемнарга каршы көрәшкә зур фәнни өлеш кертү. (Тулырак: <http://татаровед.рф/news/726>).

Материаллар филология фәннәре кандидаты, Казан федераль университетының Филология һәм мәдәниятара багланышлар институты доценты Г. Ә. Нәбиуллина тарафыннан тупланды һәм әзерләнде.

М.У. Узун белән автордашлыктагы “XX гасыр ахыры – XXI гасыр башы постмодернизм мәдәни контекстында татар һәм төрек әдәбиятлары” // Tatarica. 2022. №1. С. 46-74. DOI: 10.26907/2311-2042-2022-18-1-46-74 мәкаләсен әзерләүгә керткән өлеш буенча ачыкланган мәгълүматларны китерәбез – постмодернистик төрек әдәбияты хакындагы белемнәрне системалаштыруда А.А. Шамсутовага консультатив ярдәм күрсәтү.

ПРОШЕДШИЕ СОБЫТИЯ II ПОЛОВИНЫ 2022 ГОДА

3-7 июля в Москве в рамках Международного десятилетия языков коренных народов и межправительственной программы ЮНЕСКО «Информация для всех» прошла Международная конференция «Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и лелеять. Контекст, политика и практика сохранения языков коренных народов». В работе Международной конференции приняли участие эксперты высокого уровня – ученые, исследователи, преподаватели, руководители крупных компаний в области развития языкового многообразия из более чем 50 стран мира.

Конференция прошла в смешанном формате, в очном формате приняли участие представители таких стран как, Армения, Беларусь, Бразилия, Вьетнам, Гана, Индия, Индонезия, Камерун, Мексика, Мозамбик, Республика Кыргызстан, Сирия, Центральнаяафриканская республика, ЮАР (Подробнее: <https://migrantocenter.ru/2022/07/10/международная-конференция-высокого/>).

С 30 июля по 2 августа в Казани прошел VIII съезд Всемирного конгресса татар. В работе съезда приняли участие более 1500 делегатов и гостей из 76 регионов Российской Федерации, 35 стран ближнего и дальнего зарубежья. В этом году VIII съезд был посвящен 30-летию со дня образования Всемирного конгресса татар. В связи с этим Всемирный конгресс татар принял поздравления от 53 регионов страны. С 30-летием организации поздравили Президент Российской Федерации Владимир Путин, руководители Удмуртской Республики, Дагестана, Саратовской области, Красноярского края и других регионов. (Подробнее: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/botendonya-tatar-kongressynyn-viii-sezdynyn-press-relizy/>).

4 августа в Казани в рамках деловой программы II Этно-fashion фестиваля народного творчества и декоративно-прикладного искусства «Стиль жизни – Культурный код» прошла Международная конференция «Эпическая константа современной культуры: проблемы сохранения и популяризации национальных эпосов. Основным организатором конференции выступил ресурсный центр внедрения инноваций и сохранения традиций в сфере культуры Республики Татарстан. В организации мероприятия приняли активное участие Министерство культуры Республики Татарстан, Академия Наук Республики Татарстан, Всемирный конгресс татар и другие организации. На конференцию были приглашены специалисты из Кыргызской Республики, Казахстана, Азербайджана, регионов России. На мероприятии обсуждались вопросы сохранения духовного наследия татарского народа. (Подробнее: <https://tatcultresurs.ru/news/v-kazani-zavershilysya-3-den-ii-etno-fashion-festivala-stil-zhizni-kulturnyy-kod>).

4 августа в издательстве Турции «Хаджа» (Анкара) вышла в свет книга «Антология современных татарских рассказов – XXI век». В сборник вошли рассказы тридцати татарских писателей нового века. Автор предисловия к антологии – председатель Союза писателей Татарстана Ркаил Зайдулла. На турецкий язык рассказы перевел член Союза писателей Татарстана Фатих Кутлу. Книга поступила в продажу на днях в Турции. Ожидается, что в скором времени эта антология будет издана на русском языке в Москве как проект Центра литературного перевода при Союзе писателей Татарстана. (Подробнее: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/torkiyade-hezgerge-zaman-tatar-hikeyalere-antologiyase-xxi-gasyr-donya-kyrde-%E2%80%8B2/>).

4 – 9 сентября в Кыргызстане с участием ученых, музыкантов и народных мастеров Турции, Великобритании, Германии, Азербайджана, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, России прошел Международный симпозиум «Музыкальные и танцевальные традиции в тюркоязычном мире: сохранение, обновление и межкультурное взаимодействие». Были рассмотрены такие темы, как традиция в меняющемся мире и новые направления в исследовании; тюркские эпические

традиции; феномен традиционного исполнителя в культуре тюркоязычных народов; звук и танец в традиционных (религиозных) ритуалах. Презентации и дискуссии (круглые столы) чередовались с концертами, мастер-классами и видеодемонстрациями. (Подробнее: <http://www.antat.ru/ru/iyli/news/15358/>).

9 сентября в г. Семей Республики Казахстан была организована международная научно-практическая историко-региональная конференция «Татары Прииртышья: история и современность». В мероприятии приняли участие заместитель Премьер-Министра Республики Татарстан, председатель Национального Совета («Милли Шуро») Всемирного конгресса татар В. Г. Шайхразиев, руководитель Исполкома Всемирного конгресса татар Д. Ф. Шакиров, начальник комитета по работе с татарскими краеведами исполкома Всемирного конгресса татар, профессор А.А. Бурганов, ученые, краеведы, религиозные и общественные деятели, представители татарских общественных организаций и средств массовой информации города Семей Абайской области, Республики Татарстан и исторических регионов Российской Федерации с компактным проживанием татар. (Подробнее: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/kazakhstan-respublikasynda-irtysh-bue-tatarlary-tarih-hem-hezerge-zaman-konferentsiyase-bashlandy/>).

10 сентября в Казани прошел восьмой этноконфессиональный фестиваль "Мозаика культур". Основными организаторами фестиваля являются Министерство культуры Республики Татарстан, исполком г. Казани, Ассамблея народов Татарстана и Дом дружбы. На площадке фестиваля гостям были представлены выставка изделий народных промыслов, этномаркет, традиционные конфессиональные площадки Республики Татарстан, а также фудмаркет. (Подробнее: <https://mincult.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/1820017.htm>).

6 октября 2022 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялась Всероссийская научная конференция «Исторический опыт подготовки педагогических кадров в Советской России», приуроченная к 100-летию Восточного педагогического института. Предметом обсуждения на конференции стал целый ряд вопросов, касающихся истории советского высшего педагогического образования. В их числе государственная политика в области педагогического образования и ее эволюция в 1920–1980-е гг., состояние педагогических институтов в эпоху преобразований и социальных потрясений XX в., особенности существования преподавательских коллективов педагогических институтов в различных городах Советской России, повседневная жизнь советских студентов, роль педагогических вузов в подготовке учительских кадров и многие другие. (Подробнее: <http://татаровед.рф/news/815>).

11-15 октября 2022 г. в г. Туркестан Республики Казахстан состоялся V Международный конгресс археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. В работе Конгресса приняли участие ученые и специалисты из различных научных организаций из 28 стран. В рамках пленарных и секционных заседаний заслушано и обсуждено 213 доклада и сообщения, посвященные актуальным проблемам археологии степных и оседло-земледельческих районов. Материалы конгресса опубликованы в пяти томах, охватывающих пять основных тематических направлений – археология эпохи раннего металла, ранних и средневековых кочевников, древних и средневековых городов, а также проблемы сохранения и музеефикации археологического наследия Евразии. (Подробнее: <http://archtat.ru/tt/evraziya-dalalaryny-v-halykara-arheologiya-kongressy/>).

27–28 октября в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ состоялась Международная научная конференция «Социальное и национальное в советской культуре», приуроченная к 65-летию

Декады. Организаторами научного симпозиума выступили Министерство культуры Республики Татарстан и Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан. Выступления и доклады участников концентрировались на вопросах историографии, морфогенеза, социогенеза, формогенеза и этногенеза советской и национальной культуры, а также формах межрегиональных коммуникаций и популяризации культурно-идеологических и духовных ценностей. (Подробнее: <http://татаровед.рф/news/828>).

С 31 октября по 3 ноября в Москве прошел международный научный конгресс «XVIII Фаизхановские чтения: ислам в России: прошлое, настоящее, будущее». Мероприятие было посвящено 1100-летию официального принятия ислама народами Волжской Булгарии, 15-летию издательского дома «Медина». Организаторы: Духовное управление мусульман РФ, Институт всеобщей истории РАН и др. участникам конгресса был представлен 8-томный энциклопедический словарь «Ислам в Российской Федерации». (Подробнее: <http://www.antat.ru/ru/ite/news/15521/>).

11-13 ноября в Стамбуле прошел II Конгресс по управлению организациями. Конгресс проводился университетом Arel совместно с Обществом управления международными организациями, университетом Istanbul Kent и Академией Holistence. (Подробнее: <https://tatarinform.tatar/news/kazan-galime-istanbuldagy-kongressta-yazma-miras-uzage-escanlege-belantanystyrgan-5862885>).

14-19 ноября прошел III Казанский международный лингвистический саммит. Грандиозное научное событие открылось конференцией, объединившей свыше 700 лингвистов и научных представителей из 65 городов России и 18 стран мира. В одном из крупнейших филологических форумов России приняли участие исследователи из Азербайджана, Беларуси, Грузии, Израиля, Индии, Индонезии, Италии, Китая, стран СНГ, Франции, Таиланда и США. Россию представили ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Калининграда, Екатеринбурга, Улан-Удэ, Якутска. Предметом обсуждения форума стали вопросы, связанные с лингвистикой, с языкознанием, с языковой политикой национальностей, проживающих не только в России, но и за ее пределами. 14-16 ноября, в рамках саммита состоялась Международная научная конференция «Современная лингвистика: от теории к практике». 17-19 ноября в рамках Саммита состоялся Лингвометодический фестиваль «Языковые тренды и методические инновации» (далее – фестиваль) учителей и преподавателей русского, родных и иностранных языков с участием руководителей системы образования, ведущих учёных-методистов, учителей-новаторов, различных учительских ассоциаций и объединений. В рамках фестиваля было проведено несколько методических мастерских, практикумов, семинаров, мастер-классов, ярмарки методических идей и т.п. (Подробнее <https://kpfu.ru/philology-culture/--2.html>).

15–16 ноября на базе ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова» (г. Улан-Удэ, Россия) прошла Международная научная конференция по монгольскому и тюркскому языкознанию. Конференция была посвящена памяти Валентина Ивановича Рассадина, доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента РАЕН, основателя и первого заведующего кафедрой филологии Центральной Азии, отмечающей свое 30-летие в 2022 году. В ходе работы конференции обсуждались следующие ключевые темы: актуальные вопросы современной монгольской и тюркской филологии; проблемы сравнительно-исторического исследования языков тюрко-монгольского ареала; функционирование монгольских и тюркских языков в межкультурном пространстве и т.д. (Подробнее: <https://mongoloved.ru/meropriyatiya/741-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-po-mongolskomu-i-tyurkskomu-yazykoznaniyu-posvyashchennaya-pamyati-valentina-ivanovicha-rassadina.html>).

17-18 ноября в городе Измир (Турция) состоялся Международный симпозиум по детской литературе тюркского мира. На симпозиуме обсуждались актуальные проблемы детской литературы тюркского мира: современная тюркская детская литература, мир детства в тюркской литературе, детская поэзия, детский фольклор и т.д. (Подробнее: <https://bit.ly/egetudcesprogram>).

1–3 декабря в городе Уфа прошла Международная научно-практическая конференция «XVII Акмуллинские чтения». Конференция прошла в рамках Всероссийского практического форума «Управление качеством образования в условиях цифровой трансформации общества: подходы, технологии, результаты». Цель конференции: обмен опытом, консолидация научного и педагогического сообщества в решении актуальных проблем гуманитарного образования и просвещения в условиях мультикультурности и полилингвизма, а также вопросов изучения, сохранения, развития национальных языков, литератур и культур. (Подробнее на сайте: www.bspu.ru).

14–15 декабря прошел VII Международный Золотоордынский форум «Цивилизационное значение принятия ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России» (очно-дистанционный формат). Международный Золотоордынский Форум – это научное мероприятие Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, проводимое раз в два года с участием ведущих российских и мировых специалистов в области изучения средневековой тюрко-татарской истории. Форум уже давно превратился в главную площадку для координации научно-исследовательской работы по данной проблематике. В процессе его работы решаются многие дискуссионные вопросы и вырабатываются концептуальные решения относительно стратегии дальнейших исследований. Кроме того, одной из важнейших целей форума является внесение существенного научного вклада в популяризацию истории Золотоордынской цивилизации и в борьбу с мифологемами, окружающими историю Золотой Орды. (Подробнее: <http://татаровед.рф/news/726>).

Материалы подготовлены доцентом Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета Г. А. Набиуллиной.

Приводим уточненные данные по вкладу в подготовку статьи: Татарская и турецкая литература в контексте постмодернизма конца XX – начала XXI века // Tatarica. 2022. №1. С. 46-74. DOI: 10.26907/2311-2042-2022-18-1-46-74 соавтором М.У. Узуном – оказание консультативной помощи автору А.А. Шамсутовой по систематизации сведений о турецкой литературе постмодернизма.

DOI: 10.26907/2311-2042-2022-19-2-207-211

UPCOMING EVENTS OF 2023

February 17, 2023

The International Research and Practice Conference “The Agzam Readings”.

Organizer: the Institute of Social Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan (Volga Region) Federal University.

Information: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_year_start=2020&status=1&pIV

February 21, 2023

The 5th International Scientific and Methodological Online Seminar “Improving the Methods of Teaching Languages: A Platform for the Exchange of Progressive Practices”.

Organizer: the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&status=1&p_office=&p_date_start=12/31/2022&p_date_end=&p_year_start=2023

February 22, 2023

The 14th International Research and Practice Conference of graduate students, undergraduates and schoolchildren “Turkic Linguoculturology: Problems and Prospects”.

Organizer: the Institute of Philology and Intercultural Communication of Kazan Federal University.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&status=1&p_office=&p_date_start=12/31/2022&p_date_end=&p_year_start=2023

April, 2023

The International Research and Practice Seminar “Gayaz Iskhaki and Tatar Studies of the 20th – 21st Centuries”.

Organizer: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, AS RT.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

April 14, 2023

The Research Conference “Current Issues of Regional and Science Studies”.

Organizer: the Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

May 12-14, 2023

The International Seminar on the Oral Turkish Language Studies in Turkey.

Organizers: the Faculty of Humanities and Social Sciences of the University of Euphrates, the Faculty of the Turkish Language and Literature.

Venue: Elazig, Turkey.

Information: <https://www.tdk.gov.tr/icerik/duyurular/6-uluslararasi-turkiye-turkcesi-agiz-arastirmalari-calistayi-basvurulari-basladi/>

May 19, 2023

The Research Conference “History of Russia and Tatarstan: Results and Prospects of Encyclopedic Research”.

Organizer: Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

June 25-July 2, 2023

The 21st International Congress of Linguists (ICL 21).

Organizers: Kazan Federal University, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Venue: Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Information: <https://www.chuvsu.ru>

2023 НЧЕ ЕЛНЫҢ І ЯРТЫСЫНДА БУЛАЧАК ВАКЫЙГАЛАР

17 февраль, 2023 ел

«Әгъзамов укулары» Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Казан (Идел буе) федераль университетының Социаль-фәлсәфи фәннәр һәм гаммәви коммуникацияләр институты.

Мәгълүмат: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_year_start=2020&status=1&pIV

21 февраль, 2023 ел

«Телләргә өйрәтү методикасын камилләштерү: прогрессив практика алмашу мәйданчыгы» V Халыкара фәнни-методик онлайн семинар.

Оештыручы: Казан федераль университетының Филология һәм мәдәниягә багланышлар институты.

Үткәрү урыны: Казан шәһ., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&status=1&p_office=&p_date_start=31.12.2022&p_date_end=&p_year_start=2023

22 февраль, 2023 ел

«Төрки лингвокультурология: проблемалар һәм перспективалар» XIV Халыкара фәнни-гамәли конференциясе.

Оештыручы: Казан федераль университетының Филология һәм мәдәниягә багланышлар институты.

Үткәрү урыны: Казан шәһ., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&status=1&p_office=&p_date_start=31.12.2022&p_date_end=&p_year_start=2023

апрель, 2023 ел

«Гаяз Исхакый һәм XX-XXI гасырлар татар гыйлеме» халыкара фәнни-гамәли семинары.

Оештыручы: Тел, әдәбият һәм сәнгать институты. Г. Ибраһимова, ТР ФА.

Үткәрү урыны: Казан шәһ., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

14 апрель, 2023 ел

«Төбәкне өйрәнүнең һәм фәннең актуаль проблемалары» фәнни конференциясе.

Оештыручы: ТР Фәннәр Академиясенең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты.

Үткәрү урыны: Казан шәһ., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

12-14 май, 2023 ел

Төркиядә телдән төрек телен өйрәнү буенча халыкара семинар.

Оештыручы: Евфрат университетының Гуманитар һәм социаль фәннәр факультеты, Төрек теле һәм әдәбияты факультеты.

Үткәрү урыны: Элязыг шәһәре, Төркия.

Мәгълүмат: <https://www.tdk.gov.tr/icerik/duyurular/6-uluslararasi-turkiye-turkcesi-agiz-arastirmalari-calistayi-basvurulari-basladi/>

19 май, 2023 ел

«Россия һәм Татарстан тарихы: энциклопедик тикшеренүләр нәтижеләре һәм перспективалары» фәнни конференциясе.

Оештыручы: ТР Фәннәр Академиясенең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты.

Үткәрү урыны: Казан шәһ., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

25 июнь-2 июль, 2023 ел

XXI халыкара лингвистлар конгрессы (ICL 21).

Оештыручы: Казан федераль университеты, Россия Фәннәр Академиясенең тел белеме институты.

Үткәрү урыны: Казан шәһ., Татарстан Республикасы, Россия.

Мәгълүмат: <https://www.chuvsu.ru>

КАЛЕНДАРЬ ПРЕДСТОЯЩИХ СОБЫТИЙ I ПОЛОВИНЫ 2023 ГОДА

17 февраля 2023 года

Международная научно-практическая конференция «Агзамовские чтения».

Организатор: Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета.

Информация: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_year_start=2020&status=1&pIV

21 февраля 2023 года

V Международный научно-методический онлайн-семинар «Совершенствование методики обучения языкам: площадка обмена прогрессивной практикой».

Организатор: Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&status=1&p_office=&p_date_start=31.12.2022&p_date_end=&p_year_start=2023

22 февраля 2023 года

XIV Международная научно-практическая конференция аспирантов, студентов и учащихся «Тюркская лингвокультурология: проблемы и перспективы».

Организатор: Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: https://kpfu.ru/portal_new.main_page?p_sub=6308&p_group_name=&p_meropriatie_vid_type=&p_kon_kfu=1&p_mounth_date=&status=1&p_office=&p_date_start=31.12.2022&p_date_end=&p_year_start=2023

апрель 2023 года

Международный научно-практический семинар «Гаяз Исхаки и татароведение XX-XXI веков».

Организатор: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

14 апреля 2023 года

Научная конференция «Актуальные проблемы регионоведения и науковедения».

Организатор: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

12-14 мая 2023 года

Международный семинар по изучению устного турецкого языка в Турции.

Организатор: Факультет гуманитарных и социальных наук Евфратского университета, Факультет турецкого языка и литературы.

Место проведения: г. Элязыг, Турция.

Информация: <https://www.tdk.gov.tr/icerik/duyurular/6-uluslararası-türkiye-türkçesi-agiz-arastirmalari-calistayi-basvurulari-basladi/>

19 мая 2023 года

Научная конференция «История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований».

Организатор: Институт Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <http://www.antat.ru/ru/iyli/>

25 июня-2 июля 2023 года

XXI Международный конгресс лингвистов (ICL 21).

Организаторы: Казанский федеральный университет, Институт языкознания Российской академии наук.

Место проведения: г. Казань, Республика Татарстан, Россия.

Информация: <https://www.chuvsu.ru>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS¹

Gaifetdinova Railya – graduate student in the Department of General Linguistics and Turkic Studies, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Isanbet Yulduz – Candidate of Art History (Kazan, Russia).

Khabutdinov Aidar – Doctor of History, Professor of the Kazan Branch of Russian State University of Justice (Kazan, Russia).

Khabutdinova Mileusha – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Tatar Literature, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Khaliullina Nuriya – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of the Tatar Language and Literature, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia).

Miftahutdinova Nuria – Candidate of Philology, Senior Researcher at the National Museum of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia).

Morozova Svetlana – Candidate of History, Director of the Museum of the History of Printing and Book Publishing and Moscow State University of Printing Arts named after Ivan Fedorov.

Nasipov Ilshat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Tatar Language and Literature, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russia).

Salikhova Aigul – Candidate of Philology, Leading Research Fellow in the Department of Theater and Music at G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (Kazan, Russia).

Samitova Saviya – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department on a Bilingual Basis at the Institute of Innovation Management, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia).

Sattarova Madina – Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of General Linguistics and Turkology, Leo Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Sayfulina Flera – Doctor of Philology, Professor, Head of the Tatar Literature Department, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Yusupova Alfiya – Doctor of Philology, Professor in the Department of General Linguistics and Turkology, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Yusupova Nurfiya – Doctor of Philology, Professor in the Department of Tatar Literature, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan Federal University (Kazan, Russia).

Zakirzyanov Alfat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, the Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia).

¹ Author names are published exactly as they appear in the manuscript file.

АВТОРЛАР ТУРЫНДА МӘГЪЛҮМАТ¹

Гайфетдинова Раилә Мөсәвир кызы – Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягә багланьшлар институтының гомуми тел белеме һәм тюркология кафедрасы аспиранты (Казан, Россия).

Закиржанов Әлфәт Мәгъсүмжан улы – филология фәннәре докторы, профессор, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Г.Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты әдәбият белеме бүлегә мөдире (Казан, Россия).

Исәнбәт Йолдыз Нәкый кызы – сәнгать фәннәре кандидаты (Казан, Россия).

Мифтахетдинова Нурия Мидхат кызы – филология фәннәре кандидаты, Татарстан Республикасы Милли музеең өлкән фәнни хезмәткәре (Казан, Россия).

Морозова Светлана Владимировна – тарих фәннәре кандидаты, Иван Федоров исемендәге Полиграфия, китап бастыру һәм МДМУ тарихы музее директоры.

Насипов Илшат Сәхиятулла улы – филология фәннәре докторы, М.Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университетының татар теле һәм әдәбияты кафедрасы профессоры (Уфа, Россия).

Салихова Айгөл Рөстәм кызы – филология фәннәре кандидаты, Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Г.Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институты театр һәм музыка бүлегенең әйдәп баручы фәнни хезмәткәре (Казан, Россия).

Саттарова Мәдинә Рәшид кызы – филология фәннәре кандидаты, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягә багланьшлар институтының гомуми тел белеме һәм тюркология кафедрасы доценты (Казан, Россия).

Сәмитова Сәвия Гималтын кызы – филология фәннәре кандидаты, Казан милли тикшеренү технология университеты социаль-гуманитар белем институтының философия һәм гуманитар фәннәр кафедрасы доценты (Казан, Россия).

Сәйфулина Флера Сәгыйть кызы – филология фәннәре докторы, профессор, Казан федераль университеты Лев Толстой исемендәге Филология һәм мәдәниягә багланьшлар институтының татар әдәбияты кафедрасы мөдире (Казан, Россия).

Хәбетдинов Айдар Юрий улы – тарих фәннәре докторы, Россия гадел хөкем университетының Казан филиалы профессоры (Казан, Россия).

Хәбетдинова Миләүшә Мөхәммәтжан кызы – филология фәннәре кандидаты, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягә багланьшлар институтының татар әдәбияты кафедрасы доценты (Казан, Россия).

Халиуллина Нурия Усман кызы – филология фәннәре кандидаты, М. Акмулла исемендәге Башкорт дәүләт педагогия университетының татар теле һәм әдәбияты кафедрасы доценты (Уфа, Россия).

Юсупова Әлфия Шәүкәт кызы – филология фәннәре докторы, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягә багланьшлар институтының гомуми тел белеме һәм тюркология кафедрасы профессоры (Казан, Россия).

Юсупова Нурфия Марс кызы – филология фәннәре докторы, Казан федераль университеты Филология һәм мәдәниягә багланьшлар институтының татар әдәбияты кафедрасы профессоры (Казан, Россия).

¹ «Авторлар турында мәгълүмат» бүлегендә мәкалә авторларының фамилиясе, исеме һәм атасының исеме автор редакциясендә бирелә.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Гайфетдинова Раиля Мусавировна – аспирант кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Закирзянов Альфат Магсумзянович – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства Академии наук РТ (Казань, Россия).

Исанбет Юлдуз Накиевна – кандидат искусствоведения (Казань, Россия).

Мифтахутдинова Нурия Мидхатовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Национального музея РТ (Казань, Россия)

Морозова Светлана Владимировна – кандидат исторических наук, директор Музея истории полиграфии, книгоиздания и МГУП им. Ивана Федорова.

Насипов Ильшат Сахиятуллович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

Саттарова Мадина Рашидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Сайфулина Флера Сагитовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Салихова Айгуль Рустэмовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела театра и музыки Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. (Казань, Россия).

Самитова Савия Гималтыновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры на двуязычной основе Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия).

Хабутдинов Айдар Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (Казань, Россия).

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Халиуллина Нурия Усмановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа, Россия)

Юсупова Альфия Шавкетовна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

Юсупова Нурфия Марсовна – доктор филологических наук, доцент кафедры татарской литературы Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета (Казань, Россия).

¹ Имена авторов в разделе «Сведения об авторах» приводятся в авторской редакции.

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal publishes articles based on original scientific research on Tatar studies including studies of the Tatar language, literature, history, culture, arts and education. The journal also welcomes bio-bibliographical material about leading Tatar scholars and researchers in the field of Tatar studies and publishes short overviews of the scientific events in the Turkic world.

Submission Requirements

Research articles should include:

1) text of the paper in two languages (Tatar / Russian and English), an abstract of 150–200 words and 5–8 keywords in three languages – submitted electronically to tatarica.kpfu@gmail.com. Translation services are available at an additional cost. Papers in English do not require translation into the Russian or Tatar language. Submission guidelines can be found on the journal's website <http://tatarica.kpfu.ru>;

2) a cover letter with the following information about the author (s) in Russian, Tatar and English:

- Last name, first name, middle name
- City, country
- Place of work (with address)
- Position
- Academic status and academic degree
- Work phone
- Mobile phone (for communication with editors)
- Personal E-mail;

3) a recommendation letter written by the academic advisor in any of the 3 official languages of the journal (Russian, Tatar and English) if the author is a graduate student or an applicant for the degree of the Candidate of Sciences (PhD). The literature listed in the References should primarily be published within the last 10 years.

Manuscript Selection

Research papers submitted for publication are selected on the basis of independent internal and external reviews and the decision of the editorial board. Accepted papers should meet high scientific criteria (relevance, significance, etc.) and the general requirements of the journal.

We will not consider any paper or component of a paper that has been previously published or is under consideration for publication elsewhere.

Selected papers are edited to improve accuracy and clarity and for length. In case of a more serious correction, the paper is sent to the authors for revision.

АВТОРЛАР ӨЧЕН БЕЛЕШМӘ

Журналда татар халкының теле, әдәбияты, тарихы, мәдәнияте, сәнгате һәм мәгарифе өлкәләрендә яңа гыйльми эзләнүләрне яктырткан фәнни мәкаләләр басыла; күренекле татар галимнәре һәм татарларга кагылышлы мәсьәләләрне өйрәнүче башка галимнәр хакында биобиблиографик материаллар, төрки дөнья фәнни вакыйгалары турында кыска хәбәрләр бирелә.

Кулъязмаларны тәкъдим итү кагыйдәләре

Журналның редакция коллегиясенә түбәндәгеләр тәкъдим ителә:

1) мәкаләнең тексты (ике телдә татар/рус һәм инглиз), аннотациясе (өч телдә 150–200 сүз) һәм төп төшенчәләре (5–8 сүз) электрон вариантта tatarica.kpfu@gmail.com адресына юллана. Теләүчеләр өчен өстәмә түләү хисабына тәржемәче хезмәте каралган. Редакциягә инглиз телендә тәкъдим ителгән мәкаләне рус яки татар теленә тәржемә итү соралмый. Мәкаләне формалаштыру таләпләрен журналның <http://tatarica.kpfu.ru> сайтынан табарга мөмкин;

2) автор (авторлар) турында рус, татар һәм инглиз телләрендә мәгълүматлар теркәлгән хат:

- Фамилия, исеме, әтисенең исеме (тулысынча)
- Шәһәр, ил
- Эш урыны (адресы белән бергә)
- Вазифасы
- Гыйльми исеме һәм гыйльми дәрәжәсе
- Эш телефоны
- Кәрәзле телефон (редакция өчен)
- Электрон адрес;

3) Мәкаләнең авторы кандидатлык дәрәжәсен (PhD) алырга теләүче аспирант яки соискатель булса, фәнни житәкче бәяләмәсе (өч телнең берсендә: рус, татар, инглиз) сорала.

Мәкаләдә соңгы 10 елда басылган хезмәтләргә сылтама бирү әһәмиятле.

Кулъязмаларны карау тәртибе

Материалларны бастыруга сайлап алу эчке һәм тышкы бәяләмәләр, журнал редколлегиясе карары нигезендә башкарыла. Мәкаләгә куелган төп таләп – язманың югары фәнни критерийларга (хезмәтнең актуальлеге, фәнни яңалыгы һ.б.) туры килүе.

Гомуми таләпләргә җавап бирмәгән һәм моңа кадәр басылган яисә башка журнал редакцияләренә юлланган мәкаләләр кабул ителми.

Мәкаләгә кертелгән стилистик һәм формаль характердагы төзәтмәләр автордан башка хәл ителә. Житдирәк төзәтмәләр автор белән килешенеп башкарыла яисә мәкалә, эшләп бетерү өчен, авторга җибәрелә.

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнале публикуются научные статьи, содержащие исследования в области языка, литературы, истории, культуры, искусства и образования татарского народа, а также биобиблиографические материалы о ведущих ученых-татарах и ученых, обращавшихся в том или ином аспекте к проблемам татарики, краткая информация о научных событиях тюркского мира.

Порядок предоставления рукописей

Авторы должны предоставить в редакционную коллегию журнала следующие материалы:

1) текст статьи на двух языках (татарском / русском и английском), а также аннотацию объемом 150–200 слов и 5–8 ключевых слов на трех языках в электронном виде по адресу tatarica.kpfu@gmail.com. При необходимости за дополнительную плату предоставляются услуги переводчика. Статьи на английском языке не требуют перевода на русский или татарский язык. Требования к оформлению статьи можно найти на сайте журнала: <http://tatarica.kpfu.ru>;

2) сопроводительное письмо, содержащее сведения об авторе (авторах) на русском, татарском и английском языках:

- Фамилия, имя, отчество полностью
- Город, страна
- Место работы (с адресом)
- Занимаемая должность
- Ученое звание, ученая степень
- Рабочий телефон
- Мобильный телефон (для редакции)
- Электронный адрес;

3) отзыв научного руководителя на любом из 3 официальных языков журнала (русском, татарском или английском), если автор статьи – аспирант или соискатель ученой степени кандидата наук (PhD).

В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 10 лет.

Порядок рассмотрения рукописей

Материалы для публикации отбираются на основе независимого внутреннего и внешнего рецензирования и решения редколлегии журнала. Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.).

К рассмотрению не принимаются статьи, не соответствующие общим требованиям и опубликованные ранее или направленные в редакции других журналов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласуется с авторами или статья направляется авторам на доработку.

CONTENTS

LANGUAGE

- Khaliullina N., Nasipov I.* Aspects of studying root bases in the Turkic languages. 7
Sattarova M., Gaifetdinova R. Acoustic characteristics of the sound [a] after tongue-teeth and uvular consonants in the Tatar and Kazakh languages. 24

LITERATURE

- Yusupova N.* An example of courage: Rakhim Sattar's work. 41
Miftakhutdinova N. Muhammed Idrisov's stories: ideological-aesthetic and genre features. 55

HISTORY AND SOCIETY

- Isanbet Yu.* Concerts of oriental music in Paris. 66
Khabutdinov A. Tatar structures of Siberia in the early twentieth century. 101

CULTURE, PERSONALITY, EDUCATION

- Morozova S. M.* Idrisov as a creator of the unified Arabic font and an inventor-polygraphist. 127
Khabutdinova M. Tatars and Russian theater in nineteenth century Kazan. 139

PERSONALIA

- Zakirzyanov A.* Investing the warmth of her soul... (the 90th anniversary of Reseda Ganiyeva). 155
Salikhova A. Theatre expert with an amazing fate (on the 90th anniversary of Iltani Ilyalova). 164
Saifullina F. The eminent scholar of literature Azat Gilmuullovich Akhmadullin. 173

REVIEWS

- Samitova S.* Review of Ilgiz Kadyrov's book "Tatar Wedding Songs: The Siberian Area" (Kazan, 2021. 188 p.). 182
Yusupova A. Review of the "Explanatory Dictionary of the Tatar Language" (2015-2021). 189

SCIENTIFIC CHRONICLES OF THE TURKIC WORLD

- Latest events in the second half of 2022. 195
Upcoming events of 2023. 207

ЭЧТӘЛЕК

ТЕЛ

- Халиуллина Н.У., Насипов И.С.* Төрки телләрде тамыр нигезләрне тикшерү аспектлары. . . . 7
Саттарова М.Р., Гайфетдинова Р.М. Татар һәм казах телләрендә [а] авазының тел-теш һәм кече тел тартыкларыннан соңгы позициядәге акустик билгеләре. 24

ӘДӘБИЯТ

- Юсупова Н.М.* Батырлык үрнәге: Рәхим Саттар ижаты. 41
Мифтахетдинова Н.М. Мөхәммәт Идрисов хикәяләренең идея – эстетик һәм жанр үзенчәлеге. 55

ТАРИХ, ЖӘМГИЯТ

- Исәнбәт Й.Н.* Париждагы шәрәк музыкасы концертлары. 66
Хәбетдинов А.Ю. Себернең XX гасыр башындагы татар структуралары. 101

МӘДӘНИЯТ, ШӘХЭС, МӘГАРИФ

- Морозова С.В. М.И.* Идрисов – бердәм гарәп шрифтын төзүче, уйлап табучы-полиграфист. . . 127
Хәбетдинова М.М. XIX гасырда татарлар һәм Казан шәһәренең рус театры. 139

PERSONALIA

- Закирҗанов Ә.М.* Күңел жылысын салып... (Резеда Ганиеваның тууына 90 ел). 155
Салихова А. Гажәеп язмышлы театр белгече (Ильтани Илялованың тууына 90 ел тулу унае белән). 164
Сәйфулина Ф.С. Күренекле әдәбият галиме Азат Гыйльмулла улы Әхмәдуллин. 173

РЕЦЕНЗИЯ ҺӘМ КҮЗӘТҮЛӘР

- Сәмитова С.Г.* Илгиз Кадыровның «Татар халкының туй җырлары: Себер ареалы» китабына (Казан, 2021. 188 б.) бәяләмә. 182
Юсупова Ә.Ш. «Татар теленең аңлатмалы сүзлегенә» (Казан: ТӘҺСИ, 2015–2021) бәяләмә. . . 189

ТӨРКИ ДӨНЬЯ ФӘННИ ХРОНИКАСЫ

- 2022 елның II яртысында булган вакыйгалар. 195
2023 елның I яртысында булган вакыйгалар. 207

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК

- Халиуллина Н.У., Насипов И.С.* Аспекты изучения корневых основ в тюркских языках. 7
Саттарова М.Р., Гайфетдинова Р.М. Акустические признаки гласных [а] в татарском и казахском языках в позиции после зубных и увулярных согласных. 24

ЛИТЕРАТУРА

- Юсупова Н.М.* Пример героического подвига: творчество Рахима Саттара. 41
Мифтахутдинова Н.М. Идеино-эстетическая и жанровая специфика рассказов Мухаммеда Идрисова. 55

ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВО

- Исанбет Ю.Н.* Концерты восточной музыки в Париже. 66
Хабутдинов А.Ю. Татарские структуры Сибири начала XX века. 101

КУЛЬТУРА, ЛИЧНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ

- Морозова С.В.* М.И. Идрисов – создатель унифицированного арабского шрифта, изобретатель-полиграфист. 127
Хабутдинова М.М. Татары и русский театр г. Казани XIX в. 139

PERSONALIA

- Закирзянов А.М.* Вкладывая тепло своей души... (к 90-летию Резеды Ганиевой). 155
Салихова А.Р. Театровед удивительной судьбы (к 90 летию со дня рождения Ильтани Иляловой). 164
Сайфулина Ф.С. Известный литературовед Азат Гильмуллович Ахмадуллин. 173

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ.

- Самитова С.Г.* Рецензия на книгу Ильгиза Кадыйрова «Татарские свадебные песни: Сибирский ареал» (Казань, 2021. 188 с.). 182
Юсупова А.Ш. Рецензия на «Толковый словарь татарского языка» (Казань: ИЯЛИ, 2015–2021). 189

НАУЧНАЯ ХРОНИКА ТЮРКСКОГО МИРА

- Прошедшие события II половины 2022 года. 195
Календарь предстоящих событий I половины 2023 года. 207

TATARICA

№ 2(19) / 2022

Дата выхода в свет 19.12.2022.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 25,5.

Тираж 500 экз. Заказ 14/12.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

